

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ
РОССИИ

ВЫПУСК
В2-5

В.И.КОЗЕНКОВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЫТА
КОБАНСКИХ ПЛЕМЕН

ЗАПАДНЫЙ ВАРИАНТ

**АРХЕОЛОГИЯ
РОССИИ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ
РОССИИ**

**ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б.А. РЫБАКОВА**

МОСКВА • 1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.И.КОЗЕНКОВА

**МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЫТА
КОБАНСКИХ ПЛЕМЕН**

ЗАПАДНЫЙ ВАРИАНТ

МОСКВА • 1998

КОЗЕНКОВА В.И.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЫТА КОБАНСКИХ ПЛЕМЕН

(орудия труда, украшения, предметы культа, посуда:

систематизация и хронология).

ЗАПАДНЫЙ ВАРИАНТ

САИ. ВЫП. В2-5. Т. 5. М., 1998 - 200 с.

Монография завершает начатую в 1977 г. научную публикацию древностей кобанской археологической культуры эпохи бронзы - раннего железного века Северного Кавказа. В пятом выпуске Свода археологических источников представлена детальная классификация и хронология предметов домашней утвари, орудий труда, украшений одежды и предметов культа местных племен в западной части ареала кобанской культуры.

Для археологов, этнологов, историков, музейных работников, учащихся ВУЗов и всех интересующихся древнейшей историей и прикладным искусством Кавказа и сопредельных территорий.

Компьютерное макетирование - Т.Я. Валетов

Печатается по постановлению Ученого совета Института археологии
Российской Академии Наук

Рецензенты:

доктор исторических наук М.П. Абрамова,
кандидат исторических наук Т.М. Кузнецова,
кандидат исторических наук В.Г. Петренко

ISBN 5-201-14399-7

© В.И. Козенкова, 1998 г.

ВВЕДЕНИЕ

Представленная монография - последняя из трилогии, посвященной систематизации археологических материалов западной периферии кобанской культуры Северного Кавказа.¹ Она замыкает серию книг по Своду археологических источников двух больших ареалов локальных групп, восточной и западной, на северных склонах Большого Кавказа.

Систематизация, типологическая и хронологическая классификация предметов кобанской культуры, проведенная по единой схеме, несмотря на имевшее место несовершенство выбранной методики, тем не менее позволили провести четкое сравнительное сопоставление удаленных друг от друга памятников родственного характера, выявить конкретную основу их объединения в единую культуру, а также специфику этих групп, объясняемую рядом факторов природного и социального характера.

За почти два десятилетия, прошедшие между публикацией в 1977 году первого тома САИ по кобанской культуре² и этим последним пятым, накопилось много новых данных, обогативших значительно конкретную характеристику памятников и уточнивших их хронологию. Важную роль в этом следует признать за Сводами, служившими своего рода основой, канвой, для заполнения недостающих звеньев в протупавшей общей картине северокавказской древности эпохи поздней бронзы - раннего железного века.

Настоящая книга посвящена бытовой культуре населения кобанской культуры западного варианта. В ней систематизированы изделия, отражающие производственный уровень племен западной группы (орудия труда, украшения, предметы туалета, глиняная и бронзовая посуда).

Систематизация включает типологию, хронологическую классификацию и авторскую интерпретацию изделий. Последняя содержит не только формальную характеристику самих предметов, но и аналитическую информацию о характере и особенностях домашнего производства на западе ареала. Сравнительный анализ и сопоставление с материалами аналогичного характера центрального и восточного вариантов выявили локальное своеобразие предметов, отражающих трудовые навыки и уровень производительных сил населения изучаемой группы.

Систематизированы около десятка тысяч вещей, давших конкретное и всестороннее

представление о типолого-хронологических этапах развития различных изделий бытового характера, использовавшихся западнокобанским населением на протяжении восьми столетий.

Пятый выпуск САИ по кобанской культуре призван по мере возможности дать исчерпывающую информацию об орудиях труда, украшениях, посуде из памятников западного варианта, опубликованных до 1985 года. Однако особо важные свидетельства о находках, характеризующих бытовую культуру, но выявленные позднее указанного срока и опубликованные разными исследователями, включены в той мере, в какой они обнародованы, главным образом как сравнительный материал.

В основу типологии положены традиционные методы морфологии, а для хронологии - сопоставления на основе аналогий. Для детального сравнения изделий одной категории внутри ареала культуры введена сквозная нумерация типов и вариантов, начатая еще при систематизации изделий восточного варианта³. Это позволило наглядно выделить наличие или отсутствие тех или иных модификаций изделий, что особенно важно в таких разделах, как орудия труда, украшения или предметы туалета. В основе выделения типов изделий лежат ведущие признаки формы, а в основе выделения вариантов - некоторые детали формы, орнаментации, иногда и материал, что специально оговаривается.

Хронологически представлены изделия всех трех этапов развития западного варианта кобанской культуры: первого (XII-XI вв. до н.э.), второго (X - середина VII в. до н.э.) и третьего (вторая половина VII - IV в. до н.э.). Количественно по этапам изделия представлены неравноценно: наименьшее их число относится к эпохе поздней бронзы - периоду формирования западного варианта. Больше всего же принадлежит периоду становления и начала железного века. Для самого позднего периода характерно уменьшение количества предметов, но более заметна их серийность и унификация. Особенно в таких категориях, как ножи, пряслица, украшения.

Материалы, характеризующие бытовую культуру западнокобанского населения, неравноценны и по качеству. Но благодаря разработкам последних лет многочисленных специалистов по Кобани и смежным культурам, большинство случайных изделий нахо-

¹ Козенкова В.И., 1989; Козенкова В.И., 1995.

² Козенкова В.И., 1977.

³ Козенкова В.И., 1982.

дят место в типолого-хронологической схеме (например, литейные формы, тесла, пряслица, украшения, металлическая посуда и т.п.).

Текст Свода состоит из разделов, каждый из которых посвящен определенному кругу изделий. Типы и варианты предметов представлены на иллюстративных таблицах, а количественные данные - в специальных таблицах в тексте и трех приложениях. Топография орудий труда представлена на картах.

Иногда в тексте и текстовых таблицах имеются ссылки на Указатель памятников и Список памятников с указанием кода. Оба указателя для удобства пользования книгой приложены к настоящему выпуску.

Упорядоченная система источников по бытовой культуре западного варианта кобанской культуры служит конкретной основой для выводов об особенностях быта и характера домашнего ремесла, сделанных в главах "Поселения" и "Могильники" первого выпуска САИ по западному варианту⁴. В треть-

ем выпуске конкретизированы и детально разобраны особенности изделий, подтверждающие кардинальные выводы об уровне специализации домашнего ремесла, об особенностях приемов древних мастеров, позволявших им при сравнительно простых орудиях труда делать первоклассные вещи, особенно оружие. Выявляется и специфика таких приемов и традиционных производственных секретов.

Именно этот, казалось бы, калейдоскоп конкретных данных в конечном счете складывается в доказательные и фундаментальные выводы о целостности ареала западного варианта кобанской культуры как реально существовавшей исторической категории.

В заключение пользуюсь случаем поблагодарить всех, кто за долгие годы моей работы над Сводом источников по кобанской культуре способствовал изданию книг, которые, надеюсь, будут полезны не только специалистам-кавказоведам, но и всем любителям древнего прикладного искусства.

⁴ Козенкова В.И., 1989, с. 65-69,81.

ОРУДИЯ ТРУДА

Памятники западного варианта кобанской культуры, так же как и восточного, изобилуют орудиями труда. Коллекция из слоев поселений малочисленна в связи с незначительностью раскопанных площадей. Но в могильниках и кладах они составляют заметную долю. Они представлены не менее, чем 18 категориями (ножи, топоры-тесла, иглы, шилья, проколки, втульчатые долота, тесла, мотыги, серпы, песты, зернотерки, терочки, литейные формы, льячки, оселки, пряслица). Некоторые категории, например, стержни из кости и железа, отнесены к орудиям труда условно. То же самое относится и к трубкам-соплам, которые являются лишь деталью, приспособлением к горну при работе с металлом. Орудия труда встречены в памятниках всех трех этапов развития культуры и документируют постепенные изменения в ней от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. На основе типологии и классификации учтенных в данном Своде орудий труда наглядно вырисовывается составная часть экономической базы, разносторонняя производственная деятельность и характер связей кобанской культуры. В особенности связей ее западной периферии с другими группами внутри ареала, а также с сопредельными культурами кавказского региона, иногда весьма удаленными от областей Кавказа. Проясняется специфика хозяйствования, отличающая эту часть общества кобанской культуры от других ее групп. Совокупное рассмотрение материалов дает возможность проследить взаимозависимость морфологических изменений разных типов орудий труда и их хронологию.

Ножи (более 150 экз., из них 13 - бронза, остальные - железные). В основу типологии положены те же признаки, что выделены для предметов восточного варианта¹. Главные из них: степень выгнутой спинки и лезвия, форма черешка и его положение по отношению к лезвию. Среди 123 экземпляров ножей форма которых ясна, выделяются 8 типов (табл. I, 1-32). Типы остальных учтенных экземпляров не определимы из-за фрагментарности. Такими оказались железные ножи из некоторых погребений и из слоя поселения Уллубаганалы 2, погребений Каррасского могильника и ряда других.

В отличие от восточного варианта, среди изучаемых не оказалось ножей VII-VIII типов.

Остальные предметы, вне зависимости от материала (бронза или железо) представлены

в памятниках западного варианта следующими 8 типами.

I тип (14 экз.). Все ножи железные (табл. I, 1-2), в отличие от восточнокобанских, где они представлены только бронзовыми экземплярами. Главные признаки: прямая спинка и прямое лезвие, переходящее в довольно широкий, но слабо выделенный черешок, особенно со стороны спинки. Иногда линия спинки без выгиба плавно переходит в линию черешка (табл. I, 2). Конец лезвия острый и заточен иногда таким образом, что оно становится почти колющим. Размеры ножей: длина 4-12,5 см; ширина 1,2-1,7 см. В эту группу входят ножи из следующих памятников: погребение 5 Белореченского 2 могильника, погребение 19 могильника на Мебельной фабрике в Кисловодске, погребение №18 (1933 г.) Кисловодского могильника на Крестовой и Барановской горках, погребение 2 Султангорского (Узкая балка) 3 могильника, погребения 3, 5, 9-11 Этокского, гробница 4 Каррасского, погребения 4 и 7 Кызылкалинского, гробница 1 (2 шт.) Терезинского могильников.

Наиболее ранними железными ножами I типа были 2 ножа из гробницы I могильника в с. Терезе (табл. I, 1), где они являются единственными железными изделиями среди подавляющей массы бронзовых, типологически весьма архаичных, но не ранее рубежа II-I тысячелетий до н.э. и не позднее первой половины VIII в. до н.э.² Ножи этого типа из перечисленных выше могил Белореченского 2, с Мебельной фабрики, из Султангорского-3 входят в группу западно-кобанских древностей VIII-VII вв. до н.э.³ Количественно преобладали ножи из погребений VI-V вв. до н.э. (Кисловодский, Каррасский, Этокский и Кызылкалинский могильники). Следует особо отметить, что сходство ножей данной группы с однотипными, но бронзовыми ножами из Серженьюртовского поселения восточного варианта в значительной мере формальное, поскольку железные ножи западной группы уже довольно далеко отстоят от первоначальной формы. Последнее, в свою очередь, является лишним подтверждением вывода о ранней хронологии бронзовых ножей из восточного ареала, где-то в пределах конца белозерского - начала черноторовско-камышевахского этапа, если обращаться к периодизации "киммерийских" древностей Северного Причерноморья⁴.

II тип (86 экз., из них 6 - бронза, остальные - железо). Ножи с серповидно изогнутой спинкой и прямым концом лезвия (главные

признаки). Черешок разной длины и ширины хорошо выделен (второстепенный признак). Детальная классификация устанавливается только по 70 экземплярам; остальные ножи имели неполную форму (например, некоторые из могильника Мебельная фабрика и другие). По различиям в степени изогнутости лезвия, в форме и месте выреза при переходе от лезвия к черешку все учтенные серповидные ножи данного типа делятся на 8 вариантов (табл. I, 3-16).

1) лезвие вогнуто лишь слегка, конец прямой, приострен; выемка при переходе от лезвия или от спинки к черешку слабо намечена. Черешок в большинстве случаев короткий, широкий и закруглен на конце (табл. I, 3). Размеры: длина 7,5-10 см; ширина 1,5-2 см. Все 25 ножей этого варианта, за исключением единственного бронзового ножа из Ставропольского погребения (Указ. 204), железные, близки друг другу по очертаниям лезвия, но различаются между собой длиной и шириной черешка (погреб. 1/4 Султангорского 1 могильника, в траншее I, 1974 г.; погреб. 1/4 могильника Индустрия; погреб. из раскопок 1938 г. и погреб. 26 Березовского 1 могильника, погреб. 3/5 Березовского 4 могильника, погреб. 1/4 и 1/7 могильника 2 у Лермонтовской скалы; погреб. 36, 38, 42, 43, 49 могильника Мебельная фабрика, погреб. 1, 2, 12 Исправненского могильника, погреб. 6, 7, 11, 14 (3 ножа), 17 могильника Уллубаганалы 2, погреб. 1928 г. в Камлюко (Каменноостское на Малке, Ставропольское погребение). Ножи данного варианта происходят из могил VIII-VI вв. до н.э. Достаточно надежна датировка второй половиной VIII - началом VII в. до н.э., например, ножа из погребения 26 Березовского 1 могильника, где он находился в комплексе с биметаллическим кинжалом и строгими однокольчатыми удилами с шипами на стержнях. Наиболее ранние из ножей - это бронзовый нож из комплекса VIII в. до н.э. в Ставрополе и железный из погребения 4 могильника 1 Индустрия, в комплексе которого находились бронзовые тесловидные топоры и боевые топоры кобанского типа. Последняя, предложенная В.Б.Виноградовым и С.Л.Дударевым, дата для него (конец VIII - начало VII вв. до н.э.⁵), вполне созвучна соображениям, высказанным ранее и мною⁶. Присутствие в комплексах погребений 1 и 13/2 Исправненского могильника наконечников стрел скифского типа документирует дату ножей из этих могил рубежом VII-VI - первой половиной VI в. до н.э.⁷

2) рабочий край лезвия сильно вогнут, конец его прямой, выемка при переходе от режущей части к черешку близка прямому углу. Со стороны спинки лезвие небольшим

выгибом плавно переходит в черешок (табл. I, 4-5). Размеры: длина 9-10,2 см, ширина лезвия 2-2,2 см. Все ножи, за исключением бронзового ножа из погребения у Красных камней в Кисловодске (табл. I, 4), железные (погреб. 1 Султангорского 3 могильника (1976 г.), погреб. 6 могильника Индустрия (Кабардинская балка), погреб. 16 могильника Уллубангалы 2, гробница I Каррасского могильника (2 ножа), погреб. 4 (табл. I, 5) и 6 Тамгацкского могильника, погребение на Домбайской поляне, Указ. 172/1). Наиболее ранний, не позднее середины VIII в. до н.э., в этой группе - нож из погребения у Красных камней. Он аналогичен многим из известной в настоящее время на территории юго-восточной Европы серии бронзовых ножей конца белозерского и начала черногооровско-камышевахского периодов, т.е. в пределах X - первой половины VIII в. до н.э.⁸ Наиболее поздние, но не позднее VI в. до н.э., - ножи из гробницы I могильника Каррас, датирующиеся предметами скифского типа.

3) по общему абрису близки второму варианту, отличаясь лишь тем, что рабочий край лезвия не вогнут, а прямой (табл. I, 6-8). Со стороны спинки лезвие прямо переходит в черешок, иногда широкий, а чаще приостренный. Размеры: длина 8,5-13,5 см, ширина лезвия 1,5 - 2 см.

Из 16 ножей этого варианта один нож бронзовый, весьма архаичного облика (табл. I, 6), происходит из гробницы 2 Терезинского могильника, где лежал вместе с оселком на самом ее дне⁹. Остальные 15 - железные, датируются по сопутствующим вещам в пределах VIII-VI вв. до н.э. (погреб. 9 Каменноостского могильника (1971 г.); погреб. 5 (по Е.И.Крупнову), 6, 7, 17, 18 Березовского 1 могильника, погреб. 1 Эчкивашского могильника, гробница III Каррасского, погреб. 5 Горно-Джуцкого, погреб. 6, 30, 36 Минералводского, погреб. 2 Кызылкалинского (табл. I, 8) и погреб. 4 (один из 2 ножей) и 7 Тамгацкского могильников). Надежно датируется временем не позднее середины VI в. до н.э. нож из погребения 5 в Горно-Джуцком, найденный вместе с бронзовыми наконечниками скифского типа.

4) режущий край лезвия прямой, переходящий в острый конец; при переходе от лезвия к черешку, как со стороны рабочего края, так и со стороны спинки плавные заметные выемки (табл. I, 9). Из пяти ножей этой немногочисленной группы три ножа бронзовые (Терезе) и два железные (погребение 2 (1948 г.) Каменноостского могильника и нож из Учкеекского кургана). Бронзовые ножи из Терезе найдены в комплексе с

материалами классического кобанского типа X-VIII вв. до н.э., куда входили также и наконечники стрел степного облика, хронология которых устанавливается не позднее середины VIII в. до н.э.¹⁰

5) ножи близки предыдущему варианту, отличаясь лишь сильно вогнутой режущей частью лезвия (табл. I, 10-12). Размеры: длина 8-11,5 см, ширина лезвия 1,5-2 см. Группа из 11 железных ножей происходит из трех могильников (погреб. 3 Терезинского могильника - 9 экз.; погреб. 12 Исправненского могильника и погреб. 27 (табл. I, 11) могильника на Мебельной фабрике в Кисловодске). Надежно датируются по набору оружия и конской сбруи не позднее середины VIII в. до н.э. ножи из Терезе, несколько более поздним временем в пределах конца VIII и начала VII в. до н.э. остальные.

6) ножи железные, близки по очертаниям лезвия третьему варианту. Но отличаются широким и коротким черешком, коленчато выступающим со стороны режущего края лезвия. Таких ножей всего 2: обломок из погреб. 4 Эчкивацкого могильника (табл. I, 14) и целый экземпляр из погреб. 6 Тамгацкого могильника (табл. I, 13). Последний имел длину 10 см и ширину лезвия 1,5 см. Хронология ножей определяется в пределах VIII-VI вв. до н.э.

7) ножи, железные, с серповидным, равномерно изогнутым лезвием, переходящим без выемок в тонкий круглый в сечении черешок. Наибольшая ширина лезвия (1,4 см) приходится на его первую треть. Длина ножа 8 см, диаметр сечения черешка 0,5 см. Учтены два таких ножа: погреб. 3 Терезинского и погреб. 2 (1949 г.) Заюковского могильников. Оба ножа надежно датируются по конской сбруе, оружию, фибуле VIII в. до н.э. (табл. I, 15).

8) в особый вариант выделяется железный нож из подкурганной гробницы середины VI в. до н.э. (по оружию и наконечнику стрелы скифского типа) в Карабашево. Абрисом он близок предыдущему варианту (табл. I, 16), но наибольшая ширина (2 см) приходится на середину лезвия. Длина ножа 12,5 см, диаметр сечения черешка 0,6 см.

Таким образом, второй тип ножей - самая массовая и распространенная форма в памятниках западного варианта. Бронзовые экземпляры его появились в быту населения на первом этапе развития культуры, видимо, в конце II тысячелетия до н.э. В X-IX вв. до н.э., судя по находкам в Терезе, можно полагать, появились первые железные предметы такого типа. В разных модификациях они продолжали бытовать в скифское время и позднее. В отличие от восточной периферии на западе ареала кобанской культуры наблю-

дается значительно большее разнообразие вариантов этого типа. Подтверждается вероятность точки зрения, высказанной в свое время Е.И.Крупновым, относительно местного происхождения железных серповидных ножей от более ранних бронзовых¹¹.

III тип (3 экз., из них 2 - бронзовые, 1 - железо). Ножи с плавно изогнутой серповидной спинкой, переходящей в широкий черешок. Со стороны режущей части лезвия черешок отделен от него едва заметной выемкой. Главный признак этого типа - острый, загнутый в сторону линии спинки, конец лезвия (табл. I, 17-19). Один из бронзовых ножей происходит из Эшкаконского могильника и сохранился полностью. Его длина 11 см, ширина лезвия по центру 2,2 см, ширина плоского черешка 1,4 см (табл. I, 18). От второго бронзового ножа сохранилось только лезвие, но тип достаточно ясен. Длина лезвия 7,2 см, ширина 2 см. На поверхности лезвия в центре две продольные нервюры, сходящиеся в острый угол к концу лезвия, как у некоторых кинжалов кавказского типа (табл. I, 17). Предмет происходит из комплекса погребения 1 Инжиччукунского могильника. Третий экземпляр этого типа, железный, также только лезвие, длиной 7 см и шириной 1,9 см (табл. I, 19), находился в погреб. 13/2 Исправненского могильника.

Оба бронзовых ножа обнаружены в ранних могилах. Комплекс из Эшкаконского могильника по ряду предметов (ранняя форма топоров, серп) отнесен к XII в. до н.э.¹² Самым началом I тысячелетия до н.э. определена дата погребения 1 Инжиччукунского могильника¹³. Однако, не исключена и более ранняя дата. Обойдена вниманием исследователей оказалась такая ранняя деталь, как орнаментация лезвия ножа, совершенно не характерная для ножей Северного Кавказа. В то же самое время ножи с орнаментацией на лезвии весьма обычны для ножей с эпохи ВД и до НаА во многих культурах Центральной Европы, а на ближайшей к Кавказу территории - в Прикарпатье. Близки и пропорции лезвия с характерным загнутым к спинке концом¹⁴. Именно таковы ножи XIII-X вв. до н.э. региона Альп и Карпат. Учитывая наличие ряда элементов западноевропейского происхождения в ранних материалах кобанской культуры (керамика, оружие, украшения)¹⁵, следы соответствия еще в одной категории материальной культуры уже не кажутся случайными. Развитие этого типа в более позднее время документирует железный экземпляр из Исправненского могильника. Датировка комплекса довольно прочно определяется VI в. до н.э. по найденному здесь наконечнику стрелы скифского типа¹⁶. Ближайшей аналогией ножам третьего типа в

сопредельных областях оказался один из ножей архаичного облика из Николаевского могильника¹⁷.

IV тип (1 экз.). Нож, бронзовый, архаического облика, с прямой спинкой лезвия, переходящего в широкий и короткий, закругленный на конце черешок (табл. I, 20). Черешок отделен от лезвия со стороны режущего края коленчатым уступом (главный признак). Сохранившаяся длина 8,5 см, ширина лезвия 1,2 см. Обнаружен в Эшкаконе среди материалов XII-X вв. до н.э. Ближайшая аналогия - бронзовый нож из помещения 5 рубежа II-I тысячелетий до н.э. на Серженьюртовском поселении, где он торчал в стене помещения¹⁸.

V тип (6 экз., из них - 4 бронзовые, 2 - железо). Ножи с прямым лезвием и спинкой. Главный признак: со стороны спинки черешок коленчато изогнут (табл. I, 21-26). По оформлению перехода от лезвия к черешку выделяются *два варианта*.

1) переход от лезвия к черешку со стороны спинки оформлен дуговидной плавной выемкой (вариантный признак). К этому варианту отнесены фрагменты трех бронзовых ножей с плоскими широкими черешками. Два из них происходят из Эшкаконского могильника (табл. I, 22-23) и один - из гробницы 2 Терезинского могильника (табл. I, 21). Облик всех трех предметов архаичен, и они могут быть сопоставлены с однотипными бронзовыми ножами из слоя X-VIII вв. до н.э. Серженьюртовского поселения, где кстати имелась и литейная форма для морфологически близких ножей, свидетельствующая о местном их изготовлении¹⁹. Вероятно, уместно вспомнить о существовании еще одной поразительно близкой аналогии: о литейной форме из клада переходного этапа к раннебелозерскому времени Волошская I, негатив ножа на которой почти идентичен одному из ножей Эшкакона²⁰.

Сохранившаяся длина ножей V типа 5-8,2 см, ширина лезвия 1,5-2 см.

2) переход от лезвия к черешку, кроме дуговидной выемки со стороны спинки, подчеркнут прямоугольной выемкой и со стороны режущей части (табл. I, 24-26). Таковы бронзовый нож из погребения 44 могильника Мебельной фабрики (табл. I, 24) и два железных ножа (находка из случайно разрушенной могилы в Кисловодске (табл. I, 25) и погребение 3 Тамгацикского могильника). Размеры: длина 9,5-12 см, ширина лезвия 1,2-2 см.

Состав комплексов с ножами V типа свидетельствует о развитии этого типа в местных условиях от ранней модификации, представленной в Терезе, к поздней (VI в. до н.э.), изготовленной уже из железа (Тамгацик). Промежуточная форма документирует-

ся бронзовым ножом, еще довольно архаичного облика из погребения 44 могильника на Мебельной фабрике в Кисловодске. Можно согласиться с мнением В.Б.Виноградова и С.Л.Дударева, что погребение это - самое раннее в некрополе (не позднее середины VIII в. до н.э.)²¹. Несколько позднее железный нож из случайного могильного комплекса из окрестностей Кисловодска. Датировка его по наконечникам стрел новочеркасского типа концом VIII - началом VII в. до н.э. вполне вероятна²².

Ножи VI-VIII типов, зафиксированные в памятниках восточного варианта²³, отсутствуют в древностях изучаемой группы кобанской культуры. Возможно, они, являясь плодом индивидуального творчества, отражали лишь местную специфику. Не обнаружены пока на западной периферии культуры и крупные ножи X типа, близкие греческим "махайра". Свообразны, несколько отличны от восточнокобанских, и ножи IX типа.

IX тип (4 экз.). Ножи, железные, с изогнутым серповидным лезвием и выделенным плоским и длинным черешком. Режущий край лезвия слегка вогнут. От ножей второго типа их отличают большие размеры и массивность. Длина 15-20 см, ширина 1,6-2,2 см (табл. I, 27, 28). Все они происходят из могильника конца VII - первой половины VI в. до н.э. Уллубаганалы 2 (погребения 4, 5, 10, 15). Близкие аналогии этому типу имеются в собственно скифских памятниках VI в. до н.э. юго-восточной Европы (хутор Поповка, Старшая могила, Частые курганы), где они доживают до IV в. до н.э.²⁴ Сходство это, видимо, неслучайно. По наблюдениям В.А.Ильинской, памятники этой группы, "начиная с эпохи скифской архаики, обнаруживают тесные связи с Кавказом, и особенно с Прикубаньем"²⁵. Реальность этого наблюдения подкрепляется еще одним типом железных ножей (XI тип) в изучаемом районе.

XI тип (5 экз., из них 2 - бронзовые, 2 - железо). Ножи с выгнутым, как у бритвы, лезвием, переходящим в довольно широкий черешок. Со стороны спинки линия лезвия продолжает линию черешка, а со стороны режущей части оно отделено от черешка глубокой выемкой, под прямым углом. Конец лезвия там, где он сохранился, острый. Длина 4,5-11 см, ширина лезвия 1-1,8 см (табл. I, 29-31). Полностью сохранились 2 бронзовых экземпляра (могильник Сосновая горка в Кисловодске²⁶ и Заюковский I могильник). Почти целый железный небольшой нож с бритвообразным лезвием происходит из погребения 3 Березовского 4 могильника (раскопки 1966 г.) и фрагмент с таким же лезвием из погребения 7 Тамгацик-

Таблица А

Соотношение типов ножей

ТИПЫ	I	II	III	IV	V	VI-VIII	IX	X	XI	XII	неопределенн.
ЧИСЛО	14	86	3	1	6	нет	4	нет	5	4	27
100%	9,3	57,3	2	0,7	4		2,7		3,3	2,7	18

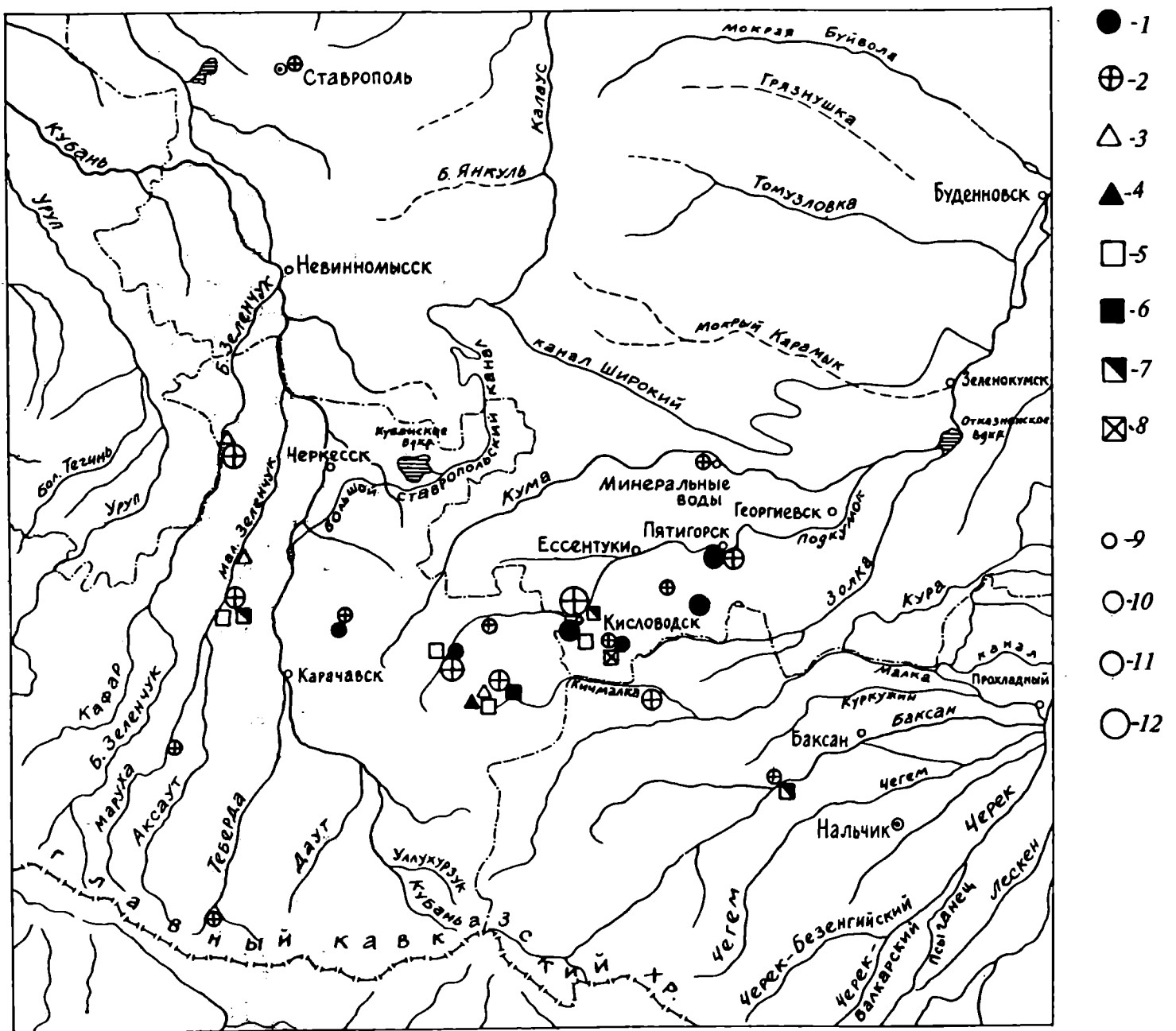

Рис. 1. Карта распределения разных типов ножей в ареале западного варианта кобанской культуры
 1 - I тип; 2 - II тип; 3 - III тип; 4 - IV тип; 5 - V тип; 6 - IX тип; 7 - XI тип; 8 - XII тип;
 9 - 1-3 экз.; 10 - 5-8 экз.; 11 - более 10 экз.; 12 - более 20 экз.

ского могильника. Аналогии бронзовому, весьма архаичного облика, ножу из Сосновогорского могильника в местных памятниках нам не известны, но они имели место в памятниках сабагиновско-белозерского времени Северного Причерноморья и в Подунавье (ножи с выгнутообушковым лезвием Н-2, по Е.Н.Черных²⁷). На Северном Кавказе железные экземпляры продолжали бытовать до скифского периода.

ХII тип (4 экз.). Ножи, железные, однолезвийные, в виде массивных прямых полос. Лезвие переходит в черешок без заметных выемок. Черешок широкий, прямоугольный в сечении, заканчивается кольцом на конце. Длина ножей 26-28 см, ширина 2 см (табл. I, 32). Форма единична и встречена только в одном памятнике, в погребениях 6 и 7 Султангорского (Южного) I могильника (траншея II). Как правильно подметили В.Б.Виноградов и А.П.Рунич, такие ножи находили в комплексах попарно. Аналогии им, также как и ножам IX типа, известны в погребениях скифосавроматского круга, главным образом VI в. до н.э.²⁸ Обоснованное мнение о ритуальном характере ножей XII типа можно подкрепить дополнительно тем аргументом, что в погребении 6 присутствовал также небольшой жертвенник, сложенный рядом с покойником из трех каменных плиток.

Итак, бронзовые и железные ножи - самое типичное орудие труда в ареале западного варианта (рис. 1, карта). Обилие, разнообразие типов (таблица А) и вариантов свидетельствует об их использовании в хозяйстве на протяжении длительного времени.

В то же время отсутствие строгой унификации ножей при таком их обилии свидетельствует скорее всего об отсутствии стандартизации изделий, характерной для высокоразвитых в социальном отношении сообществ. О размещении ножей в могилах мы уже специально писали при характеристике погребального обряда и обычаев западнокобанского населения²⁹. Здесь же напомним еще раз, что там, где удалось это проследить, ножи находились в погребениях главным образом в области пояса, довольно часто вместе с точильными камнями. Иногда ножи были положены около рук (погреб. 3 могильника Мебельная фабрика; погреб. 3 1946 г. Березовского I могильника; погреб. 9 Этокского могильника; погреб. 6 Минералводского могильника). В большинстве погребений могильника Уллубаганалы 2 ножи лежали рядом с жертвенной пищей - куском баранины.

Несомненно, что первоначально все ножи имели рукоятки из дерева или кости, так как отпечатки их сохранились на черешках большинства предметов. Но эпизодически

попадались и ножи с рукоятками. Два таких ножа с костяными орнаментированными рукоятками обнаружены в могильнике Уллубаганалы 2. Особенно парадно смотрится нож (рис. 2) из погребения 7, костяная полированная рукоятка которого была покрыта тонким изящным орнаментом из стилизованных грифонных головок³⁰. Подобная орнаментация известна на роговых поделках из Кармирблур, население которого имело довольно ранние контакты со скифским окружением Северного Кавказа³¹. В погребении 4 Тамгацикского могильника обнаружена бронзовая ажурная обойма от рукоятки ножа. Она уплощенно-овальная, длиной 3 см, шириной 1,5 см и толщиной 0,7 см (табл. III, 18).

В отличие от восточной группы, в изучаемых памятниках не встречены оковки ножен для ножей, что, видимо, являлось специфической местной формы футляра без применения отделки каким-либо металлом.

Серия железных ножей VI-V в. до н.э. из памятников изучаемого ареала была подвергнута Н.Н.Тереховой специальному металлографическому изучению. Исследовательницей отмечено большое разнообразие технологических приемов в изготовлении металла и закалке ножей из могильников. Выявлена тенденция сознательного получения предметов с определенными техническими характеристиками, в зависимости от применения той или иной конструкции орудия³². Картографирование типов ножей не выявило какой-либо закономерности в распределении их в изучаемом районе.

Топоры-тесла (18 экз.). Бронзовые тесловидные топоры - заметная группа орудий труда среди остальных не только на изучаемой территории, но и по сравнению с другими районами распространения кобанской культуры. Они обнаружены главным образом в воинских погребениях, но входили также в составы кладов литейщиков, а изредка попадались и в слоях поселений. Из учтенных 18 топоров-тесел в настоящее время реально имеются в наличии только 13. Орудия эти, несомненно, продукция местных металлообрабатывающих мастерских, о чем свидетельствует находка в районе станицы Эссентукской литейной формы для таких тесловидных топоров (см. ниже). В отличие от восточной группы³³, выделяются не два, а три типа таких орудий.

I тип (3 экз.). Топоры-тесла с узким обухом, удлиненно трапециевидные. Лезвие закруглено. Поперечное сечение прямоугольное. Размеры: длина 12,5-20,5 см, ширина лезвия 4,5-5,5 см, толщина 0,8 см (табл. II, 1-3). Одно тесло происходит из слоя Светло-

Рис. 2. Погребение 7, могильник Улубаганалы-2. Железный нож.

водского поселения, остальные - из Бекешевского и Боргустанского кладов. Самыми ранними были, видимо, последние два, поскольку входили в состав кладов с ранним типом кобанских топоров и кельтами белозерского времени. Е.Н.Черных относил северокавказские тесла к типу Т-8 и, отмечая на территории Поднепровья для них литейные формы (Ульяновка, Деревянное, Малые Копани, Голоуровка и др.), считал, что они редко встречаются за пределами указанного района³⁴. Сейчас можно с уверенностью говорить об их обычности и на Северном Кавказе (около десятка только в ареале кобанской культуры)³⁵.

II тип (2 экз.). Топоры-тесла удлиненно-трапециевидной формы с двумя остроугольными выступами-плечиками и закругленным лезвием. Поперечное сечение прямоугольное. Размеры: длина 15-20,5 см, ширина лезвия 5-5,2 см (табл. II, 4-5). Один из топоров-тесел находился в составе Боргустанского клада (табл. II, 4) и датируется не ранее рубежа II-I тысячелетий до н.э. Второй - комплексная находка в погребении 3 Березовского 1 могильника (раскопки Н.М.Егорова 1946 г.). Датировка погребения по остальным вещам в пределах первой половины VII в. до н.э. (биметаллический кинжал, железный наконечник копья и т.д.). Ближайшие аналогии теслам-топорам в Серженьюртовском комплексе.

III тип (6 экз.). Топоры-тесла с тупоугольными выступами-плечиками, сильно вогнутыми боковыми гранями и широким закругленным лезвием. Размеры: длина 17,5-18 см, ширина лезвия 5-7,5 см (табл. II, 6-9). В отличие от двух остальных типов тесловидные топоры третьего типа отливались в двусторчатых формах, о чем свидетельствуют четкие следы на боковых гранях. Все учтенные находки происходят из могильных комплексов (Эшкаконский могильник, погреб. 3 (1882 г.) на Константиновском плато близ Пятигорска, погреб. 4 могильника Индустрия (2 экз.), погреб. 3 Терезинского могильника, разрушенное погребение в окрестностях селения Хабаз).

Наиболее архаичными, в пределах последней четверти XIII-XII в. до н.э., справедливо признаются тесловидные топоры из Эшкаконского могильника и из погребения 3 на Константиновском плато³⁶. Типологически очень близок к нему и экземпляр из Хабазы³⁷, что видимо, может свидетельствовать об их относительной одновременности. Более поздними, но не позднее VIII в. до н.э., являлись тесла-топоры из Индустрийного (табл. II, 8) и Терезинского (табл. II, 9) могильников, отличающиеся поразительным

морфологическим сходством между собой в мельчайших деталях.

Таким образом, в ареале западного варианта мы наблюдаем встречу всех трех известных в разных культурах эпохи бронзы топоров-тесел. Первый тип имеет глубокие истоки на Кавказе, что отмечалось многими исследователями. Второй тип появился в эпоху поздней бронзы, возможно в Средиземноморье (известна литейная форма в Трое), достиг и Кавказа. Третий тип характерен для памятников эпохи поздней бронзы конца II - начала I тысячелетия до н.э. Закавказья. Однако, полной идентичности между колхидскими и западнокобанскими экземплярами все же нет³⁸. В свое время Е.И.Крупнов, располагая малыми данными, не считал возможным относить тесловидные топоры к предметам кобанской культуры. Основным аргументом, приведенным исследователем, было полное отсутствие топоров-тесел в "научно добытых комплексах кобанской культуры"³⁹. Сейчас эта точка зрения должна быть скорректирована с учетом новых фактов. Тесловидные топоры найдены не в одном, а ряде безупречных комплексов кобанской культуры; найдена литейная форма, свидетельствующая о местном производстве. Отмечена устойчивость сопряжения их в могилах воинов с оружием, что позволяет считать их обычными для культуры предметами, хотя и не часто встречающимися. Косвенным подтверждением этому служат зафиксированные факты сакрализации таких предметов не позднее начала VIII века до н.э. Именно такие сакральные миниатюрные привески-тесла II типа обнаружены в Верхнебаксанском кладе рубежа II-I тыс. - начала I тыс. до н.э., а также в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (см. ниже тип XXXVI). Полагаем, что к периоду расцвета кобанской культуры по всей зоне ее распространения в форме тесловидных топоров отчетливо прослеживаются вехи вполне самостоятельного развития. Они могут быть включены в данный Свод без каких-либо натяжек, как один из компонентов кобанской культуры.

Иглы (более 30 экз., из них 1 - костяная, 1 - железная, остальные - бронза). Иглы разного размера и толщины найдены в 14 комплексах погребений. Все металлические иглы кованые. Большинство крупные, длиной 10-11 см, но имелось и несколько коротких (табл. III, 1-9). Форма ушка различная. Выделяются иглы с овальным ушком, пробитым в уплощенной головке (табл. III, 3-5, 8, 9). Таковы иглы из погреб. 2 могильника 2 Лермонтовская скала, из погреб. 1, 32, 33 могильника Мебельная

фабрика, из погребения, раскопанного случайно в 1947 г. на Березовском 1 могильнике (табл. III, 4), из погреб. 5 Султангорского 1 (Южного) могильника. В последнем обнаружена и единственная пока в кобанских древностях железная игла (табл. III, 9).

Две иглы из разрушенных погребений могильника 2 у Лермонтовской скалы имели ушко, удлиненное, с петелькой, изготовленной ковкой (табл. III, 6, 7). Они аналогичны некоторым бронзовым иглам из Серженьюртовского поселения⁴⁰.

Особо следует отметить бронзовую, длиной 9 см, иглу из погреб. 9 Инжиччукунского могильника. Она имела ушко в виде овальной петельки из тонко раскованного конца, плотно обвитого вокруг стержня иглы (табл. III, 1). Этот своеобразный прием в изготовлении игл обращает на себя внимание в связи с тем, что единственная известная аналогия ему обнаружена в кладе XIII-XII вв. до н.э. в Трансильвании. Клад из Балени⁴¹, где имелась точно такая же иголка, содержал и другие предметы, находящиеся параллели в раннекобанских комплексах (дважды изогнутые височные подвески, характерные крестовидные пуговицы). В определенной мере это может служить свидетельством ранней даты погребения 9.

К ранним экземплярам относились и бронзовые иглы из погреб. 19 и 44 Агачевского могильника (Кисловодское искусственное озеро). Самая многочисленная группа (не менее 20 штук) происходит из погребений VIII-VII вв. до н.э. (погреб. 4 (1938), а также погреб., раскопанное в 1947 году, погреб. 9 (1962) Березовского 1 могильника; погреб. 1, 3, 7, 8, 30, 32, 33 и 2 случайные находки на могильнике Мебельная фабрика в Кисловодске; погреб. 2 и 4 Березовского 4 могильника; погреб. 3 и два экземпляра из разрушенных погребений могильника 2 у Лермонтовской скалы; погреб. 8 (1949 г.) Каменноостовского могильника, погреб. 26 Белореченского 2 могильника; погреб. 5 и 8 могильника Индустрия (Кабардинская балка)).

К VI-V вв. до н.э. относились иглы, также главным образом бронзовые, в погребениях Минералводского, в погреб. 4 Клинярского 2 могильников; в вышеупомянутом погреб. 5 Султангорского 1 (Южного) могильника: бронзовый и железный экземпляры. Примерно этим же временем, видимо, датировалась единственная костяная игла, входившая в комплекс с роговым двудырчатым псалием, двумя пестами и костяным пряслицем. Она происходит из случайно раскопанного погребения вблизи Кольца-горы в Кисловодске (Указ., 101/3). Близкие роговые и костяные двудырчатые псалии имелись в савроматских

погребениях VI-V вв. до н.э. в Поволжье⁴². Как известно, такая же костяная игла, но более ранняя по времени, найдена в слое Серженьюртовского поселения.

Хотя, как можно понять из вышеперечисленного перечня, найденные иглы происходят из разновременных погребений, однако все они одинаковы морфологически. Как правило, в одном (женском) погребении находили всегда одну иглу.

Шилья (35 экз., из них 12 - бронза, 22 - железо). Типология шильев разработана для кобанской культуры на основе массовых находок на территории восточного варианта⁴³. Считаем возможным использовать ее и при систематизации находок данной категории в ареале западной группы, что позволит более тщательно сопоставить между собой материалы обеих групп (табл. III, 10-17).

На изучаемой территории шилья учтены в 19 памятниках: в слоях трех поселений, в одном кладе и в погребениях 15 могильников. Не все из 35 учтенных в Своде памятников предметы оказались из-за фрагментарности пригодными для типологии, например, одно из шильев из гробницы 1 Терезинского могильника, обломки бронзовых шильев из Березовского 1 могильника и могильника Лермонтовская скала 2 (погреб. 1), обломки железных шильев из погреб. 12 Исправненского могильника, погреб. 17 могильника Уллубаганалы 2 и три обломка железных шильев из слоя VII-V вв. до н.э. одноименного поселения.

Остальные 26 распределились типологически следующим образом.

I тип (15 экз., из них 5 - бронза, 10 - железо). Шилья веретенообразные с двусторонне заостренными концами. Поперечное сечение по центру стержня квадратной, прямоугольной или ромбической формы. Длина шильев 6-9,2 см, ширина 0,3-0,5 см (табл. III, 10-11). Преобладают шилья прямоугольные в сечении. Исключением было ромбическое в сечении бронзовое шило из слоя Аlikоновского поселения. Бронзовые шилья найдены в комплексе вещей гробницы 1 Терезинского могильника, два бронзовых экземпляра находились в составе Муштского клада из Долины нарзанов (Указ., 24), одно (бронза) обнаружено в комплексе погреб. 1 (В.В.Бобин, 1946 г.) Кисловодского могильника на Крестовой и Барановской горках. Наиболее ранним среди бронзовых было шило из Терезе, поскольку гробница 1, как отмечалось выше, содержала материалы X - первой половины VIII в. до н.э. К VIII-VI вв. до н.э. относились остальные, главным образом железные, экземпляры.

Железные шилья первого типа, все прямоугольные в сечении, происходят из погреб. 3 (1938 г.) и погреб. 3 (1946 г.) Березовского 1 могильника (табл. III, 11), из случайно разрушенного в 1978 г. каменного ящика VIII-VII вв. до н.э. на территории Кисловодского комбината стройизделий⁴⁴, из погреб. 28 могильника Мебельная фабрика (одно из 2 найденных здесь шильев), датирующееся по биметаллическому кинжалу не позднее середины VIII в. до н.э.⁴⁵, а скорее всего первой половиной I тыс. до н.э. Великолепное железное шило имело место также в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (табл. III, 10). К VI-V вв. до н.э. относились железные шилья из погреб. 7 Кызылкалинского могильника, из погреб. 4 и 7 Тамгацкского могильника. Видимо, к этому же времени относилось железное шило с остатками костяной рукоятки из случайно раскопанной могилы с южной стороны скалы "Замок" близ Кисловодска в 1963 г. (Указ., 67). Самым поздним, судя по сопутствующим находкам V в. до н.э., был железный экземпляр шила из погребения 16 Минераловодского могильника.

II тип (5 экз., из них 1 - бронза, остальные - железо). Второй тип объединяет шилья в виде стержня с двусторонне заостренными концами и заметным расширением в средней части, что придает предмету вид сильно растянутого ромба. Поперечное сечение стержня квадратное или прямоугольное, а на концах круглое. Длина шильев 6-8 см, ширина 0,5-0,8 см (табл. III, 12-13). Учтенные шилья изучаемой группы относились ко *второму* выделенному нами *варианту*, т.е. имели наиболее широкую часть стержня, сдвинутой к одному из концов, а не точно по центру⁴⁶. Наиболее раннее (не позднее начала VIII в. до н.э.) и единственное в этой группе бронзовое шило происходит гробницы 1 Терезинского могильника (табл. III, 12). Очень близкое по форме, но железное шило имело место в погреб. 2 Султангорского 3 могильника (Узкая балка). К этому же варианту относилось второе железное шило из погреб. 28 могильника Мебельная фабрика. Дата их определяется по другим предметам в пределах VIII - начала VII в. до н.э. Самыми поздними (VII-VI вв. до н.э.) были предметы из слоя поселения "Провал" близ Пятигорска (табл. III, 13) и из погреб. 2 Этокского могильника.

III тип (6 экз., из них 3 - бронза и 3 - железо). Шилья в виде стержня с односторонне заостренным концом. Все шилья этого типа относились ко *второму варианту* нашей классификации⁴⁷, т.е. имели тупой черешок (табл. III, 14, 15, 17). Длина шильев 5-6 см.

Выделяется лишь одно длинное бронзовое шило (из гробн. 2 в Терезе) с бронзовой же подпрямоугольной рукояткой, рабочий конец которого имел длину 9,5 см (табл. III, 14). Два других бронзовых шила происходят из погреб. 3 Султангорского (Южного) 1 могильника (траншея I) и из погреб. 4 могильника Лермонтовская скала 2. Последнее шило примечательно еще и тем, что оно единственное, среди учтенных в достоверном комплексе, сохранилось вместе с роговой рукояткой (табл. III, 15). Длина его 11 см, диаметр рукоятки 1,2 см. О том, что первоначально шилья имели роговые рукоятки, свидетельствует находка такой рукоятки в погребении 1 Исправненского могильника (табл. III, 16). Железные экземпляры шильев третьего типа представлены в могильных комплексах VIII-VII вв. до н.э. (погреб. 26 Березовского 1 могильника, погреб. 4 могильника Индустрия (Узкая балка, 1971 г.) и в погреб. 43 могильника Мебельная фабрика в Кисловодске).

Наиболее архаичны бронзовые шилья из гробн. 2 Терезинского могильника (табл. III, 14, 17), все остальные относились к предскифскому времени.

Такими все типы шильев сосуществуют на протяжении длительного периода. На раннем этапе развития культуры западного варианта использовались бронзовые шилья, морфологически весьма близкие восточнокобанским. Но, в отличие от восточной периферии, среди учтенных не зафиксированы костяные шилья. В целом подтверждается наблюдение относительно постепенной смены бронзовых шильев на железные где-то с середины - второй половины VIII в. до н.э., но главным образом в первой половине VII в. до н.э.

Проколки (7 экз.), костяные. Встречены только в слоях поселений, но в отличие от памятников восточного варианта лишь эпизодически. Даже в слое достаточно широко раскопанного поселения Уллубаганалы 2 они - редкое явление. Возможно, в дальнейшем изучение мест обитания населения (селищ и поселений) изменит картину, но пока можно констатировать единичность этих предметов на столь обширной территории. Среди учтенных экземпляров представлены I и III типы проколки моей классификации.

I тип (2 экз.). Проколки из мелких берцовых костей свиньи (табл. III, 19, 20). Они обнаружены в слое VIII-VII вв. до н.э. Хумаринского городища (табл. III, 19) и в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (табл. III, 20). Возможно, о костяной булавке такого типа упоминал Д.Я.Самоковасов, описывая свои раскопки поселения в урочище

“Берег” на восточном склоне горы Машук (Указ., 131).

III тип (5 экз.). Проколки из продольных сколов трубчатых костей животных. Конец тщательно заострен (табл. III, 21-22). Встречены в слое поселения Уллубаганалы 2, Хумаринского городища (слой кобанской культуры) и поселения Подкумский мост.

Долота (3 экз., из них 2 - бронза, 1 - роговое). В основу типологии положена общая форма и в особенности строение рабочего конца (табл. III, 23; IV, 1-2). Также как и в восточной группе выделяются две группы: из бронзы и роговые.

I группа.

Бронзовые долота. Представлены двумя типами моей классификации⁴⁸.

I тип (1 экз.). Втульчатое массивное желобчатое долото из бронзы (табл. IV, 1). Происходит из слоя II - начала I тыс. до н.э. самого западного, пограничного поселения кобанской культуры “Заслонка” (Указ., 202/1). Долото литое, втулка в сечении овальная, с утолщенным валиком по краю. Рабочий конец в сечении криволезвийный, полукруглый. С лицевой стороны у края втулки долото украшено двумя рельефными, вписанными друг в друга углами, опущенными вершинами вниз. Размеры: длина 14 см, ширина рабочего конца 2,5 см; объем втулки по внешнему контуру 3,5×4,5 см. Типологически орудие находит самые близкие аналогии в материалах эпохи поздней бронзы юго-восточной Европы, в особенности Северного Причерноморья. Это и готовые изделия, и литейные формы для них, которые довольно единодушно относятся исследователями данных памятников к сабастиновскому и раннебелозерскому этапам развития срубной культуры⁴⁹. О ранней дате свидетельствует и орнамент, близко перекликающийся с орнаментом на долотах этого же периода и напоминающий, по мнению В.С.Бочкарева и А.М.Лескова, орнамент на древних долотах Семиградья⁵⁰. Долоту из Заслонкинского поселения в ареале кобанской культуры имеются параллели и в Серженюртовском могильнике (особенно близок экземпляр из могилы 42). Но по типологическим признакам они представляют местный, более поздний вариант данного изделия, скорее всего связанного по происхождению со степными северопричерноморскими образцами XIII-XI вв. до н.э., поскольку с экземплярами из Закавказья сходство значительно меньшее.

II тип (1 экз.). Обломок узкого бронзового долота с оплавленным прямолезвийным

концом (табл. III, 23). Поперечное сечение прямоугольное. Сохранившаяся длина 6,2 см, ширина рабочего конца 1,7 см. Предмет обнаружен в гробнице 2 Терезинского могильника в комплексе с наиболее ранними предметами кобанского типа. Точные аналогии неизвестны.

Упоминание о находке близ Пятигорска бронзового долота, к сожалению, неизвестного типа, имеется в Каталоге XVI Археологического съезда. Оно найдено В.Р.Апухтиным при раскопках на территории Второ-Афонского монастыря (Указ., 121/2).

II группа.

Роговые долота. Представлена одним экземпляром из слоя VI в. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (помещение 4). Долото выдолблено из рога крупного животного и по деталям формы является поздней реминисценцией втульчатых металлических долот. Около овальной втулки два отверстия для закрепления рукоятки. Рабочий конец закруглен. Прямое утолщенное лезвие имеет следы сработанности. Длина долота 11 см, ширина рабочего края 3 см, объем втулки по внешнему контуру 2,5×2 см (табл. IV, 2). Точные аналогии неизвестны.

Тесло, миниатюрное бронзовое. Форма подтреугольно-вытянутая (табл. III, 24). Лезвие прямое, имеет слегка закругленный контур. Противоположный конец приострен и круглый в сечении. Видимо, первоначально он служил насадом для рукоятки. По центру сечение тесла близко ромбу. Размеры: длина 6,2 см, ширина лезвия 0,9 см. Тесло находилось в комплексе с кобанскими предметами X-VIII в. до н.э. в гробнице 1 Терезинского могильника. В ареале кобанской культуры ближайшей аналогией этому теслу было такое же миниатюрное бронзовое тесло из погребения 42 Серженьюртовского могильника⁵¹, но хронологически оно несколько более позднее, чем терезинское. Аналогичные миниатюрные тесла засвидетельствованы в ряде памятников конца II тысячелетия, близких сабашиновским, в Карпатском регионе. Например, миниатюрные бронзовые тесла из слоя зольника у селения Гиндешты в Молдавии, которые А.И.Мелюкова связала с культурой Ноа. Любопытно отметить, что уже тогда, еще не располагая прямыми аналогиями, исследовательница, интуитивно угадывая общее правильное направление связей, привела в качестве аналогий ноасским миниатюрным теслам бронзовые "кобанские сечки"⁵², хотя молдавские, конечно, представляют по назначению совершенно особую категорию орудий труда, на Северном Кавказе не встреченную.

Мотыги (5 экз., из них 4 - бронза, 1 - железо). Орудия в виде плоских пластин с закругленным рабочим краем и круглой втулкой для насада рукоятки на противоположном конце. Втулка расположена вертикально по отношению к плоскости (табл. IV, 3-5). Длина бронзовых мотыг 11 см, диаметр втулки по внутреннему краю 2,2-2,5 см, высота втулки 1,6 см. Они происходят из двух памятников. 3 мотыги одной разновидности найдены в слое X-VIII в. до н.э. поселения Уллубаганалы (табл. IV, 3), и обломок еще одной (табл. IV, 4), видимо такого же типа, но другой разновидности, обнаружен в окрестностях Пятигорска еще в начале XX в. (коллекция В.Р.Апухтина). Такого же типа и единственная железная мотыга, несколько видоизмененной формы, но близких очертаний (табл. IV, 5). Длина ее примерно 12 см, диаметр втулки около 3 см, рабочая плоскость более узкая, чем у бронзовых, подпрямоугольная, шириной 2,5-3 см. Мотыга найдена в слое помещения VII-VI вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2. При отсутствии полного детального сходства, все же наиболее узнаваемые аналогии всей группе мотыг находятся в ареале колхидской культуры Закавказья, откуда бесспорно население западного варианта заимствовало это орудие труда. Причем наибольшее сходство обнаруживают с найденными на изучаемой территории те, что имелись в памятниках, преимущественно вкладах, конца II - начала I тыс. до н.э., ближайших к территории западного варианта. Это экземпляры из высокогорной Сванетии⁵³, со среднего и нижнего течения реки Ингури⁵⁴, с территории Абхазии⁵⁵. Такого вида мотыги, по мнению Б.А.Куфтина, предназначались для прополки полей местного итальянского проса "гоми" (*Setaria italica maxima* Alf.)⁵⁶. Вторая разновидность мотыги (как из коллекции В.Р.Апухтина) связана была, как полагал Б.А.Куфтин, с обработкой садово-полевых культур⁵⁷.

Признавая, что мотыги колхидской культуры не характерны для кобанских памятников, считаем возможным включить их в Свод, как редкое, но выразительное и достоверное свидетельство связи населения двух родственных культур в определенный исторический период. Эти предметы более рельефно оттеняют специфику данной группы, что также немаловажно для воссоздания общей картины культурных контактов.

Серпы (23 экз.). Характерной особенностью культуры носителей западного варианта кобанской культуры были бронзовые серпы (табл. V, 1-9). Факты свидетельствуют о бесспорном их преимуществе здесь по сравнению с остальными жавенными орудиями

труда, известными в других частях зоны расселения “древних кобанцев”.

Сводка и первоначальное исследование серпов впервые были проделаны со всей тщательностью А.А.Иессеном⁵⁸. На основе имевшихся в его распоряжении археологических свидетельств он отнес эти серпы к особой категории Прикубанского очага металлургии и металлообработки. Классификация проведена в зависимости от некоторых деталей формы. По подсчетам А.А.Иессена, в ареале Прикубанского очага было обнаружено 107 серпов, главным образом в кладах. Но реально ему были известны всего лишь 25 экземпляров на обширной территории установленной им зоны от Пятигорья и практически по всему бассейну Кубани, вплоть до Азовского и Черного морей⁵⁹. Создавая классификацию этих серпов, А.А.Иессен весьма пессимистично относился к возможности использования ее “для каких-либо выводов об их хронологической или территориальной группировке”⁶⁰.

В настоящее время, в связи с выявлением ряда новых комплексных находок по кобанской культуре вообще и уточнению границ ареала ее западной группы в частности⁶¹, отдельные выводы, касающиеся серпов, подлежат корректировке. Сейчас достоверно, что подавляющее количество известных реально находок бронзовых серпов связано с западной частью ареала кобанской культуры. Они обнаружены здесь в 17 пунктах и насчитывают 24 экземпляра. Кроме того, в связи с находкой литейной формы в слое Бамутского поселения стало ясно, что местное их изготовление было налажено не только в Прикубанье, как считал А.А.Иессен, но и в более восточной области Северного Кавказа. Такие серпы отливались и в металлообрабатывающих мастерских центральной части ареала (Фаскау, Змейское поселение)⁶².

В Закавказье серпы, близкие северокавказским, пока известны в 2-х пунктах. Незаслуженно остался без внимания клад XII-XI в. до н.э. из Зенети (1926 г.), содержащий обломок серпа с коленчатым переходом от спинки к рукоятке⁶³. Особая важность его в том, что он включал две находки, также имеющие место в западнокобанских материалах: мотыжку, близкую той, что обнаружена в собрании В.Р.Апухтина, и обломок кинжала, аналогичного найденным в ст. Удобной.

Второй пункт находки серпов, почти тождественных серпам из Удобной и Теберды - Сванетия (случайные находки в окрестностях сел. Ужули)⁶⁴.

Новые данные, и вместе с ними новый взгляд, появились относительно хронологической группировки серпов. В связи со спе-

циальным углубленным изучением и упорядочением кладов металлургов (литейных форм и готовых изделий) Северного Причерноморья (А.М.Лесков, В.С.Бочкарев, Е.Н.Черных, И.Т.Черняков и др.), а также с открытием таких кардинально важных для хронологии источников, как Таманский и Констанцевский клады⁶⁵, в составе которых оказались серпы, аналогичные серпам из курганов станицы Удобной и из погребения на горе Бык, значительно прояснилось хронологическое соотношение двух выделенных А.А.Иессеном групп бронзовых серпов “прикубанского типа”. Что особенно важно, так это факт синхронизации без особых натяжек северокавказских находок ареала кобанской культуры с однородными древностями Северного Причерноморья и Средней Европы.

По-прежнему остаются незыблемыми основания выделения двух групп и заключения А.А.Иессена об одновременном формировании серпов обеих групп в местных условиях на основе типа серпов станицы Костромской где-то в третьей четверти II тысячелетия до н.э. Какое-то время, видимо, совпадавшее с позднесабадиновским и раннебелозерским периодом, они использовались мастерами-литейщиками параллельно⁶⁶, но до начала I тысячелетия до н.э. (синхронного заключительной фазе белозерского этапа) дожили только серпы I группы.

Остановимся более детально на типологии и хронологической классификации бронзовых серпов применительно к изучаемой территории. В основе типологии мною сохранены существенные для классификации признаки, предложенные А.А.Иессеном: степень кривизны спинки и место литка. На основе их выделяются два типа, по сути тождественные двум намеченным А.А.Иессеном группам бронзовых серпов Прикубанского металлообрабатывающего очага⁶⁷.

I тип (по А.А.Иессену - 2 группа). Серпы равномерно и сильно изогнутые. Дугообразная спинка плавно переходит в крючок для закрепления рукоятки. Место вливания металла или посередине наибольшего выгиба спинки, или не отмечено вовсе (табл. V, 1-3). Серпы отлиты в одностворчатой форме. Длина их различна, но в среднем от конца лезвия до конца крючка по хорде 20-21 см, ширина лезвия 3,5-4 см. К первому типу относились 7 серпов из следующих памятников: погреб. 3 на Константиновском плато вблизи Пятигорска (раскопки А.С.Уварова 1882 г.), погреб. в курганах 1 и 2 близ станицы Удобной (табл. V, 2-3), бескурганное погреб. близ Новоивановского, находки 1914 г. (табл. V, 1), погреб. близ Пятигорска (собрание В.Р.Апухтина), случайная находка в

1966 году у селения Птичьё, в 17 км к северу от г. Изобильного⁶⁸. В этой группе относительно наиболее ранним следует считать серп из собрания В.Р.Апухтина, поскольку, по справедливому наблюдению А.А.Иессена, он еще близок к серпу из Костромского клада⁶⁹. Весьма близки между собой и морфологически, и, видимо, по времени изготовления серпы из погребения 3 на Константиновском плато, двух курганов станицы Удобной и находка близ Птичьёго. Первые два памятника постоянно рассматриваются в контексте с материалами Северного Причерноморья и Предкавказья (по Е.Н.Черных это тип С-22), датирующимися разными исследователями или XV/XIV-XII в. до н.э. (А.М.Лесков, Е.Н.Черных) или концом XIII-XII в. до н.э. (В.А.Сафронов)⁷⁰. По моему мнению, эти погребения, а вместе с ними и входящие в их комплексы серпы, надежнее всего следует датировать самым началом XII в. до н.э., поскольку в них уже присутствуют предметы (оружие, украшения) кобанского облика. К этому же времени, видимо, относился и серп из клада 1898 г. из Теберды, близкий серпам Коблевского клада, датирующегося сабашиновским временем⁷¹.

II тип (по А.А.Иессену - 1 группа). Серпы с менее крутоизогнутым дуговидным лезвием и коленчатым перегибом к рукоятке почти под прямым углом (табл. V, 4-9). Серпы отлиты в одностворчатых литейных формах. Длина 19-22 см, ширина лезвия 3-3,5 см. Выделяются *два варианта*.

1) серпы с менее выраженным коленчатым перегибом к рукоятке и литком посредине спинки (1а - по А.А.Иессену) или без его следов. По общим очертаниям они еще близки I типу. К первому варианту нами причислены следующие 8 из учтенных серпов: один из двух экземпляров в погребении на горе Бык (табл. V, 4), серп-заготовка из кургана 3 близ Удобной (табл. V, 5), обломок серпа из слоя Кичмалкинского поселения (табл. V, 6), из Агурского клада (табл. V, 7), два экземпляра из Карт-Джуртского и два из Бекешевского кладов.

Наиболее ранними в этой группе были серпы из станицы Удобной и Быкогорского могильника. Все остальные примерно одновременны.

2) серпы с литком в месте перегиба спинки к рукоятке (1б - по А.А.Иессену), отчего "коленчатость" перегиба особенно ярко выражена. Ко второму варианту нами отнесены следующие 7 из учтенных серпов: экземпляр из Боргустанского клада (табл. V, 8), один из серпов Бекешевского клада, один из двух экземпляров в погребении на горе Бык (табл. V, 9), один из серпов Карт-Джуртского клада, серп из Индышского клада, серп с

прямым стержнем для насадки из Учкулана (находка 1927 г.) и обломок серпа из Эшаконского могильника. Большинство экземпляров в этой группе, в особенности из Бекешевского клада и из погребения 1 в Эшаконском могильнике по составу сопровождающих их предметов входят в круг материалов, синхронных раннебелозерскому этапу, в пределах середины - второй половины XII в. до н.э., т.е. на определенном отрезке сосуществующие с серпами I типа. Наиболее поздним в этой группе является серп из Боргустанского клада, отнесенный А.А.Иессеном примерно к середине позднекубанского периода, т.е. не ранее рубежа II-I тысячелетий до н.э.⁷².

Таким образом, из 23 учтенных серпов в ареале западного варианта кобанской культуры 22 оказалось возможным найти типологическое и хронологическое соответствие в древностях XII-X вв. до н.э. Две находки (серп из с. В.Баксан в коллекции В.Е.Грум-Гржимайло и серп из Заюково), упомянутые А.А.Иессеном в перечне находок⁷³, оказались вне классификации, поскольку их форма осталась для нас неизвестной.

Кроме бронзовых серпов западные "кобанцы", судя по некоторым сведениям, изредка использовали **каменные** серпы. Так, в рукописном архиве А.А.Иессена имеется упоминание, что известные раннекобанские кинжалы из каменного ящика у скалы Ленина на склоне горы Машук были найдены в комплексе с каменным серпом, форма которого осталась неизвестной (Указ., 128/2). В единичных могилах обнаружены также **кремневые** вкладыши, что подтверждает использование, наряду с бронзовыми, и каменных серпов.

Кремневый вкладыш для серпа обнаружен в погребении 38 Агачевского могильника (Указ., 85/2). Он находился в области поясницы погребенного. Это большая срединная пластина длиной 5,8 см и шириной 2,2 см (табл. III, 27). Поверхность тщательно отделана отжимной ретушью мелкими сколами. Поперечное сечение пластины имело форму двояковыпуклой линзы. Второй вкладыш, концевая пластинка подтреугольной формы из обсидиана (табл. III, 28), происходит из погребения 10 могильника Мебельная фабрика в Кисловодске. Края пластины были отделаны отжимной ретушью, тем самым превращая предмет в орудие с весьма острыми краями. В сечении вкладыш имел линзовидную форму. Размер его 2,7×2 см. Еще одна находка кремневого отщепа, напоминавшего вкладыш, имела место в погребении 24 Белореченского 2 могильника.

Все находки по технике сколов и форме близки однородным кремневым орудиям из

слоя начала I тысячелетия до н.э. Серженьюртовского поселения⁷⁴. Редкие находки кремешков и кремневых пластин в погребениях западного варианта - одна из черт обряда, видимо, культового значения. Но иногда эти пластины в сочетании с кусочком железа следует рассматривать как орудие для высекания огня. Такие "огнива" обнаружены в двух погребениях VII-VI вв. до н.э. Березовского 1 могильника (каменные ящики 14 и 26). Обычно такое "огниво" состояло из железного брусочка около 1,5×4,5-5 см и лежавшего рядом кремня (табл. III, 29-30).

Остроконечник с шипом (табл. IV, 6). К орудиям труда относится и бронзовый предмет в виде массивного стержня с острым концом, боковым шипом и петлей на другом конце. Длина орудия 15,5 см, диаметр сечения стержня 1-1,5 см, диаметр отверстия для петли 0,4 см. Остроконечник входил в комплекс погребения рубежа VIII-VII - начала VII в. до н.э. Березовского могильника в каменном ящике 3, раскопанном Н.М.Егоровым в 1946 г. Е.И.Крупнов предполагал возможность использования его как "кочедыга" для изготовления горской обуви из сыромятных кожаных ремней⁷⁵.

Песты (11 экз.). Каменные массивные предметы (табл. IV, 8-11), близкие по форме однородным изделиям из памятников центрального и восточного вариантов. В ареале западного варианта засвидетельствованы песты всех трех типов. Они происходят частично из комплексов погребений начала I тысячелетия до н.э., тем самым еще раз подтверждая факт не случайной, а достаточно известной культурной особенности. Обнаружены песты и в слоях поселений.

I тип (2 экз.). Песты с лопаткообразным рабочим концом и удлиненной, близкой к цилиндрической рукояткой (табл. IV, 8, 10). При общих морфологических признаках заметно отличались визуально. Пест из погребения в каменном ящике, случайно раскопанном в Кисловодске, по улице Володарского, 36 (Указ., 86) имел довольно отчетливые очертания. Плечики хорошо выделены. Форма рабочего конца прямоугольная. Длина 22 см (табл. IV, 8). В могиле лежал около северной стенки. Второй пест обнаружен в погребении, также случайно раскопанном при строительстве павильона Гражданского Воздушного Флота около железнодорожного вокзала в Кисловодске (Указ., 83/2). В отличие от первого, имел почти дисковидный рабочий конец и значительно меньшие размеры. Длина 16,2 см, ширина рабочего конца 7,2 см (табл. IV, 10). Оба предмета входили в

комплексы VIII в. до н.э.

II тип (6 экз.). Крупные плоские камни подтреугольно-вытянутой формы. Переход от рукоятки к рабочему концу почти не намечен. Длина 12-22,5 см, ширина рабочего конца 4,5-8 см (табл. IV, 11). Такие примитивные песты имели место в слое Былымского жилища и в погреб. у хут. Ильич конца II тысячелетия до н.э. Один подобный пест входил в комплекс VIII-VII вв. до н.э. погреб. 27 Березовского 1 могильника. Морфологически он очень близок песту из слоя начала I тысячелетия до н.э. Серженьюртовского поселения⁷⁶.

III тип (1 экз.). Пест, стержневидный, цилиндрической формы, с закругленным рабочим концом. Поперечное сечение овальное. Длина 13,5 см, ширина 2,7 см (табл. IV, 9). Пест является примитивной разновидностью однотипных каменных орудий, известных в слое на Серженьюртовском поселении восточного варианта⁷⁷. Пест входил в комплекс одного из самых ранних (не позднее рубежа XII-XI вв. до н.э.) западнокобанских погребений в подкурганной каменной гробницы в урочище Клин-Яр вблизи Кисловодска (Указ., 80).

Сведения о находке В.Б.Ковалевым еще двух пестов близ "Кольца-горы" имеются в инвентарной книге краеведческого музея Пятигорска. Но тип остался неясным.

Зернотерки. Ладьевидные каменные зернотерки архаичной формы, аналогичной восточнокобанским⁷⁸, неоднократно находили в слоях поселений западной группы. Они засвидетельствованы в слое Былымского жилища, в слое VIII-VII вв. до н.э. Хумаринского городища. Особенно много их происходит из слоя X-VIII вв. до н.э. широко раскопанного поселения Уллубаганалы 2. Отмечено их переиспользование при сооружении могил более позднего периода на одноименном могильнике конца VII - начала VI в. до н.э.

Любопытно, что ладьевидные зернотерки попадались в культовых каменных вкладках между могилами Белореченского 2 могильника⁷⁹.

Терочки (2 экз.). Округлые или овальные гальки со стесанными поверхностями. Учтены только достоверно известные экземпляры из слоя Былымского жилища конца II тысячелетия до н.э. (табл. IV, 7). Но близкие предметы засвидетельствованы и в слое начала I тысячелетия до н.э. поселений (Уллубаганалы 2, Хумаринское, "Заслонка"). Форма и размеры аналогичны восточнокобанским⁸⁰.

Орудия труда и предметы, связанные с металлообработкой

Среди предметов западнокобанской группы важны те, что прямо свидетельствуют о местном бронзолитейном домашнем производстве. Это льячки, глиняные трубки - сопла для горна, тигли и в особенности серия самых разнообразных литейных форм из глины и камня. Косвенным свидетельством бронзолитейного дела можно считать также бронзовые слитки, изредка обнаруживаемые в могилах.

Льячки (3 экз., из них 2 - глина, 1 - бронза). Предметы в виде маленьких круглодонных ковшей для разлива металла в литейные формы с небольшим вводным каналом. Все три (табл. VI, 1-3) учтенные льячки происходят из слоев конца II - начала I тысячелетия до н.э. поселений и относятся к одному и тому же типу (I тип - по моей классификации)⁸¹. Две льячки засвидетельствованы в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы. Одна из них, бронзовая, миниатюрная, найдена в помещении 2. Диаметр ее 3,2 см; высота 1,8 см (табл. VI, 1). Вторая, глиняная льячка, обнаружена в засыпи погреб. 16, которое позднее непосредственно вблизи этого помещения было впущено в слой раннего поселения. Видимо, первоначально льячка также происходила из этой же домашней мастерской, как и фрагмент более ранней керамики, обнаруженной вместе с ней в засыпи могилы. Форма ее очень выразительна: круглодонный ковшик с выступающей ручкой. Диаметр емкости 5,5 см, высота 4 см (табл. VI, 2). Обломок еще одной глиняной льячки, близкой по форме вышеупомянутой, был случайно найден в слое начала I тысячелетия до н.э. поселения на горе Казачка в Кисловодске (Указ., 94). Довольно большой ковшик без слива имел выступающую ручку и округлое дно. Диаметр льячки 6,5 см (табл. VI, 3).

Тигли (2 экз.). Глиняные миниатюрные сосуды, близкие IV и V типам из бронзолитейной мастерской восточнокобанского Серженьюртовского поселения⁸². Оба тигля, как и две первые льячки, происходят из слоя поселения Уллубаганалы 2. Один из тигельков (фрагмент) - в виде круглодонного сосуда с прямыми стенками и чуть вогнутым дном (табл. VI, 4), также, как и бронзовая льячка, найдена в пределах помещения №2 начала I тысячелетия до н.э. (кв. Л-6 или "П"). Диаметр его около 5,5 см, высота 6-7 см. Второй тигелек обнаружен при зачистке дна погребения 13 одноименного более позднего могильника конца VII - начала VI вв. до н.э. Сосуд находился в углу под

каменными, оформлявшими стенки могилы, т.е. фактически также из слоя более раннего помещения 2, юго-западную часть которого эта могила прорезала. Форма тигля в виде горшочка с прямыми боками и плоским дном (табл. VI, 5). Около устья он был украшен вертикальными насечками и 4-мя выпуклыми налестками. Диаметр сосуда 5,5 см, высота 5 см. Оба тигля изготовлены из плотной глины и хорошо обожжены.

Трубки-сопла (2 экз.). К предметам, связанным с металлообработкой, считаем возможным отнести два обломка глиняных трубок, обнаруженных в слое VIII в. до н.э. Султангорского 3 поселения (раскопки 1976 г.) и в слое VII-VI вв. до н.э. Хумаринского городища (табл. VI, 6, 7). Оба предмета отнесены исследователями этих памятников (Н.Л.Членова и Е.П.Алексеева)⁸³ к воздушным соплам, т.е. в прямом смысле они сами по себе не орудия труда, а важная деталь горна для плавки металла. В связи с этим целесообразно их рассмотрение в контексте с орудиями труда по металлообработке. Сохранившаяся длина трубок 6-7 см, диаметр 3,5-4 см.

Литейные формы (9 экз.). Для изготовления бронзовых предметов литейщиками изучаемой территории применялись глиняные, но преимущественно каменные из плотного песчаника, литейные формы (табл. VI, 8-16). Хотя учтено их около десятка, но свидетельства об утраченных экземплярах из кладов предполагают их более массовый характер⁸⁴.

Среди учтенных выделяются три группы: 1) односторчатых форм, 2) форм, составленных из двух половинок, 3) модель - ядро для изготовления изделий с утратой литейной формы одноразового использования.

I группа. Односторчатые формы.

1) форма песчаниковая (фрагмент) для отливки больших плоских предметов типа тесел (табл. VI, 9). Размер 7×4,5 см, глубина негатива 0,75 см. Форма происходит из слоя конца II - начала I тысячелетия до н.э. Зольского поселения "Святая гора" (Указ., 48).

2) форма каменная "для отливки бронзовых или медных слитков-заготовок" (табл. VI, 14). Размеры 21×14×10 см. Форма найдена в слое производственного помещения начала I тысячелетия до н.э. на поселении Подкумский мост (1977 г.)⁸⁵ в Кисловодске (Указ., 112/1).

3) форма каменная "для изготовления кельтовидных орудий" (табл. VI, 13). Размеры 10×8,4 см. Найдена в вышеуказанном помещении Подкумскомостского поселения.

4) форма глиняная для изготовления неясного предмета, возможно, украшения (табл. VI, 11). Размеры 6×4 см. Происходит из слоя начала I тысячелетия до н.э. поселения, в который были впущены могилы Султангорского 3 могильника (раскопки 1976 г.). Предмет обозначен автором раскопок Н.Л.Членовой как “поделка из стенки сосуда”, но близко напоминает глиняные одностворчатые формы из Алхастинского и Серженьюртовского поселений⁸⁶. То, что предмет скорее имел отношение к бронзолитейному делу, подтверждает и находка поблизости вышеупомянутого фрагмента трубки-сопла.

5) форма глиняная для отливки дисковидных плоских предметов диаметром около 3,5 см (табл. VI, 12). Размер около 4×5 см. Форма случайно обнаружена в 1958 г. на территории мебельной фабрики (район котельной) в Кисловодске членами краеведческого кружка, руководимого Н.Н.Михайловым (зарисовка в альбоме из архива).

II группа. Двустворчатые составные формы.

6) половинка двустворчатой каменной формы для отливки топора кобанского типа, близкого топорам из Боргустанского и Агурского кладов (табл. VI, 8). Размер 8,5×12,5 см. Форма найдена в 1940 г. на Сулимской поляне в верховьях реки Большая Лаба на западной границе ареала кобанской культуры. А.А.Иессен, издавший этот предмет, отмечал, что в форме отливались топоры с переходными признаками от более ранних II тысячелетия до н.э. к типично кобанским I типа (по П.С.Уваровой)⁸⁷.

7-8) две половинки одной и той же литейной формы из серого мелкозернистого плотного песчаника. Предназначена для одновременной отливки двух предметов: тесла-топора I типа и веретенообразного шила (I тип). Очертания створок прямоугольные с закругленными углами. Поперечное сечение каждой половинки овально-уплощенное. Размеры: длина 25,5 см, ширина 11 см, толщина 4,5-6 см (табл. VI, 15-16). Один из негативов более глубокий, на другом предметы вырезаны слабо. Рядом с негативами вещей на каждой створке сделаны по два углубления для шпеньков, в результате чего при отливке створки плотно прилегали друг к другу и не сдвигались. Размеры негатива тесла-топора: длина 19,5 см, ширина лезвия 5 см, ширина пятки 2 см. Длина негатива шила 12 см. Литейная форма найдена в слое поселения в 6-7 км к юго-востоку от станции Эссентукская (Указ., 111) на территории одной из усадеб совхоза “Кисловодский”. В настоящее время это пока единственная полно сохранившаяся литейная форма из

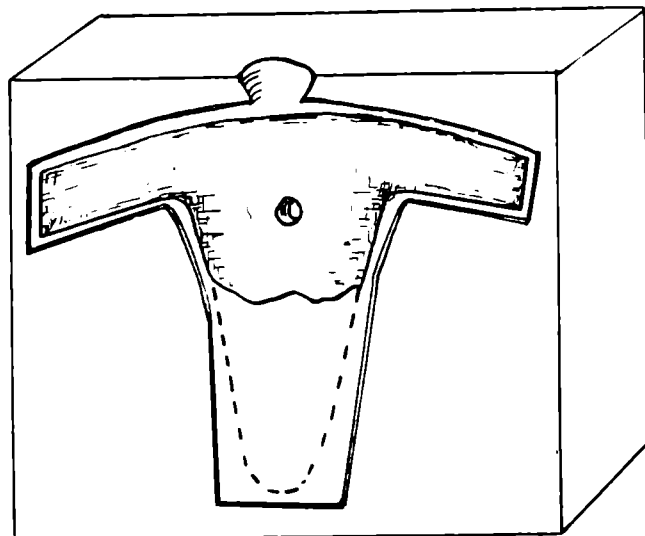

Рис. 3. Верхнебаксанский клад. Реконструкция литейной формы для рукояток кинжалов.

ареала западного варианта. Особая ценность ее в том, что она имеет прямые аналогии среди литейных форм сабастиновского времени с территории Северного Причерноморья. Это литейные формы из Волошского I клада и особенно клада Деревянное, где кроме точно таких тесловидных топоров были вырезаны негативы для раннего типа ножей с упором⁸⁸. Таким образом, если учитывать тот факт, что форма из Эссентукской была найдена вместе с чернолощеными орнаментированными черепками сосудов кобанского типа, она приобретает значение важнейшего опорного для уточнения хронологии кобанской культуры археологического источника.

III группа. Составные литейные формы одноразового использования.

9) модель-ядро, вкладыш из песчаника - часть составной литейной формы одноразового использования для изготовления полых рукояток кинжалов раннекобанского типа (табл. VI, 10). Сохранился лишь фрагмент ядра, моделирующий часть рукоятки с навершием дуговидной формы. Длина фрагмента 3,5 см, длина навершия 8 см, ширина навершия 1,5 см. К ядру прикипели остатки бронзы. Предмет находился в составе клада литейщика, обнаруженного в начале XX в. в районе селения Верхний Баксан (Указ., 2).

Разновидности форм рукояток аналогичных кинжалов с отверстием в верхней части и дуговидным навершием хорошо известны на северном склоне Кавказского хребта в центральной группе кобанской культуры (Кобанский могильник, могильник Беахникуп, Верхнерутхинский могильник)⁸⁹. Предполагаемая реконструкция такой формы представлена на рис. 3.

Картографированные (рис. 4, карта), разрозненные до настоящего времени, архео-

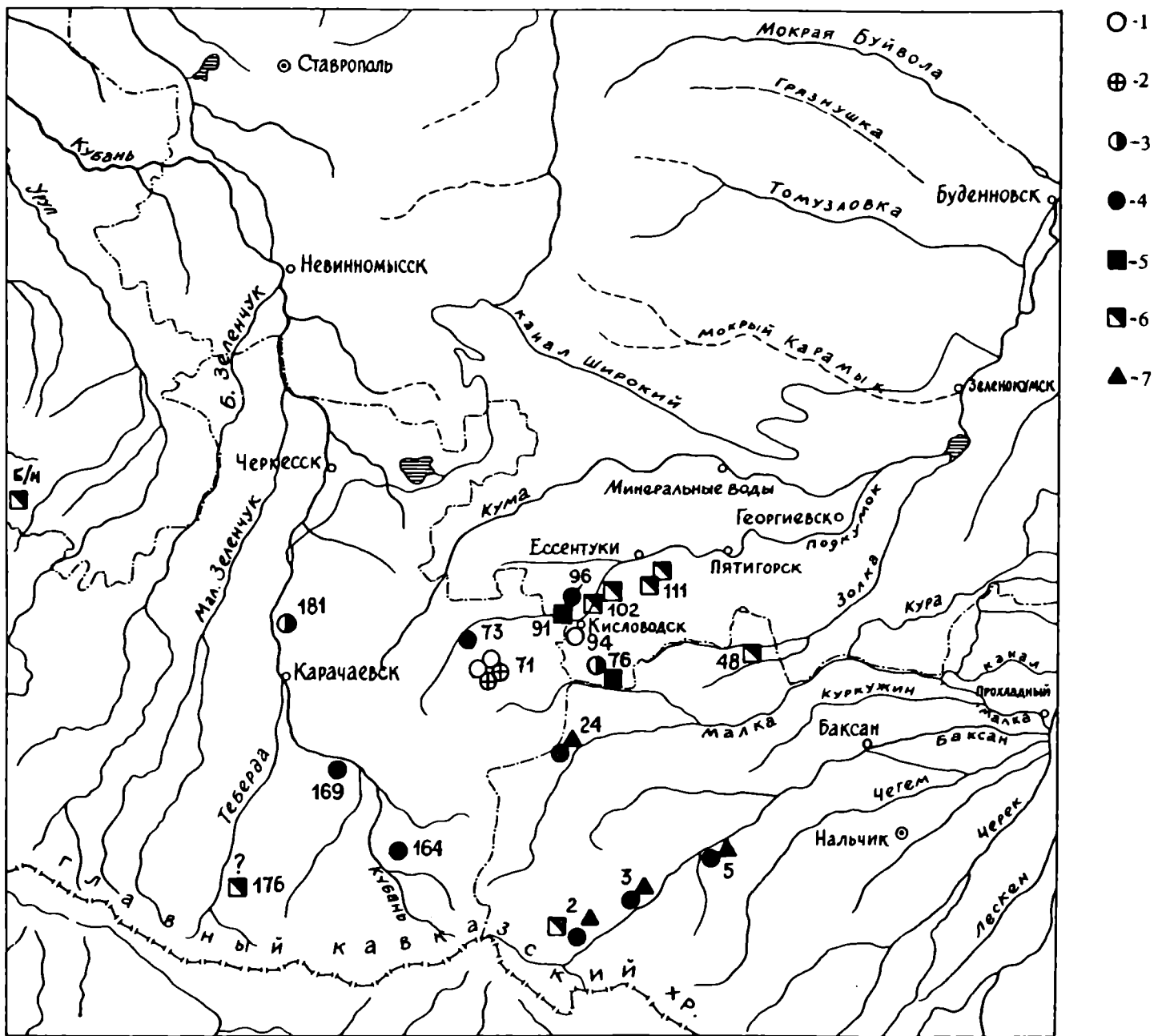

Рис. 4. Карта распространения орудий труда и предметов, связанных с бронзолитейным делом.

1 - льячки; 2 - тигли; 3 - трубки-сопла; 4 - слитки и капли бронзы; 5 - литейные формы (глина); 6 - литейные формы (камень); 7 - полуфабрикаты изделий из бронзы

Примечание: Номера на карте соответствуют номерам Указателя памятников.

логические свидетельства о бронзолитейном деле и металлообработке мастеров кобанской культуры составляют довольно выразительную картину, но лишь приоткрывают ту мощную техническую основу, на которой базировалось массовое изготовление своеобразных и хорошо известных, как мы сейчас убеждаемся, далеко за пределами Северного Кавказа изделий.

Оселки (около 110 экз.). Точильные бруски-оселки из плотных пород камня учтены нами в количестве 106 экземпляров, хотя, вероятно, уже сейчас, к 1998 г., их значительно больше. Но и эта выборка дает устойчивую картину типов, близкую той, что известна в памятниках восточного варианта⁹⁰. Так же как и там, на изучаемой территории они представлены **тремя типами**. Типология основана главным образом на форме поперечного сечения камня. Принимались во внимание также общая конфигурация и размеры предметов (табл. VII, 1-20).

I тип (1 экз.). Оселок овально-уплощенной формы. Сечение по центру близко линзовидному. На одном из концов - отверстие, что отличает его от однотипных предметов восточного варианта. Изготовлен из гальки темно-серого цвета. Длина 7 см, ширина 2 см, толщина 1,1 см (табл. VII, 1). Обнаружен в слое VIII-VI в. до н.э. Грушевского поселения (Указ., 205).

II тип (100 экз.). Оселки удлиненно-прямоугольной формы со скругленными углами. Иногда несколько уплощены в средней части, но не обязательно. Поперечное сечение подпрямоугольное. На одном из концов, как правило, круглое сквозное отверстие. Отсутствие такого отверстия - редчайшее исключение (погреб. 10 Исправненского могильника, табл. VII, 10). Изготовлены бруски из плотных пород сланца или мелкозернистого песчаника самых разнообразных оттенков цвета: темно- и светлосерого, красноватого, коричневого, желтого (табл. VII, 2-17). Размеры варьируют от коротких широких до массивных длинных. Длина 5-19 см, ширина 2-3,5 см, диаметр отверстия 0,5-0,8 см. Преобладают количественно оселки с двусторонне коническим сверлением и общей длиной 12-16 см.

Хронология точильных брусков устанавливается по сопровождающим предметам в закрытых погребальных комплексах очень многих могильников западного варианта. К наиболее ранним, в пределах XII-XI в. до н.э., относились широкие и короткие бруски из гробницы 2 Терезинского (табл. VII, 2) и из погребения 1 Инжиччукунского (табл. VII, 3) могильников. Близки к ним по времени 2 точильных камня из Эшкаконского мо-

гильника (табл. VII, 5). Не позднее VIII в. до н.э. следует датировать оселки из погребения у Красных Камней в Кисловодске и из Старопольского погребения (Указ., 89 и 204). К этому же времени относились 3 оселка из воинской гробницы 3 Терезинского могильника, из погреб. 28 могильника Мебельная фабрика в Кисловодске, из погреб. 4 Эчкивашского (табл. VII, 15) и из погреб. 1 Элькушского могильников. Одновременен им и великолепный оселок из погребения близ с. Александровское (Дубовая роща)⁹¹. В пределах VIII - первой половины VII в. до н.э. датируется большинство точильных брусков второго типа. Это экземпляры из могильника Индустрия (погреб. 3 и 4 из раскопок 1966 и 1969 гг. и погреб. 1 (табл. VII, 16) и 6 (табл. VII, 4) из раскопок 1971 г. в Кабардинской балке), из Березовского 1 могильника (погреб. 8/1938 г., погреб. из раскопок 1940 г., погреб. 7, 15, 26 из раскопок А.П.Рунича, погреб. 3/1946 г. (табл. VII, 6), из погребений, раскопанных в 1978 г. - всего 8 штук). Этого же времени оселки из воинских погребений могильника Мебельная фабрика (№№ 2, 4, 5, 11, 14 (табл. VII, 14, 17), 17, 19, 24, 26, 27, 31, 34, 36, 38, 42, 43, 49, случайно разрушенные погребения (табл. VII, 7) - всего 19), из двух случайно раскопанных могил в 1960 и 1963 гг. у скалы "Замок" (табл. VII, 13), из погреб. 5, 15, 18, 32, 39 Белореченского 2 могильника. В погреб. 18 оселок отличался особо большими размерами (длина 19 см) и массивностью. Такими же большими были оселки из случайно раскопанного погребения у поселка Водопадский (Указ., 114) и из погребения на территории Кисловодского комбината стройизделий (1978 г.). В группу VIII-VII в. до н.э. входили также оселки из гробницы 1 Терезинского могильника, из погреб. 1 Березовского 3 могильника и погреб. 3 Березовского 4 могильника, из погреб. 2 (1948 г.) и 9 (1949 г.) и двух случайно раскопанных в 1978 г. могил Каменноостского могильника и из комплекса у сел. Хабаз⁹², из погреб. 4 могильника 2 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска (раскопки 1970 г.), из погреб. 1/7 (траншея II, 1966 г.) Султангорского 1 и погреб. 3 (траншея I) Султангорского (Южного) могильников. У Султангоры (Узкая балка) в погребении 2 (1966 г.) также был найден аналогичный точильный брусок. Короткие оселки примерно этого же времени входили в комплексы погреб. 7, 10, 13/1 Исправненского могильника (табл. VII, 8, 10) и в одно из погребений, раскопанное в 1900-1901 гг. В.Р.Апухтиным у подножья горы Бештау (Указ., 121/3).

Не ранее середины - второй половины VII в. до н.э., но главным образом VI в. до

н.э., датируются точильные камни из погребения, раскопанного в 1921 г. на Каменно-могильном могильнике, из Кисловодского могильника на Крестовой и Барановской горках (гробница 4/1933 г., каменный ящик 1/1946 г. и погреб., раскопанное в 1956 году В.В.Бобиным, каменный ящик из раскопок Е.И.Крупнова), из погреб., случайно раскопанного по улице Калинина в Пятигорске, из погреб. 1, 6, 7, 8 Клинярского 2 могильника. По наконечникам стрел скифского типа датируются оселки из погреб. 1 (табл. VII, 9) и 12 Исправненского могильника и из погребения 5 на горе Джуца (табл. VII, 12). К раннескифскому времени относился также оселок из погреб. 17 могильника Уллубаганалы 2. К VI в. до н.э., на основании находок в комплексе наконечников стрел, относились 4 оселка из гробницы с трупосожжением у сел. Карабашево, а также из гробниц II (табл. VII, 11) и IX Каррасского могильника. Одновременны им, видимо, и два оселка из разрушенных могил отсюда же (коллекция Свинадзе с Чеснокгоры). Скорее всего, этим же временем датируется оселок, найденный между могилами VI в. до н.э. на Тамгацкском могильнике. К VIII-VI в. до н.э. относились оселки из случайно раскопанных погребений в сел. Бедык (1978 г.)⁹³.

Наиболее поздними точильными брусками второго типа были, видимо, те, что входили в комплексы погребений VI-V в. до н.э. Прикумского (погреб. 12) и Минералводского (погреб. 3, 6, 30, 33) могильников.

Таким образом, как и в восточной части зоны обитания кобанских племен, точильные бруски второго типа засвидетельствованы на самой ранней ступени культуры и доживают в быту населения (мужской его части) до середины I тысячелетия до н.э.

III тип (5 экз.). Стержнеобразные камни из плотного сланца, круглые в сечении. На одном из концов сквозное отверстие, проделанное двусторонне коническим сверлением. Противоположный конец приострен, иногда закруглен. Поверхность отшлифована до блеска. Длина 8-9 см, диаметр поперечного сечения в средней части стержня 1,5-2 см, диаметр отверстия 0,6-0,8 см (табл. VII, 18-20). Находки таких точильных камней сравнительно редки и связаны, главным образом, с комплексами скифского периода. В изучаемой группе три предмета действительно найдены вместе с вещами VI-V в. до н.э. Это великолепный, тщательно отделанный брусок (табл. VII, 20) из случайно раскопанного погребения у станицы Бекешевской (указатель, 153/2), оселок из погребения 1 Клинярского 2 могильника (1967 г.), найденный в комплексе с железным акинаком и

фибулой. В пределах середины VI в. до н.э. датировался (по зеркалу т.н. ольвийского типа) комплекс с оселком такого же типа из подкурганного погребения 1 в Каменно-могильном могильнике (1954 г.). Этим же временем датируется случайно раскопанное погребение, куда входил оселок третьего типа (табл. VII, 19), близ селения Ново-Ивановское⁹⁴ в низовьях Баксана. В отношении хронологии исключение составлял лишь точильный брусок (табл. VII, 18) из погребения 1 (траншея I) Султангорского (Южного) могильника. По комплексу предметов (бронзовые двуколычатые удила, чаша, биметаллический кинжал, бронзовый нагрудник, два наконечника стрел степного облика) он относился еще к периоду Новочеркасского клада (т.е. в пределах конца VIII - начала VII в. до н.э.).

По сохранившимся данным о местоположении оселков в могилах можно достаточно уверенно утверждать, что подавляющее большинство их находили в области пояса (или бедра). Лишь в единичных случаях они лежали перед лицом, в ногах, около локтя или кисти руки.

Справедливо отмечая типологическую неоднородность точильных брусков, Е.И.Крупнов ставил их появление в кобанской культуре в прямую связь с внедрением в вооружение местных племен кинжалов-акинаков, хотя и допускал мысль, что появились оселки еще в предскифское время⁹⁵. А.И.Тереножкин также связывал появление точильных брусков в памятниках Северного Причерноморья с распространением железа, но подчеркивал, что это произошло раньше появления оружия скифского типа, где-то на белозерском этапе срубной культуры. По его наблюдениям, они еще отсутствуют на саба-тиновской стадии⁹⁶.

Исследование памятников западного варианта показывает, что оселки были обычны в быту северокавказского населения уже на раннем этапе кобанской культуры. Ретроспекция вглубь местных более ранних культур свидетельствует о существовании весьма близких предметов, иногда до мельчайших деталей, уже в майкопской культуре (например, в комплексе кургана №13 Усть-Джегутинского могильника)⁹⁷. Находки кобанского периода, особенно самые ранние (Терезе), убедительно свидетельствуют о прямой их связи с бронзовыми ножами. Видимо, сначала они были примитивным, но необходимым инструментом для заточки любых лезвий, а затем позднее приобрели функции особо почитаемого в воинской среде предмета, имевшего и сакральное значение. Такая эволюция подтверждается, например, находкой в помещении VIII в. до

н.э. в Кармир-блуре крупного точильного камня, аналогичного второму типу, с нанесенными магическими знаками⁹⁸. В связи с этим представляются плодотворными наблюдения ряда исследователей о соотношении точильных брусков с культом бога грозы и культом металла вообще⁹⁹. Невозможно согласиться лишь с тем утверждением, что точильные камни были индикатором этнической принадлежности к той или иной культурной группе¹⁰⁰. Хотя наблюдение о предпочтительности той или иной форме оселков у различных племен как будто имеет под собой реальные основания.

Пряслица (97 экз., из них 91 - глина, 2 - камень, 4 - кость). В основу типологии, также как и для пряслиц восточного варианта, положена форма продольного сечения предмета¹⁰¹. По этому признаку на изучаемой территории выделилось 6 типов (табл. VIII, 1-18), причем не все они повторяют типы, встреченные в памятниках восточной группы кобанской культуры. Отсутствуют, например, среди учтенных II и III типы. В то же время выделился неизвестный на востоке ареала VIII тип пряслиц. Значительно отличается и количественное соотношение разных типов. Общее число пряслиц в ареале западного варианта более чем вдвое меньше по сравнению с восточным. Прежде всего среди пряслиц изучаемой группы бросается в глаза заметное количество орнаментированных экземпляров (14 шт.). Изучение состава погребальных комплексов документирует устойчивое местоположение пряслиц около рук в могилах женщин.

I тип (16 экз.). Глиняные и костяные пряслица усеченно-конической формы, мягких очертаний (табл. VIII, 1-4). Размеры: диаметр основания 3,2-4,5 см, высота 2-2,5 см, диаметр отверстия 0,8 см. Выделяются *три варианта*:

1) правильной, усеченно-конической, слегка вытянутой формы с округлыми боками и плоским основанием. Отношение высоты к наибольшему диаметру 1:1,3; 1:1,5. Все пряслица из глины (табл. VIII, 3). К этому варианту отнесены орнаментированное пряслице из слоя VIII-VII в. до н.э. Грушевского поселения, одно из случайно найденных в разрушенных погребениях близ Заюково, и не менее 4 пряслиц из погребений VI-V в. до н.э. Минералводского могильника¹⁰², пряслице из погребения 47 могильника Мебельная фабрика и одна случайная находка с территории того же могильника.

2) близкие к полушарным, со слегка усеченной вершиной и ровным плоским основанием. Отношение высоты к наибольшему диаметру 1:1,5. К этому варианту отнесены

глиняное пряслице из слоя начала I тысячелетия до н.э. Лесгорского поселения (Указ., 46), пряслице из очага в слое на площади могильника Мебельная фабрика, два костяных пряслица из эпифиза животных: погреб. 6 Исправненского (табл. VIII, 1) и погреб. 13 Березовского 1 (табл. VIII, 2) могильников. В эту же группу включено и костяное пряслице из слоя начала I тысячелетия до н.э. поселения "Средняя Гремучка" близ Пятигорска (Указ., 119). По сопровождающим предметам пряслица второго варианта датируются в пределах VIII-VII в. до н.э.

3) близкие по форме к усеченной луковиче глиняные пряслица со слегка вытянутой и выделенной вершиной. Основание плоское. Отношение высоты к наибольшему диаметру 1:1,7. К этому варианту относились одно из двух пряслиц из погреб. 33 могильника Мебельная фабрика (табл. VIII, 4), случайно найденное пряслице в районе разрушенного могильника близ селения Гунделен (Указ., 8), одно из пряслиц из слоя X-VIII в. до н.э. поселения Уллубаганалы 2.

Первый тип пряслиц по пропорциям и размерам очень близок однотипным экземплярам восточного варианта, но численно составляет примерно 16,5% от общего числа учтенных экземпляров на территории западной группы. На востоке же этот тип один из ведущих (около 25%).

IV тип (44 экз.). Пряслица, глиняные, усеченно конической формы с вогнутым основанием (табл. VIII, 5-11). Выделяются *два варианта*:

1) приплюснутых очертаний, с наибольшим диаметром на уровне 1/3 высоты от основания. Размеры: диаметр основания 3,-3,8 см, высота 1,5-1,8 см, глубина вогнутой части основания 0,6 см, диаметр отверстия 0,8-0,9 см. К этому варианту относились пряслица из погреб. 29 могильника Мебельная фабрика (табл. VIII, 5), одно из двух пряслиц погреб. 33 этого же могильника, одно из учтенных пряслиц из слоя Этокского 2 поселения, 2 пряслица из Аликоновского (Замкового) поселения и такое же из слоя поселения близ озера в Железноводске (табл. VIII, 6), сильно уплощенный экземпляр из погреб. 1/1938 г. Березовского 1 могильника. Близкие экземпляры имелись в погреб. 7 Этокского могильника, в случайно разрушенных погреб. в 1974 г. могильника Лермонтовская скала 2 (2 экз.), среди случайных находок из разрушенных погреб. в Баксанском ущелье (2 экз.); 2 находки происходят из слоя поселения на горе Медовой (табл. VIII, 7).

2) усеченно-биконической формы, с округлыми боками и вогнутым основанием. Наибольший диаметр 2,2-4,5 см, высота 1,3-

2,4 см, глубина основания 0,6-0,7 см, диаметр отверстия 0,6-0,9 см.

Таковы пряслица из погребений 3, 7 (2 экз.), 8, 13 (табл. VIII, 8) могильника Мебельная фабрика и экземпляр из разрушенного в 1971 г. погреб. без номера здесь же (табл. VIII, 9), из погреб. 8 Клинярского 2 могильника (1968 г.), из погреб., раскопанного Е.И.Крупновым в 1948 г. в Каменноостском могильнике, а также из погреб. 1 и 8 (1949 г.) и 7 (1971 г.) этого же могильника. Аналогичные предметы имели место в комплексах погреб. 4/10 (1966 г.) Султангорского 1, 4 - Березовского 4 могильников, а также из гробниц III (3 экз.) и IV (2 экз.) могильника Каррас (Чеснок-гора). Два крупных пряслица происходят из слоя X-VIII в. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 и одно из погреб. 14 одноименного могильника. Из находок в слоях поселений к этому же варианту относились пряслица из Светловодского поселения (1 экз.), случайная находка в Баксанском ущелье (табл. VIII, 10) и 4 экз. из Грушевского поселения (табл. VIII, 11). Из находок, опубликованных после 1980 г., следует упомянуть пряслице из погребения 38 Белореченского 2 могильника и два таких же из погребений в Бедыке¹⁰³. Многие пряслица IV типа были орнаментированы прямыми и косыми нарезками по окружности основания. Хронология пряслиц устанавливается в пределах VIII-VI вв. до н.э. на основании комплексов, в которых они найдены. Судя по количеству (около 50%), пряслица IV типа - наиболее излюбленная и долго бытовавшая форма у населения изучаемой группы.

V тип (19 экз.). Пряслица, глиняные, усеченно-биконической формы мягких очертаний. Основания плоские, почти без выемки. Наибольший диаметр приходится почти на середину высоты, но иногда может быть смещен к одному из оснований. Отношение высоты к наибольшему диаметру 1:1,5; 1:1,8. В связи с этим пряслица или сплюснуты, или вытянуты по высоте. Размеры: высота 1,6-2,5 см, наибольший диаметр 2,8-4,5 см.

Пряслица такого типа входили в погребальные комплексы каменного ящика 35 (табл. VIII, 12) могильника Мебельная фабрика, погреб. 10 Каменноостского могильника (1971 г.), погреб. 1 могильника Индустрия (Кабардинская балка), погреб. 9 (1962 г.) Березовского 1 могильника, погреб. 6 и 9 Этокского могильника, погреб. 3 (табл. VIII, 13) могильника 2 у Лермонтовской скалы (1974 г.). К этому же типу принадлежали два пряслица из случайных сборов близ Заюкова в Баксанском ущелье, пряслице из случайно раскопанного М.Кондоровым в 1970 г. могильного комплекса у горы Развалка, из погребения 7 Кызылкалинского могильника, из

кургана Таллык. Имелись они и в слоях начала I тысячелетия до н.э. поселений Уллубаганалы 2 (2 экз.), Этокского 2-го поселения (2 экз.), в слое поселения на горе Медовой (1 экз.), в слое кобанского периода Хумаринского городища (табл. VIII, 14-15). Не менее 5 экз. пряслиц пятого типа были украшены нарезными и прочерченными штрихами, ломаными линиями, крестами и "елочками". Датировка наиболее ранних - VIII-VII вв. до н.э., наиболее поздние входили в комплексы V в. до н.э.

VI тип (3 экз.). Пряслица, глиняные, уплощенно сферической формы. Высота может быть равна наибольшему диаметру, но иногда меньше его. Размеры: диаметр 3 см, высота 2-2,3 см. Учтены эти редкие пряслица всего в трех памятниках западного варианта: в погреб. 4 (1974 г.) Султангорского 1 могильника (табл. VIII, 16), в слоях кобанского периода Шардакского городища и Грушевского поселения. Судя по находке в вышеупомянутом могильном комплексе, тип этот бытовал уже в предскифское время, в то время как в восточнокобанских материалах он зафиксирован только для периода VI-V вв. до н.э.

VII тип (11 экземпляров, из них 1 - кость, 3 - камень, 7 - глина). Пряслица дисковидной формы с цилиндрическим или двусторонне коническим сверлением отверстия. Размеры: высота 0,8-1 см, диаметр 3-5,8 см, диаметр отверстия 0,6-0,9 см. Костяное дисковидное пряслице входило в комплекс погреб. 22 могильника Мебельная фабрика (табл. VIII, 17), мергелевое небольшое пряслице находилось вместе с остатками тризны около погреб. 17 Белореченского 2 могильника (1977 г.). Каменные пряслица такого типа обнаружены в погреб. 1 Прикумского могильника и в слое VII-VI вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2. Глиняные дисковидные пряслица в большинстве изготовлены из обломков стенок сосудов. Это экземпляры из погреб. 15 Этокского могильника и те, что находились в погреб. 2 (3 экз.) и 22 Прикумского могильника. Два пряслица происходят из слоя X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2. Одно из них орнаментировано вдавленными треугольниками. Украшено было и пряслице из могилы 22 Прикумского могильника. Так же как и для пряслиц VI типа, зафиксировано на западе ареала их более раннее бытование, чем на востоке. Но большинство их все же, как и там, датируется по сопутствующим материалам VI-V вв. до н.э. Существует мнение, что встреченные в слоях поселений керамические диски без отверстий являлись якобы заготовками для пряслиц. Но это далеко не всегда. Часть из них, как, например, в Серженьюртовском

Соотношение типов пряслиц

ТИПЫ	I	IV	V	VI	VII	VIII	тип не ясен
ЧИСЛО	16	44	19	3	11	1	3
100%	16,6	45,5	19,5	2,9	11,5	1,1	2,9

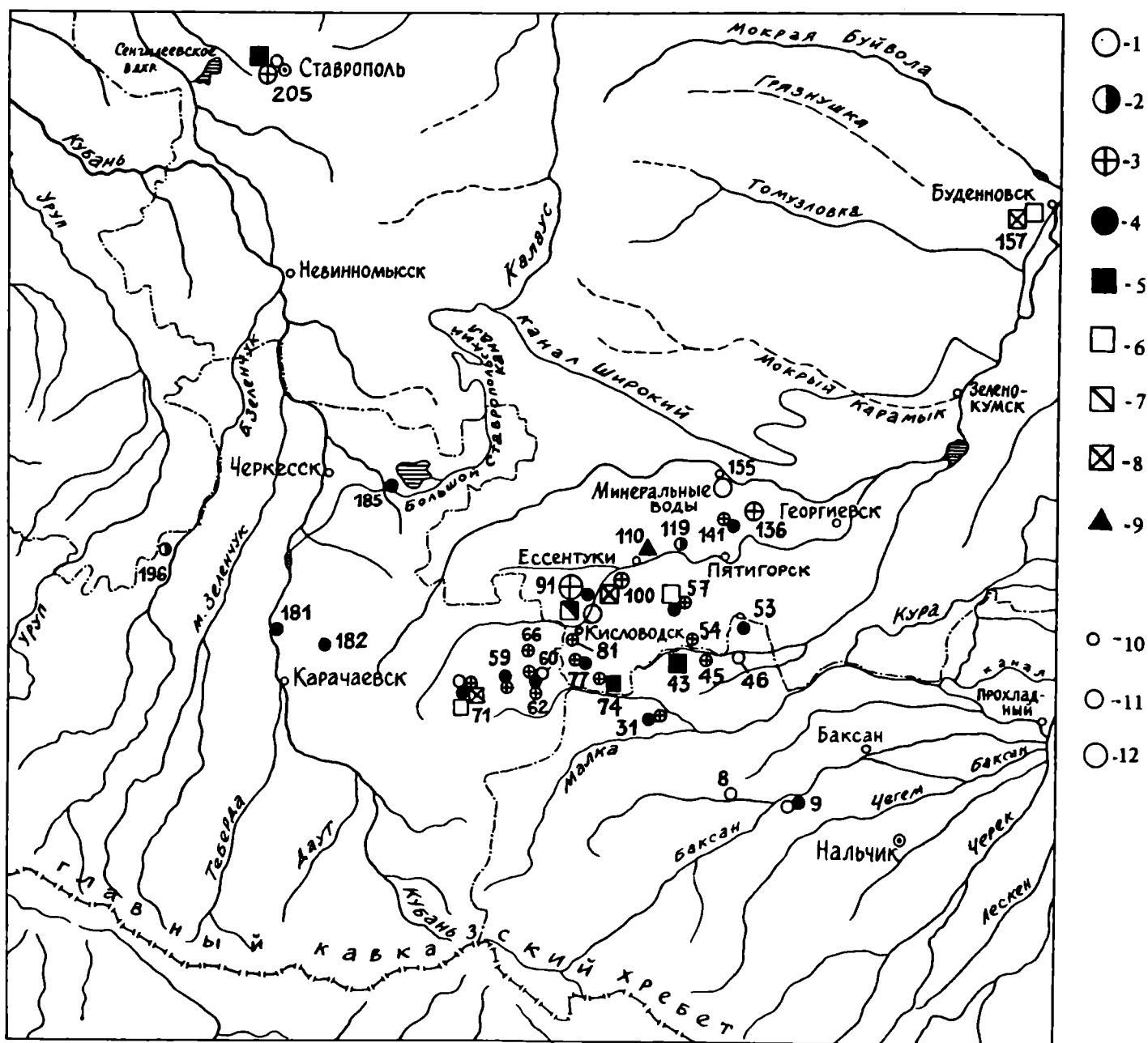

Рис. 5. Карта распределения типов пряслиц
 1 - I тип, глина; 2 - I тип, кость; 3 - IV тип, глина; 4 - V тип, глина; 5 - VI тип, глина;
 6 - VII тип, глина; 7 - VII тип, кость; 8 - VII тип, камень; 9 - VIII тип, глина;
 10 - 1-3 экз.; 11 - 4-5 экз.; 12 - 8-10 экз.

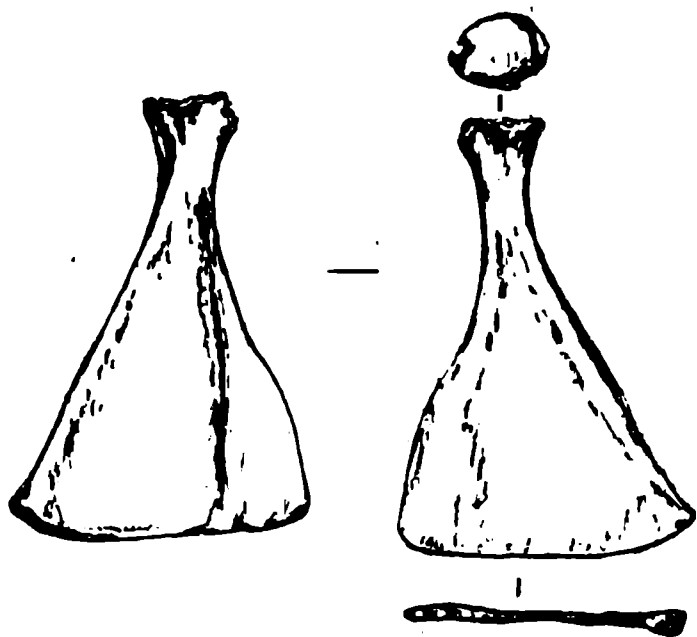

Рис. 6. Погребение 7, могильник Уллубаганалы 2. Орудие из лопатки свиньи.

поселении, могла иметь культовое значение и изображать хлебные лепешки.

VIII тип (1 экз.). Пряслице, глиняное, дисковидное с выступающими втулками. Напоминает модель колеса, но отличается утолщенным диском. Наибольший диаметр 3,7 см, высота 2,2 см (табл. VIII, 18). Случайная находка вместе с керамикой кобанского облика начала I тысячелетия до н.э. из окрестностей города Эссентуки.

Тип трех пряслиц (находка 1888 г. на даче Кривошеина в Кисловодске, экземпляр из коллекции В.Р.Апухтина из раскопок около аула Бабуково (Сармаково) и экземпляр из раскопок В.В.Бобина в 1955 г. Кисловодского могильника на Крестовой и Барановской горках) выяснить не удалось.

Итак, наиболее характерными и массово представленными в слоях поселений и особенно в могильниках западного варианта кобанской культуры оказались пряслица IV типа. Они засвидетельствованы в памятниках всей первой половины I тысячелетия до н.э. Но наряду с четвертым типом пряслиц редко, но встречались и другие типы.

Сравнение данных количественного и процентного соотношения разных типов (таблица Б) в памятниках западного варианта и сопоставление их с данными по восточной группе подтверждает высказанное нами ранее предположение¹⁰⁴ о возможном существовании узколокальных разновидностей пряслиц, характерных для определенных групп родственного населения. Не противоречит этому предположению и картографирование пряслиц (рис. 5, карта).

Орудие из лопатки свиньи (1 экз.). Орудие напоминает аналогичные из слоя X-VIII вв. до н.э. Серженюртовского поселения¹⁰⁵. Но

в отличие от восточнокобанских, широкий край не имел зубцов, а был срезан. Поверхность лопатки, край и особенно выступающий отросток имел следы утилизации в виде залощенности и потертости (рис. 6). Лопатка была обнаружена в комплексе погребения 7 могильника Уллубаганалы 2. Дата могилы VI в. до н.э. хорошо обосновывается находкой в комплексе ножа с костяной рукояткой, украшенной стилизованными изображениями головок грифонов.

Стержни (7 экз.), железные, длиной 10-14 см. К орудиям труда отнесены условно. Встречены в отдельных погребениях VII-VI вв. до н.э. Наиболее ранний стержень из комплекса погреб. 3 Терезинского могильника (табл. III, 25). К этому же времени или несколько более позднему относился стержень из погреб. 19 Белореченского 2 могильника. В погреб. 6 (1971 г.) Каменноостского могильника лежали 2 железных стержня у головы и в области шеи¹⁰⁶. В погреб. 2 (случайные раскопки 1978 г.) в этом же могильнике лежал железный стержень с расплюсненной головкой¹⁰⁷. Аналогичный стержень находился в области головы покойного в погреб. 12 могильника Уллубаганалы 2. Близок им и стержень из погреб. 7 Тамгацкского могильника.

* * *

Систематизация орудий труда из памятников западного варианта кобанской культуры более полно и достоверно документирует хозяйственную деятельность местного населения. Благодаря упорядочению материалов открывается возможность детального сравнения разных частей ареала, весьма обширного, и в силу этого, естественно, имеющих свою специфику.

Классификация и типология орудий труда свидетельствует о большой близости и безусловном сходстве большинства категорий и типов между собой в очерченной зоне обитания племен кобанской культуры. Это касается главным образом рядовых орудий труда (ножей, шильев, игл и т.п.). Наблюдается в целом однообразие их ассортимента, что свидетельствует прежде всего о едином уровне быта.

Однако, было бы неправильным делать вывод о полной унификации и стандартизации орудий труда. В каждой из категорий выявляются и конкретные различия, отражающие как локальную специфику, так и относительно разную хронологию материалов. Так, довольно убедительно устанавливается, что ряд форм ножей и тесловидных топоров в ареале изучаемой группы более

древних модификаций, чем однородные орудия на востоке ареала. Но в то же время здесь мало пережиточных форм, особенно каменной индустрии и косторезного дела, что характерно, как мы знаем теперь, для восточного варианта. На территории западной группы отмечаются более совершенные методы металлообработки, например, применение в бронзолитейном деле двусторчатых литейных форм, отливка сложных изделий. Несомненно более совершенны сельскохозяйственные орудия, особенно массово изготовлялись на месте бронзовые серпы. При изучении орудий труда только для западнокавказской группы населения характерными являются заметные контакты с Закавказьем, главным образом с соседними племенами колхидской культуры. Благодаря этим контактам, только здесь фиксируются находки особых форм и типов мотыг и топоров-тесел (III тип). Следует отметить на изучаемой территории для самого начала I тысячелетия до н.э. более высокий процент, чем на востоке, железных изделий среди орудий труда. В то же время здесь не найдено ни одного железного серпа. Узкая специфика проявляется и в наличии или преобладании над другими некоторыми форм предметов. Например, отмечено бесспорное преобладание пряслиц IV типа, или наличие

таких уникальных для других частей ареала предметов, как длинные ножи с кольцом (XII тип) - очевидное воздействие степных культур. Как и на востоке, в изучаемой группе наблюдается в орудиях труда преемственность от более ранних типов к более поздним, особенно в ножах, топорах-теслах, шильях. Устанавливаются местные истоки безусловно большинства форм орудий, что свидетельствует о постоянном и длительном обитании на данной территории основного ядра населения.

Усматривая в ряде случаев некавказские истоки отдельных форм предметов, получивших на месте дальнейшее развитие (ножи III и XI типов, топоры-тесла II-III типов, миниатюрные тесла), я рассматриваю их как своеобразные составные "генетического набора", полученного в наследство от раннего периода формирования культуры. Он, этот набор, прослеживается, как можно увидеть дальше, и в оружии, и в конской узде, и в украшениях, и даже в керамике. Но единичность проявления таких некавказских по происхождению элементов лишь более рельефно подчеркивает мощь пласта автотонной культуры, постоянно обогащавшегося в результате поглощения и переработки новых культурных импульсов.

¹ Козенкова В.И., 1982, с. 6, 7.

² Козенкова В.И., 1982а, с. 24-25.

³ Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н., 1976, с. 29-46; Дударев С.Л., 1979, с. 124-125.

⁴ Тереножкин А.И., 1976, с. 194-195, рис. 97, I-II.

⁵ Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983, с. 11-12.

⁶ Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И., 1981, с. 176.

⁷ Козенкова В.И., Найденко А.В., 1980, с. 200, рис. 5.

⁸ Дворниченко В.В., 1984, с. 63 (там же вся литература).

⁹ Козенкова В.И., 1982а, с. 20, рис. 5,5; о дате см. стр. 21-22.

¹⁰ Биджиев Х.Х., Козенкова В.И., 1980, с. 236.

¹¹ Крупнов Е.И., 1960, с. 204.

¹² Сафронов В.А., 1974, с. 170.

¹³ Алексеева Е.П., 1971, с. 53; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983, с. 8-9.

¹⁴ Kemenczei T., 1984, s. 82, Taf. CCXIVa, 12-13; Mozsolics A., 1985, s. 82, Taf. 278; Крушельницкая Л.И., 1985, с. 80-82, рис. 25, 7-9.

¹⁵ Козенкова В.И., 1982а, с. 29.

¹⁶ Козенкова В.И., Найденко А.В., 1980, с. 201, рис. 5, 39.

¹⁷ Анфимов Н.В., 1961, с. 124, табл. III, 7.

¹⁸ Козенкова В.И., 1982, с. 149, табл. I, 11.

¹⁹ Там же, табл. I, 7, 16; IX, 6.

²⁰ Vočkarov V.S., Leskov A.M., 1980, Taf. 3, 32.

²¹ Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983, с. 10.

²² Там же, с. 12.

²³ Козенкова В.И., 1982, с. 6, табл. I, 12, 15, 18, 19; II, 1-4, 7-8, 10.

²⁴ Ильинская В.А., 1968, табл. III, 5; LII, 6; Либеров П.Д., 1965, табл. 15, 3.

²⁵ Ильинская В.А., 1968, с. 171.

- ²⁶ Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н., 1976, с. 44, 61, рис. 7, 15; в архиве Н.Н.Михайлова сохранились первоначальные данные об условиях находки. Нож длиной 11,5 см отлит в одностворчатой форме. Обнаружен в каменном ящике 2 в части могильника с условным названием "парк-центр" (по Указателю - это участок 3 (Указ., 90))
- ²⁷ Черных Е.Н., 1976, с. 113, табл. XXXIV, 1-2.
- ²⁸ Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969, с. 110; Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 319; Смирнов К.Ф., 1964, с. 53, рис. 35А,Б; Барцева Т.Б., 1981, с. 64-65, рис. 27, 5-7. Сравнительно новые материалы из Нартанского могильника конца VII - начала VI вв. до н.э. дополнили наши сведения о ножах XII типа. В курганах 5 и 7 обнаружены рядом с жертвенной пищей два таких железных ножа. Особенно близок Султангорским нож из кургана 5 (Батчаев В.М., 1985, с. 23, 26, табл. 19, 5; 23, 6).
- ²⁹ Козенкова В.И., 1989, с. 82.
- ³⁰ Ковалевская В.Б., 1984, с. 51.
- ³¹ Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 35.
- ³² Терехова Н.Н., 1983, с. 115-116; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997, с. 48-68.
- ³³ Козенкова В.И., 1982, с. 7, табл. I, 20-24.
- ³⁴ Черных Е.Н., 1976, с. 106.
- ³⁵ Самая последняя находка тесловидного топора I типа происходит из клада близ станции Упорной в бассейне реки Урупа (т.е. в пограничной зоне между кобанской и прикубанской культурами), где она находилась в великолепном комплексе с кобанскими топорами, кинжалом и раннебелозерскими кельтами не позднее XII в. до н.э. (Аптекарев А.З., Козенкова В.И., 1986, с. 122, рис. 1, 4).
- ³⁶ Сафронов В.А., 1974, с. 169. Правильно, на наш взгляд, определив место этих находок в типологическом ряду и их относительную хронологию, В.А.Сафронов, к сожалению, прошел мимо того факта, что эти тесла-топоры находились в комплексе с вещами кобанского облика, что чрезвычайно важно для их культурной атрибуции.
- ³⁷ Крупнов Е.И., 1958, с. 185, рис. 5, 8.
- ³⁸ Коридзе Д.Л., 1965, табл. XIV, 7-8; XXXVII, 15-16; XLI, 12-15.
- ³⁹ Крупнов Е.И., 1960, с. 122.
- ⁴⁰ Козенкова В.И., 1982, табл. III, 30, 32.
- ⁴¹ Petrescu-Dimbovița M., 1977, Pl. 74, 46.
- ⁴² Смирнов К.Ф., 1964, рис. 9, 34, 40.
- ⁴³ Козенкова В.И., 1982, с. 7-8, табл. III, 1-5.
- ⁴⁴ Дударев С.Л., 1979, с. 125.
- ⁴⁵ Козенкова В.И., 1975, с. 96-97.
- ⁴⁶ Козенкова В.И., 1982, с. 8, табл. III, 14.
- ⁴⁷ Там же, с. 8, табл. III, 22.
- ⁴⁸ Там же, 1982, с. 8, табл. III, 41, 43-45.
- ⁴⁹ Черных Е.Н., 1976, с.109 (тип Т-22); Vočkarev V.S., Leskov A.M., 1980, Taf.3, 29 (клад литейных форм из Волошское I); Leskov A.M., 1981, s. 23, Taf. 4A2 (долото из Трехизбенного).
- ⁵⁰ Vočkarev V.S., Leskov A.M., 1980, s. 57.
- ⁵¹ Козенкова В.И., 1982, табл. III, 45.
- ⁵² Мелюкова А.И., 1961, с. 31-32, рис. 13, 3-4.
- ⁵³ Чартолани Ш.Г., 1977, табл. XXXI, 1-2, (сел. Лахили).
- ⁵⁴ Коридзе Д.Л., 1965, с. 157-158, табл. XXXVII, 1.
- ⁵⁵ Воронов Ю.Н., 1969, с. 27 (пос. Н.Афон), 41 (Тагилони), табл. XXXVI, 22, 24-26.
- ⁵⁶ Куфтин Б.А., 1944, с. 317, рис. 15, 5 (Джари-Худонь).
- ⁵⁷ Там же, рис. 15, 3.
- ⁵⁸ Иессен А.А., 1951, с. 108-111.
- ⁵⁹ Там же, с. 109, рис. 45.
- ⁶⁰ Там же, с. 109.
- ⁶¹ Козенкова В.И., 1981, с. 29-43.
- ⁶² Козенкова В.И., 1982, с. 153, табл. IX, 19; Motzenbäcker I., 1996, Taf. 5, 8.
- ⁶³ Иессен А.А., 1935, с. 119, рис. 14, 5; Коридзе Д.Л., 1965, с. 25, 154.
- ⁶⁴ Чартолани Ш.Г., 1977, табл. XXXII, 3, 4.
- ⁶⁵ Черных Е.Н., 1981, с. 19-25.

- ⁶⁶ Косвенным подтверждением нашему заключению может быть, например, литейная форма из Вознесенки раннебелозерского этапа с негативами сразу двух, чрезвычайно близких северокавказским, типов серпов (Voškarev V.S., Leskov A.M., 1980, Taf. 8, 68).
- ⁶⁷ Иессен А.А., 1951, с. 110.
- ⁶⁸ Нечитайло А.Л., 1971, рис. 11, 4.
- ⁶⁹ Иессен А.А., 1951, с. 108.
- ⁷⁰ Лесков А.М., 1967, с. 171-173; там же, с. 56-57; Черных Е.Н., 1981, с. 25; Сафронов В.А., 1974, с. 169.
- ⁷¹ Лесков А.М., 1967, рис. 14, 24-28.
- ⁷² Иессен А.А., 1951, с. 117.
- ⁷³ Там же, с. 108.
- ⁷⁴ Козенкова В.И., 1982, табл. V, 5-6.
- ⁷⁵ Крупнов Е.И., 1960, с. 199.
- ⁷⁶ Козенкова В.И., 1982, табл. VII, 6. Пест II типа входил в комплекс, вероятно, конца II тысячелетия до н.э., раскопанного в 1962 году М.Н.Ложкиным погребения у хутора Ильич Отрадненского района Краснодарского края. (Архив ИА АН СССР, Р-1, №2649). По особенностям обряда (каменный ящик, скорченное погребение) погребение, видимо, относилось к самым ранним кобанского типа, расположенным на границе ареала (бассейн Урупа).
- ⁷⁷ Козенкова В.И., 1982, табл. VII, 3.
- ⁷⁸ Там же, табл. VII, 1.
- ⁷⁹ Дударев С.Л., 1979, с. 124.
- ⁸⁰ Козенкова В.И., 1982, табл. V, 24.
- ⁸¹ Там же, табл. VIII, 3, 10, 11.
- ⁸² Козенкова В.И., 1982, табл. VIII, 14, 15.
- ⁸³ Алексеева Е.П., 1971, с. 305; Членова Н.Л., 1976, рис. 48, 3, с. 16.
- ⁸⁴ Иессен А.А., 1951, с. 176.
- ⁸⁵ Дударев С.Л., Березин Я.Б., 1978, с. 118.
- ⁸⁶ Козенкова В.И., 1982, табл. IX, 12, 14.
- ⁸⁷ Иессен А.А., 1951, с. 99, 103 рис. 35.
- ⁸⁸ Voškarev V.S., Leskov A.M., 1980, Taf. 2, 15a; 24b.
- ⁸⁹ Козенкова В.И., 1982а, с. 19, рис. 4.
- ⁹⁰ Козенкова В.И., 1982, с. 11, табл. V, 13-20.
- ⁹¹ Петренко В.Г., 1982, с. 71, рис. 3.
- ⁹² Батчаев В.М., 1985, с. 7-8, табл. 1, 2, 15, 19.
- ⁹³ Там же, табл. 3, 10.
- ⁹⁴ Там же, с. 15-16, табл. 7, 9.
- ⁹⁵ Крупнов Е.И., 1960, с. 204.
- ⁹⁶ Тереножкин А.И., 1976, с. 148.
- ⁹⁷ Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966, с. 134, 142, рис. 8, 3-4.
- ⁹⁸ Пиотровский Б.Б., 1952, с. 48, рис. 25.
- ⁹⁹ Членова Н.Л., 1984, с. 85-86.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 83, 86.
- ¹⁰¹ Козенкова В.И., 1982, с. 11-12, табл. VI.
- ¹⁰² К сожалению, более точными данными мы не располагаем, так как материалы опубликованы суммарно, а отчет отсутствует в архиве ИА АН СССР.
- ¹⁰³ Батчаев В.М., 1985, с. 11, табл. 3, 16, 23.
- ¹⁰⁴ Козенкова В.И., 1982, с. 13.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 13, табл. IV, 37.
- ¹⁰⁶ Батчаев В.М., 1974, с. 101, 305, рис. 23, 10.
- ¹⁰⁷ Батчаев В.М., 1985, с. 8, 55, табл. 1, 16.

УКРАШЕНИЯ

Ареал западного варианта кобанской культуры¹ насыщен предметами украшения костюма в еще большей степени, чем в восточных районах распространения культуры². Большинство учтенных в данном Своде изделий происходит из могильных комплексов, но значительна часть и случайных находок, а также происходящих из кладов бронзолитейщиков. Систематизация украшений проведена в том же ключе, что и для восточного варианта. Несмотря на ее несовершенство в ряде случаев, считаю целесообразным все же сохранить ее основу, так как это позволяет проводить сквозное сравнение типов и вариантов изделий внутри ареала культуры. В будущем же это позволит при создании более совершенной типологии и классификации использовать накопленные источники, известные до 1985 года. Следует, однако, указать, что после этого периода новые памятники малочисленны, фактически не опубликованы и не влияют на основные выводы относительно характера и особенностей этой группы материалов.

В данном Своде учтено около 3500 различных украшений, составляющих по своему назначению 13 групп. В отличие от ареала восточного варианта, в Своде не представлены бусы, так как практика показала, что эта специфическая группа украшений требует самостоятельной разработки. При систематизации украшений западного варианта продолжен сквозной перечень типов, предложенный при описании предметов из ареала восточной группы культуры. Это позволяет определить значимость, характер и особенности уже известных типов вещей и отчетливо выявить, какие типы и варианты характерны для конкретно изучаемого варианта культуры.

Украшения позволяют полно, достоверно и массово представить ареал расселения древних кобанцев, специфику культуры варианта внутри этого ареала, а также специфику культуры микрогрупп родственного населения западной половины центральной части Северного Кавказа. В определенной степени прослеживается и динамика развития тех или иных форм украшений во времени. Выявляется избирательность местного населения к тем или иным типам, что может отражать и его этнические особенности в пределах Кавказского региона.

В основу типологии положены морфологические признаки, независимо от материала (металл, кость, камень). Как и всякая типология, в том числе и предложенная в Своде условна и может измениться по мере накоп-

ления новых данных и усложнения методики их обработки.

Серьги (13 экз., все бронзовые). Выделяется 8 типов. Причем кроме известных на востоке³, в изучаемой группе зафиксированы 4 новых типа серег (VIII-XI типы). Отсутствуют I, IV и VI типы, известные в ареале восточного варианта. Учтены лишь следующие.

II тип (2 экз.). Серьги бронзовые в виде овального кольца с незамкнутыми концами (табл. IX, 1). Один конец слегка отогнут. Сечение проволоки круглое. Размер 1,6×1,8 см (погреб. 8 Березовского 1 могильника, раскопки 1938 г.; погреб. 10 могильника 1 на Мебельной фабрике в Кисловодске). Аналогии известны в могильнике Исти-су, в погребениях VI в. до н.э.⁴, но на западе они входят в погребения не позднее первой половины VII в. до н.э. Об этом свидетельствует, например, комплекс погреб. 10 (1938) Березовского 1 могильника, в составе которого имелись конусовидная ворворка и бляха с четырехлучевой розеткой⁵.

III тип (1 экз.). Серьга бронзовая в форме конусовидной спирали с незамкнутым колечком для подвешивания; типа известных в Нестеровском могильнике и в могильнике Исти-су скифского периода⁶. Серьга упомянута среди материалов погреб. 1 Эшкаконского могильника конца II тыс. до н.э.⁷ Имеется лишь описание, размеры не указаны. Так что представление об этом типе в определенной мере предположительно (табл. IX, 2).

V тип (1 экз.). Серьга бронзовая биконической формы с незамкнутым кольцом для подвешивания. Происходит из погреб. 3 под курганом Заюковского могильника 1 (Указ., 13), раскопки К.Э.Гриневича в 1949 г.⁸ Представлен *второй* вариант полой серьги, скрученной из тонкой пластинки. Ушко повреждено. Размер: высота 2,2 см, наибольший диаметр 0,9 см (табл. IX, 3). Аналогии биконическим серьгам хорошо известны в памятниках конца VII - VI вв. до н.э. не только в ареале кобанской культуры, но и за его пределами⁹. Биконические серьги свидетельствуют о связи с переднеазиатскими областями, не без посредничества Закавказья (Вани). В отличие от центрального варианта, и в особенности восточного, где этот тип обычен, на территории западного варианта такие находки эпизодичны.

VII тип (3 экз.). Серьги бронзовые, калацеобразной формы с несомкнутыми концами и расширением по центру кольца. Размер 1,5×1,5 см (табл. IX, 4). Происходят из двух памятников (погреб. 35 могильника 1 на Ме-

бельной фабрике и из кургана 1 у сел. Таллык). Аналогии калачеобразным серьгам имеются в основном в памятниках скифского периода VI-V вв. до н.э.¹⁰ Именно этим временем может быть датирован по составу инвентаря Таллыкский курган¹¹. Серьга из погреб. 35 более раннего периода, так как в комплексе имелись изделия (керамика, бляхи, пряслице), характерные для VIII-VII вв. до н.э.

VIII тип (1 экз.). Серьга бронзовая, изготовленная из разломанного браслета с насечками на концах (табл. IX, 5). Основу составляло овальное кольцо с сомкнутыми концами. На кольцо прикреплена привеска из половинки браслета, один конец которого загнут в петлю. Размер: 2,3×3,2 см; длина привески 5,2 см. Серьга происходит из погреб. 5 могильника Уллубаганалы 2. Аналогий такой форме нет. Да вряд ли они и появятся, так как подобного типа изделия каждый раз индивидуальны, поскольку представляют собой по сути вторичное использование совершенно другого по назначению изделия. Подобные примеры известны в других памятниках кобанской культуры, например, серьга IV типа из кургана 8 Урус-Мартановского могильника VI в. до н.э., изготовленная из сломанной фибулы¹². Дата серьги из Уллубаганалы определяется по комплексу из могилы, главным образом по железному акинаку с почковидным перекрестием. Она не позднее середины VI в. до н.э.

IX тип (2 экз.). Серьги бронзовые в форме двух шариков, соединенных вместе и прикрепленных к длинной овальной петле, концы которой не сомкнуты. Размеры: высота 3,5 см, ширина петли 0,9 см, наибольший диаметр шарика 0,7 см (табл. IX, 6). Серьги происходят из разрушенного погребения Минералводского могильника (группа могил второго типа). Хронология их определена Г.Е.Афанасьевым и А.П.Руничем V в. до н.э.¹³ Аналогии неизвестны.

X тип (1 экз.). Серьга бронзовая, конусовидной формы. Вершина конуса опрокинута вниз, а к основанию прикреплено колечко для подвешивания серьги (табл. IX, 7). Изготовлена из бронзовой пластинки и круглой в сечении проволоки. Происходит из слоя поселения "Остров" на Ставропольской возвышенности, в 1,5 км от большого Краснознаменского кургана (Указ., 159/1). Размеры: высота серьги 2,5 см, диаметр основания конуса 1,1 см. Аналогии неизвестны. Датировается скорее всего скифским периодом, так как недалеко найден трехлопастный втульчатый наконечник стрелы VI-V вв. до н.э.¹⁴

XI тип (2 экз.). Серьги бронзовые, составные. Основа - круглое колечко с заходящими друг за друга концами диаметром 1,4-1,5 см.

На колечко прицеплена овальная привеска, скрученная из проволоки в 1,5 оборота. Сечение проволоки круглое диаметром 0,3 см (табл. IX, 8). Размеры привески 1,5×3,5 см. Серьги происходят из случайно разрушенного погребения скифского периода близ г. Ставрополя (музей, инв. №12964; Указ., 209/4). Аналогии неизвестны.

Таким образом, серьги - не характерный тип украшений на территории западного варианта кобанской культуры. Малочисленность и в то же время разнообразие свидетельствует о том, что отношение к данному виду украшений было не устоявшееся, диктуемое модой, наивысший расцвет которой падает на скифский период. Однако нельзя отрицать и того, что наиболее простейшие формы серег, таких как типы II и VII, имели место и в более раннее время. Нетипичность этой группы украшений, как и на востоке ареала, объясняется тяготением к другим видам украшений, главным образом к височным подвескам.

Височные подвески (200 экз., из них 4 - золото, 3 - серебро, 4 - сурьма, остальные бронзовые). Как и на востоке ареала, височные подвески были массовыми украшениями, как женского, так и мужского головного убора. Для мужчин обычным было украшение лишь одной подвеской, главным образом в виде спирального кольца в 1,5-4 оборота. В отличие от восточного варианта в зоне распространения памятников западного варианта отмечено большее разнообразие типов и вариантов подвесок. Отмечены почти все известные на востоке типы, за исключением типа V, составлявшего специфику Серженьюртовского могильника. В основу типологии положены морфологические признаки. Для данной группы населения характерны следующие **семь типов** височных подвесок (табл. IX, 9-21). Количественное соотношение приведено в таблице 1 (см. Приложение 1).

I тип (11 экз., из них 1 - серебро, остальные бронзовые). Привески в форме простого кольца из проволоки, круглой или ромбической в сечении. Концы сомкнуты тесно, иногда слегка заходя друг за друга (табл. IX, 9-10). Диаметр подвесок - 2-3,5 см. Отдельные привески украшались иногда сплошной поперечной насечкой по окружности, как, например, на серебряном кольце из Ставропольского кургана (Указ., 206), раскопанного в 1881 году (табл. IX, 9). Изредка на кольца нанизывались бронзовые колечки. Такой вариант височных колец известен из погребения на Домбай-Ульгене (Указ., 172/1)¹⁵. Наиболее ранние из них, конца II тыс. до н.э., происходят из гробницы 1 в Терезе

(табл. IX, 10), более поздние обнаружены в погребении в Тебердинском заповеднике (Указ., 176) и в погреб. 7 Инжиччукунского могильника. Три височных кольца I типа входили в состав Верхне-Баксанского клада (Указ., 2/1). Наиболее поздними, как и на востоке ареала культуры, являлись кольцевидные подвески с дополнительными привесками, типа Домбай-Ульген. Дата их по комплексу большинства изделий V-III вв. до н.э.

II тип (82 экз., из них 1 - серебро, 2 - сурьма, остальные бронзовые). Височные подвески в форме спирали, скрученной из проволоки или из узкой пластины в 1,5-3,5 оборота (табл. IX, 11-13). Диаметр подвесок - 1,5-2,5 см. Так же, как и на востоке, представлены не менее, чем *восемью* разнообразными *вариантами*¹⁶ (таблица 2). Близкие по форме, но сурьмяные спиральные кольца *восьмого варианта* происходят из погребения 9 Эчкиважского могильника. Золотые спиральные кольца в три оборота обнаружены в погреб. 11 могильника Уллубаганалы 2 (*вариант б*). В погреб. 5 могильника Инжиччукун имела место оригинальная подвеска *четвертого варианта*, скрученная в 1,5 оборота из тонкой пластины, украшенной с лицевой стороны тонкой гравировкой в виде пояса из косых насечек (табл. IX, 11). Но наиболее многочисленны небольшие мужские спиральные подвески в 3-3,5 оборота, как в погреб. 3 Тамгацкского могильника (табл. IX, 13). Хронология височных подвесок II типа широка. Наиболее ранние отмечены в гробнице 1 могильника Терезе, не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. Самым началом I тыс. до н.э. по сопутствующему материалу датируются подвески из Инжиччукунского могильника, Эчкиважского, Кисловодского, Белореченского 2 могильников. По оружию скифского типа (кинжалы, топоры) VII-VI вв. датируются подвески из погребений могильника Уллубаганалы 2. Все варианты спиральных подвесок II типа имеют аналогии, а иногда и тождество среди подвесок восточного варианта.

III тип (1 экз.). Лопастная бронзовая подвеска кольцевидной формы. Сечение выпукло-вогнутое. Лопаста 0,7 см шириной и с узкой перемычкой. Лопаста заходят друг за друга. Диаметр кольца - 3,3 см (табл. IX, 14). Форма представляет разновидность колец, известных в массовом числе на восток ареала (Сержень-Юрт, Аллерой, Зандак, Шали). Подвеска происходит из погреб. 9 Инжиччукунского могильника, входящего в группу могильников II этапа (X - сер. VII вв. до н.э.) западного варианта¹⁷ и занимающего в этой группе наиболее ранний рубеж не позднее II-I тыс. до н.э.¹⁸ Генезис этой формы

связан с подвесками из погребений XIV-XIII вв. до н.э. в Юго-Осетии (Нульский и Квасательский могильники)¹⁹.

На Центральном Кавказе наиболее ранние из них известны в Юго-Осетии, откуда они могли проникнуть в бассейн Кубани с первой волной раннекобанской культуры в конце II тыс. до н.э., а еще позднее оказались на востоке ареала.

IV тип (63 экз.). Бронзовые подвески овальной формы с заходящими друг за друга концами (табл. IX, 15-16). Из *четырёх вариантов* таких подвесок, известных на востоке, в изучаемой группе представлены *1 и 2 варианты*, т.е. наиболее ранние разновидности.

1) подвески из бронзовой тонкой проволоки, овальной в сечении. Размеры подвесок - 1,5-3,5 см (Аман-кол, Верхнебаксанский клад, Былымский клад).

2) подвески с узкой перемычкой и отходящими от нее раскованными в виде нешироких лопастей концами, заходящими друг за друга. Размеры - 2×3,5 см (Терезе, гробн. 1; Инжиччукунский могильник; Сосновая горка-1, погреб. 2 и 3; предметы из коллекции Д.А. Вырубова с Баксана).

Подвески IV типа широко известны в памятниках Большого Кавказа с эпохи средней бронзы. Массово они представлены со второй половины II тыс. до н.э. в Юго-Осетии, в Дагестане (каякентско-хорочоевская культура). В памятниках восточного варианта они отражают контакты именно с последней. В изучаемой группе они составляют особенность наиболее ранних памятников западного варианта рубежа II-I тыс. до н.э. Для эпохи раннего железа не характерны.

VI тип (27 экз.). Бронзовые подвески сложной формы: овальные, с дважды изогнутыми, заходящими друг за друга лопастями, отходящими от узкой перемычки (табл. IX, 17, 18). Из трех известных по материалам восточного варианта разновидностей в изучаемой группе западнокобанских памятников представлены подвески *первого варианта*²⁰. Но здесь они большего размера и относятся к более раннему времени. Они представляли как бы начало ряда, в котором однотипные предметы на востоке служили замыкающими и доживали кое-где до скифского периода.

Наиболее выразительные экземпляры VI типа имели место в гробн. 1 и 2 могильника Терезе (табл. IX, 17), а также в гробн. 1 Эшкаконского могильника (табл. IX, 18). Три экземпляра происходят из разрушенных в 1935 году подкурганых погребений близ Заюково в Баксанском ущелье. Обломки одной такой подвески имели место в погребении на "Солнечной поляне" в Домбае (Указ., 172/1). Все учтенные в данном своде височные подвески VI типа (за исключением домбайской)

обнаружены в памятниках конца II - начала I тыс. до н.э. и дают представление о ранних типах украшений женского головного убора. Аналогии в других культурах таким подвескам неизвестны, за исключением кладов золотых украшений в Подунавье на территории Венгрии. Но там они относятся к горизонту кладов поздней бронзы (т.н. группа Опай В IV, по А.Можолнич), датирующихся XIII - первой половиной XII в. до н.э.²¹

VII тип (13 экз.). Подвески бронзовые, кольцевидные, изготовленные из узкой пластины с расширенными концами, заходящими друг за друга. Подвески напоминают III тип (см. выше), но отличаются сечением лопастей и отсутствием специально оформленной узкой перемычки. Диаметр колец 3,5-4 см (табл. IX, 19-20).

Подвески седьмого типа обнаружены в гробницах 1 и 2 могильника Терезе, в погреб. 1 Эшкаконского могильника, в подкурганном разрушенном погребении близ Заюково (1935) и среди случайных находок в могильнике Индустрия-1 (1967). Экземпляры из Терезе и Индустрии отличались тем, что пластина, из которой они изготовлены, была рифленой, как у пластинчатых кобанских браслетов, что свидетельствует об их отливке в специальной односторчатой литейной форме. Аналогии предметам неизвестны. Не исключено, что происхождение данной формы связано с влиянием одной из групп Гальштаттской культуры конца II тыс. до н.э.

VIII тип (3 экз., из них 2 - сурьма, 1 - бронза). Височные подвески из спиралевидно свернутого кольца, один конец или оба конца которого заканчиваются плоско раскованной шляпкой (гвоздевидная форма). Размер 2,5×2,5 см, диаметр шляпки - 0,9-1 см. Одна такая подвеска из сурьмы происходит из погреб. 1/2 (1958 г.) Березовского 1 могильника; вторая, также сурьмяная, имела место в погреб. 3/6 (1969 г.) в могильнике Индустрия-1 (табл. IX, 21). Экземпляр из бронзы отмечен в комплексе погребения 6/9 могильника Султан-гора-1 (траншея II). Судя по составу инвентаря, все подвески данного типа входили в мужские захоронения VII-VI вв. до н.э. Аналогии им известны за пределами Северного Кавказа в памятниках новочеркасского типа (Высокая могила, Львово), где они так же единичны. На наш взгляд, поскольку в северокавказских комплексах они более ранние, они попали в Северное Причерноморье в результате контактов с населением западного варианта кобанской культуры.

Подводя итог характеристике височных подвесок, можно сказать, что для западного варианта наиболее характерными были височные подвески II и IV типов. Подвески VI-

VIII типов составляли специфику данной группы.

Пуговицы (283 экз., из них 6 - костяных, 75 - сурьмяных, 1 - янтарная, остальные бронзовые). В изучаемой группе представлены все типы, известные в ареале восточного варианта (за исключением четвертого), т.е. I-III и V типы. Но, кроме того, учтены еще четыре типа, неизвестные на востоке ареала. Это - VI-IX типы. Однако отметим, что для IX типа (табл. X, 17) только на востоке известна литейная форма в слое Бамутского поселения, что свидетельствует об изготовлении в X-VIII вв. до н.э. подобных изделий в местных кобанских бронзолитейных мастерских²².

I тип (2 экз.). Бронзовые пуговицы, изготовленные из крестовидной пластины, концы которой загнуты к середине. В центре пластины отверстие для прикрепления к одежде. Из известных на востоке представлен в изучаемой группе только первый вариант²³, т.е. классический кобанский тип (табл. X, 1-2). Размеры пуговиц более массивные: 3,4×3,4; 3,6×3,6 см. Одна пуговица происходит из разрушенного подкурганного погребения близ Заюково (1935 г.); вторая - случайная находка 1926 года, хранящаяся в Нальчикском музее и предположительно также из Баксанского ущелья. Хронология пуговиц I типа определяется в кобанских памятниках XI-VIII вв. до н.э., главным образом в погребениях, по сопутствующим вещам.

II тип (158 экз.). Бронзовые выпукловогнутые пуговицы с узкой скрытой перемычкой-петлей на оборотной стороне. Диаметр пуговиц - 0,9-2,5 см (табл. X, 3-5).

Выделяются два варианта.

1) пуговицы с шаровидно-выпуклой лицевой поверхностью (табл. X, 3-4). Их больше всего, различаются они только размером. Мелкие пуговицы диаметром 0,9-1 см имели место в Эшкаконском могильнике, в погреб. 8 могильника Уллубаганалы 2, в погребениях на усадьбе Ягодкиных в Кисловодске, в Инжиччукунском могильнике. Но имелись и крупные - 2-2,5 см. Они типичны для многих как ранних, так и поздних памятников западного варианта (таблица 2). Наиболее ранние из них конца II - начала I тыс. до н.э., происходят из могильника Терезе (табл. X, 4), подавляющее большинство относится к VIII-VII вв. до н.э. (Заюково, Каменноостровский, Эчкивац, Березовский 1, Кисловодский, Мебельная фабрика, Индустрия и многие др.). Но они имели место и в памятниках скифского времени (Заюково, Каррас). Они типичны для всего ареала ко-

банской культуры и культур сопредельных территорий.

2) пуговицы с конусовидным выступом на лицевой стороне (табл. X, 5). Диаметр 1,6 см. Они встречаются довольно редко, и как правило, в могильниках I и II этапов развития культуры западного варианта²⁴ (Кич-малка, Заюково-Атажукин I, Терезе). Аналогии им часты в памятниках центрального варианта (Тли, Кобань и др.).

III тип (9 экз.). Дисковидные плоские или слегка выпуклые пуговицы с малой круглой или дуговидной петлей, выступающей на оборотной стороне (табл. X, 6-8). Диаметр - 1,8-3,2 см. Представлены в изучаемой группе *тремя вариантами*, причем 1 и 3 известны на востоке. Вариант 2 отсутствует.

1) плоские или слегка выпуклые гладкие пуговицы (табл. X, 6). Имели место в памятниках раннего периода в Баксанском ущелье (Заюково-Атажукин I), в погреб. 1 могильника Уллубаганалы 2.

3) пуговицы выпуклые, с рельефным концентрическим ободком по краю (табл. X, 7) на лицевой стороне. Найдены в гробн. 1 могильника Терезе и относились к I этапу развития культуры западного варианта. Точные аналогии неизвестны.

4) пуговицы слегка выпуклые, с прорезными треугольниками на лицевой поверхности (табл. X, 8). Имели место в могильнике "Южный" (1968 г.) и в двух погребениях могильника Уллубаганалы 2 (погреб. 14, 22). Оба памятника относились к III этапу развития культуры западного варианта²⁵. Точные аналогии неизвестны, но прием подобной орнаментации зафиксирован в памятниках первой половины I тыс. до н.э. центрального варианта кобанской культуры (например, в погреб. 248 Тлийского могильника)²⁶.

V тип (82 экз., из них 1 - янтарная, 6 - костяных, 75 - сурьмяных). Дисковидные или овальные пуговицы, с гладкой или слегка выпуклой лицевой поверхностью. Обратная сторона утолщенная, с поперечным сквозным каналом для прикрепления к одежде (табл. X, 9-12). Именно форма крепления является отличительным типологическим признаком. Он характерен для подобных предметов эпохи поздней бронзы до самого начала I тыс. до н.э. на широкой территории Юго-Восточной Европы и даже Азии. Выделяются *три варианта* таких пуговиц.

1) пуговицы костяные или роговые. Размеры - 1,8×2,6; 2×2,8 см; толщина 0,4-0,6 см (табл. X, 9-10). Они имели место в Заюковском могильнике (раскопки В.И.Долбежева 1888 г.), в гробницах 1 и 2 могильника Терезе, в материалах первого этапа развития культуры западного варианта. Аналогии известны в Зандакском, Кескемском и Майр-

тупском могильниках, а также в Змейском поселении. Появление их в памятниках кобанской культуры связано скорее всего с проникновением на Северный Кавказ элементов белозерской культуры (XII-X вв. до н.э.) и тесными контактами с киммерийской культурой черногогорского этапа (по А.И.Тереножкину). Поэтому как эпизодическое переживание подобной формы следует рассматривать фрагмент янтарной пуговицы со сквозным каналом из погреб. 3 Тамгацкого могильника скифского периода.

2) второй вариант представлен дисковидными, конически выпуклыми пуговицами из сурьмы (табл. X, 11). Диаметр их 1,2 см, толщина 0,9 см. Они имели место в Заюковском (Атажукинском) могильнике (коллекция В.П.Ренгартена), а также в погребении 8 Каменноостского могильника (1949, К.Э.Гриневич). Можно полагать, что пуговицы из сурьмы составляли специфику комплексов из могил кобанской культуры Баксанского ущелья, т.к. аналогии в других памятниках этим предметам отсутствуют.

3) третий вариант представлен дисковидными, сферически выпуклыми мелкими пуговицами с выступающим ободком и плоской тыльной стороной. Поперечный сквозной канал для прикрепления проделан с лицевой стороны (табл. X, 12). Все пуговицы этого варианта отлиты из сурьмы. Они обнаружены лишь в двух могильниках Кисловодской котловины (Агачевский могильник, погреб. 13 и 54; Сосновая горка-1, погреб. 3). Оба памятника относятся ко II этапу развития культуры западного варианта. Аналогии предметам неизвестны. Они составляли специфику материалов указанных памятников.

VI тип (25 экз.). Бронзовые литые пуговицы ромбовидной формы. В сечении слегка выпуклые. На оборотной вогнутой стороне поперечная скрытая узкая перемычка - петля для прикрепления к одежде. Размеры 1,2×2,6, 1,2×2,8 см; толщина 0,4-0,5 см (табл. X, 13-14). Ромбовидные пуговицы обнаружены в 8 памятниках западного варианта. Они имели место как в могильниках (Заюково, Мукулан, Хабаз, Каменноостский, Березовский 1, Терезе, Мебельная фабрика), так и в кладах (Былым). Все учтенные находки входили в комплексы I и II этапов развития культуры в изучаемом регионе. Наиболее ранними были пуговицы из Былымского клада и из гробн. 1 могильника Терезе. Большинство же, такие как из каменного ящика 8 в Каменноостском могильнике (раскопки К.Э.Гриневича 1949 г.), в каменных ящиках 1 и 2 Заюковского 1 могильника (1949 г.), в богатейшем женском погреб. 2/22 Березовского 1 могильника, и в особенности в воинском погреб. 15 могиль-

ника 1 Мебельная фабрика, свидетельствуют о широком распространении их в VIII-VII вв. до н.э. Аналогии им известны только в памятниках центрального варианта (Кобан) и появились в западной группе именно отсюда. В восточной группе они пока неизвестны.

VII тип (6 экз.). Бронзовые массивные пуговицы, изготовленные из пластины, вырезанной в виде трехлучевого знака. Концы загнуты вниз. В центре отверстие. В сечении имеют усеченно-коническую форму. Размер 3×3 см, высота - 2,2 см (табл. X, 15). Все они происходят из Заюковского 1 могильника раскопок разных лет (подкурганное захоронение, раскопанное В.И.Долбежеевым, т.н. курган "г"; разрушенное погребение под курганом 1935 г.). Аналогии пуговицам VII типа неизвестны, что позволяет говорить о специфичности их только для данного памятника.

VIII тип (2 экз.). Бронзовые литые массивные пуговицы усеченно-цилиндрической формы. Лицевая сторона сферически-выпуклая. Внутри предметы полые и имели скрытую перекладину-петлю (иногда крестовидную) для прикрепления. По окружности основания - прорезные треугольники. Размеры: диаметр 4 см, высота 1,5 см (табл. X, 16). Происходят из раннекобанских подкурганых погребений, разрушенных в 1933-1935 гг. близ Заюково в Баксанском ущелье. Аналогии им имели место в кромлехах конца XIV-XIII вв. до н.э. в Стырфазе в Юго-Осетии²⁷. По составу сопутствующего материала баксанские находки более поздние, но не позднее рубежа II-I тыс. до н.э.

IX тип (1 экз.). Бронзовая крестовидная литая пуговица, выпукло-вогнутая, с дуговидной петлей на обороте. Размеры: 1,5×1,5 см (табл. X, 17). Пуговица входила в комплекс воинского погребения 28 могильника 1 Мебельная фабрика в Кисловодске. Аналогии подобным изображениям на предметах широко известны в памятниках т.н. фрако-киммерийского типа. По мнению А.И.Тереножкина, они являлись характерной особенностью культуры киммерийцев VIII-VII вв. до н.э.

Специальный анализ материалов погребения 28, особенно кинжалов с однорядно-кольчатой рукояткой, привел нас в свое время к убеждению, что эта могила - одна из ранних в могильнике Мебельная фабрика, не позднее первой половины VIII в. до н.э., и дата его может быть изменена лишь в сторону удревнения²⁸. Одним из аргументов в пользу ранней даты данного типа пуговиц был факт находки литейной формы для них вместе с формой для серпов в слое Бамутского поселения, хронология которого в на-

стоящее время с уточнением абсолютной даты серпов белозерского типа XII-X вв. до н.э. скорее всего определяется не позднее IX в. до н.э. Таким образом, не исключено, что предположение некоторых исследователей (В.И.Ключко. В.Ю.Мурзин)²⁹ о необходимости удревнения т.н. "новочеркасской группы" до рубежа II-I тыс. до н.э. не лишено основания. Только в свете данного предположения находят убедительное объяснение, казалось бы, поздние (постчерногоровские) черты в материалах Бамута.

Перстни (25 экз., из них 2 - серебряных, остальные бронзовые). Предметы не столь частые, но достаточно известные, хотя и не так часто, как в восточной группе. В изучаемом ареале представлены три из четырех типов, известных на востоке. Это типы I-III (табл. X, 18-20).

I тип (3 экз.). Бронзовые, со щитком в виде закрученных в разные стороны плоских спиралей-волют. Диаметр перстней 2-2,5 см. В изучаемой группе представлен только *первый вариант*, известный в восточнокобанских древностях, т.е. перстни, скрученные в один оборот из круглой в сечении проволоки. Щиток состоит из небольших плоских спиралей диаметром 0,9-1 см. Все предметы происходят из Этокского могильника (погреб. 6, 8, 10) и датируются VII-VI вв. до н.э. (табл. X, 18). Аналогии известны, кроме восточной группы, и в памятниках центрального варианта (Кобанский и Моздокский могильники).

II тип (13 экз., из них 2 - серебряные, остальные - бронзовые). Перстни из узкой раскованной пластинки шириной 0,6-0,8 см, плоского или уплощенно-выпуклого сечения. Диаметр перстней 1,5-2 см (табл. X, 19). Обнаружены в 7 могильниках западнокобанского ареала (Хабаз, Заюково, Терезе, Николаевская, Каррас, Домбай, Тамгацик). Серебряные колечки II типа имели место в разрушенном в 1929 г. склепе в Хабазе (Баксан) и в погреб. 3 Тамгацикского могильника, датирующегося по железным однокольчатым удилам, булавам, янтарным бусам III этапом развития культуры западного варианта, видимо, VI в. до н.э. К этому же времени относятся бронзовые пластинчатые перстни из гробниц III и IV Каррасского I могильника (Чеснок-гора), из погребения на "Солнечной поляне" на Домбай-Ульгене, у Колонии Николаевской близ Пятигорска.

К наиболее ранним экземплярам относилось кольцо из гробницы 1 могильника Терезе (I период развития культуры). Простая форма перстней II типа имела широкие ана-

логии в разновременных памятниках всего ареала кобанской культуры.

III тип (9 экз.). Перстни из круглой в сечении бронзовой проволоки, свернутой в спираль в 2,5-4 оборота. Диаметр 1,7-2 см (табл. X, 20). Внешне напоминают II тип височных подвесок, но находки *in situ* позволяют выделить данный тип наручных украшений. Учтены находки из шести могильников (Инжиччукун, погреб. 4; Сосновая горка-1, погреб. 5; Каррас, гробн. I и V; Тамгацик, погреб. 6; Минводы; Домбай-Ульген - "Солнечная поляна").

Таким образом, перстни III типа известны по крайней мере с рубежа II-I тыс. до н.э. (Инжиччукун), но особенно широкое распространение они получили в скифское время. Они отмечены не только на востоке и западе ареала, но и в центральной его части (Кобан). С кобанскими связывал А.М.Лесков такие же многовитковые перстни из каменных ящиков скифского времени в Крыму³⁰.

Любопытно, что при общей большей архаичности материалов западной группы, по сравнению с восточной, в памятниках изучаемой группы не обнаружено костяных перстней IV типа, что является косвенным свидетельством различия в темпах развития культуры. В западной группе сменяемость типов проходила более интенсивно, чем на востоке, где долгое существование реликтов отмечено и для других категорий материальной культуры.

Привески представлены в ареале западного варианта кобанской культуры в еще большем разнообразии и богатстве, чем на востоке. Учтены не только почти все из известных там (исключение составили только III, V, XI типы), но и множество новых типов, находящихся аналогии в памятниках центрального варианта или составлявших специфику лишь западно-кобанских памятников. Большинство украшений костюма или головного убора обнаружено в могилах всех трех этапов развития культуры западного варианта. Многие типы развивались во времени, видоизменяясь в деталях формы от начала типологического ряда к его завершению. Учтено около 1600 изделий 38 типов. В основу типологии положены визуальные морфологические признаки. К *вариантам* относились особенности формы в рамках одного и того же типа. Конечно, не всегда они оказывались строги, но все же позволяли отграничить непохожесть групп между собой (табл. XI-XIII). Они включали изделия из камня, кости, бронзы, сурьмы.

I тип (7 экз.). Конусовидные бронзовые привески, скрученные из прямоугольного листа. Поверхность иногда украшалась вы-

пуклыми точками, пробитыми пуансоном (табл. XI, 1-2). От восточнокобанского отличались несколько иным способом свертывания в "кулечек". Размеры: высота 2,7-3,2 см, диаметр основания 0,7-0,9 см. Семь таких привесок происходят из Былымского клада первого этапа (XII-XI восточного варианта) до н.э. Происхождение их связано с более ранней культурой эпохи бронзы в этом районе, судя по известным находкам, например, из погребения 31 Нальчикского могильника и у сел. Урванского.³¹

II тип (более 400 экз.). Привески в виде бронзовых трубочек, свернутых из листа. Длина 3,5-21 см, диаметр 0,3-0,8 см (табл. XI, 2-5). Одно из самых типичных украшений западного варианта на протяжении всего существования группы.

Выделяются *3 варианта*.

1) трубочки-привески из гладкого листа.

2) трубочки-привески из рифленого листа.

3) трубочки-привески из гладкого листа с выпуклыми поперечными валиками (3-5 штук) на обоих концах.

Преобладали трубочки гладкие; более 90 штук было учтено рифленых трубочек-подвесок *второго варианта*. Они имели место в Заюковском 1 могильнике, в Каменноостском, Березовском-1, Султангорском 1 могильниках, в Клин-ярском-1 и "Южном", в Белореченском-2 и Инжиччукунском могильниках, а также в могильнике Каррас-1 (таблица 3). Примерно такое же количество учтено привесок *третьего варианта* (Эчкиваш, Березовский-1, Лермонтовская скала, Кисловодский, Мебельная фабрика-1, Индустрия-1, Белореченский-2).

Наиболее ранние, довольно крупные и длинные (до 21 см) трубочки из Былымского клада. Основная же группа датируется в пределах X - первая половина VII в. до н.э. Но известен этот тип украшений и в могилах скифского периода (Каррас, Таллык, Домбай-Ульген).

Как правило, трубочки-привески находили около головы или в области груди; что свидетельствует о том, что они были одним из компонентов сложного головного убора. Видимо, поэтому их чаще называют трубочками-накосниками. Обычно в могилах встречено от 2 до 5 трубочек. Но иногда число их могло доходить до двух десятков, например, в погреб. 9 Эчкивашского могильника их насчитывалось 12, а в погреб. 47 могильника 1 Мебельная фабрика - 18. Не исключено, что разные варианты трубочек явились своеобразными родовыми метами, отличавшими головные уборы представителей (точнее представительниц) родственных групп.

IV тип (7 экз.). Привески из бронзы, кольцевидной формы с выступающей петлей

в форме горизонтального рифленого канала-трубочки. Диаметр привесок 3-3,5 см, диаметр петли 0,9-1 см (табл. XI, 6). Различаются две разновидности.

Все предметы происходят из ранних памятников I-II этапов развития культуры. Три из них обнаружены в гробнице 1 Эшкаконского могильника, по одной имели место в гробнице 2 могильника Терезе, в разрушенном погребении Инжиччукунского могильника, среди находок из погребений из Баксанского ущелья (коллекция Е.Зичи) и в Бедыкском могильнике. Все находки морфологически сходны. От восточно-кобанских они значительно отличаются величиной и формой петли. Однако и те, и другие скорее всего продолжали линию развития известных сурьмяных и бронзовых кольцевидных привесок северокавказской культурной общности.

VI тип (6 экз.). Бронзовые привески очковидной формы из круглой в сечении проволоки. Размеры: 1,5-1,7 см, 3,5-3,5 см. Среди учтенных представлен, в основном, *вариант* без дополнительных разной формы прицепленных деталей. Таковы привески из погребения на Солнечной поляне в Домбае (табл. XI, 8), находки из разрушенных подкурганых захоронений на Баксане в 1935 г. (Заюково); очковидная привеска из Карраса (коллекция Г.Ф.Свинадзе). Однако имелись и привески с дополнением в виде прицепленной к завитку бронзовой цепочкой, как например в погребении 12 Этокского могильника (табл. XI, 7).

Все учтенные очковидные привески происходят из памятников III этапа, т.е. скифского времени. Можно предполагать, что только находка из Заюково более ранняя, но веские доказательства для этого отсутствуют.

Очковидные привески - обычные украшения во всем ареале кобанской культуры, но их значительно меньше по количеству, чем на востоке³², не говоря уже о памятниках центральной группы. Возможно, это связано с избирательным характером использования в различных родственных коллективах тех или иных форм.

VII тип (54 экз.). Бронзовые и сурьмяные колесовидные ажурные привески с солярным изображением в центре. Из четырех известных на востоке предметов, в изучаемой группе представлен только *первый вариант*: привески с изображением простого креста (табл. XI, 9-10). Диаметр 4 см. В отличие от восточно-кобанских, все привески отлиты в двустворчатых литейных формах. Кроме того, хорошо просматривается место литка в виде выступов. Обнаружены колесовидные привески в 12 памятниках погребального характера, причем только I и II этапов разви-

тия культуры. Таким образом, подтверждается наблюдение по восточно-кобанским экземплярам: позднее VIII в. до н.э. они фактически не встречаются, т.е. характерны для доскифского периода. Ранние находки происходят из гробниц 1 и 2 могильника Терезе, причем в последней их насчитывается 15 экземпляров. Морфология подтверждает высказанную мною ранее мысль о большом их сходстве с экземплярами из кладов срубной культуры второй половины II тыс. до н.э., точнее, раннебелозерского периода³³, который в настоящее время датируется XII-XI вв. до н.э.

Большинство же находок может быть датировано X-VIII вв. до н.э. (Инжиччукун, погреб. 2; Каменноостский могильник, погреб. 8 (1971); Мебельная фабрика 1, погреб. 7, 34; Березовский 1, погреб. 21; Эчкиваш, погреб. 8; разрушенные погребения в Мукулане; близ Кисловодска; на Сосновой горке там же). Привески из сурьмы имели место только в каменном ящике 8, раскопанном В.М.Батчаевым в Каменноостском могильнике в 1971 году. Вопрос о генезисе крестовидно-колесовидных привесок сложен. Хотя на Кавказе в более раннее время имели место близкие по форме, но они имели ушко, были меньше размерами и визуально мало напоминают западно-кобанские. Думается, что более вероятна линия связей со срубной общностью, поскольку нельзя сбрасывать со счетов исключительную морфологическую близость, а также находки других изделий, по происхождению указывающих на северные предкавказские территории. В частности, наличие, например, привесок VIII типа ножницеvidной формы, истоки которых также уходят в сабашиновско-белозерские древности³⁴. И хотя в изучаемой группе VIII тип отсутствует, он типичен для ранних могил Серженьюртовского некрополя³⁵ восточного варианта кобанской культуры, где эта форма адаптировалась в местной среде и стала отражать специфику локальной группы IX-VIII вв. до н.э.

IX тип (151 экз.). Пронизи-привески для ожерелья. Они внешне чрезвычайно разнообразны по дополнительным деталям, но объединены одним главным типобразующим признаком. Это цилиндрическая трубочка-канал длиной от 1,1 см до 3, 2 см, диаметром 0,6-0,9 см. В изучаемой группе представлено не менее 8 вариантов пронизей-привесок (табл. XI, 11-22), за исключением тех, что имели место в памятниках восточного варианта³⁶. Все западно-кобанские привески-пронизи данного типа бронзовые, литые с утратой литейной формы. Продолжая сквозную последовательную нумерацию вариантов, предложенную для восточного

варианта, дадим описание новых *разновидностей* - *вариантов* этого типа.

3) к третьему варианту относились пронизи-привески в виде трубочки с грибовидным отростком (табл. XI, 11-12). Они имели место в Каменномоетском могильнике (погреб. 6, 1971 г.; погреб. 2, 1949 г.), в могильнике Уллубаганалы 2 (погреб. 11, 14) и на одноименном поселении (кв. "Ц"), в Тамгацикском могильнике (погреб. 3) и в гробнице Карабашево, в Кяфарском кладе. В подавляющем большинстве, за исключением Кяфарского клада I этапа, все они датируются III этапом развития культуры.

4) к четвертому варианту относились пронизи-трубочки с одной зооморфной фигуркой барана, козла, лошади или птички (табл. XI, 15). Такие пронизи-привески имели место в Кяфарском кладе и в разрушенных погребениях на Баксане (коллекция Е.Зичи).

5) пятый вариант представлял трубочку-пронизку с грибовидным отростком, на котором была еще дополнительно приделана птичка. На поверхности трубочки косые рельефные валики (табл. XI, 13). Ожерелье из 10 таких пронизок-привесок принадлежало всаднику из погребения 3 могильника Терезе и по комплексу конской узды относится ко второй половине VIII в. до н.э. Подобные пронизи-привески доживают до скифского времени (погреб. 11 могильника Уллубаганалы 2).

6) к шестому варианту относились трубчатые пронизки, украшенные двумя фигурками животных и других разного рода: например, птички и козла. Такова серия фигурок с Баксана в коллекции Е.Зичи (табл. XI, 18) и из Кяфарского клада (табл. XI, 14-16).

7) седьмой вариант представляла трубочка-пронизка, украшенная 4-мя рельефными головками баранов. Она входила в состав Былымского клада XII-XI вв. до н.э. (табл. XI, 17).

8) к восьмому варианту отнесены трубочки-пронизки, украшенные фигуркой барана и дополнительно прицепленной на колечке конусовидной привеской с петлей из погребения 22 могильника Уллубаганалы 2, где они были в составе ожерелья. Их 18 экземпляров. Дата погребения, скорее всего, вторая половина VII в. до н.э. (табл. XI, 19).

9) несколько более упрощены, но также с шумящими конусовидными подвесками были пронизи-привески из погребения в могильнике "Южный" (табл. XI, 20), в склепе VI в. до н.э. Вако-жиле и одновременном склепе с трупосожжением в Карабашево (табл. XI, 21). В последнем их было более трех десятков.

10) к десятому варианту отнесена пронизка-привеска в виде трубочки с двоякоизогнутым отростком. Предмет скорее всего имитирует трубчатый топорик эпохи поздней бронзы, т.н. дигорского типа (Е.И.Крупнов) или типа Фаскау (С.Н.Кореневский)³⁷. Предмет происходит из Баксанского ущелья и входит в коллекцию Е.Зичи (табл. XI, 22).

Аналогии пронизям-привескам имели место в протокобанских памятниках Центрального Кавказа (Рача-Дигорский район)³⁸.

X тип (1 экз.). Каменная галька-привеска, овально-уплощенная. Размеры 1,8×2,7 см (табл. XI, 23). На одном из концов отверстие для привешивания. Представлена одним экземпляром в составе комплекса погребения 12 Этокского могильника VI в. до н.э. В отличие от восточной группы, такие каменные привески не характерны для изучаемой группы.

XII тип (3 экз.). Бронзовые привески из проволоки, скрученной в виде двух цилиндрических спиралей, разделенных высокой выступающей петлей. Длина 3,6-3,8 см, диаметр 0,5-0,7 см. Они имели место в трех погребальных памятниках. Наиболее ранняя входила в комплекс погребения в могильнике Аман-кол I этапа развития культуры западного варианта³⁹ (табл. XI, 24). И хотя найдено их очень мало, но несомненно, что доживают они до скифского периода (Каменномоетский, случайная находка; Этокский могильник, погреб. 12 (табл. XI, 25)).

Аналогия известна только в погребении 35 Серженьюртовского могильника. Не исключено, что на восток они попали в результате распространения кобанской культуры в самом конце II или на рубеже II-I тыс. до н.э., в период сложения восточного варианта.

XIII тип (76 экз.). Бронзовые привески-колокольчики, с бронзовым или железно-бронзовым язычком. Так же как и в ареале восточного варианта составляли характерный компонент украшений (табл. XII, 1-7). Причем использование их было самым различным. Они могли входить в состав узды, но, судя по комплексу, входили и в состав парадной одежды. Однако чаще всего, видимо, служили привесками к парадным сакральным поясам. Разнообразие вариантов их очень велико. Из представленных на востоке *7 вариантов*⁴⁰, имели место среди учтенных только *четыре*: варианты 4-7. Варианты 1-3 отсутствуют. Кроме того, отмечен *восьмой* вариант закрытого колокольчика-погремушки (табл. XII, 1-2).

4) к четвертому варианту, вытянуто-конусовидной формы с круглым выступающим колечком и бронзовым или железным язычком, относилось 9 экземпляров (табл. XII, 7). Один из них обнаружен в

склепе в Гижгиде вместе с изделиями VIII-VII вв. до н.э. Остальные происходят из разрушенных погребений Бедыкского могильника⁴¹. Причем целых было только 5. И еще имелось 8 бронзовых и железных язычков от несохранившихся экземпляров. Аналогии конусовидным колокольчикам такого варианта многочисленны в памятниках центрального варианта VII-VI в. до н.э.

5) конусовидные колокольчики с округлым верхом и кольцевидным ушком (табл. XII, 2а, 4), иногда с прорезью на боку и с рифленой поверхностью, имели место в пяти погребениях. Общее их число - 6 экземпляров. В Домбае ("Солнечная поляна", Алибек, Указ., 172/1-2) они гладкие, с железным язычком; в Зауково, в разрушенном в 1933 году погребении крупный с рифлением; в разрушенной могиле в Кич-малке - с витым язычком (табл. XII, 4), а в склепе Кобу-баши с 2-мя шариками на кольце (табл. XII, 2а). По комплексам сопровождающих вещей колокольчики датируются в пределах VI-V вв. до н.э.

6) колокольчики тюльпановидной формы с круглым колечком и прорезью на боку отмечены в каменном ящике V-IV вв. до н.э. в Домбай-Ульгене. Все одиннадцать колокольчиков были украшены по краю рельефным волнистым валиком и имели железные язычки (табл. XII, 3, 5).

7) усеченно-конические колокольчики с широкой петлей. Поверхность, как правило, рифленая, на боку прорезь. Высота составляет примерно 3-4 см (табл. XII, 6). В каменном ящике (1967 г.) в Домбае (Указ., 171) их учтено 35 экземпляров. Один такой колокольчик отмечен в гробнице VIII в Каррасе и три в коллекции Г.Ф.Свинадзе отсюда же. Близкую аналогию им составляет колокольчик из кургана 16 в Нартанском могильнике скифского периода⁴². Случайная находка, морфологически близкая домбайским, имела место в Баксанском ущелье (коллекция Е.Зичи). Но поверхность его орнаментирована тонкими продольными выпуклыми валиками в виде кососплетенной веревочки.

8) колокольчики в виде конусовидной прорезной погремушки с бронзовым шариком внутри (табл. XII, 1-2). Один происходит из погреб. 7/14 (1971 г.) могильника Индустрия 1. Высота колокольчика 4,8 см, диаметр нижней части 3,3 см. Диаметр кольца 1,6 см. Колокольчик входил в парадный комплекс украшений IX-VIII вв. до н.э., а само погребение 7 датируется первой половиной VIII в. до н.э.⁴³ В Кобанском могильнике найден бронзовый пояс-цепь, на концах которого были точно такие же колокольчики-погремушки⁴⁴. Близкая аналогия, а точнее,

тождественная вещь происходит из Тлийского могильника (над погребением 58).

Второй колокольчик-погремушка меньшего размера. Нижняя часть украшена прорезным крестом, обведенным кантом с косой насечкой. Высота колокольчика 2,2 см; диаметр 2 см. Происходит из разрушенного курганного захоронения близ Зауково (1935 г.). Аналогии такой форме неизвестны. Хронология неясна, но сопутствующие материалы скорее всего свидетельствуют о рубеже II-I тыс. до н.э., может быть несколько позже, т.к. среди них были бронзовый нож, бронзовая бритва, бронзовые дважды изогнутые височные подвески VI типа, *третьего варианта* (восточный вариант). Видимо, они самые ранние. Наиболее же поздние - из Домбая.

XIV тип (6 экз.). Привески из бронзы, имитирующие клык (или зуб) животного. Представлены в двух разновидностях: 1) предметы дуговидно изогнутые с двумя острыми концами и с отверстием в центре; 2) предметы, один конец у которых заострен, а на другом - тупом - отверстие для подвешивания. Преобладают предметы первой разновидности. Их размеры 1,2×4,5 см; 2,6×6,5 см. Массивные клыковидные бронзовые привески обнаружены в гробнице 2 в могильнике Терезе (табл. XII, 8). Великолепное ожерелье из этой гробницы включало бронзовую клыкообразную привеску меньшего размера (табл. XII, 9). Точно такая же обнаружена случайно близ Зауково в разрушенном погребении, а также в каменном ящике 4 (1971 г.) Каменноостского могильника (раскопки В.М.Батчаева)⁴⁵. Вторая разновидность бронзовой клыкообразной привески, более похожая на натуральный клык кабана, входила в состав погребения 7/14 могильника Индустрия-1. Размеры ее примерно 2×4,2 см (табл. XII, 10).

Хронология привесок определена по комплексу вещей тех погребений, куда они входили. Более ранние предметы из Терезе; они относились к I этапу развития культуры. Бронзовые клыки из Каменноостского и Индустрии входили в погребения IX-VIII вв. до н.э. Точные аналогии бронзовым клыкам первой разновидности имелись в материалах Кобанского могильника⁴⁶.

По назначению клыковидные привески скорее всего имели двойную функцию. Кроме украшений они могут рассматриваться и как обереги - культовые предметы.

XV тип (8 экз.). Привески из натуральных клыков кабана и других животных. В слегка подправленной форме предметов подчеркивается их изящная форма. В срезанной части тупого конца проделано отверстие для подвешивания. Такие привески имели место,

главным образом в памятниках II и III этапов развития культуры. К VIII-VII вв. до н.э. относились привески из клыков, входившие в состав погреб. 7 могильника Мебельная фабрика-1 и погреб. 19 Белореченского 2 могильника. К VI-V вв. до н.э. относились привески-клыки из гробниц I, II и VIII (табл. XII, 11) Каррасского 1 могильника (Чеснок-гора). К этому же периоду относился клык из парного погребения №18 Каменноостского могильника (раскопки 1933 г.), а также крупный клык из случайно раскопанного погребения на Ставрополье (табл. XII, 12).

Обычай использования в качестве оберегов натуральных клыков кабана, а также других животных, широко известен у многих земледельческо-скотоводческих народов самых различных археологических культур, поэтому говорить о какой-либо специфике этого обычая для изучаемой группы неправомерно.

XVII тип (126 экз.). Бронзовые литые привески - амулеты в виде отдельных головок и целых статуэток животных и птиц. Отличает их от пронизей-привесок IX типа то, что они привешивались либо через отверстие, сделанное в теле (ушастые и рогатые птички, лошадки, привески, сочетающие головку хищника и птичку), либо на специальную круглую петлю (табл. XII, 13-27). По сравнению с восточно-кобанскими памятниками в изучаемой группе отмечено значительно большее разнообразие групп изображений, но главное - более массовый характер находок, что сближает изучаемую группу с памятниками центрального варианта. Сходство прослеживается и в стилистических особенностях изделий, и в избирательности определенных изображений. Преобладают изображения головок на петле (баран, козел, олень или лось, бык, кабан, волк). Их насчитывается почти половина из учтенных. Значительна доля целых статуэток (лошадь, баран, козел, олень, бык, собака), цельно-литых, скульптурно моделированных с большим реализмом. Более стилизованы фигурки птиц, выполненные как в динамике, с распростертыми крыльями, так и в статичной позе. Все привески XVII типа несомненно мифологизированы. Особенно это касается, например, птиц с ушками или рогами. К таковым относятся и привески, сочетающие два тотема: птицу и хищника. О стоящих за изображениями родовых символах свидетельствуют фигурки парных птичек (табл. XII, 23). Итак, выделяются **четыре группы** зооморфных привесок: 1) целые фигурки птиц; 2) головки животных; 3) целые фигурки животных; 4) привески, сочетающие целую фигурку одного и часть другого животного или птицы.

Это деление, конечно, условно, т.к. каждая из поделок имеет индивидуальные черты (таблицы 4 и 4а).

1) птички-привески с отверстием в теле для подвешивания - наиболее стандартная категория изделий (табл. XII, 19). Круто изогнутая зверовидная голова посажена на птичье туловище с широким треугольным хвостом. В груди круглое отверстие. Высота 3-3,5 см; длина от конца носа до конца хвоста примерно 5-5,5 см. Такие птицы происходят из 10 пунктов (Заюково, Верхнебаксанский клад, Каменноостский могильник и укрепление, Хабаз, Лашкута, могильники Мебельная фабрика и Индустрия 1). Большинство их найдено с материалами II этапа развития культуры западного варианта, т.е. X-VIII вв. до н.э. Аналогии им многочисленны в центрально-кобанских памятниках (Кобан, Тли, Верхняя Рутха и др.). Рогатые и ушастые птички-привески относятся к категории предметов, доказывающих специфику классической кобанской культуры.

Не менее известна вторая разновидность фигурок птиц: с петлей на спине или на груди (табл. XII, 20-25). Их значительно меньше по числу, но так же, как и ушастые и рогатые птички, они указывают на несомненную принадлежность к кобанскому ареалу тех памятников, в которых они найдены (гробницы 1 и 2 могильника Терезе, каменный ящик 8 Каменноостского могильника из раскопок 1971 г.). Размеры самые разные: высота 1,2-5,8 см; длина 3,5-8 см. Одна из наиболее выдающихся поделок данной разновидности - крупная цельно-литая, но полая внутри статуэтка двух сидящих птиц с треугольными хвостами, украшенными по краю литым шнуром и петлей спереди. В теле птиц снизу специально оставлены четырехугольные прорезы для слива воска, употребившегося при изготовлении литейной формы. Предмет происходит из гробницы 2 могильника Терезе (табл. XII, 23).

2) значительна в памятниках западного варианта коллекция **целых** статуэток животных с отверстием в теле или петлей для привешивания к ожерелью или одежде (табл. XII, 26-27). Наибольшее число из них составляют статуэтки лошадей (Былымский клад, случайные находки из Былыма в коллекции Д.А. Вырубова; из разрушенных погребений в Гунделене; в склепе в Карабашево). Лошадки реалистично моделированы, с хорошо выделенной гривой и торчащими ушками. Особенно выразительна группа из 5 лошадок в Былымском кладе, каждая из которых украшена значком в виде бегущей спирали, характерной для орнаментации на разных категориях кобанских предметов (табл. XII, 26). Такие же фигурки имели ме-

сто и в коллекции Д.А.Вырубова, купленной в свое время у жителей аула Былым, возможно происходящих из той же пещеры Алмалы-кая, что и Былымский клад. Более примитивны фигурки лошадок из Гунделена. Они составляли серию из 8 экземпляров и изображали статичные фигурки животных с маленькой головкой и удлинненными ногами. И былымские, и гунделенские находки, судя по сопутствующим материалам, - наиболее раннее изображение лошадей в кобанской культуре. Но находка в Карабашево свидетельствует, что такие статуэтки имелись и в скифское время. Размеры лошадок: высота 3,5 см; длина 3-3,6 см. Отмечены среди целых статуэток также изображения барана и козла (Бедык, Хабаз, Заюково, Каменноостский, Белореченский 2, Этокский могильники). Фигурки оленя имели место в Каменноостском могильнике и в гробнице 2 в Терезе (табл. XII, 27) и в Каменноостском могильнике (находка XIX века). Фигурка оленя из Терезе имела круглую петлю на спине. Статуэтка объемная, с хорошо моделированной головой и короткими ногами. Высота фигурки 3,5 см, длина 3,8 см. Единственный фрагмент от объемной фигурки быка имел место среди предметов Былымского клада. Единична и находка бронзовой объемной фигурки собаки из разрушенных погребений в Баксанском ущелье из коллекции Е.Зичи⁴⁷. Фигурка лающей собаки с открытой пастью, со стоящими острыми ушами и загнутым хвостом, была укрепена на квадратной подставке с отверстием. По деталям изображения фигурка напоминала собачку из Кобанского могильника⁴⁸, несколько отличаясь от нее позой.

3) самую большую группу составляли зооморфные привески в виде головки животного с петлей для подвешивания. Так же, как и среди целых фигурок, излюбленными мотивами изображения являлись бараны, козлы, олени или лоси, быки, кабаны, волки (табл. XII, 14-18). Такие головки имелись в Верхнебаксанском кладе⁴⁹, в разрушенных погребениях в Лашкуты и Бедыке, в Инжиччунском и Каменноостском могильниках, в могильниках Терезе, Мебельная фабрика, в погребении 3 (1882) на Константиновском плато, в Кызылкалинском и Каррасском могильниках. Чрезвычайно выразительна, например, головка быка из гробницы 2 могильника Терезе (табл. XII, 18). Реалистически проработанные детали морды, глаз, рогов дают представление о породе рогатого скота конца II - начала I тыс. до н.э. в ареале культуры. Размер головки 3,2×3 см. Не менее выразительны и головки козлов, как, например, из погребения 6 могильника Уллубаганалы 2 (табл. XII, 16). Мастерски про-

работаны ноздри, выпуклые глаза, острые рога животного. Выразительны и головки хищников, скорее всего волков, из погребений Бедыкского могильника VII-V вв. до н.э. и из погребения 3 Кызылкалинского могильника⁵⁰, дата VI в. до н.э. которого определена по набору бронзовых наконечников стрел. Самой поздней, видимо, следует считать головку козлика из каменного ящика (или склепа) у сел. Вако-жиле, датированного Е.П.Алексеевой VI-V вв. до н.э. Хотя автор обозначила этот предмет как "подвеска в виде когтя", при внимательном рассмотрении довольно четко просматриваются контуры морды с небольшими рожками, загнутыми назад⁵¹.

4) особо следует остановиться на привеске из Терезе, состоявшей из фигурок двух разных особей. На одном конце была изображена головка хищника, видимо, волка, близкая подвеске-головке из погребения 45 Серженьюртовского могильника⁵² восточного варианта кобанской культуры. На другом конце привески была изображена утка со сложенными крыльями (табл. XII, 13), стиль изображения которой хорошо известен по многочисленным изображениям в центрально-кобанских памятниках. Но точных аналогий нет. Можно лишь подчеркнуть, что это самый ранний предмет из серии близких по идее подвесок с двумя разными зооморфными персонажами, поздние аналоги которых отмечены среди привесок-пронизей IX типа из Баксанского ущелья в коллекции графа Е.Зичи.

XVIII тип (2 экз.). Бронзовые литые привески в виде модели кистей человеческих рук (табл. XII, 28). В отличие от восточно-кобанской привески данного типа, учтенные привески из изучаемой группы довольно сложные. Основу составляла привеска с овальной петлей, к которой были прикреплены два кольца. К кольцам, в свою очередь, были прикреплены привески в виде кистей рук. Общая длина привесок 8 см; длина кистей рук 3,6 см. Происходят из разрушенного близ Заюково погребения в Баксанском ущелье, видимо, в начале 70-х годов, вместе с классическими кобанскими изделиями X-VIII вв. до н.э. (браслетами, булавками, рогатой птичкой и т.п.), поступили из народного музея школы в с. Заюково в музей Нальчика в 1974 г. (Инв. №4871/1-11). Аналогии подобным привескам неизвестны.

XIX тип (10 экз., из них целых статуэток - 5). Бронзовые антропоморфные фигурки-привески с петлей или с отверстием в теле для подвешивания. Фигурки отлиты с утратой литейной формы. Выделены две группы, удовлетворяющие самой общей систематиза-

ции, их, возможно, следует назвать **двумя подтипами**.

1) первый подтип включает предметы, изображающие часть целого. В него включены привески с петлей, представляющие модель женской груди. Размер привесок 2×2,5 см (табл. XII, 29). Все предметы происходят из памятников I этапа (XII-XI вв. до н.э.), а именно из Верхнебаксанского и Кыфарского кладов и из гробницы I Эшаконского могильника с трупосожжениями. Все пять предметов поразительно близки по исполнению. Аналогии им неизвестны. Связаны они с культом плодородия и являлись не столько украшениями, сколько оберегами.

2) второй подтип объединяет целые фигурки идолов двух разновидностей: реалистически выполненные фигурки и стилизованные фигурки людей (5 экз.). Привески-идолы близки между собой по моделированию (табл. XII, 30-31). Они изображали верхнюю часть человеческой фигурки со схематично намеченными контурами головы, плеч, рук. В голове проделано отверстие для подвешивания. Таковы бронзовые идолы из погребения 7/14 могильника Индустрия-1 и очень близкая фигурка из окрестностей Черкесска. Размеры их 1,4-3,5×1,4-5 см. Несколько отличается от них фигурка из погребения 7 Исправненского могильника, имеющая в голове более широкое трубчатое отверстие для подвешивания⁵³. Судя по составу сопутствующего инвентаря, фигурки подобной разновидности относились к древностям VIII-VII вв. до н.э.

Две фигурки второго подтипа изображали идолов в полный рост. Одна происходит из случайных сборов в окрестностях Хабаза. Фигурка была передана в 1974 году в Эрмитаж В.А.Кузнецовым. Изображен, довольно схематично, мужчина с широко расставленными ногами. Контур головы и рук слегка намечены, как у статуэток из Исправной и Индустрии-1 (табл. XII, 29a). Высота фигурки 3,5 см.

Второй идол происходит из разрушенных могил в окрестностях Лашкуты. Фигурка входила в состав сложного сакрального нагрудного украшения конца II тыс. до н.э. Статуэтка женская, обнаженная, исполненная в реалистической манере (табл. XXVI, 1a). На голове изображен убор, на шее ожерелье или гривна, на талии пояс в виде рельефной косички. Отливка грубая, но ясно передающая характерную манеру моделировки человеческих фигурок мастерами кобанской культуры. Особенно близки по деталям статуэтке из Лашкуты поделки из Кобани и Тли⁵⁴, датирующиеся XI-X вв. до н.э. Подобного типа статуэтки с разведенными руками объединены В.И.Марковиным во **вторую се-**

рию и имели место во многих культурах Кавказа эпохи поздней бронзы - раннего железа⁵⁵. Однако при общей каноничности позы кобанские статуэтки отличает технологическое совершенство отливки, особая гармоничность частей тела. Высота статуэтки из Лашкуты 6,2 см.

XX тип (126 экз.). Бронзовые кинжаловидные привески, отлитые в двустворчатых литейных формах, каждая створка которых имела негатив предмета с особым неповторяющимся декором. Высота привесок 9,2-11,5 см; ширина по плечикам 2,6-4,5 см. В верхней части круглое отверстие для подвешивания диаметром 0,5-0,7 см (табл. XII, 32-34). По деталям формы и разнообразию декора выделяются не менее трех вариантов.

1) привески, имитирующие форму раннекобанских кинжалов с широким угловидным перекрестием и подтреугольным навершем. "Лезвие" подтреугольно-вытянутой формы линзовидного сечения и без декора. Такие привески отмечены только в достоверных памятниках I этапа развития культуры западного варианта. Две находились в гробнице 2 могильника Терезе (табл. XII, 32), и 8 экземпляров обнаружены в гробнице I Эшаконского могильника (табл. XII, 33). Пять точно таких же "кинжальчиков" имелись в разрушенном каменном ящике Кисловодского могильника на Крестовой и Барановской горках (1933 г.). Это позволяет предполагать, что здесь были ранние могилы XI-X вв. до н.э., а не только VIII-VII вв. до н.э., что, собственно, и предполагал уже С. Н.Замятнин, синхронизируя кисловодские находки с кругом кобанских древностей X-IX вв. до н.э.⁵⁶. Точных аналогий привескам нет, но, как и в ареале центрального варианта (например, в Верхней Рутхе), кисловодские имитировали наиболее ранние типы кобанских кинжалов. Особенно близок им по форме кинжал из клада в Упорной (подгруппа Б, тип I), дата которого надежно определяется белозерскими кельтами в рамках XII в. до н.э.⁵⁷.

2) привески, имитирующие некую обобщенную форму кинжала. Число их значительно больше, чем первого варианта. Они обнаружены не только в могилах (Бедык, Гижгид, Мукулан, могильник Мсбельная фабрика, погреб. 7), в составе кладов (Верхнебаксанский), но изредка попадались в слоях поселений в окрестностях Пятигорска (Средняя Гремучка; поселение на Южном склоне горы Бештау). Разнообразие декора свидетельствует о большом значении этих предметов. Изготовление литейных форм для них требовало незаурядного мастерства. Например, привеска с Баксана имела на одной стороне декор в виде выпуклой косой сетки, а на дру-

гой - углубленные параллельные желобки (табл. XII, 34). Близки ей и четыре привески из каменного ящика по улице Коминтерна, 32 (Указ., 99/2) в Кисловодске (табл. XII, 35). Экземпляр из слоя поселения Средняя Гремучка был украшен орнаментом из вписанных друг в друга треугольников (табл. XII, 36). Столь же различны были рельефные орнаменты и на шести экземплярах из погребения 7 могильника Мебельная фабрика (табл. XII, 37-38). Массовый характер привесок данного варианта именно в ареале западного варианта (только в Бедыкском кладе литейщика их 62), позволяет считать их характерным украшением именно данной группы, а находки за пределами изучаемого ареала относить к предметам экспорта отсюда.

Таковы семь привесок из клада в Тхмори в Грузии и кинжаловидная привеска в кургане 18 Нартанского могильника⁵⁸ раннескифского периода, своеобразный реликт, напоминающий о сложном генезисе населения, оставившего этот памятник.

Для определения ранней грани появления кинжаловидных привесок очень важен Тхморский клад, включавший, кроме колхидских сечек и кобанских привесок, великопелный кельт белозерского типа (XII-XI вв. до н.э.)⁵⁹. Он свидетельствует о теснейшем взаимодействии древних металлургов и купцов Причерноморья, Центрального Кавказа и Закавказья в конце II тыс. до н.э.

Таким образом, привески второго варианта, видимо возникли примерно в одно время с первым, но в отличие от них просуществовали в быту населения изучаемой группы до VIII в. до н.э.

Использование данного типа украшения остается загадочным. Находки по несколько штук в одном комплексе, как это показывают захоронения в Кисловодске, говорят об их применении в costume определенного канона. Не исключено, что привески могли использоваться для парадного пояса, аналогичного тому, что отмечен в погребениях Серженьюртовского могильника. Только в отличие от восточно-кобанских поясов с ножницевидными привесками⁶⁰, в изучаемой группе пояса украшались привесками кинжаловидной формы.

XXI тип (3 экз.). Бронзовые привески колоколовидной формы, литые, полые внутри. Входили в состав Былымского клада (2 экз.), и одна отмечена среди древностей Баксанского ущелья (коллекция Е.Зичи). Размеры: высота 2,5 см; диаметр основания 1,5 см; диаметр верхней части 0,7 см (табл. XIII, 1). Результаты источниковедческого анализа, проведенного с древностями Былымского клада⁶¹, свидетельствуют о том, что данный

тип привесок является по своему генезису сугубо местным и ведет линию развития от подобных форм эпохи средней бронзы. Привески несомненно относятся к I этапу развития культуры западного варианта, причем к ранним изделиям этого периода, к т.н. протокобанской группе (период Кобан I)⁶².

XXII тип (2 экз.). Бронзовые литые привески катушковидной формы с ленточной высокой петлей. Размеры: высота 2,8 см; диаметр дисков на концах 1,5 см. Аналогии неизвестны (табл. XIII, 2). Оригинальные привески входили в состав комплекса вещей из разрушенного в 30-е годы подкурганного погребения близ Заюково в Баксанском ущелье⁶³. Ранние формы пуговиц, височных колец, бронзовый нож и бритва отсюда же свидетельствуют о дате в пределах I этапа развития культуры западного варианта.

XXIII тип (12 экз.). Бронзовые крестовидные литые привески, уплощенные в продольном сечении. В центре привески круглое сквозное отверстие (табл. XIII, 3-5). Встречены в 8 пунктах изучаемого ареала. Морфологически выделяются *три варианта*.

1) привески с шаровидными концами. Такие имели место в погреб. 1-2 могильника Терезе (табл. XIII, 3). Размеры: 2,5×2,5 см; 3,3×3,9 см.

2) привески геометризованного контура, напоминавшие рисунок "мальтийского креста" (табл. XIII, 4). Размеры: 2,6×2,6 см; 3×3 см. Учтены как случайные находки (Баксанское ущелье, Каменноостское укрепление), так и входившие в могильные комплексы (погреб. 4 Белореченского 2 могильника; погреб. 25 могильника Мебельная фабрика; погреб. 1 Заюковского 1 могильника). Следует отметить отдельные комплексы, скорее всего происходящие из одного и того же захоронения (комплекс из района Эльбруса и комплекс с Баксана).

3) привеска с грибовидными концами (табл. XIII, 5). Обнаружена в погребении 3 могильника Терезе.

Аналогии крестовидным привескам в ареале кобанской культуры массово представлены в Тлийском могильнике, где они находились в женских погребениях⁶⁴. Причем представлены как первый (довольно редко), так и второй варианты. На северном склоне они отмечены в Кобанском могильнике. На территории распространения колхидской культуры они изредка встречались в погребениях VIII в. до н.э. Кавказские аналогии конца II - самого начала I тыс. до н.э. противоречат мнению А.И.Тереножкина о заимствовании подобных привесок из киммерийской культуры. Скорее можно предполагать противоположное явление⁶⁵, а именно огромное воздействие культур Центрального

Кавказа на степные культуры конца II - I тыс. до н.э. юго-восточной Европы. Крестовидные привески несомненно связаны с соляным культом, имевшим место на Кавказе с древнейших времен.

Некоторое хронологическое отличие между вариантами все же, видимо, имелось. Появившись в кобанской культуре примерно одновременно с первым, второй и третий варианты доживают до раннескифского времени, т.е. не позднее конца VIII в. до н.э.

XXIV тип (более 780 экз.). Привески из раковин разных видов. Они входили в состав головных уборов. Ими обшивалась одежда. Включались раковины и в ожерелья.

Наиболее типичны привески из раковин *Surfea moneta* (каури), которых учтено более 320. Они имели место в 34 памятниках (вариант 1, таблица 5). Все погребения этих могильников относились ко II и III этапам развития культуры западного варианта. В отдельных погребениях, например, в каменном ящике 8 Каменноостского могильника, была всего одна раковина каури, в то время как в погребении 33 могильника Мебельная фабрика их было 18 (табл. XIII, 6), а в погребении 1 могильника "Южный" (1968) - 30 штук, в погребении 6 Минералводского могильника число их достигало 48. Каури - свидетельство контактов с областями Индийского океана.

Столь же типичны (более 440 экземпляров) были привески из витых светлого цвета раковин *Viluminus samplutus* (табл. XIII, 8). Число памятников (вариант 3, таблица 5), в которых они отмечены, невелико, но количество в каждом погребении достигало иногда 200 (погреб. 1 (1946), погреб. 25 Березовского 1 могильника). В последнем они были нашиты на головной убор в виде розеток (табл. XIII, 8). Столь же обильно был украшен витыми раковинами и головной убор в погреб. 8 Эчкиважского могильника (50 экз.). Е.И.Крупнов отмечает их местное происхождение, т.к. на Кавказе их находят в ископаемом состоянии.

Единичны привески из раковин Каспийских моллюсков *Cardium* sp., столь обычные в могилах каякентско-хорочоевской культуры⁶⁶. Три из них отмечены в каменном ящике 8 Каменноостского могильника (раскопки К.Э.Гриневича) и одна раковина в погребении 6 Минералводского могильника (табл. XIII, 7).

Просверленные раковины нашивались на одежду и головной убор не только как украшение, но несомненно несли смысловую нагрузку как сакральные предметы, являясь оберегами от злых сил.

XXV тип (10 экз.). Бронзовые литые привески-лунницы с петелькой для привешивания. Они появились в древностях западного

варианта в начале I тыс. до н.э., о чем свидетельствует находка в погребении 1 могильника Терезе (табл. XIII, 11), но большинство входило в комплексы VI в. до н.э., хорошо датирующиеся наконечниками стрел и акинаками скифского типа. Таковы лунницы из погребения у школы в Каменноостском (раскоп П.Г.Акритаса 1954 г.), из погребения 4 Белореченского 1 могильника и погребения №16 Кисловодского могильника (раскопки 1933 г.); в случайно раскопанном погребении 2 Каменноостского могильника (1978 г.)⁶⁷ их было даже две (табл. XIII, 9). К этому же времени относилась и лунница из случайного комплекса близ Ставрополя.

Наиболее поздней привеской данного типа была крупная лунница из Минералводского могильника (табл. XIII, 10), хранящаяся в фондах Пятигорского музея и не отмеченная в публикациях Н.М.Егорова, А.П.Рунича и Г.Е.Афанасьева. Точные аналогии неизвестны.

XXVI тип (6 экз.). Бронзовые литые усеченно-цилиндрические привески с боковой петелькой. Поверхность украшена литым рельефным орнаментом. Иногда они ажурные, сочетавшие в декоре прорезные треугольники, рельефную "косичку", розетки и спирали. Размеры: высота 0,9-1,6 см; диаметр 1,6-2 см (табл. XIII, 12-14). Привески цилиндрической формы входили в комплексы скифского периода, точнее, конца VII - первой половины VI в. до н.э. (погреб. 1 могильника Лермонтовская скала-3; гробница в Карабашево; погреб. 4 в ограде могильника Султангора-3; случайное погреб. на Обьездной улице в Кисловодске; разрушенное погреб. Бедьковского могильника; случайная находка из Баксанского ущелья в коллекции Е.Зичи). Из шести привесок пять происходят из достоверных комплексов, и их дата подтверждается находками вместе с ними наконечников стрел или акинаков скифского типа.

Аналогии привескам в синхронных памятниках других частей ареала неизвестны, однако происхождение их местное. Дело в том, что весьма близкие по форме привески, но более ранние, имели место в центрально-кобанских могилах Большого Кавказа (Кобан, Тли). В Тлийском могильнике, в погребениях 66 и 102⁶⁸, подобные привески, но без ажурного декора, сочетались с классическими кобанскими бронзовыми кинжалами, пластинчатыми браслетами с завитками, фибулой с елочным орнаментом. Т.е. такими, которые синхронны, например, с комплексом из Приморского в Абхазии⁶⁹, в котором был ранний ассирийский шлем IX в. до н.э.

XXVII тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска, имитирующая топор кобанского типа (табл. XIII, 15). Обнаружена в гробнице 2

могильника Терезе. Точные аналогии неизвестны, хотя модели топоров раннекобанского периода (Кобан I) известны в Инжиччукунском могильнике, а также среди случайных находок, скорее всего с Баксана (экспозиция музея г. Нальчика). Длина 4,2 см. Дата привески из Терезе устанавливается по всему комплексу сопутствующих предметов в пределах I этапа (XII-XI вв. до н.э.).

XXVIII тип (29 экз.). Привески из сурьмы, дисковидной формы, с волнистым краем и прорезями по центру. В сечении выпуклоуплощенные, что свидетельствует об отливке в одностворчатой литейной форме. Диаметр привесок 1,6 см (табл. XIII, 16). Специфические сурьмяные привески входили в комплексы инвентаря погребений могильников Мебельная фабрика-1 (погребения 18 и 25) и Лермонтовская скала-2 (1970 г.), погребение 3/6. В могильнике Мебельная фабрика они явно составляли набор неизвестного назначения, соответственно из 13 и 15 экземпляров. Аналогии привескам неизвестны. Дата определена по комплексу остальных предметов из погребений, которые относятся ко второму этапу, а точнее к VIII - началу VII вв. до н.э.

XXIX тип (1 экз.). Глиняная привеска катушкообразной формы. Привеска происходит из погребения 40 Агачевского могильника (табл. XIII, 17). Древности могильника отличаются заметной архаичностью в керамике и украшениях. В связи с этим можно предположить только широкую дату в пределах X-VIII вв. до н.э. Точных аналогий для привески-катушки нет. Скорее всего это локальная поделка, какие встречены в некоторых памятниках кобанской культуры.

XXX тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска яйцеобразной формы с небольшой петлей с тупой стороны. Петля разрушена. Она полая с ажурным декором в виде прорезных треугольников. Размер привески 1,2×1,5 см (табл. XIII, 18). Входила в комплекс инвентаря гробницы VI в. до н.э. в с. Карабашево. Аналогии неизвестны.

XXXI тип (1 экз.). Литая стержневидная привеска с петлей в виде колечка. На конце полушарное утолщение. Посредине стержня три отростка, заканчивающиеся стилизованными звериными головками. Длина привески 3,5 см, наибольшая ширина 1,8 см; диаметр кольца 1 см (табл. XIII, 19). Привеска входила в состав инвентаря из гробницы Карабашево. Аналогии неизвестны. Дата устанавливается по оружию скифского типа.

XXXII тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска сложной формы. Нижняя часть коническая, верх в виде серповидной фигуры. Концы "серпа" заканчиваются тремя рельефными шишечками.

В центре серповидного навершия круглый продольный сквозной канал для привешивания к одежде. Длина привески 3,2 см; расстояние между отростками серповидной вершины 2,6 см (табл. XIII, 20). Привеска происходит из разрушенных каменных ящиков (I-II) Инжиччукунского могильника конца II - начала I тыс. до н.э. Аналогии неизвестны.

XXXIII тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска якоревидной формы с круглой петлей для привешивания. Предмет отлит в двустворчатой литейной форме. Длина 4,2 см; расстояние между боковыми отростками 4 см; диаметр петли 1,7 см (табл. XIII, 21). Привеска происходит из разрушенного погребения в станице Исправной. Находилась с предметами I этапа развития культуры западного варианта. Близкая якоревидная привеска упомянута среди древностей конца эпохи поздней бронзы в поселке Верхний Яштхуа и названа Ю.Н.Вороновым "пряжкой"⁷⁰.

XXXIV тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска сложной формы. Основу составляет шарик, украшенный литым рельефным шнуром. Верхняя часть оформлена в виде цилиндрика с боковой петлей. Низ состоит из отростка с грибовидным окончанием. На отростке 4 выступа с такими же грибовидными окончаниями. Поперечное сечение по этим отросткам дает контур, характерный для крестовидной привески XXIII типа (см. выше). Высота привески 3,3 см; диаметр шарика 1,7 см; диаметр петли 0,9 см (табл. XIII, 22). Привеска происходит из разрушенных погребений на Баксане (коллекция Е.Зичи). Аналогии неизвестны, но стилистически привеска относится к группе поделок, известных, например, отсюда же (булавка) и из могильника Уллубаганалы (булавка). Дата привески скорее всего определяется III этапом.

XXXV тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска в виде конусовидного сосудика с петлей, украшенного выпуклыми шишечками. Высота сосудика 1,5 см; диаметр края 1,2 см; размер петли 0,9×1,4 см (табл. XIII, 23). Привеска обнаружена на Баксане (коллекция Е.Зичи). Аналогии неизвестны.

XXXVI тип (3 экз.). Бронзовые литые привески в форме миниатюрных тесловидных топоришков с уступами (тип II)⁷¹. В верхней части отверстие, через которое пропущено проволочное колечко. Высота привесок 2,2-2,5 см. Одна из таких привесок обнаружена в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы (квадрат Д), две другие, сцепленные между собой и слегка оплавившиеся, находились в составе Верхнебаксанского клада литейщика (табл. XIII, 24). Аналогии привес-

кам неизвестны, однако датировка их не вызывает трудностей. Состав клада предполагает довольно раннее его сокрытие, где-то в пределах IX - начала VIII вв. до н.э.⁷² Такую дату подтверждает и стратиграфия находки из Уллубаганалы, т.к. поверх разрушенного и заброшенного поселения уже в VII в. до н.э. возник обширный могильник скифской эпохи.

XXXVII тип (1 экз.). Бронзовая литая привеска в виде плоско-выпуклого стержня, на одном конце которого изображена головка животного, а на другом - полусферическая выпуклость. На выпуклой стороне симметрично располагались три стилизованные бараньи головки с круто завернутыми рогами. Вид сбоку создает узор бегущей волны. Длина привески 7,1 см; ширина стержня 0,6-1 см; ширина размаха рогов головок баранов 2,4-2,6 см (табл. XIII, 25). В головке на конце небольшое отверстие. Оригинальная привеска происходит из окрестностей села Заюково и найдена в 30-е годы (Нальчик, музей, Инв. №2690/7). О дате можно говорить только условно. Стиль изображения головок баранов близок рельефным изображениям на булавах типа Былымского клада (см. ниже), что позволяет предполагать конец II тыс. до н.э. Аналогии привеске неизвестны.

XXXVIII тип (более 120 экз.). Бронзовые биконические пронизи-привески из плотно скрученной проволоки (табл. XIII, 26). Самые характерные украшения в ареале кобанской культуры центрального и западного варианта. Размеры самые различные, от небольших, длиной 1,5 см при диаметре 0,9 см до крупных, длиной 4,5-5 см при диаметре 2,5 см.

Крупного размера биконические привески-пронизи характерны для ранних могильников конца II тыс. до н.э. западного варианта (Эшкаконский, Инжиччукунский и Терезинский могильники). Типичны они и для комплексов X-VIII вв. до н.э. (Агачевский, погреб. 52; Мебельная фабрика, погреб. 18, 25; Березовский-4; Клин-ярский-1, погреб. 1; Кисловодский и Заюковский-1). Значительно реже они отмечены на третьем этапе (Этокский могильник).

Аналогии таким привескам-пронизям имели место не только на Северном Кавказе. Как вещественное доказательство ощутимых контактов кобанцев с культурой сопредельных территорий они рассматриваются, например, А.И.Тереножкиным в Залевкинском кладе⁷³.

Итак, систематизация привесок западного варианта кобанской культуры показывает, что большинство типов находят аналогии в центральной группе, что подчеркивает их единство с ней в пределах ареала. В меньшей

степени это прослеживается при сравнении с восточно-кобанскими памятниками, хотя и здесь такое сходство отмечается наличием общих семи типов.

Большинство типов привесок изучаемой группы имеют признаки безусловно местного бытования с ранней поры и до V-IV вв. до н.э., демонстрируя статичность в эволюции формы.

Имели место и специфически местные формы привесок, не находящие аналогий в других частях ареала. Эта специфика некоторых форм объединяла иногда 2-3 памятника, а могла иметь место только для культуры одного из них (типы XII, XVIII, XIX, XXI, XXII, XXVII-XXXVII).

Хронология большинства типов привесок определяется комплексами, в которые они были включены. Основная масса относилась к расцвету культуры западного варианта, т.е. ко времени от рубежа II-I тыс. до н.э. и до середины VII в. до н.э. Часть форм появилась в культуре только на позднем этапе (некоторые варианты колокольчиков, цилиндрические привески с боковой петлей, привеска XXXI типа из Карабашево и др.). Некоторые их формы позволяют наметить конкретные пути, по которым местное население данной группы осуществляло связи с определенными районами Кавказа и юго-восточной Европы (колокольчики, кинжаловидные привески, биконические пронизи-привески).

Большинство привесок происходит из могильных комплексов, но в слоях поселений и кладах литейщиков изредка находили такие же (например, тип XVII, XX, XXXVI и др.), свидетельствующие об единстве материальной культуры бытовых и погребальных памятников.

Гривны (43 экз., 4 - серебряные, остальные бронзовые). Шейным обручам - гривнам в ареале западного варианта принадлежит заметное место среди других категорий украшений. Известны они на протяжении всего периода развития локального варианта культуры, но особенно характерны для II этапа (X - середина VII в. до н.э.). В отличие от восточной группы⁷⁴, среди учтенных отсутствуют железные экземпляры, но в то же время имеются серебряные. Последние относились к самым поздним данной категории и почти все, за редким исключением, происходят из высокогорной зоны, с верховий Кубани (Теберда - Домбай). В основу типологии гривн, как и для восточной группы, положены дифференцирующие признаки, главным из которых является оформление концов. К вариантным - некоторые признаки, различающие сходные экземпляры в

рамках одного и того же типа (оформление основы прута, орнаментация и т.п.). В целом же все гривны имели форму гладкого или витого круглого в сечении прута диаметром 0,5-1,4 см.

Из шести типов, имевших место в восточнокобанской группе, в данном районе отмечены четыре (I, IV-VI типы). Зафиксированы еще два новых (тип VII-VIII). Отсутствуют II и III типы.

I тип (29 экземпляров). Гривны, диаметром 10,5-13,2 см, из массивного прута с раскованными в пластину и завернутыми в трубочку концами. Концы не сходятся. Представлены два варианта (табл. XIV, 1-7).

1) из гладкого прута диаметром 0,7-1,4 см. Ширина раскованных трубчатых концов 1-3 см (табл. XIV, 1-4). Самые характерные среди учтенных. Они отмечены в погребальных комплексах 13 могильников на всей территории распространения западного варианта от бассейна Баксана до бассейна Кубани (таблица 6). Хронология их определяется составом сопутствующих материалов I и II периодами развития культуры западного варианта.

Наиболее ранние гривны первого варианта имели место в Инжиччукунском могильнике (табл. XIV, 4) и в Заюковском 1 (Атажукин) могильнике (раскопки В.И.Долбежева). Большинство же датируется IX-VIII вв. до н.э. По числу находок на первом месте стоит Березовский 1 могильник, где за все годы раскопок обнаружено 7 гривн первого варианта (погреб. 4 (1938), 10, 21, 22, 23 (1958-1966 гг.)), великолепные образцы их происходят из погреб. 7/14 могильника Индустрия-1 (табл. XIV, 1), из разрушенного в 1963 году погреб. близ села Заюково (табл. XIV, 3), из погреб. 1 Каменномоетского могильника (1949 г., К.Э.Гриневич). Значительно их число в Белореченском 2 могильнике (погреб. 9, 26, 31). Имели место они в Кисловодском и Султангорском-1 могильниках. Удивляет их редкость в могильнике Мебельная фабрика (погреб. 25).

Некоторые гривны первого варианта были орнаментированы тонким гравированным узором.

Учтены три таких гривны. Одна из них происходит из разрушенной в 1938 г. могилы Березовского-1 могильника. Узор состоял из трех зон по центру и по бокам гривны, заполненных елочной насечкой. В 1949 году еще хранилась в фондах Пятигорского музея⁷⁵. Вторая находилась в погребении 22 (1962 г., А.П.Рунич). Она также украшена тремя орнаментальными зонами, но только каждая состояла из 6 поперечных параллельных линий, разделенных косыми насечками (табл. XIV, 2).

Третья орнаментированная гривна происходит из погребения 2 Кисловодского могильника, из раскопок 1955 г. В.В.Бобина (фонды ГИМа). Она была украшена тонкой насечкой в елочку - "орнамента, характерного для древнего этапа развития кобанской бронзы"⁷⁶.

2) из витого прута диаметром 0,6-0,9 см (табл. XIV, 5-7). Диаметр обручей 13,6-14,2 см Их находки более редки по сравнению с гладкими. Наиболее ранняя витая гривна происходит из разрушенного погреб. Инжиччукунского могильника (табл. XIV, 5) и по комплексу остальных предметов относится к концу II - самому началу I тыс. до н.э. Массивная витая гривна найдена в погреб. 2 (1938 г.) Березовского-1 (табл. XIV, 6). Две витых бронзовых гривны происходят из Баксанского ущелья, также из могил I и II этапов развития культуры западного варианта (склеп в Гижгиде и детское погребение на восточном скате Атажукина-1 (Заюково) из раскопок В.И.Долбежева).

Однако, судя по находке в гробнице I могильника Каррас-1, они доживают в быту местного населения до скифского периода (табл. XIV, 7). От ранних она отличается более тонким прутком, слабым кручением, более длинными уплощенными частями около концов. Концы сильно приострены и скручены в небольшого диаметра трубочки, примерно 0,5-0,6 см.

Гривны I типа, первого и второго вариантов характерны для всего ареала кобанской культуры (Кобань, Верхняя Рутха, Тли). Найдены они как в мужских, так и в женских погребениях. Не подтверждается новыми материалами мнение П.С.Уваровой, которое разделялось и Е.И.Крупновым⁷⁷, что гривны с витым стержнем более поздние и не встречались в ранних комплексах. Находки в Инжиччукуне опровергают это утверждение. Следует отметить некоторую унификацию и стандартизацию витых гривн позднекобанского периода, о чем свидетельствует, например, большое орнаментальное сходство, почти тождество, витой гривны из Карраса и идентичной из Нижне-Чегемского могильника центрального варианта⁷⁸.

IV тип (1 экз.). Бронзовая гривна из гладкого круглого в сечении прута диаметром 0,5 см, с обрубленными концами, не превышающими диаметр прута (табл. XV, 1). В отличие от восточнокобанских гривн с заходящими друг за друга концами, в изучаемой группе представлен очень ранний экземпляр, точнее фрагмент, для которого можно восстановить только диаметр. Он равен примерно 12,5 см. Обломок гривны происходит из Верхнебаксанского клада начала I тыс. до н.э. Аналогии известны только в позднеко-

банских памятниках восточного варианта, но там они все многовитковые, т.е. совершенно другого варианта⁷⁹.

V тип (2 экз.). Серебряные гривны из гладкого круглого в сечении прута диаметром 0,4-0,6 см. Концы конусовидно расширены. Диаметр концов 0,7-1,2 см. Диаметр 12,6-14,2 см (табл. XV, 2, 4). Концы гривн заходят один за другой. Обе происходят из случайных погребений в верховьях Кубани (на Домбайской поляне; на "Солнечной поляне" на левом берегу Алибека). Аналогии точные отсутствуют. Бронзовые гривны из Лугового могильника в Чечне относились к данному типу по оформлению концов, но все же отличались большей простотой и не имели орнамента. Домбайский же экземпляр имел рельефную поперечную насечку, а на гривне из погребения на левом берегу Алибека имела зона декора, украшенная дополнительно елочным орнаментом. Хронология серебряных гривн изучаемой группы определяется по сопутствующим материалам, в том числе и по греческому шлему V-III вв. до н.э.⁸⁰

VI тип (9 экз., из них 1 - серебряная, остальные бронзовые). Гривны из гладкого круглого в сечении прута диаметром 0,5-0,6 см. Концы гривн либо близко смыкались, либо заходили друг за друга и оканчивались плоскими расширенными концами с разным декором. Диаметр гривн 12,5-13 см (табл. XV, 5-8). Из трех вариантов, известных в позднекобанских могильниках восточного варианта, в западной группе представлен только *второй*⁸¹.

2) гривны с уплощенно-выпуклыми в сечении концами, изображающими сильно стилизованные головки змей. Иногда прут без декора, как например в погребении 7 Этокского могильника (табл. XV, 5), но большинство либо имели на концах елочный узор (фрагмент из Баксана⁸²; фрагмент серебряной гривны из гробницы 3 в Каррасском могильнике), либо сочетание в узоре точек, вписанных друг в друга углов или ромбов (табл. XV, 6-8), как на гривнах из разрушенного погребения в Тебердинском заповеднике. Все гривны VI типа относились к III этапу западного варианта.

VII тип (1 экз.). Бронзовая гривна из массивного прута круглого в сечении, диаметром 0,7 см. Концы не сходятся. Они утончены и раскованы в виде плоской лопаточки шириной 1,2 см. Диаметр гривны 12,8 см (табл. XV, 9). Происходит из погребения 3 (1938 г. северная часть) Березовского-1 могильника (Пятигорск, музей, инв.№6981). Аналогии неизвестны, если не считать приведенную ей Е.И.Крупновым аналогию из могилы II в. до н.э., раскопанной в 1877 г. Г.Д.Филимоновым. Но березовскую гривну

Е.И.Крупнов считает более древней, несмотря на типологическое сходство с кобанской⁸³. Раскованные в лопаточки концы между тем очень напоминают концы некоторых восточнокобанских браслетов XIII типа (или III типа по Е.И.Крупнову), которые на основе закрытых комплексов датируются VII-VI вв. до н.э. Не исключено, что и на западе мода на подобное оформление концов гривн и браслетов (см. ниже) синхронна и определяется концом VII - первой половиной VI в. до н.э.

VIII тип (1 экз.). Гривна с фигурным геометризированным концом в виде трех шишечек и поперечной насечки (табл. XV, 3). Обломок этой серебряной гривны входил в состав комплекса в Домбае (левый берег Алибека). Точные аналогии неизвестны.

Итак, в ареале западного варианта, в отличие от восточного, гривны I типа были весьма характерны, особенно в X-VIII вв. до н.э.

Единичны остальные типы гривн, если учитывать общее количество учтенных памятников. Неизменным остается наше наблюдение, что V и VI типы гривн появились в кобанских древностях на позднем этапе развития культуры и их идея заимствована у ираноязычных кочевников, но воплощена в местных кавказских традициях⁸⁴.

Браслеты ручные (452 экз., из них 2 - серебряных, 2 - железных, остальные бронзовые). Массовый характер находок браслетов в могильных комплексах западного варианта свидетельствует о **типичности** данного вида украшения у местного населения (таблица 7). Учтены большинство типов браслетов, отмеченных в памятниках восточного варианта. Исключением были **шесть типов**. Они составляли локальную специфику восточной группы и не встречены в других частях ареала кобанской культуры (типы IV, VI, VII, VIII, XIV, XIX). Однако, в ареале западного варианта отмечены типы, характерные только для изучаемой группы (типы XXII - XXIX), не встреченные на востоке и в единичных экземплярах представленные в центральном варианте кобанской культуры. Таким образом, на изучаемой территории учтены 23 типа ручных браслетов. В основу классификации браслетов, как и при систематизации браслетов восточного варианта⁸⁵, положен ряд признаков (материал, контур продольного сечения, поперечное сечение, оформление концов, моделировка поверхности). Морфология изделий столь многообразна, что выделение типов на основе схемы, построенной по 2-3 признакам, оказалось неэффективным. Среди типов выявилось значительно больше вариантов, особенно в

тех изделиях, которые эволюционировали на протяжении длительного периода.

I тип (19 экз.). Бронзовые спиралевидные браслеты в 1,5-9 оборотов из туго скрученной проволоки круглого, овального или треугольного сечения. Диаметр или ширина сечения 0,5-0,6 см. Изредка браслеты изготовлены из узкой пластины шириной 0,7 см. Концы браслетов либо обрублены, либо один из концов имеет фигурное завершение (табл. XVI, 1-4). По некоторым отличиям в деталях оформления выделяются *три варианта*.

1) спиралевидные браслеты (12 экз.), скрученные в 1,5-6 оборотов, с обрубленными концами. Диаметр 5,5-7 см (табл. XVI, 1). Наиболее полно отражает особенности варианта браслет из разрушенного погребения Инжиччукунского могильника. Браслеты худшей сохранности имели место в погребении 31 Агачевского могильника, в разрушенных погребениях в ст. Исправной, в погребении у хутора Байбарис, из разрушенных погребений в могильнике Каррас (коллекция Г.Ф.Свинадзе), из погребений в окрестностях Домбая и Теберды.

2) спиралевидные браслеты (5 экз.), скрученные в 1,5-10 оборотов, один конец которых обрублен, а второй оформлен декоративным элементом (табл. XVI, 2-3). Многовитковый браслет с раскованным овальным концом происходит из разрушенного погребения в Тебердинском заповеднике. Близкий ему браслет, но в 3 оборота, один конец которого имел декор в виде стилизованной головки змеи, известен из района колонии Николаевской под Пятигорском (Указ., 134). Бронзовые браслеты в 1,5 оборота, один конец которых оформлен шаровидным утолщением входили в комплекс погребения 16 Клинь-ярского 1 могильника (табл. XVI, 3).

3) спиралевидные браслеты из тонкой пластины, скрученной в 2,5 оборота. Лицевая поверхность украшена по краям продольными поясками с косою насечкой. Концы браслетов закруглены (табл. XVI, 4). Оба браслета происходят из погребения 3 и 4 могильника Сосновая горка-1.

Аналогии I типу браслетов известны в памятниках скифского периода восточного варианта, но только *первому варианту*. Остальные, особенно браслеты с шишечкой и пластинчатые, оригинальны.

Западнокобанские браслеты данного типа очень близки морфологически браслетам II этапа (по В.И.Марковину) эпохи средней бронзы, что подтверждает мнение об их местном происхождении и в настоящее время не подлежит сомнению⁸⁶.

Хронология I типа браслетов определяется по комплексу сопутствующих предметов.

Наиболее ранними, относящимися к I и II этапам, являются браслеты из Инжиччукуна и Сосновой горки. Наиболее поздние - тебердинские (V-IV вв. до н.э.).

II тип (1 экз.). Обломки бронзового браслета, форма которого неясна. Во второй тип он выделен условно. Точно установлено лишь то, что браслет был пластинчатый из тонкого гладкого листа, т.е. соответствовал по этому признаку аналогичным браслетам восточного варианта⁸⁷. Отличался тем, что на гладкой поверхности острым инструментом нанесены 3 продольные параллельные линии (табл. XVI, 5). Фрагменты происходят из клада в Быльме.

III тип (11 экз.). Пластинчатые литые бронзовые браслеты с 5-7 выпуклыми параллельными ребрами. Тыльная сторона гладкая. Размеры: 4,2×6 см; 5×6,6 см. Ширина 3-4 см. В западной группе представлен только *первый вариант*, известный на востоке: браслеты, рельефные ребра которых доходят до самого края обрубленных концов (табл. XVI, 6). Большинство браслетов третьего типа происходят из разрушенных могил в 1925 г. в районе Гунделена и в Гижгиде (склеп 1928 г.) в верховьях Баксана. Дата IX-VIII вв. до н.э. определяется по сопутствующим предметам. К этому же времени относится случайное погребение в Иноземцеве близ Пятигорска. Более ранним временем можно датировать обломок массивного браслета с 7-ю ребрами в кв.Б.1 гробницы 1 могильника Терезе, дата материалов из которой хорошо определяется серией находок, в том числе наконечниками стрел III типа черногооровско-камышевашского периода, т.е. не позднее середины VIII в. до н.э.⁸⁸

Материалы изучаемой группы подтвердили данные, известные по восточной и центральной группе, о типичности манжетовидных браслетов для раннекобанского времени (Кобан I и II)⁸⁹ для центральной группы и производных от нее (Кобан II и III) вариантов.

Находка в Терезе близка экземплярам из Подунавья XIII-XII вв. до н.э.⁹⁰, что служит еще одним доказательством в пользу западноевропейских истоков этой формы.

V тип (57 экз.). Бронзовые пластинчатые литые браслеты с 1-3 рельефными ребрами на лицевой стороне; внутренняя сторона гладкая. Концы браслетов заужены и закручены в плоские спирали. Ширина браслетов по центру 2-3 см; диаметр 4,5-5,5 см (табл. XVI, 7-9). Находки браслетов данного типа в кладах и могильных комплексах изучаемой группы имеют массовый характер. В отличие от восточной группы, они найдены в 25 пунктах на всей территории от Баксана до Кисловодской котловины (Приложение 1,

таблица 7). Наиболее ранние браслеты данного типа - из могильника Терезе (погреб. 2). Они более узкие и имели одно ребро на лицевой стороне и небольшие волкюты на концах. Такая разновидность характерна для кромлехов в Стырфазе в Юго-Осетии (конец XIV - XIII вв. до н.э.)⁹¹. Отметим, что и другие браслеты из Терезе находят аналогии именно в юго-осетинской группе центрального варианта. Например, браслеты с косыми насечками на ребрах (табл. XVI, 8) характерны для погребений XII-X вв. до н.э. Тлийского могильника. Пластинчатые браслеты со спиралевидными концами типичны для всего ареала кобанской культуры⁹². Можно согласиться с А.А.Иессеном, Е.И.Крупновым, Б.В.Теховым, что они относятся к ее отличительным признакам. Однако, невозможно принять мнение о местных истоках этой формы. Думается, прав Д.Газдапустаи в том, что они восходят к манжетовидным браслетам эпохи поздней бронзы культур Подунавья и Альпийского региона. Но думается, что это не прямое заимствование, а постепенная трансформация однажды заимствованной формы, которая позднее дала разнотипные модификации. И в этом смысле прав Б.В.Техов, - как и в раннелужицкой или в андроновской культурах, на Центральном Кавказе поздние модификации браслетов с завитками на концах имели самостоятельное развитие (табл. XVI, 9).

IX тип (81 экз.). Бронзовые массивные браслеты из круглого в сечении прута диаметром 1-1,4 см. Концы браслетов обрублены и не сомкнуты. Диаметр 4-8,4 см (табл. XVI, 10-12). Один из самых массовых типов браслетов. Обнаружены в 14 пунктах ареала западного варианта. Они имели место в могильниках в окрестностях Заюково (таблица 7), но основная масса происходит из могильников Кисловодской котловины и бассейна реки Эшкакон. Только в гробницах могильника Терезе их насчитывается 45 экземпляров (табл. XVI, 10-11). Со временем они мало менялись (табл. XVI, 12). Хронология браслетов IX типа определяется сопутствующими предметами. Наиболее ранние из них - браслеты из Терезе, относящиеся к I-II этапам развития культуры западного варианта. Наиболее поздние - детские браслеты из погребения 7 могильника у Исправной, датирующиеся вместе с антропоморфной привеской VIII-VII вв. до н.э. (см. выше).

Браслеты IX типа находят широкие аналогии в памятниках центрального варианта кобанской культуры. Но близкие формы имели место и в культурах эпохи поздней бронзы - раннего железа в Дагестане и в Закавказье.

X тип (16 экз.). Бронзовые массивные браслеты из прута, овально-выпуклого сечения. Концы их обрублены и слегка сужены (I тип по Е.И.Крупнову). Поверхность без декора или орнаментирована гравировкой различными узорами (рельефные поперечные насечки, геометрические фигуры, циркулярный орнамент). Концы также украшены поперечными насечками в сочетании с углами или треугольниками. Диаметр браслетов 6,5-7,5 см; ширина прута 1-1,3 см (табл. XVI, 13-15). Браслеты данного типа входили в комплексы VIII-VII вв. до н.э. (таблица 7), но большинство, как и на востоке ареала культуры, относились к VII-VI вв. до н.э. Аналогии данному типу имели место и в памятниках центрального варианта, как на северном склоне (Шалушки, Майское, Вольный аул, Чегемское ущелье), так и на южном (Хелчуа), отсюда они скорее всего и появились на территории западного и восточного варианта.

XI тип (28 экз.). Бронзовые браслеты из прута, круглого в сечении. Обрубленные концы слегка сужаются к краю; могут быть сомкнуты или разомкнуты (табл. XVI, 16-18). Браслеты близки десятому типу, но не столь массивные. Диаметр сечения 0,5-0,7 см. Диаметр браслетов 6-7,2 см. Поверхность либо гладкая, либо украшена гравированным орнаментом. Например, браслеты из хутора Пантелеймоновского имели декор из косых заштрихованных линий, углов, кружков. В целом же на концах браслета просматривается стилизованное изображение кошачьего хищника (табл. XVI, 18). Близкие экземпляры браслетов имели место в Эшкаконском могильнике. Они наиболее ранние среди данного типа. Большинство же происходит из погребений скифского периода. Особенно достоверна дата браслета из погребения 4 Клинь-ярского-2 могильника, где имелся набор наконечников стрел степного облика и железный акинак с почковидным перекрестием, по мнению С.Л.Дударева, скорее всего относящийся ко второй половине VI в. до н.э.⁹³ К скифскому времени относились браслеты из гробниц III, IV, VI, VII, X могильника Каррас, в погребениях у Длинного кургана, в Теберде, в Ставропольском кургане 1881 г. и других памятниках (таблица 7). Аналогии известны по всему ареалу культуры.

XII тип (34 экз.). Браслеты из бронзового прута, уплощенно-выпуклого в сечении. Концы браслетов несомкнуты и слегка раскованы таким образом, что приостренные концы не превышают ширину браслета. Диаметр браслетов 6-7,8 см; ширина 1-1,1 см (табл. XVII, 1-3). Поверхность гладкая или орнаментирована на концах насечками в ви-

де параллельных линий или углов. Так же, как и в памятниках восточного варианта⁹⁴, характерны для первой половины I тыс. до н.э. Наиболее ранние браслеты такого типа имели место в Кяфарском кладе, в погребении у Лермонтовского разъезда, в Каррасском могильнике (гробница II), во многих случайно разрушенных погребениях бассейна Баксана и Подкумка. Массовый характер они имели в памятниках восточного варианта, но отмечены и в центральной группе (Верхняя Рутха, Моздок)⁹⁵.

XIII тип (35 экз.). Браслеты из бронзового дрота, круглого или выпукло-уплощенного в сечении, шириной 0,6-0,8 см. Концы несомкнуты. Край их раскован в расширенную лопаточку овальных, ромбических или квадратных очертаний. Поверхность браслетов и особенно концы украшены декором в виде кружков, косых насечек, "крестов", углов и т.п. Диаметр браслетов 6-6,7 см (табл. XVII, 4-8).

Браслеты такого типа имели место в 13 памятниках западного варианта (таблица 7).

Хронология их устанавливается по сопутствующим предметам III этапом развития культуры западного варианта. Особенно надежно датируются браслеты из каменного ящика в Каменноостском могильнике из раскопок П.Г.Акритаса 1954 г. По окончанию стрелы скифского типа, ольвийского типа зеркалу с боковой ручкой безусловно можно предполагать середину - вторую половину VI в. до н.э. То же самое можно сказать о браслетах из погребения 16 в Кисловодском могильнике (табл. XVII, 5). Концом VII в. до н.э. датируется погребение 7 Клиньярского-2 могильника (по набору стрел и акинаку), в котором найден один из браслетов XIII типа (табл. XVII, 7)⁹⁶. Наиболее поздними были в данной группе браслеты из погреб. 7 Этокского могильн. (табл. XVII, 8), из Минералводского могильника и из Вакожиле. Аналогии в ареале восточного варианта (Шали, Сержень-Юрт, Нестеровская) также относятся к VII-VI вв. до н.э., что свидетельствует о единообразии моды по всему ареалу в поздний период.

XV тип (3 экз.). Браслеты из бронзового прута, круглого в сечении, диаметром 0,6-0,7 см. Несомкнутые концы конически расширены. Диаметр 6,5-6,8 см (табл. XVII, 9-10). Как и на востоке ареала, довольно редкий тип. Он имел место в случайных погребениях Баксанского ущелья (коллекция Е.Зичи) и в районе Ставрополя (табл. XVII, 10). Наиболее важен для определения хронологии данного типа браслет из погребения 7 Клиньярского-2 могильника, где находилось

оружие степного типа конца VII - первой половины VI в. до н.э.

Браслет по периметру оформлен глубокими насечками; параллельными углубленными линиями оформлены и концы (табл. XVII, 9).

XVI тип (24 экз.). Бронзовые браслеты из узкой треугольной в сечении пластины, шириной 1-1,1 см. Диаметр их 6-6,6 см. На лицевой стороне резко выступающее продольное ребро. Концы браслетов несомкнуты. Форма концов приострена (табл. XVII, 11-12). Пластинчатые узкие браслеты, треугольные в сечении характерны для западного варианта, причем главным образом для памятников конца I - начала II этапа (XI-X вв. до н.э.). Но продолжали существовать и в начале I тыс. до н.э. (Эшкакон, Терезе, Сосновая горка, Инжиччукун). Находки в Верхнебаксанском кладе свидетельствуют об их местном изготовлении бронзолитейщиками кобанской культуры. Происходят они от массивных с одним ребром браслетов, известных в протокобанской группе (Кобан I) центрального варианта (Беахни-куп)⁹⁷ и найденных вместе со среднеевропейскими предметами (подвески сабашиновского типа, поясные пряжки) XIV-XIII вв. до н.э. Видимо, на раннем этапе культуры поздней бронзы Центрального Кавказа появились их местные модификации, а к концу II тыс. до н.э. они уже были органичным компонентом местной культуры Кобани и в центре, и на западе. Аналогии в памятниках восточного варианта немногочисленны, но свидетельствуют о том, что проникновение этого типа в бассейн Сунжи и междуречье Хулхулау-Аксаля связано с инфильтрацией туда раннекобанских элементов в конце II тыс. до н.э., но до периода окончательного оформления культуры восточного варианта.

Сложнее обстоит дело с появлением этой формы в протомеотских памятниках (Николаевский могильник). Пока можно сказать, что они более поздние, чем в кобанской культуре. Но не исключено, что с открытием здесь более ранних новых памятников конца II тыс. до н.э. выявится факт самостоятельного внедрения сюда инноваций из Центральной Европы.

XVII тип (5 экз.). Браслеты из круглой в сечении бронзовой проволоки, диаметром 0,3-0,5 см. Концы браслетов обрублены и заходили друг за друга (табл. XVII, 13). Диаметр браслетов 3,5-4,5 см. Маленькие проволочные браслеты выделены в самостоятельный тип фактически по размерам, хотя они напоминают XI тип. Однако, отличие состояло и в том, что они всегда не имели декора. Детские браслеты такого типа имели место и в ранних памятниках (Инжиччукун, погребение 4), и в VI-V вв. до н.э. (Заюково,

курган, погребение 3. Раскопки К.Э.Гриневича в 1949 г.). Три экземпляра происходят из разрушенных подкурганых захоронений в 1929 г. близ сел. Заюково на Баксане.

Аналогии таким браслетам имели место в памятниках восточного варианта.

XVIII тип (5 экз.). Браслеты из узкой бронзовой пластины, шириной 1-1,5 см. Концы несомкнуты, большей частью закруглены, но имелись и приостренные. Диаметр 5-6,2 см. Из *трех вариантов*, выделенных в браслетах такого типа на востоке ареала⁹⁸, в западной группе отмечены предметы только *второго варианта*, а именно узкие пластинчатые браслеты, прямоугольные в сечении. Концы закруглены или приострены. Лицевая поверхность у большинства украшена тонким гравированным геометрическим орнаментом (кресты, заштрихованные линии, стилизованные растительные узоры). Сложный орнамент покрывал два браслета из гробницы I Каррасского могильника. Концы имели зону из елочного узора, а по центру нанесены два косых креста (табл. XVII, 14). Тонким гравированным узором был украшен браслет из погребения на Сосновой горке в Кисловодске (фонды музея, с пометкой "Парк, 1969 г."). Заостренные концы как будто изображали стилизованную морду животного (табл. XVII, 15). Сложный орнамент в виде "бегущей волны" имелся и на браслете из раскопанного в 1935 году подкурганного погребения близ Заюково на Баксане (табл. XVII, 16). Стиль изображения напоминал декор на кобанских памятниках начала I тыс. до н.э. Случайная находка близкого бронзового браслета имелась у Гунделена. О дате браслетов XVIII типа достоверно можно судить лишь по находкам в могильниках Уллубаганалы и Каррас. Они не ранее середины VII и не позднее начала VI в. до н.э. Не исключено, что браслет с Сосновой горки также относится к III периоду, т.к. кроме ранних изделий отсюда происходят вещи VI в. до н.э. (ворворка, стрелка-монетка и др.)⁹⁹. Наиболее ранним, видимо, был браслет из Заюково, т.к. в группе вещей, с которыми он был найден, имелись три фибулы конца II - начала I тыс. до н.э. (см. ниже), крестовидная массивная пуговица, массивный браслет IX типа и другие находки расцвета кобанской культуры.

Аналогии таким браслетам известны на востоке ареала культуры в первой половине I тыс. до н.э. Происхождение их, видимо, связано с более ранними браслетами XXIII типа (см. ниже).

XX тип (8 экз.). Бронзовые браслеты из круглого в сечении прута, с редко расположенными по периметру 4-5 круглыми шишечками. Концы не сомкнуты и также ино-

гда оформлены шишечками. Диаметр браслетов 6-6,8 см (табл. XVII, 17). Браслеты обнаружены в погребении на р. Алибек ("Солнечная поляна", Домбай). Один случайно найден в Баксанском ущелье (коллекция Е.Зичи). Он имел обрубленные концы и 7 шишечек по периметру.

Браслеты являются своеобразным вариантом браслетов с шишечками позднелатенского типа и встречены в позднекобанских памятниках. Но более точные аналогии им известны в Абхазии, например, в могилах IV в. до н.э., дата которых определена по чернолаковой античной посуде¹⁰⁰.

Район Домбая был одним из доступных проходов через перевалы Большого Кавказа, о чем свидетельствуют и находки украшений, близких позднекохидским, а точнее, возможно, просто импортных в верховьях Кубани, как и другие известные здесь (железный топор, аттический шлем, гривны с конусовидно расширенными концами и т.п.).

XXI тип (2 экз.). Браслеты из железной пластинки, овально-уплощенной в сечении, шириной 0,8-1 см. Концы несомкнуты и обрублены. Диаметр 6-6,4 см (табл. XVII, 18). В отличие от восточного варианта, железные браслеты редки в памятниках западного варианта. Один из них известен в погребении 12 Этокского могильника; второй, частично обломанный, входил в состав инвентаря в погребении 9 могильника Уллубаганалы.

Хронология браслетов определяется по аналогиям. Многочисленные находки железных браслетов близкой формы имели место в Луговом могильнике VI-IV вв. до н.э., дата которого определена по массовым находкам железных топоров, копий, акинаков и конской уздечки степного облика.

XXII тип (83 экз.). Браслеты бронзовые, многовитые, сильно уплощенной усеченно-конической формы. Они свернуты из прямоугольной в сечении массивной пластины шириной 0,8-0,9 см в виде спирали в 3,5-7 оборотов. От типа I отличаются тем, что одна сторона обязательно составляла 1/2 диаметра другой стороны. Таким образом диаметр верхней части браслетов был 5,5 см, а нижней 10-11,5 см. Концы спирали обрублены (табл. XVII, 19). Спиралевидные браслеты данного типа - специфическая особенность культуры западного варианта. Они обнаружены в 16 пунктах ареала от Баксана до Зеленчуков (таблица 7). Они украшали обе руки покойников (мужчин и женщин), но в некоторых могилах их насчитывалось до 6-8 экземпляров (Кисловодский, Березовский-6, Мебельная фабрика). В погребении 16 Белореченского-2 могильника их оказалось 11. Следует подчеркнуть, что хотя и учтены только более 80, но их значительно больше,

т.к. в фондах Кисловодска, Пятигорска, Ессентуки имеется много предметов неизвестного происхождения. Безусловно, центром наиболее плотного размещения таких браслетов является Кисловодская котловина. На востоке ареала они неизвестны. На территории распространения центрального варианта находка 3-х браслетов, обозначенных как "два витка бронзовой проволоки", известна из коллекции предметов близ хутора Хату-Анзорова (ныне Старый Урух), принадлежавшей Д.А.Вырубову¹⁰¹. Вместе с браслетами в коллекции имелись лопатовидные булавы и поясной крючок со спиралью (см. ниже). А.А.Иессен полагал, что находки представляли единый комплекс. В любом случае это наиболее восточные находки браслетов XXII типа, свидетельствующие о связях между населением разных групп местного населения кобанской культуры. Хронология браслетов определяется всем составом комплексов, в которые они входили. Наиболее характерны они для периода X-VIII вв. до н.э., что подтверждается оружием и конским снаряжением начала I тыс. до н.э., изобилующим в комплексах данного периода.

XXIII тип (11 экз.). Бронзовые браслеты, узкопластинчатые, с завитками на концах. В отличие от V типа они не литые, а кованые. Лицевая сторона орнаментирована гравированным геометрическим узором. В сечении пластины либо прямоугольные, либо треугольные. Ширина пластин 0,8-1,8 см. Диаметр браслетов 5-5,8 см. По оформлению концов выделяются *два варианта*.

1) браслеты с одним завитком на каждом конце (табл. XVIII, 1). Один такой браслет происходит из Былымского клада¹⁰². Он выкован из ленты шириной 1,2 см. Концы близко сомкнуты. Завитки на концах закручены в разные стороны. Лицевая поверхность украшена по краям гравированным продольным пояском шириной 0,2 см, заполненным прямыми насечками. Близкий пластинчатый браслет, но без орнамента, имел место в разрушенном погребении в станице Исправной.

2) браслеты с двумя завитками на каждом конце. Завитки закручены в противоположные стороны. Большинство их происходит из Былымского клада, причем 4 имели треугольное сечение (табл. XVIII, 3-4) и три - прямоугольное (табл. XVIII, 2). Два таких браслета происходят с территории Кабардино-Балкарии¹⁰³. Орнамент на лицевой стороне из ромбов и косых насечек, образующих "елочный" декор.

Точные аналогии браслетам XXIII типа отсутствуют, но сама идея такого оформления была не чужда кобанцам, как это спра-

ведливо отметил В.М.Батчаев в своей публикации. Правильно им было указано направление поисков аналогий вне Кавказа в сторону культур эпохи раннего железа Альпийского региона и Карпат.

В настоящее время в связи с разработкой хронологии кобанской культуры Былымский клад убедительно нашел свое место в выделенном мною т.н. протокобанском периоде (Кобан I). Ранний характер браслетов подтвердился изучением состава металла, оказавшегося мышьяковистой бронзой. Кроме вещей из мышьяковистой бронзы в составе кладов имелись и предметы из оловянистой бронзы. Такое сочетание, по мнению С.Н.Кореневского, характерно для переходного этапа в предкобанский период¹⁰⁴.

Происхождение формы браслетов и их проникновение на Кавказ связывается мною с Подунавьем и Западной Европой¹⁰⁵ в последней четверти II тыс. до н.э.

XXIV тип (11 экз., из них 1 серебряный, остальные бронзовые). Браслеты из тонкого гладкого прута, круглого в сечении, диаметром 0,4-0,5 см. Концы большинства несомкнуты и имеют биконическое или шаровидное завершение. Диаметр браслетов 5,4-6 см. По особенностям прута выделяются *два варианта*.

1) браслеты (9 экз.) из гладкого прута, иногда орнаментированные группами поперечных насечек (табл. XVIII, 5), с отверстиями в концах (табл. XVIII, 7). Таков серебряный браслет из погреб. 6/11 Березовского 1 могильника, бронзовые браслеты из погреб. 1/7 могильника Лермонтовская скала-2, из склепа в Карабашево, в погреб. 19, 22, 34 Минералводского могильника, браслет из погреб. у хутора Водопадский.

2) браслеты (2 экз.) из перекрученного прута (табл. XVIII, 6). Такой браслет входил в состав погребального инвентаря погребения 4 Белореченского-1 могильника. Еще один витой браслет имел место в погребении 22 Минералводского могильника.

В восточной группе подобные браслеты неизвестны, не зафиксированы они и в ареале центральной группы. В то же время браслеты *первого варианта* хорошо известны в памятниках VI-III вв. до н.э. собственно скифской территории (Отдел I, тип I по В.Г.Петренко) лесостепного левобережья, в памятниках Средне-Донской, Днестро-Дунайской и Крымской групп скифской культуры, а также в Трансильвании. Не исключается их фракийское происхождение¹⁰⁶. Появление первого варианта браслетов в памятниках западной группы было обусловлено, видимо, воздействием скифской культуры.

Браслеты с отверстиями на концах отсутствуют в степных древностях, но зафиксиро-

ваны в памятниках конца VII-VI вв. до н.э. в Закавказье (Бешташени, Макарашен)¹⁰⁷. А.А.Мартirosян полагает, что не без влияния данной формы появились в Казбегском кладе височные кольца с такими же окончаниями.

Что касается витых браслетов с утолщениями сферической формы, то представляется, что они производны от первого варианта, что подтверждается более поздней датой могил, в которых они находились (VI - первая половина IV вв. до н.э.)¹⁰⁸.

XXV тип (13 экз., из них 1 серебряный, остальные бронзовые). Браслеты из тонкой и узкой пластины шириной 0,5 см. Концы сомкнуты или заходят друг за друга. Изредка они завершаются изображением змеиной головки (табл. XVIII, 8). Такие браслеты обнаружены в двух могильниках (погреб. I, V, IX могильника Каррас; погреб. в Домбае (р. Алибек), в котором имелся кроме бронзовых и один серебряный).

Точные аналогии неизвестны. Хронология определяется сопутствующими предметами, дата которых более определена (оружие скифского типа, античный импорт и т.п.). Такие браслеты относятся к наиболее позднему в рамках III периода (IV-III вв. до н.э.).

XXVI тип (1 экз.). Бронзовый браслет оригинальной формы. Он замкнутый и составлен из скобочек С-образной формы. Они были закреплены на какой-то органической основе, скорее всего коже. Диаметр браслета 6 см (табл. XVIII, 9). Браслет находился в погребении 13 Минералводского могильника V - первой половины IV вв. до н.э.¹⁰⁹ Аналогии неизвестны. Погребение отнесено Г.Е.Афанасьевым и А.П.Руничем к третьей группе.

XXVII тип (1 экз.). Бронзовый массивный браслет с обрубленными несомкнутыми концами. Браслет полый; внутри заполнен сероватой плотной массой. Поверхность украшена углубленными насечками: по периметру косыми, а на концах прямыми. Диаметр браслета 8 см; диаметр сечения 1,4 см (табл. XVIII, 10). Он входил в состав Кяфарского клада, относящегося к середине I периода, т.е. примерно к концу XII - началу XI вв. до н.э. Достоверно датирующих предметов в составе клада не было, но косвенные признаки позволяют предполагать именно вышеуказанную дату. К этим признакам относится, например, присутствие привесок XIX типа в форме женской груди (см. выше). Такие привески входили в состав погребений Эшкаконского могильника, где имели место ножи, наконечники копий, булавки. Тем самым клад увязывается с материалами протокобанской группы (Кобан I). В составе клада имелись привески-пронизи с

зооморфными фигурками, по стилю близкими фигуркам Былымского клада и из погребения 16 Кумбултского могильника Верхняя Рутха, т.е. близкие материалам последней четверти II тыс. до н.э. Наконец, способ использования плотной пасты для заполнения тонких бронзовых блях известен у закавказских литейщиков второй половины II тыс. до н.э. В ряде культур Армении и Азербайджана некоторые бляхи заполнялись сероватой глинистой пастой. Относительно ранняя хронология Кяфарского клада в сравнительном сопоставлении с предметами типа Эшкакон - Инжиччукун - Терезе разделяется и другими исследователями¹¹⁰.

XXVIII тип (1 экз.). Браслет из бронзового тонкого прута, круглого в сечении, диаметром 0,5 см. Концы несомкнуты и закручены в спираль. Размер браслета 5,8×6,8 см. Предмет входил в состав инвентаря погребения у хутора Байбарис. Железные удила и сосуд в комплексе свидетельствуют о дате в пределах VI-V вв. до н.э. Аналогии браслету неизвестны (табл. XVIII, 11).

XXIX тип (2 экз.). Браслеты из бронзового овального в сечении прута, шириной 0,6 см. Концы уплощены, слегка заходят друг за друга и оформлены фигурными окончаниями. Кроме того, около концов браслеты украшены насечками, образующими елочный узор. Браслеты входили в состав случайно раскопанного на Ставрополье комплекса VI-V вв. до н.э. Аналогии неизвестны (табл. XVIII, 12).

Итак, определяющими особенности культуры западного варианта являются типы V (общекобанский), I, XXII (локальный). Остальные типы нейтральны, иногда из-за своей малочисленности.

Более 40% типов появились в местной культуре на ранних этапах (I-III, V, IX, XI, XII, XVI-XVIII, XXII, XXIII, XXVII), в конце II тыс. до н.э.

В период расцвета продолжали бытовать почти все (I, III, V, IX, XII, XVI-XVIII, XXII). Однако, выявлен и учтен X тип браслетов, неизвестный ранее. Хронология этих браслетов (X - середина VII вв. до н.э.) определена по предметам конской узды и оружию.

На позднем III этапе развития культуры, совпадающим со скифским периодом, продолжали существовать, претерпев некоторую трансформацию, около 20% традиционно известных в местной культуре типов (I, X, XI, XII, XVIII). Но появились более 25% совершенно новых типов (XIII, XV, XX, XXI, XXIV-XXVI, XXVIII, XXIX). Браслеты XV и XXIV типов появились, как указано выше, скорее всего в результате контактов со скифами, XX и XXIX в результате связей с куль-

турами Закавказья, главным образом с Колхидой. Определяющим в это время следует считать тип XIII, известный по всему ареалу. Возник он как результат развития и трансформации XII типа.

Ножные браслеты (6 экз.). Браслеты бронзовые, из гладкого круглого в сечении прута диаметром 0,7-0,8 см. Иногда концы сомкнуты, но имеются экземпляры, у которых концы сходятся или сближены на расстояние 1 см. Диаметр браслетов 5,2-6,2 см (табл. XVIII, 13-15). Все предметы происходят из погребений III периода. В Этокском могильнике в погребении 9 покойник имел браслет на одной ноге. По одному браслету имели погребенные в каменных ящиках 19-21 в могильнике Уллубаганалы 2.

Захоронения в каменных ящиках могильника Уллубаганалы наиболее ранние, по ряду признаков сохранившие больше традиционных черт, чем остальные, во многом уже окращенные скифским влиянием. Дата их близка III четверти VII в. до н.э.¹¹¹

Аналогии ножным браслетам отмечены в женских погребениях Тлийского могильника (ножные кольца II типа, по Б.В.Техову). Но тлийские значительно более ранние¹¹², чем западнокобанские. Ножные кольца не являются строгим культурообразующим признаком. Обычай их ношения можно отнести к общекавказским.

Пояса и поясные пряжки. Атрибутом одежды населения западного варианта кобанской культуры, как и в других частях ареала, являлись пояса. Они имели не только утилитарное назначение, но несли и сакральные функции. Потому пояса не были обычной принадлежностью обычных людей, а являлись символом принадлежности к привилегированному слою местного общества. По сравнению с центральным вариантом, в изучаемой группе они достаточно редки, и имели место и в мужских, и в женских погребениях. Нет здесь столь известных в памятниках культуры (Тли, Кобан) парадных широких металлических поясов из бронзовых орнаментированных пластин. Но в то же время отмечены своеобразные пояса, характерные только для западной группы (табл. XIX). В 9 памятниках представлены остатки и детали поясов, на основании которых можно говорить, по крайней мере, о трех их разновидностях: 1) металлические бронзовые пояса; 2) пояса из мягких материалов (скорее всего кожаные) с металлическими декоративными накладками. Накладки были обусловлены не только эстетическими пристрастиями, но и служили для защиты при ударах; 3) бронзовые пояса-цепи, имевшие скорее всего не

практическое применение, а составлявшие часть парадного облачения.

О наличии **первой разновидности** можно только предполагать. В составе Былымского клада был найден фрагмент бронзовой пластины¹¹³, определенный В.М.Батчаевым как "сырьевой материал мастера-литейщика"¹¹⁴. Осмотр этого предмета в фондах Эрмитажа (Инв.№1319/115) показал, что это хорошо прокованный фрагмент пластины с гладкой поверхностью. Толщина 0,1 см соответствует известным пластинам бронзовых поясов из Кобани или из Лугового могильника (восточный вариант). На обломке нет ни заусениц, ни покоробленности, характерной для отходов литейного брака или испорченных полуфабрикатов.

Более определена **вторая разновидность** поясов из мягких материалов. Они, видимо, выглядели очень нарядно, судя по нашивным бляхам. Такие детали поясов сохранились в четырех могильниках Кисловодской котловины. Так, в погребении 7 Клинь-ярского-2 могильника сурьмяная накладка в виде квадратной пластины, украшенной ажурным декором из 4-х волют (табл. XIX, 2a) найдена в сочетании с круглой умбоновидной пряжкой (табл. XIX, 2). Размер накладки 2×2 см.

В погребении 3/6 (1969 г.) могильника Индустрия-1 имели место 12 сурьмяных квадратных накладок размером 3×3 см (табл. XIX, 3-4). Поверхность их также была декорирована ажурным узором из ромбовидных фигур. По двум сторонам имелось по каналу для продергивания нити для прикрепления к основе пояса. Ажурные решетчатые пластины из сурьмы с одним каналом по центру для прикрепления к основе отмечены также в погребении 2/5 того же могильника (табл. XIX, 5-6). Размеры пластин 4,3×4,3 см. Точно такие же пластины имелись в погребении 21 Березовского-1 и в двух погребениях (16 и 26) Белореченского-2 могильников. Аналогии подобным накладкам в других частях ареала кобанской культуры неизвестны, что позволяет относить их к предметам, отражающим локальное своеобразие западной группы. По составу погребального инвентаря пояса с накладками датируются VIII-VII вв. до н.э., причем самым поздним из них был пояс из погребения 7 Клинь-ярского-2 могильника.

Третья разновидность поясов (4 экз.) в изучаемой группе - это пояса-цепи. Они имели место в поздних памятниках V-III вв. до н.э., а точнее только в памятниках верховий Кубани района Теберды и Домбая. Чрезвычайно выразителен пояс-цепь из погребения, раскопанного в 1954 году на Домбайской поляне (лагерь "Софруджу"). Он состоял из замкнутого кольца, образованного 100

овальными звеньями длиной 2 см. К кольцу приделаны две привески-цепи из 39 звеньев. На конце привесок бронзовые пинцеты. Размер кольца 51 см. Пинцеты длиной 9 см. Ширина раскованной рабочей лопаточки 3,5 см (табл. XIX, Л). Пояс входил в комплекс с аттическим шлемом V-IV вв. до н.э.¹¹⁵ Такие пояса имели место в погребении на Домбайской поляне (Указ., 171), в комплексе из Тебердинского заповедника (Указ., 176/2). Несмотря на отсутствие прямых аналогий, можно полагать, что данные пояса-цепи являлись вариантом таких же поясов, как в погребениях VI-V вв. до н.э. на востоке ареала (погреб. 122, 127 Лугового могильника). Так же как и там, они входили в парадный (или сакральный) гарнитур, включавший по две фибулы, браслеты и гривну (или нагрудную бляху).

Мода на бронзовые пояса-цепи зародилась, видимо, раньше, чем она проявилась на периферии культуры. Об этом свидетельствуют упомянутые выше длинные цепи с колокольчиками-погремушками в Тлийском и Кобанском могильниках (погребение 12, раскопки Е.Шантра)¹¹⁶.

Кроме остатков самих поясов, из памятников западного варианта учтено также 26 **поясных пряжек** самых разнообразных типов. Одни из них повторяли общеизвестные в кобанской культуре, другие отличались локальным своеобразием (табл. XIX, 7-13).

Из **девяти типов**, известных на востоке, в изучаемой группе отмечены только **три** (I, II, V).¹¹⁷ Но в то же время учтены еще **четыре типа**, там неизвестные (X-XIII), но отмеченные в центральной группе (типы X и XI).

I тип (1 экз.). Бронзовая пластинчатая пряжка полуовальной (сегментовидной) формы, размером 8×10,4 см, толщиной 0,3 см. Лицевая сторона украшена гравированным орнаментом в виде ломаной линии, окаймляющей пряжку по периметру. В центре знак в виде трех соединенных между собой спиралей т.н. "микенского стиля". На оборотной стороне, в полукруглой части приделан массивный крючок. На противоположной от крючка стороне три круглые петли для прикрепления к поясу (табл. XIX, 7). Пряжка происходит из Заюковского 1 могильника (урочище Мышаго) из подкурганного захоронения "на западном скате" (1888 г.).

Полуовальные пряжки - одна из древних форм в памятниках кобанской культуры северного склона. Они являлись характерным признаком центрального варианта периода Кобан I (протокобанский)¹¹⁸. Пряжки с петлями надежно датируются по закавказским материалам (Самтавро) в пределах второй половины XIII - первой половины XII вв. до

н.э., но их модификации бытовали до IX-VIII вв. до н.э. В Своде представлена наиболее ранняя разновидность.

II тип (7 экз.). Бронзовые пластинчатые пряжки подпрямоугольной формы раннекобанского типа. Посредине одной из продольных сторон имелся крючок, а на противоположной стороне от крючка 4-9 круглых отверстий для прикрепления к ремню. Лицевая сторона пряжек гладкая или орнаментирована гравированным узором. Размеры пряжек 4,5×7,2 см; 3,2×10 см; 2,2×9,2 см (табл. XIX, 9-11). К сожалению, все учтенные находки происходят из разрушенных погребений в Баксанском ущелье. Однако, по деталям формы они находят столь близкие параллели в достаточно надежно датированных комплексах, что хронология их в изучаемой группе не вызывает сомнения. Среди учтенных в Своде выделяются две разновидности.

1) короткие и широкие пряжки, с выступающим треугольником посредине продольной стороны. Именно к нему с тыльной стороны прикреплен крюк. На противоположной стороне 7 отверстий. Четыре таких пряжки найдены в окрестностях с. Каменно-могостское (Кармово) и одна с пометкой "под Эльбрусом" (Нальчик, музей, инв.№2556). Одна из пряжек из Каменномогостского имела орнамент из заштрихованных треугольников (табл. XIX, 11).

2) подпрямоугольные пряжки, у которых, по выражению П.С.Уваровой, продольные стороны "не принимают более параллельных линий, а имеют вид ломаной линии или бабочки"¹¹⁹. Учтено две такие пряжки. Одна из них происходит из склепа в Гижгиде, раскопанного в 1928 году. Она находилась в комплексе с пластинчатыми ребристыми браслетами, умбовидной бляхой и бляхой, украшенной четырехлучевой розеткой. Поверхность пряжки была покрыта тонким гравированным узором в виде сложных спиралей с отростками, напоминающим стилизованное изображение птичьих головок. По краям пряжки поперечные линии (табл. XIX, 9). Вторая пряжка происходит из разрушенного погреб. Бедыкского могильника (табл. XIX, 10).

Наиболее близкие аналогии первой разновидности пряжек происходит из Тлийского могильника (погребения X-IX вв. до н.э.).

Вторая разновидность также широко представлена в погребениях VIII - первой половины VII вв. до н.э. в Тли, но продолжала бытовать на Северном Кавказе до скифского периода (Гастон Уота)¹²⁰. Отмечены они в VIII - первой половине VII вв. до н.э. в памятниках Западной Грузии (Мухурча, Палури)¹²¹ и Абхазии (Джантух, Красномаяцкий могильник)¹²².

V тип (1 экз.). Бронзовая круглая пряжка умбоновидной формы с выпуклой конической вершиной, заканчивающейся гвоздевидным выступом с плоской шляпкой. С оборотной стороны пряжки круглая петля для прикрепления к ремню. Диаметр 3,2 см, высота 1,8 см (табл. XIX, 2). Пряжка входила в состав инвентаря погребения 7 Клин-ярского-2 могильника. Она составляла гарнитур вместе с нашивными бляшками-накладками (табл. XIX, 2a). Аналогии отсутствуют, но особенности свидетельствуют о том, что пряжка относилась к варианту пряжек V типа, известных в скифское время по всему ареалу кобанской культуры. Различие заключалось лишь в способе соединения пряжки с концом ремня. Вместо крючка она имела грибовидный выступ, за который цеплялась петля конца пояса.

X тип (7 экз.). Бронзовые подковообразные пряжки. С овальной стороны над плоскостью пряжки выступает рельефная головка ушастого животного. На оборотной стороне крючок. Размеры 6×7 см. Высота головки зверя 2,8 см (табл. XIX, 8). Около шеи животного на пластине два круглых отверстия для прикрепления к ремню.

Подковообразные пряжки данного типа довольно редки в кобанской культуре. Они отмечены изредка в Дигории (Верхняя Рутха)¹²³. Но там они не имеют достоверных оснований для датирования. Отмечая, что такие пряжки известны в выбросах земли при исследовании Верхнерутхинского могильника, Е.И.Крупнов не посчитал возможным каким-то образом определить их дату, видимо, принимая для них хронологию, предложенную Е.П.Алексеевой. Это позднекобанский I период (VI-III вв. до н.э.)¹²⁴. Находки пряжек в Верхнебаксанском кладе, содержащем изделия типично раннекобанского облика, не позволяют согласиться со столь поздней датой. Большинство вещей в его составе не выходит за рамки рубежа II-I тыс. до н.э.¹²⁵

Таким образом, наиболее вероятная дата пряжек X типа - рубеж II-I тыс. до н.э., может быть, начало I тыс. до н.э. Происхождение их, видимо, связано со своеобразным индивидуальным осмысливанием тех или иных форм, имевшихся в распоряжении мастера литейщика. По сути, как нам видится, эти пряжки сочетают в себе признаки полуовальных пряжек I типа, с оформлением в виде головок на некоторых пластинчатых пряжках II типа, известных, например, в Кобанском и Глийском могильниках центрального варианта и датирующихся там XI-X вв. до н.э.¹²⁶

XI тип (8 экз.). Бронзовые массивные пряжки в виде крючка, украшенного двумя плоскими спиралями. Внешне напоминают

очковидные привески, но значительно большего размера. Длина их 5,2-7,2 см (табл. XIX, 12, 13). Пряжки изготовлены из 4-х гранного массивного прута, сложенного пополам. Концы его были закручены в спирали, а противоположная сторона согнута, образуя прочный крючок. Большинство находок происходит из разрушенных погребений (Заюково, находки из Баксанского ущелья в коллекциях Д.А.Вырубова и Е.Зичи, Инжиччукунский могильник), однако, благодаря многочисленным аналогиям в памятниках центрального варианта (особенно в юго-осетинской группе) их культурная принадлежность и хронология установлена достаточно надежно. Специальное изучение данного типа пряжек Б.В.Теховым убедительно показало, что возникновение их связано с местными корнями. На протяжении, возможно, более 400 лет они эволюционировали. Западно-кобанские пряжки из граненого прута - не самые ранние. По мнению А.А.Иессена и Б.В.Техова, они относились к последним двум векам II тыс. до н.э., к самому началу I тыс. до н.э.¹²⁷, т.е. к I этапу развития культуры западного варианта по нашей периодизации. В восточной группе они отсутствуют, что лишнее раз доказывает их раннюю дату: в период оформления ведущих признаков культуры восточного варианта эти пряжки уже не были характерны для культуры большинства населения основной части ареала Кобани.

XII тип (1 экз.). Бронзовая пряжка в виде фигурной пластины с длинным крючком. Центральная часть пряжки имела овальные очертания. Два сквозных отверстия сегментовидной формы располагались в центре. Длина пряжки 7,5 см, ширина центральной пластины 3,5 см. На поверхности у длинного крюка и ближе к концу пластина украшена поперечными углубленными линиями. Пряжка обнаружена среди материалов VI-V вв. до н.э. склепа Кобу-баши (табл. XIX, 14). Аналогии точные отсутствуют. Однако в целом сама форма является реминисценцией более ранней пряжки дисковидной формы с длинным крючком, известной в Верхней Рутхе и отнесенной нами к протокобанскому периоду¹²⁸. В Кобу-баши пряжки XII типа были безусловно элементом местной культуры, но происхождение этой формы, как и некоторых других, связано с проникновением в последней четверти II тыс. до н.э. на Северный Кавказ отдельных элементов культуры Подунавья.

XIII тип (1 экз.). Бронзовая кольцевидная пряжка с перемычкой по центру. Пряжка литая в односторонней форме, т.к. оборотная ее сторона плоская, а лицевая - выпуклая. Диаметр пряжки 2 см (табл. XIX, 15).

Предмет находился в составе т.н. "клада", а точнее погребального комплекса из разрушенного каменного ящика в Клин-ярском-3 могильнике. Дата комплекса определена в пределах IX-VIII вв. до н.э.¹²⁹ Поскольку в комплексе находился кинжал, то пряжка определена предположительно как портупейная, что подтверждается и ее небольшими размерами. Пряжка уникальна для кобанской культуры. На Северном Кавказе прямые аналоги ей отсутствуют, но за пределами ареала кобанской культуры такая пряжка (также единственная) имели место в раннеананьинском погребении 95 Тетюшского могильника, датированного А.Х.Халиковым началом VIII в. до н.э.¹³⁰ Учитывая, что именно этого периода кобанские изделия известны в Поволжье (топоры, обломки бронзовых поясов с изображениями, булавы), нельзя исключить, что кольцевидная пряжка относилась также к предметам северокавказского происхождения, а клинлярская находка - лишнее тому подтверждение.

Таким образом, большинство поясных пряжек тяготеет к центральному варианту, но имелись и оригинальные формы (V, XII, XIII типы). Оригинальны были пояса в виде цепи, составлявшие особенность западного варианта на позднем этапе его развития.

Бляхи (440 экз., из них медь - 8, золото - 4, остальные бронзовые).

В украшении костюма бляхи занимали заметное место и образовывали своеобразные наборы для платья и головного убора как в женских, так и в мужских погребениях. В большинстве они отличались от уздечных блях, выделенных нами в специальный раздел¹³¹, но иногда некоторые формы повторяли конские. В таких случаях их функциональное назначение определялось конкретным набором сопутствующих украшений.

В связи с тем, что западная группа содержала более определенные данные о местонахождении тех или иных блях, по сравнению с восточной, была произведена корректировка в систематизации некоторых из них. Так, тип IV (бляшки-лунницы с тремя приливами) был столь очевидно связан с конскими наборами узды, что мы посчитали более оправданным перенести их в раздел конского снаряжения. То же самое оказалось целесообразным для блях, украшенных четырехлучевой розеткой.

От восточно-кобанских бляхи изучаемой группы отличались. В большинстве своем они их не повторяли. Но имелись и совпадения. Из **восьми типов**, учтенных в памятниках восточного варианта, на западе бытовали **четыре** (I, II, V, VI). Кроме того, выделены еще четыре (IX-XII). В основу типологии

положены морфологические признаки, подчеркивающие индивидуальные особенности вещей.

I тип (202 экз.). Дисковидные выпукловогнутые бляхи, выкованные из тонкого бронзового листа толщиной 0,1 см. Диаметр от 1,2-6,5 см (табл. XX, 1-4). По краям 2-4 отверстия для прикрепления к какой-то основе. Все бляхи гладкие, за исключением некоторых экземпляров из погребений в Белореченском-2 и на Домбайской поляне (табл. XX, 2). Они имели по краю по всей окружности ряд выпуклых шишечек, нанесенных пуансоном. Подобные тонкие бляхи типичное украшение в женских погребениях. Они учтены (таблица 8) в 23 памятниках, главным образом могильниках западного варианта, но объективно, несомненно, их было значительно больше. Наиболее сложные головные уборы, сочетавшие вместе с трубочками из бронзы по 10-13 блях, имели место в погреб. 21 Березовского 1 могильника, в погреб. 25 могильника Мебельная фабрика, погреб. 1/8 (1971 г.) могильника Индустрия-1. При реконструкции головных уборов из погреб. 18, 24, 25, 26 Белореченского-2 могильника С.Л.Дударевым и Я.Б.Березиным прослежено¹³², что пять пар блях были нашиты на две шерстяные ленты малинового цвета. Такая "гирлянда" крепилась к косе. Снизу к этой "гирлянде" подвешивалось несколько крупных орнаментированных трубочек. Такие "гирлянды" служили дополнением к шапочке, также обильно расшитой бляхами, раковинами, трубочками и т.д. Бляхи имели место на протяжении II и III периодов развития западного варианта. Они были широко распространены по всему ареалу кобанской культуры, не отличаясь в изучаемой группе какой-либо спецификой. Иногда они украшали платье, как, например, в погребении 3 Терезе (табл. XX, 4).

II тип (4 экз.). Овальные выпукловогнутые бляхи с двумя отверстиями для нашивания. Бляхи из тонкого бронзового листа (табл. XX, 5-6). Размер их 1,3×1,8 см; 5,5×7,5 см. Как и в памятниках восточного варианта, они единичны, что привело нас к ошибочному выводу о специфичности блях II типа только для восточной группы¹³³. Бляхи такого типа имели место в погребении 5 Эчкивацкого могильника, в случайно раскопанном погребении 2 (1967 г.) в могильнике Индустрия 1. Бляшка была украшена спиралью из точек, нанесенных пуансоном (табл. XX, 5). Две овальные бляшки происходят из каменного ящика 2 Заюковского 1 могильника (раскопки К.Э.Гриневича). Хронология бляшек - первая половина I тыс. до н.э. Наиболее надежно датируются крупные бляшки из Заюково, т.к. в погребении нахо-

дились двукольчатые бронзовые удила, бронзовый топор кобанского типа и бронзовая фибула с пиявкообразной дужкой, т.е. материалы, характерные для IX-VIII вв. до н.э.

V тип (10 экз.). Костяные (или роговые) двувальные бляшки, со слегка выпуклой лицевой поверхностью. На оборотной стороне два горизонтальных канала для прикрепления бляшки. Размер 1,2×2,2 см (табл. XX, 7). Все бляшки происходят из Инжиччукунского могильника (погреб. 1, 2, 7), где их было от 2 до 5 штук.

Аналогии бляшкам отмечены в погребении 7 Кескемского могильника (восточная группа), где они составляли комплекс с бронзовым кинжалом раннекобанского типа. Как там, так и в изучаемой группе, двувальные бляшки являются убедительным доказательством контактов местного населения со степным миром в самом начале I тыс. до н.э. (Стрижена могила, Аржан)¹³⁴. Учитывая особенности всего комплекса Инжиччукунского могильника, свидетельствующие о его синхронности не аржано-черногорским, а белозерским древностям, можно полагать, что бляшки данного типа - самые ранние из известных.

VI тип (20 экз.). Бронзовые литые умбоновидные бляхи с петлей в центре оборотной стороны. Петли сильно углублены. Диаметр 4-7,8 см (табл. XX, 8-12). По отделке внешней поверхности выделяются *две разновидности*:

1) гладкие бляхи, без орнамента (14 экз.). Они обнаружены в гробнице 1 могильника Терезе (табл. XX, 8), в погреб. 8 (траншея II) Султангорского-1 могильника, в погреб. 4 Белореченского-2 могильника, в погреб. в Кисловодске (Указ., 99/2), в склепе в Карабашево.

Большинство относилось к древностям X-VIII вв. до н.э. Только бляха из Карабашево датируется VI в. до н.э. по оружию скифского типа.

2) орнаментированные бляхи (6 экз.). Одна из блях в гробнице 1 из Терезе была украшена гравированным рисунком: две птицы, летящие друг другу навстречу (табл. XX, 9). Близкий сюжет имелся на одной из блях в Глийском могильнике. Остальные бляхи из Терезе (гробница 1 и 2) имели орнамент в виде литого канта по краю, имитирующего плетенку-шнур (табл. XX, 10-11), как в погребении 53 Серженьюртовского могильника. Богато декорированная бляха входила в комплекс из склепа в Гижгиде (1928 г.). Аналогий ей нет, но по стилю декора (сочетание концентрических кругов, ломаных линий и точечных заполнений пустых зон) она (табл. XX, 12) напоминает одну из блях в т.н. кладе из Лайлаши¹³⁵, а точнее всадническом

комплексе XI-X вв. до н.э. По составу изделий (пластинчатые браслеты, бляха уздечная с четырехлучевой розеткой, пряжка) гижгидский экземпляр бесспорно может быть включен в группу древностей II периода развития культуры западного варианта. Особо отметим отсутствие в данной группе характерных для восточного и центрального варианта блях с рельефным спиральным орнаментом. О бляхах данного типа на III этапе дает представление экземпляр из Карабашево, ярко выраженной конусовидной формы и без орнамента¹³⁶. Но известны и орнаментированные экземпляры. Е.П.Алексеевой упоминается среди погребального инвентаря Таллыкского кургана VI-V вв. до н.э.¹³⁷ "умбоновидная бляха с прорезными треугольниками". Исследовательница подчеркивает, что "керамика и украшения в данном комплексе имеют местный, позднекобанский облик".

IX тип (9 экз.). Крупные конусовидные бляхи из тонкого бронзового листа. Бляхи кованые с применением тиснения. На краю прямоугольный выступ, завернутый в трубочку. По окружности орнамент из выпуклых точек, выполненных при помощи пуансона. Диаметр блях 5,5-8 см (табл. XX, 13). Данный тип блях постоянно представлен только в ареале западного варианта, что является конкретным проявлением локального своеобразия группы. Они засвидетельствованы в Заюковском, Каменноостском, Агачевском, Сосновогорском и Терезинском могильниках. Об их хронологии наиболее надежно свидетельствуют находки из комплексов Агачевского могильника (погребения 31 и 47) и из Терезе (гробница 1). Это X-VIII вв. до н.э., причем скорее начало этого периода, чем его конец¹³⁸, т.к. их находили вместе с сурьмяными бусами и пуговицами с продольным каналом, как у роговых срубного типа (Заюково, коллекция В.П.Ренгартена).

X тип (29 экз., из них 4 золотые, остальные бронзовые).

Бляхи из тонкого бронзового или золотого листа. Основное отличие от I типа в том, что они совершенно плоские. По краям блях два отверстия для прикрепления к какой-то основе. По окружности точечный орнамент. Диаметр 2,5-4,2 см (табл. XX, 14-15).

Бляхи данного типа обнаружены в пяти могильниках в достаточно надежных комплексах (Приложение 1, таблица 8). Судя по находкам в Белореченском 2-ом могильнике, они служили для украшения головного убора, видимо глубоко традиционного, так как бляхи имели место и в погребениях II этапа, и в погребениях III этапа развития культуры западного варианта. Если, например, в погребении 13 Агачевского могильника бронзо-

вые плоские бляхи сочетались с сурьмяными пуговицами с продольным каналом ("черепашками"), что свидетельствует о времени ближе к рубежу II-I тыс. до н.э., а в погребении 5 (1933 г.) Кисловодского могильника сочетание их с бронзовыми многовитковыми браслетами XXII типа говорит в пользу IX-VIII вв. до н.э., то 4 золотые (2 разновидности) плоские бляхи ("кружочки") из погребения 4 Перкальского могильника в комплексе с бронзовым трехгранным наконечником стрелы скифского типа датируют их VI-V вв. до н.э.

XI тип (163 экз.). Бронзовые и сурьмяные восьмеркообразной формы выпуклые бляхи. Бронзовые из тонкого листа, полые; сурьмяные с плоской оборотной стороной. Размер 1,2×2,5 см, без отверстий для нашивания. Для этого, видимо, служила перемычка между полусферами (табл. XX, 16). Формально бляхи внешним видом напоминали V тип роговых бляшек, но все же их отличие по материалу, по способу крепления, по сечению и, видимо, по использованию заставляет рассматривать данную группу как особый тип. Этим я вношу корректировку и в типологию данных блях восточного варианта, неоправданно, как теперь представляется, отнесенных мною к V типу¹³⁹ только по внешнему формальному сходству общего контура. Учтены бляшки такого типа в 4-х могильниках Кисловодской котловины (Агачевский, Сосновая горка, Мебельная фабрика, Кисловодский). В погребениях их находилось во множестве, что свидетельствует о том, что они служили для украшения платья. Так, в погребении 40 Агачевского могильника их было 44 штуки, а в погребении 7 могильника Мебельная фабрика - 107 экземпляров.

Дата определяется по комплексу предметов главным образом II этапом, но, возможно, они имели место и раньше. Например, в погребении 40 Агачевского могильника бляшки из сурьмы сочетались с сурьмяными же бусами, тип которых (т.н. бородавчатые) характерен для протокобанского периода (типа пастовых бус из погребения 16 могильника Верхняя Рутха)¹⁴⁰, элементы культуры которого доживают на западе ареала Кобани до XI-X вв. до н.э.¹⁴¹

XII тип (3 экз.). Бронзовые бляхи зооморфного облика. Объединяет довольно условно разнообразные бляшки, изображающие разных животных. Таких блях немного, но они достаточно выразительны и дополняют общую характеристику культуры западного варианта Кобани.

1) бронзовая литая бляшка в форме двигающейся черепахи (табл. XX, 19). Изображение реалистично. На голове черепахи просматриваются глаза, а на лапках - коготки.

Размеры 2,7×3,7 см. Изнутри бляшка полая, с перекладной для прикрепления. Происходит из погребения 1 могильника Терезе и датируется II этапом развития культуры западного варианта. Точные аналогии бляшке неизвестны, но изделия в форме черепахи, служившие оковками для каких-то неизвестных предметов, имели место как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Так, среди материалов из Фаскау в коллекции Коссиерской¹⁴² имелась крупная бляшка-оковка в виде черепахи. Со ссылкой на К.Н.Пищелаури И.Мотценбеккер датирует черепашку из Фаскау поздней бронзой (Тли А-В), т.е. концом II тыс. до н.э.¹⁴³

2) бронзовая литая бляшка в виде лежащего зверя, размером 2,2×3,5 см. Предмет, очевидно, бракованный, т.к. просматривается только контур (табл. XX, 17). Происходит бляшка из разрушенных погребений Бедыкского могильника, материалы которого широко датируются VIII-VI вв. до н.э. Однако, дата самой бляшки может быть уточнена благодаря известным аналогиям. Именно такого облика бляшка, но лучшей сохранности, происходит из погребения 2 Куланурхвского могильника. Она имеет петлю на спине. Поверхность орнаментирована тонким гравированным узором, характерным, по мнению М.М.Трапша, для изделий колхидо-кобанского облика. Состав остальных предметов погребения 2 в Куланурхве (пластинчатый браслет с завитками, гребешок, бронзовый пояс с зооморфной пряжкой и другие) свидетельствует о принадлежности погребения к VIII - первой половине VII в. до н.э.¹⁴⁴ К этому времени, скорее всего, может быть отнесена и бляха из Бедыка.

3) фрагмент бронзовой плоской бляхи, изображающей, скорее всего, хищника. Сохранилась только задняя половина (табл. XX, 18). Обломок входил в комплекс гробницы II могильника Каррас, дата которой по составу инвентаря, особенно по оружию скифского типа определяется VI-V вв. до н.э. Поскольку бляха фрагментарна, аналогии ей могут быть неточными, натянутыми. Можно лишь сказать, что стиль бляхи ближе к степным образцам, чем к местным, кобанским. Не исключено, что здесь имело место подражание таким, например, скифским бляхам, как золотой экземпляр, изображавший льва, известный в кургане 1 у сел. Волковцы (1897-1898 гг.) в Причерноморье¹⁴⁵.

Итак, семь из учтенных типов блях относились ко II этапу. Но некоторые из них (I, VI, X, XII) продолжали бытовать и на III этапе. Локальная специфика проявляется лишь в некоторых типах, например, IX, X, XII, 1.

Следует отметить как особенность культуры отсутствие многих типов блях, известных в центре ареала, и особенно на востоке. Подобная компактная локализация некоторых форм украшений костюма по определенным географическим изолятам (ущелья, котловины) - лишнее свидетельство этнографических особенностей материальной культуры небольших родственных коллективов.

Булавки (276 экз., из них 8 железных, 2 биметаллические, остальные бронзовые).

Металлические булавки для скрепления верхней грубой одежды, а также, возможно, для закрепления сложных головных уборов в женских погребениях - один из массовых атрибутов культуры западного варианта. По разнообразию форм, отделке, причудливости наверший они не уступают памятникам центрального варианта, а в сравнении с восточной группой даже превосходят ее.

В большинстве булавок изучаемой группы вписываются в классификацию, предложенную для восточного варианта¹⁴⁶. Отсутствуют лишь четыре индивидуальных типа (IV, V, VIII, IX) из 11, учтенных в памятниках восточной группы. Но в то же время на западе отмечены предметы уже известных типов, свидетельствующие о внутренней их эволюции от более ранних разновидностей (или вариантов) к более поздним. Помимо систематизированных и учтенных ранее, выделено еще **семнадцать типов**, неизвестных на востоке, а иногда и в центре ареала. Но все же в большинстве случаев булавки имеют аналогии именно в центральном варианте.

Как и при систематизации булавок восточного варианта, в основу типологии положена форма навершия. В варианты признаки выделяются индивидуальные особенности отделки предмета (стержня или навершия, приспособление, предохраняющее от потери булавки и т.п.).

I тип (8 экз.). Бронзовые булавки с воллютообразным навершием и круглым в сечении стержнем. Воллюты закручены в разные стороны. Длина 11,5-16 см (табл. XXI, 1). Все булавки происходят из Баксанского ущелья. Одна из случайного комплекса (коллекция Д.А.Вырубова) и остальные из Былымского кладе. В большинстве они не орнаментированы, но некоторые имели на воллутах косые насечки.

Булавки с воллютообразными навершиями имеют местные корни, т.к. прослежена их типологическая связь с булавками северокавказской культуры (IV тип по В.И.Марковичу)¹⁴⁷, но бытовали они и позже, как, например, в памятниках восточного варианта.

Булавки, учтенные в Своде, относятся к ранним. При первоначальной публикации

былымские экземпляры были отнесены к началу I тыс. до н.э.¹⁴⁸, но специальное изучение их металлографии С.Н.Кореневским показало, что они изготовлены из мышьяковистой бронзы (2-4%)¹⁴⁹, что подтверждает дату комплекса I этапом развития культуры, т.е. концом II тыс. до н.э.

II тип (34 экз.). Бронзовые булавки с веерообразным ажурным навершием, представляющим сложное сочетание воллютообразного орнамента и решетчатой плетенки. Стержень круглый в сечении. В нижней части навершия либо отверстие, либо петля, которые служили приспособлением для закрепления булавки, препятствующим ее потере. Длина булавок 10-15 см (табл. XXI, 2-4). Все изделия происходят из памятников Баксанского ущелья.

Учтены следующие *три варианта*:

1) булавки с коротким стержнем и навершием в виде веера, образованным расходящимися от центра навершия 12 лучами, завершающимися двумя воллутами. В центре навершия круглое сквозное отверстие (табл. XXI, 3). Находка из случайных сборов на Баксане, но в настоящее время, благодаря раскопкам погребений докобанского периода в Кабардино-Балкарии (могильник Айлама)¹⁵⁰, можно полагать, что данный экземпляр относится к наиболее поздним в группе таких булавок, датирующихся XIV-XIII вв. до н.э.

2) булавки с навершием т.н. "павлинье перо": овальная решетчатая основа по верхнему краю была обрамлена воллутами. Стержень круглый в сечении. У основания навершия петля в виде небольшой зооморфной скульптуры (табл. XXI, 2). Три таких булавки имелись в Былымском кладе, 1 экземпляр из Гунделена. Точных аналогий нет, но они представляли разновидность ранних булавок из Дигории (Донифаре, Верхняя Рутха, Фаскау, Рахта) и бассейна Чегема, выделяющихся в настоящее время в т.н. протокобанскую переходную группу (Кобан I). Меньшие размеры, некоторое своеобразие деталей наверший, петля в виде фигурки, ближе всего напоминающей лошадку, свидетельствуют о том, что баксанские экземпляры были более поздними вариантами центральнокавказских.

3) булавки с простым воллютообразным навершием из 4-х расходящихся из одного центра лучей. Верх булавки украшен по всей дуге выпуклыми шишечками. Стержень, круглый в сечении, имел в верхней части овальную петлю. Длина булавок 12-13 см (табл. XXI, 4). Все 15 экземпляров находились в Былымском кладе. Металлография показала большое своеобразие их мышьяково-сурьмяной лигатуры. С.Н.Кореневский

усматривает закономерность положительной корреляционной зависимости между примесями сурьмы и серебра, что сближает металл булавок с металлом Таманского клада¹⁵¹. Точные аналогии отсутствуют, однако близкий экземпляр происходит из могильника Гуадику (погребение 24) и по комплексу вещей датируется не ранее VII в. до н.э., т.к. сочетается с железным браслетом и фибулой с пластинчатым щитком¹⁵². Это вполне определенно говорит о том, что в Абхазии булавки данной разновидности появились с Северного Кавказа и доживают здесь в быту населения до скифского периода.

III тип (16 экз., из них 1 железная, остальные - бронза). Булавки с навершиями в виде зооморфных скульптурных изображений (животные и птицы). Стержень круглый в сечении, иногда перекручен. Длина булавок 5-29,3 см (табл. XXI, 5-14). При систематизации древностей восточного варианта булавки III типа представлены лишь одним вариантом, а именно с навершиями в виде парных головок животных, смотрящих в разные стороны¹⁵³. В западной части ареала они более многочисленны и разнообразны. Прослеживается их эволюция во времени.

Они обнаружены не менее чем в 8 памятниках, но большая часть происходит из Баксанского ущелья (таблица 9). По изображению на навершиях выделяются не менее *4 вариантов* булавок.

1) булавки бронзовые с навершиями в виде парных головок животных, смотрящих в разные стороны (табл. XXI, 5, 6). Учтено три таких булавки с головками баранов. Наиболее выразительна булавка с витым стержнем из разрушенного погребения близ Заюково. По стилю она ближе всего стоит к булавкам, выделенным нами в группу изделий X-IX вв. до н.э.¹⁵⁴ Менее выразительна булавка (фрагмент) из Былымского клада. Маленькие головки схематично напоминают барана, в верхней части стержня овальная петля.

2) булавка с 4-мя головками быков на длинных отростках навершия. В основании навершия продольный сквозной канал. Стержень длинный и круглый в сечении. Длина булавки 29,3 см (табл. XXI, 7). Прямых аналогий нет. Она входила в состав Былымского клада. В.М.Батчаев справедливо усматривает в ней переходные признаки, позволяющие отнести булавку, как и большинство вещей клада, к концу II тыс. до н.э.

3) булавки с навершиями в виде одной головки барана или козла. В верхней части стержня либо отверстие, либо петля (табл. XXI, 8, 13, 14). Наиболее ранние среди них 4 экземпляра из Былымского клада. Прямые аналогии им неизвестны, но по стилю они близки к булавкам Глийского мо-

гильника из погребений XIV-XIII вв. до н.э. и одновременных им Стырфазских кромлехов¹⁵⁵. Более реалистичский облик былымских булавок как бы представляет следующее звено в развитии данного типа. Наиболее поздние модификации его имели место в Этокском могильнике VI-V вв. до н.э.¹⁵⁶ (с головкой барана) и одновременном ему Минералводском могильнике. В погребении 1 оказалась единственная железная булавка с изображением головки козла (табл. XXI, 14).

4) булавки бронзовые с навершием в виде одной или двух сидящих птичек (табл. XXI, 9-12). Наиболее ранняя булавка имела место в гробнице 2 могильника Терезе, булавка в виде 2-х птичек найдена в каменном ящике 6 Каменноостского могильника (1971 г.), дата которого определена В.М.Батчаевым рубежом VII-VI - началом VI в. до н.э.¹⁵⁷ К этому времени относилась булавка с двумя птичками из Бедыкского могильника. Булавка с отверстием, а не с петлей и с изображением одной птички (табл. XXI, 9), из разрушенного погребения, была по времени ближе терезинской (может быть начало I тыс. до н.э.). Булавка с двумя птичками и петлей из Баксанского ущелья (коллекция Е.Зичи) близка по стилю Каменноостской, но отличалась навершием в виде шарика (табл. XXI, 10), на котором располагались скульптуры.

Точных аналогий булавки с птичками не имеют, но их стиль не противоречит канонам искусства колхидо-кобанских бронз.

Важно, что в изучаемой локальной группе просматривается их местное развитие с конца II тыс. до н.э. и до скифского периода. Появление же модификации, где птичка располагается на шарике, является, возможно, отголоском знакомства с урартскими драгоценными изделиями в период походов в Закавказье, в которых, как полагают исследователи, кобанское местное население принимало участие. Булавки с навершием в виде шарика с сидящей на нем фигуркой животного известны в Кармир-блуре (изделие конца VIII-VII вв. до н.э. в помещении-кладовой 36)¹⁵⁸.

Но в массе своей булавки III типа несут в себе местные традиционные элементы и особенности индивидуального творчества и весьма сложного навыка бронзолитейного дела по изготовлению фигурных изделий, отливавшихся с утратой литейной формы.

VI тип (82 экз.). Бронзовые и железные стержневидные булавки с навершием в виде уплощенной пластинки, завернутой в трубочку. Длина 5-18,2 см (табл. XXI, 15-21). По оформлению стержня и поперечному сечению выделяется *четыре варианта*.

1) булавки с гладким стержнем квадратного сечения в верхних его двух третях и

круглым в нижней части (табл. XXI, 15-16). Их более половины среди учтенных (48 экземпляров, из них 2 железные, остальные бронзовые). Обнаружены в десяти могильниках по всему ареалу западно-кобанской группы (таблица 9). В некоторых погребениях было по две булавки. Наиболее ранние - из могильника Терезе (гробницы 1 и 2), из Заюковского 1 могильника (Атажукин, место "Л"). Продолжали они бытовать на протяжении всей первой половины I тыс. до н.э. (Кисловодский, Сосновая горка, Мебельная фабрика-1, Кызыл-кала, Клин-Яр, Минералводский). Наиболее поздние железные экземпляры входили в комплекс погребального инвентаря могилы 12 и 22 Минералводского могильника. Такие булавки широко известны и в других культурах Кавказа и не являются этноопределяющим элементом.

2) булавки с витым стержнем квадратного сечения в верхних двух третях и с гладким круглым сечением в нижней части, на конце (табл. XXI, 18-19). Количественно их примерно 1/3 от общего числа (29 экземпляров). Но характерно, что в некоторых могильниках имел место только этот вариант. Таков, например, Березовский-1 могильник (погреб. 4, 12, 21), Белореченский-2 (погреб. 7, 9, 24). Преобладали они и в погребениях могильника Мебельная фабрика (погреб. 13, 18, 29, 47, 48). Судя по находкам в гробнице 1 могильника Терезе, их появление одновременно с первым вариантом. Бытовали они до скифского периода (Ставропольский курган 1924 г.).

3) булавки с гладким стержнем, квадратным в сечении в верхней части и круглым у острия. Особенность их в том, что стержень дополнительно был спирально обмотан тонкой проволокой (табл. XXI, 20-21). Булавки небольшого размера (длина 4,8-7,8 см).

Они составляли специфику Исправненского могильника: погребение 11 входило в группу могил, датировка которой определялась по ряду признаков VIII-VII вв. до н.э.¹⁵⁹ Малая булавка украшала головной убор, а вторая, большего размера, служила для скрепления одежды на груди. Аналогий в синхронных памятниках этому варианту нет. Не ясно и его происхождение. Рискну высказать предположение, что они являлись своеобразной поздней реминисценцией ранних булавок т.н. "переднеазиатского типа" эпохи ранней бронзы, появление которых зафиксировано на Центральном Кавказе (Тли, Стырфаз) и в Закавказье в эпоху средней бронзы¹⁶⁰. Отличие их от западно-кобанских эпохи раннего железа в том, что проволокой был обмотан не конец стержня, а его начало у самого навершия.

4) булавка с гладким стержнем, две трети которого раскованы в пластину прямоугольного сечения, а одна треть сильно приострена и имела круглое сечение (табл. XXI, 17). Булавка входила в комплекс инвентаря погребения 7 могильника Мебельная фабрика-1, который по наиболее выразительным предметам (зеркало, колесовидные привески с крестом, кинжаловидные привески и т.п.) относится к первой половине VIII в. до н.э. Точных аналогий нет, если не считать огромные булавки очень близких очертаний из Кобанского могильника, например, в погребении 17 (раскопки Е.Шантра)¹⁶¹, дата которого определена началом X в. до н.э.¹⁶² Таким образом, булавки VI типа - самые характерные украшения костюма западно-кобанского населения с начала оформления этого варианта Кобани и до его трансформации во второй половине I тыс. до н.э. (позднекобанский период).

VII тип (1 экз.). Бронзовая булавка с гладким круглым в сечении стержнем и навершием в виде узкой пластины, завернутой в треугольную петлю. Длина 9,5 см (табл. XXI, 22). Происходит из Гоначхирского ущелья в Теберде. Мне известны лишь две таких булавки (поселение Сержень-Юрт; погребение близ Нальчика)¹⁶³, дата их более определенная, чем у гоначхирской: IX-VIII вв. до н.э. Видимо, к этому времени следует относить и западно-кобанский экземпляр.

X тип (21 экз., из них 1 железная, остальные бронзовые). Булавки с пластинчатым лопатообразным навершием и длинным стержнем. По конфигурации и оформлению навершия, поперечному сечению стержня и другим мелким деталям выделяются *пять вариантов*, в отличие от *двух*, известных в восточно-кобанских памятниках.

1) бронзовые булавки (4 экз.) с пластинчатым навершием подтреугольной формы. Верхний край закручен в трубочку (табл. XXII, 1-3). Длина 8-13 см; наибольшая ширина навершия 2,4-2,8 см. Сечение стержня круглое. Одна из булавок входила в комплекс погребения 3 близ колонии Константиновская (раскопки 1882 г. А.С.Уварова) и датируется по ранним предметам (серб, тесловидный топор) не ранее XII в. до н.э., т.е. I этапом развития культуры западного варианта¹⁶⁴ (табл. XXII, 1). Довольно близки ей две булавки в коллекции Д.А.Вырубова из разрушенного погребения в Баксанском ущелье (табл. XXII, 2). Дата их неясна, но сопутствующий материал говорит в пользу раннего времени (примерно XI-X вв. до н.э.), т.к. вместе с булавками найдена пряжка-крюк со спиралями и многовитковые браслеты усеченно-конической формы. Более надежна хронология булавки первого ва-

рианта из погребения 8 Инжиччукунского могильника (табл. XXII, 3). По керамике могила однородна с остальными, содержащими более определенные в хронологическом отношении предметы (кинжал, нож "гальштаттского" облика, костяные бляшки), датирующимися XI-IX вв. до н.э.

Булавки типичны для всего ареала кобанской культуры на протяжении длительного периода ее развития. Наиболее ранние из них имели место в памятниках центрального варианта¹⁶⁵. На востоке они доживают несколько видоизменяясь до скифского периода¹⁶⁶.

2) бронзовая булавка с пластинчатым навершием овальных очертаний; верхний край прямой и острый (табл. XXII, 4). Длина 18,2 см; наибольшая ширина лопатки-навершия 5,2 см. Стержень в сечении круглый. Поверхность навершия покрыта тонким гравированным орнаментом из заштрихованных треугольников. Булавка входила в коллекцию Е.Зичи из Баксанского ущелья. Хронология неясна, но по общему виду и орнаментации она ближе стоит к кругу кобанских бронз, чем к какой-либо другой кавказской культуре. Точных аналогий нет, в определенной мере она сопоставима лишь с булавкой из погребения 49 Серженьюртовского могильника самого начала I тыс. до н.э. По очертаниям навершия имеется некоторое сходство с булавками из Тли и Стырфаза XIV-XIII вв. до н.э. Типологически было бы правомерным поставить ее после этих последних, так как отличается от них геометрическим орнаментом и отсутствием отверстия в стержне.

3) бронзовые и железная булавки с небольшим подтреугольным плоским навершием с прямым или слегка закругленным краем (табл. XXII, 5). Длина 8,5-9 см; наибольшая ширина навершия 1,2-1,4 см. Две бронзовых булавки обнаружены в гробнице 2 могильника Терезе; одна происходит из каменного ящика 1 Заюковского 1 могильника (раскопки К.Э.Гриневича), относящегося к VIII-VII вв. до н.э. Наиболее поздняя железная булавка с треугольным лопаточновидным навершием и отверстием у его основания происходит из погребения 11 VI в. до н.э.¹⁶⁷ могильника Уллубаганалы 2.

4) бронзовые булавки с большим пластинчатым навершием сердцевидной формы и длинным стержнем ромбического сечения в верхней части и круглым на конце. На стержне у основания навершия поперечный канал со сквозным отверстием малого размера (табл. XXII, 6-7). Длина 14-22 см; наибольшая ширина навершия 6,8-10 см. Все 10 булавок происходят из памятников I этапа или самого начала II этапа развития запад-

ного варианта (гробница 2 могильника Терезе, разрушенные погребения в Инжиччукунском и Исправненском могильниках, погреб. 1 Эшкаконского могильника, погреб. 3 могильника Сосновая горка, комплекс с Баксана из коллекции Д.А.Вырубова). Точные аналогии неизвестны, но ближе всего они к некоторым экземплярам из Верхне-Кобанского могильника¹⁶⁸.

5) булавка бронзовая литая, с треугольным навершием, украшенным скульптурной головкой животного. Стержень круглый в сечении, украшен в сохранившейся части елочной насечкой. В основании утолщенного навершия поперечное отверстие овальных очертаний. Размер навершия 2×3 см (табл. XXII, 8). Булавка входила в состав Кыфарского клада XI-X вв. до н.э. Аналогии неизвестны.

Таким образом, булавки десятого типа - характерные изделия западного варианта. В отличие от восточно-кобанских они более разнообразны. Их модификации бытовали с раннекобанского периода и до поздних этапов развития культуры, почти до середины I тыс. до н.э.

Происхождение булавок с лопатообразным навершием еще требует своего специального анализа. Корни этой формы отсутствуют в культурах Кавказа.

XI тип (2 экз.). Булавки бронзовые с навершиями в виде двух роговидных выступов, заканчивающихся утолщениями разной формы: либо округлыми, как восточнокобанская булавка из Аллероевского 1 могильника¹⁶⁹, либо 4-мя шишечками (табл. XXII, 9-10). Обе булавки фрагментарны. Сохранившаяся длина 3,5 и 5,6 см. Предметы находились в составе Былымского клада XIII-XI вв. до н.э.¹⁷⁰ Аналогии, кроме упомянутого железного экземпляра на востоке, неизвестны.

XII тип (13 экз.). Булавки с навершием в виде одной плоско закрученной волюты. Изготовлены из бронзового квадратного в сечении довольно массивного прута. Концы булавок в сечении круглый. Длина 7,5-12 см (табл. XXII, 11). Характерное изделие в памятниках Баксана и Малки (Заюково, Каменномогостский). Хронология их определяется по сопутствующим надежно датированным изделиям. Например, булавка из Заюково (Атажукин, погребение 13 ("М" - по В.И.Долбежеву)) находилась вместе с браслетом из круглого в сечении прута с застежкой-палочкой, бронзовыми пронизьями-спиралями. А рядом открыты погребения с пластинчатыми браслетами с завитками и фибулами кобанского типа. Еще более выразительны материалы из каменных ящиков 2, 5 и 8 Каменномогостского могильника (раскопки К.Э.Гриневича), где и сосуды, и грив-

на, и мелкие украшения, найденные вместе с булавками данного типа свидетельствуют о начале I тыс. до н.э. (IX-VIII вв. до н.э.). Эта дата подтверждается и раскопками ящиков в 1948 г., произведенными Е.И.Крупновым, где имелась такая же булавка (каменный ящик 1), а в соседних могилах обнаружены предметы всаднического и воинского снаряжения VIII в. до н.э. (удила, раннекобанский кинжал, каменный молот и т.п.). Изредка они встречены в могилах центрального варианта (Верхняя Рутха)¹⁷¹.

XIII тип (45 экз.). Булавки бронзовые литые с навершиями в виде горизонтально расположенных по отношению к стержню ажурных шестилепестковых розеток или колесовидных кружков с крестом в центре, или двойных спиралей. По способу закрепления на одежде выделяются *два варианта*: 1) булавки с петлей в виде миниатюрного животного (табл. XXII, 12-15, 18) и 2) булавки с отверстием под головкой (табл. XXII, 16-17). Длина 9-10,5 см. Все булавки происходят из памятников бассейна Баксана (Былым, Гунделен, Хабаз, Гижгид). Особенно выразительна группа из 25 булавок Былымского клада, отличавшаяся архаичностью металла (мышьяковистые добавки от 1,7 до 5%). Для уточнения хронологии важна булавка из погребения Аман-кол (Хабаз), найденная вместе с кинжалом раннего типа XIV-XII вв. до н.э. Это позволило отнести все булавки данного типа к I этапу развития культуры западного варианта (XII-XI вв. до н.э.). Дату подтверждают сосуды из погребения с архаичными признаками орнаментации¹⁷². О принадлежности к раннекобанскому кругу изделий свидетельствуют фигурки животных с высоко торчащими ушами, что характерно для изображений кобанской культуры и не прослежено на предметах более раннего периода в данном районе¹⁷³. Массовый характер находок булавок XIII типа в Баксанском ущелье и почти полное отсутствие их в других местах свидетельствуют о локальном явлении. Единичные экземпляры из Верхней Рутхи¹⁷⁴ - следствие межлокальных контактов внутри ареала.

XIV тип (6 экз.). Булавки с навершием в виде пяти шишечек и петлей под навершием. Стержень круглый в сечении. Длина 13-15,5 см (табл. XXII, 19-20). Все булавки находились в составе Былымского клада. Точные аналогии неизвестны. В.М.Батчаев сравнивает их, на наш взгляд неправомерно¹⁷⁵, с булавовидными пятишишечными булавками XXV типа (см. ниже), что вносит путаницу в их классификацию.

Сходство имелось лишь с некоторыми из них, у которых шишечки моделированы на верхней части стержня¹⁷⁶. Ближе всего к изу-

чаемым булавка из протомеотского Николаевского могильника (погребение 5)¹⁷⁷. Но здесь скорее наблюдается воздействие культуры западного варианта Кобани на культуру соседей в период интенсивных контактов в начале I тыс. до н.э.

XV тип (3 экз.). Булавки с навершием в виде трех стержней, увенчанных грибовидными шляпками диаметром 0,9 см. Длина булавок 20,7-22,1 см. Они отлиты из мышьяковистой бронзы с 1,5% содержанием мышьяка. Стержень в сечении круглый (табл. XXII, 21). Булавки входили в состав Былымского клада. Точные аналогии неизвестны. Вероятно, прав В.М.Батчаев, считая их производными от более ранних булавок (II тип по В.И.Марковину) северокавказской культуры.

XVI тип (4 экз.). Булавки с грибовидными навершиями. Бронзовые литые с отверстием в верхней части стержня. Две сохранившиеся полностью булавки имели длину 5,5-7,7 см (табл. XXII, 22-25).

Все учтенные предметы при общем типологическом сходстве отличаются в деталях. Две булавки из Былымского клада (табл. XXII, 22, 25). Остальные - случайные находки из Баксанского ущелья.

Наиболее ранние из них былымские. Близка им очень крупная булавка с прорезными треугольниками на навершии из коллекции Е.Зичи (табл. XXII, 24). Наиболее поздние булавки - из разрушенных в 30-е годы могил на участках Баксанстроя. Они имели расширение в верхней части стержня. В этом расширении проделано круглое отверстие. Одна из булавок орнаментирована нарезками на шляпке и в верхней части стержня (табл. XXII, 23), что роднит ее с булавками скифского периода.

Булавки XVI типа по происхождению местные. Они известны на Кавказе во многих культурах с эпохи средней бронзы. Прототипы их имеются среди булавок XV-XIII вв. до н.э. Тлийского могильника и в Нули (VII тип по Б.В.Техову)¹⁷⁸. Отмечены они и в кобанских памятниках центрального варианта. На востоке такая булавка обнаружена в 81 погребении рубежа XI-X вв. до н.э. Серженьюртовского могильника¹⁷⁹.

XVII тип (15 экз., из них 6 железные, остальные бронзовые). Булавки стержневидные с расширением в верхней части и отверстием. Верхний конец булавки выше отверстия фактически является навершием булавки. Иногда он гладкий, как например, у булавки из окрестностей Кич-Малки (табл. XXIII, 1), но чаще украшен рельефными поперечными насечками, елочным узором (табл. XXIII, 2-5). Железные булавки без орнамента. В сечении верх булавки либо круглый, либо прямоугольный. Но стержень ниже отверстия в

разрезе всегда круглый. Длина 9-16 см. Судя по находкам в погребениях 1 и 6 Султангорского 3 могильника (Н.Л.Членова, 1976), они служили для скрепления одежды, соединенные длинной цепочкой попарно. В погребении 3 Тамгацкского могильника их было 4 из железа.

Стержневидные булавки без наверший встречены в погреб. 2 Кызылкалинского могильника, в погреб. 4 Тамгацкского, в Гунделенском могильнике и две случайно найдены в Баксанском ущелье.

Булавки надежно датируются по оружию скифского типа (особенно султангорские) первой половиной VI - V вв. до н.э. Аналогии им многочисленны в центральном варианте Кобани, но они отсутствуют на востоке ареала. Они массово представлены в Нартанском могильнике (курганы 5, 6, 7, 10, 15, 17), в могильнике Кашкатау и других¹⁸⁰. Типичны такие булавки и для Закавказья в памятниках второй половины VII - VI вв. до н.э.¹⁸¹ Не исключено, что мода на эти булавки была занесена на Северный Кавказ именно отсюда после скифских походов в Переднюю Азию.

XVIII тип (3 экз.). Булавки с фигурным гвоздевидным навершием с уплощенным расширением под ним. В расширении круглое отверстие. Иногда между отверстием и навершием головка украшена поперечными рельефными насечками. Стержень круглый в сечении. Длина булавок 11,5-15 см (табл. XXIII, 6-7). Все учтенные булавки из случайных сборов в Баксанском ущелье. Но хронология их надежно устанавливается по аналогиям, известным в комплексах скифского периода, например, в погребении 3 могильника Закуты центрального варианта позднекобанской культуры. Имелись они в погребениях Северного кладбища у сел. Верхний Кобан, у сел. Карца и Архон¹⁸². Таким образом, наиболее вероятная дата булавок - вторая половина VI - V вв. до н.э.

XIX тип (1 экз.). Булавка бронзовая массивная с крупной гвоздевидной шляпкой и круглым отверстием в небольшом расширении под навершием. Длина булавки 8,2 см. Диаметр навершия 1,7 см (табл. XXIII, 8). Входила в комплекс вещей, обнаруженных в Баксанском ущелье (коллекция Д.А.Вырובה). По своим параметрам близка к булавкам, известным в могилах XIII-XII вв. до н.э. (периода Кобан I) из Тлийского могильника (т.н. булавки с овальными шляпками IX типа по Б.В.Техову). Исследования показали, что этот тип характерен только для Юго-Осетинской подгруппы центрального варианта¹⁸³. Единичные находки в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии подтверждают эти наблюдения. Их присутствие в древно-

стях западного варианта - свидетельство интенсивного проникновения кобанских элементов последней четверти II тыс. до н.э. за пределы основного ядра культуры, начало миграции ее носителей на запад.

XX тип (1 экз.). Булавка бронзовая с навершием, близким полусфере. В первой трети стержня от верха уплощенное расширение с круглым отверстием в нем. Между отверстием и головкой навершие украшено 14 поперечными нарезками. Стержень гладкий, круглый в сечении. Длина 12,2 см; диаметр головки 1,3 см; высота головки 1,4 см (табл. XXIII, 9). Найдена в 1965 году среди материалов из разрушенных каменных ящиков Кич-Малкинского могильника IX-VII вв. до н.э. Точные аналогии неизвестны.

XXI тип (7 экз.). Булавки бронзовые, массивные, без выделенного навершия. Верхняя часть в 2-3 раза толще, чем конец булавки. В большинстве случаев примерно треть булавки на утолщенном конце покрыта гравированным орнаментом или инкрустацией белым металлом (серебро) по бронзе. Под узором, ближе к середине булавки овальное, реже круглое сквозное отверстие. Длина булавок 15-18 см. Сечение в верхней части круглое или прямоугольное, нижняя часть круглая в сечении (табл. XXIII, 10-13).

В непо потревоженных захоронениях, например, в гробнице 3 могильника Терезе, находились по две пары одинаковых булавок. Особенно богато декорированы булавки с круглым в сечении стержнем. Между двумя поясами нанесены три ряда солярных знаков - свастик. Они выполнены инкрустацией серебра по бронзе. Вторая пара имела ромбовидный узор, заполненный точками (табл. XXIII, 11-12). Инкрустация имелась и на булавке из погреб. 13 могильн. Мебельная фабрика-1 (табл. XXIII, 10). Орнамент в виде косых насечек украшал булавку из окрестностей Кисловодска (табл. XXIII, 13). Экземпляр из погребения 4, раскопанного на площади Кисловодского ж.д. вокзала, без узора. Булавки не имели аналогий в пределах ареала кобанской культуры. Случайная находка известна только в Рахте¹⁸⁴. Их хронология устанавливается по сопровождающим, лучше датированным предметам. Наиболее достоверна дата булавок из Терезе. По предметам конского снаряжения они определяются не позднее VIII в. до н.э. Однако, находки из погребений у Кисловодского ж.д. вокзала свидетельствуют о том, что узкой датой ограничиться невозможно. Скорее можно говорить о бытовании их в диапазоне X-VIII вв. до н.э. Проясняется в таком случае и их генезис от булавок, характерных для древностей XI-X вв. до н.э. Самтаврского могильника¹⁸⁵. Именно в булавках из Закав-

казья, несмотря на хронологический разрыв и территориальную отдаленность, просматривается прямое родство с изделиями из Терезе и Мебельной фабрики. Пока эти тесные связи не получили доказательного объяснения, поскольку невозможно восстановить события жизни конкретных групп населения. Можно сказать лишь, что без закавказского импульса культуры района слияния Куры и Арагвы не обошлось, т.к. корни данного типа булавок на Северном Кавказе не зафиксированы, а в древностях типа Самтавро - это типичный предмет.

Неясно и назначение булавок. Высказанное в свое время А.П.Руничем мнение, что они являлись учкурами, т.е. приспособлениями для протаскивания шнура в одежде¹⁸⁶, вряд ли может быть принято. Предметы велики и тяжелы. Они скорее связаны с сакральным действием, о чем свидетельствуют солярные символы на них. Поскольку в Терезе предметы находились не на скелетах, а лежали рядом, их можно отнести к сокровищам, которые нередко сопровождали погребения привилегированных лиц общества - носителей кобанской культуры, а следовательно могли быть и более ранними по времени.

XXII тип (1 экз.). Бронзовая булавка с серповидным навершием и поперечной сильно выступающей переключиной под ним. Длина 11,7 см. Происходит из погребения 1 Эшкаконского могильника (табл. XXIII, 14). Прямые аналогии неизвестны, косвенные - все поздние (Верхняя Рутха). Дата определяется по комплексу погребального инвентаря I этапом развития культуры западного варианта.

XXIII тип (3 экз.). Булавки с навершием в виде небольшой булавы с пятью уплощенными выступами в виде круглых налепов. По оформлению стержня выделяется *два варианта*.

1) бронзовая булавка (фрагмент), булавовидное навершие сочеталось с шариком, под которым в расплюсненном расширении проделано круглое отверстие. Сохранившаяся длина 4,2 см. Булавка с богатым литым декором (табл. XXIII, 15). Предмет происходит с Баксана (коллекция Е.Зичи). Не исключено, что здесь, как и на некоторых булавах III типа, фиксируется подражание урартским булавам.

2) бронзово-железные булавки (фрагменты), навершие у которых дополнительно оформлено рельефным орнаментом в виде поперечных параллельных нарезок. Сохранившаяся длина 3 и 3,7 см (табл. XXIII, 16-17). Булавки входили в погребальный комплекс захоронения 23 могильника Улубаганалы 2. Могила 23 датируется серединой

VI в. до н.э.¹⁸⁷ Аналогии неизвестны. Однако, манера украшать изделия подобными булавовидными изображениями засвидетельствована и на других предметах VI-V вв. до н.э. поздне-кобанского круга. Например, на одной из фибул из Ксанского ущелья¹⁸⁸ были прикреплены цепочки, заканчивающиеся точно такими же булавовидными привесками, как и на навершиях данного типа булавок.

XXIV тип (1 экз.). Булавка бронзовая с шаровидным навершием и тонким круглым в сечении стержнем. В головке косо расположенное отверстие. Длина 7,2 см; диаметр навершия 1,1 см (табл. XXIII, 18). Булавка происходит из гробницы 1 могильника Терезе. Аналогии в ареале кобанской культуры неизвестны. Однако, ее морфология свидетельствует, что относится она к кругу древностей сабадиновской культуры. Булавки с шаровидной головкой и косо расположенным отверстием хорошо известны в памятниках Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского региона¹⁸⁹. Известны и литейные формы, где их негативы сопряжены с негативами кинжалов белозерского типа¹⁹⁰. Специалисты относят литейные формы к переходному периоду от Сабадиновки к Белозерке и датируют концом XII - началом XI вв. до н.э.¹⁹¹ Находка булавки такого типа в кобанских древностях - важное свидетельство контактов двух областей во второй половине II тыс. до н.э., в период становления и оформления западного варианта. Кроме того, это безукоризненно достоверное свидетельство синхронизации кобанской культуры с культурами Северного Причерноморья, а через них и с Западной Европой.

XXV тип (7 экз.). Булавки бронзовые с массивным литым навершием булавовидной формы с 4-6 полусферическими шишечками. Выделяются *два варианта*.

1) булавки с 5 шишечками на головке и овальным отверстием под ней. Сохранились только навершия с частью стержня (табл. XXIII, 19). Все булавки (5 экз.) происходят из гробницы 2 могильника Терезе. Самые близкие аналогии известны в юго-осетинской подгруппе кобанской культуры, в погребениях Тлийского могильника и в кромлехах Стырфаза, датирующихся XIV-XIII вв. до н.э. (V тип по Б.В.Техову)¹⁹². Единичные находки известны из Верхней Рутхи¹⁹³. Не обнаружено ни одного экземпляра на востоке ареала, что может служить косвенным доказательством того, что позднее рубежа II-I тыс. до н.э. эти предметы на северные склоны Большого Кавказа не проникали. Можно согласиться с Б.В.Теховым, что эти булавки были характерны для тлийского металлопроизводящего очага и отсюда

распространялись в другие районы Закавказья. Не могу принять лишь утверждение, что поскольку они бытуют до середины I тыс. до н.э., то они не могут быть использованы для датировки. Дело в том, что при формальном сходстве булавки далеко не одинаковы. Массивные булавки типа Стырфаза резко отличаются визуально от булавок эпохи раннего железа. И даже если с ними нет надежно датирующих других предметов, то сама модификация может служить для определения эпохи.

2) булавки с булавовидным навершием с 4 и 6 мелкими сферическими шпешечками и отверстием в самой головке навершия. Они менее массивны, чем булавки первого варианта. Длина их 8,5-10 см (табл. XXIII, 20-21). Обе булавки происходят из Былымского клада. В их металле отмечено повышенное содержание сурьмы, серебра и никеля. По мнению С.Н.Кореневского, изделия с такой положительной связью между сурьмой, никелем и серебром известны в Таманском кладе сабашиновского времени¹⁹⁴. Булавки второго варианта не имеют аналогий и представляют специфически местное украшение.

XXVI тип (1 экз.). Бронзовая булавка с навершием в виде круглой петли. Изготовлена из круглого в сечении прута. Длина 8 см; диаметр навершия 1,5 см (табл. XXIII, 22). Найдена в одном из погребений Кисловодского могильника (раскопки В.В.Бобина 1955 г.). Аналогии неизвестны. Дата VIII-VI вв. до н.э.

XXVII тип (1 экз.). Бронзовая булавка с ланцетовидным навершием в виде удлиненной овальной лопаточки. Стержень такого же размера, как и навершие. В верхней части, при переходе к навершию, небольшое отверстие. Длина 10,2 см; ширина навершия 1 см (табл. XXIII, 23). Предмет происходит из погребения, раскопанного в 1968 г. в могильнике "Южный" близ Кисловодска. Аналогии в памятниках кобанской культуры северного склона неизвестны. Однако, в погребениях Глийского могильника XII-X вв. до н.э. такие булавки имели место. Они отличаются от изучаемого отсутствием отверстия. По мнению Б.В.Техова, такие предметы являлись древними медицинскими инструментами¹⁹⁵. Возможно, это и так, но не исключено более позднее переиспользование предмета в виде булавки, в связи с чем и было проделано отверстие, как на остальных булавках.

Итак, булавки в изучаемой группе являлись глубоко традиционным украшением. Большинство своим происхождением уходят в начало оформления западного варианта, и во многом они перекликаются с типами бу-

лавок центрального варианта. Так, к I этапу относилось 50% учтенных булавок (типы I, II, X-XVI, XIX, XXII, XXIV, XXV, XXVII). На II этапе развития культуры продолжал бытовать X тип (с лопатообразным навершием), но появились и новые типы, свидетельствовавшие о смене моды в костюме населения (типы III, VI, VII, XII, XX, XXI). На III этапе (скифский период) традиционными оставались булавки III, VI и X типов. Но выявлены совершенно неизвестные ранее (XVII, XVIII, XXIII, XXVI). В некоторых из них, как отмечалось выше, проявились зримые элементы заимствования чужеродных культур. Это совпадало в разные периоды с активизацией контактов военного и торгового характера местного населения с окружающим миром. Так, XXIV тип отражает контакты с раннебелозерской культурой; типы III (вариант 4), XVII, XXIII с Закавказьем периода скифских походов. Ощутимы также межплеменные связи внутри ареала кобанской культуры, например, с населением верховий Терека и Большой Лиахвы. При всем разнообразии типов просматривается определенное культурное единство в данной категории украшений.

Фибулы (63 экз., из них 1 железная, остальные бронзовые). Фибулы, обнаруженные в ареале западного варианта, находились или в погребальных комплексах, или представляли случайные находки. Они либо изготовлены из бронзового прута, либо литые. Лишь единственный железный экземпляр из Бедыкского могильника, видимо, был кованым. В количественном отношении фибулы изучаемой группы уступают памятникам центрального варианта, в особенности после раскопок Глийского могильника. По сравнению с восточным вариантом¹⁹⁶, их почти столько же, но они более разнообразны (табл. XXIV, 1-21; табл. XXV, 1-15). Это является лишним свидетельством хронологического различия образования обоих вариантов кобанской культуры: более позднее возникновение восточного и более раннее оформление западного.

К классификации кавказских фибул обращались многие исследователи, но по-прежнему вопрос остается одним из спорных. В основу типологии привлекалось сочетание самых разных признаков. Это могла быть форма спинки и ее поперечное сечение (М.М.Трапш, Г.Коссака)¹⁹⁷, форма спинки и орнамент (Б.В.Техов)¹⁹⁸. Предпринимались попытки прямого перенесения типологии, разработанной некоторыми западноевропейскими исследователями, например, для Средиземноморья, на Кавказ (А.П.Калитинский, Б.А.Куфтин, Ю.Н.Воронов и др.), но все

они, сталкиваясь с неразработанностью внутренней относительной хронологии местных памятников, либо слишком удрежняли, либо, что особенно характерно, неоправданно омолаживали фибулы, а вместе с ними и те материалы, среди которых они находились¹⁹⁹.

Большинство исследователей справедливо полагали, что какое-то воздействие фибул Средиземноморья на появление фибул на Кавказе, и особенно в кобанской культуре, отрицать неправомерно: слишком видимое сходство в деталях. Другое дело, когда это произошло, каким путем шло распространение фибул, как они модифицировались в чуждых условиях. Хотя Б.В.Техов настаивает на том, что фибула возникла на местной почве и что "этот компонент костюма формировался одновременно и в Греции, и на Кавказе"²⁰⁰, аргументы его вряд ли состоятельны. Особенно, учитывая обстоятельную работу по типологии и классификации фибул, сделанную Е.Сапуна-Сакелларакис²⁰¹. Исследовательница на основе данных островной Греции учла и сопоставила все известные классификации фибул по материалам Средиземноморья, Западной Европы до Балкано-Карпатского региона. Она показала необходимость конкретного подхода к хронологии разных модификаций фибул с учетом динамичности процесса их саморазвития и места их нахождения.

Живая практика современности и этнография фиксируют факт распространения любых форм престижных предметов из центра их возникновения в отдаленные от него места с некоторым интервалом во времени с момента их появления. Они не появлялись вдали от эпицентра, если на родине их число было еще незначительно. Но в то же время не могли появиться в отдаленных местах ранние модификации таких предметов и тогда, когда в центре их появления форма изделия уже сменилась на более поздние модификации и прекратилась их выделка местными мастерами. Широкое распространение совпадает с количественным накоплением и некоторой "стандартизацией" или стереотипизацией таких изделий в центре появления, т.е. упрочением моды. Это создает объективные предпосылки для их попадания в отдаленные районы, хотя и с некоторым опозданием, но все же в один и тот же период их активного бытования.

Рассмотрение под этим углом форм фибул Большого Кавказа (северного и южного склонов) показывает, что самый ранний тип средиземноморской фибулы XIII-XII вв. до н.э. **смычковый** (Violinbogenfibel) отсутствует здесь. Имелись лишь его более поздние модификации, т.н. коленчатая фибула XI-X вв.

до н.э. (Kniefibel) и т.н. щитковая фибула XI-IX вв. до н.э. (Schildfibel), в единичных экземплярах представленные в Змейском поселении и Верхне-Кобанском могильнике. Следовательно, вряд ли можно предполагать появление фибул в кобанской культуре в XIII и даже в первой половине XII в. до н.э.

Основной тип, известный в кобанской культуре - это дуговидная фибула из проволоки с узким приемником (Bogenfibel), т.н. субмикенская, возникшая скорее всего не без воздействия смычковой и почти одновременно с ней, но распространившаяся уже в конце XII в. до н.э., а главным образом в XI в. до н.э. очень широко в бассейне Эгейского моря, на Аппенинах, Балканах, в Альпийском регионе и в Малой Азии (II тип по Е.Сапуна-Сакелларакис)²⁰². На Кавказе она оказалась прародительницей последующих модификаций, хотя и получавших еще изредка чужеземные импульсы, что проявилось, например, в появлении фибулы со вздутой спинкой (IV тип по Е.Сапуна-Сакелларакис)²⁰³. Но в целом кавказские фибулы в последующем имели самостоятельную историю развития, не только в центре ареала, но и на его окраинах.

Косвенным свидетельством того, каков был ранний облик кавказской фибулы конца XII - XI вв. до н.э. и где пролегли наиболее активно использовавшиеся пути для контактов, свидетельствует фибула из кургана белозерской культуры у с. Заповитное (Степной)²⁰⁴. Хронология фибулы XI-X вв. до н.э. в последнее время подкреплена различными методами. Единство же ее с кавказскими подтверждается присутствием северокавказских (кобанских) изделий в других памятниках белозерской культуры (например, булава из Верхнехортицкого могильника).

Самыми близкими к фибуле из Степного кавказскими комплексными находками были фибулы из погребений 64 и 115 Тлийского могильника²⁰⁵, сопровождавшиеся ранними формами кобанских кинжалов с небольшим черешком и двумя отверстиями для крепления рукоятки. Особенно важно погребение 64, где присутствует кроме того и овальное височное кольцо IV типа, характерное для комплексов XIV-XII вв. до н.э. Именно такие фибулы, близкие вариантам IIa, c, f (по Е.Сапуна-Сакелларакис)²⁰⁶, и типичные для микенского, субмикенского и протогеометрического периодов (XII-X вв. до н.э.), зафиксированы и среди учтенных в данном разделе западно-кобанских фибул.

Таким образом, в ареале западного варианта представлено два типа дуговидных фибул. В основу типологии положена форма дуги. К вариантным признакам отнесены такие детали как соотношение наибольшей вы-

соты дуги к длине булавки, форма поперечного сечения дуги, форма и размер приемника, количество оборотов пружины и декор на дужке (Приложение 1, таблица 10).

I тип (57 экземпляров). Дуговидные бронзовые фибулы с равномерно расширенной дугой, круглого, розетковидного, сегментовидного и ромбического поперечного сечения. Выделяются следующие *четыре варианта*, обусловленные морфологическим различием, но иногда отражающие и разницу в хронологии.

1) фибулы с гладкой дугой, круглой в сечении. Изготовлены из проволоки. Соотношение наибольшей высоты дуги и длины горизонтально расположенной иглы 1:1,8; 1:2,1; 1:2,6. Приемник в виде узкой раскованной пластинки, загнутой в петлю. Пружина скручена в один оборот. Иногда наибольшая высота дуги ближе к приемнику (табл. XXIV, 5-6). Орнаментация редка. Лишь единственный экземпляр из погребения 2 Кызылкалинского могильника покрыт группами косых насечек по всей дуге (табл. XXIV, 6). Одна фибула имела витую дужку. Она происходит из разрушенного подкурганного захоронения близ Заюково (табл. XXIV, 12). Размеры фибул: 2,4×4,2 см; 3,2×6,1 см; 3×7,8 см; 4×7,6 см.

Наиболее ранней была крупная фибула из Заюково, т.к. типологически она ближе всего стоит к вышеупомянутым образцам из Тли. Хотя погребение было разрушено, но весь инвентарь из него также относился к раннему времени (пряжка-крюк со спиралью, пуговицы из крестовидной пластины, ромбические пуговицы и т.п.), т.е. примерно к рубежу II-I тыс. до н.э. Ближайшей аналогией фибуле является экземпляр из погребения 5 могильника Тетрицклеби. По керамике и особенно по бронзовому мечу с туповатым концом (IV, 3 по К.Н.Пицхелаури) могила датируется XI-X вв. до н.э.²⁰⁷ Фибула из Кызылкалинского могильника, хотя и находилась в погребении скифского периода, но по размерам и конфигурации близка ранним (табл. XXIV, 6). Она скорее всего неодновременна основной группе погребального комплекса, т.к. найдена в специальном тайнике

Надежно датированы две фибулы первого варианта. Это экземпляр из погребения 1 Клинь-ярского-2 могильника (табл. XXIV, 5), найденный в комплексе с железным акинаком с почковидным перекрестием конца VII в. до н.э. К скифскому периоду относилась и малая фибула из всаднического комплекса в каменной гробнице, раскопанной в 1954 г. (П.Г.Акритас) в Каменноостском могильнике. (табл. XXIV, 4). По бронзовому трехгранному наконечнику стрелы скифского

типа (тип I, вариант 2) и по бронзовому зеркалу т.н. ольвийского типа погребение, а следовательно и фибула, относились к первой половине - середине VI в. до н.э.²⁰⁸

2) фибулы с гладкой равномерно изогнутой, высокой дугой, с более широким, чем у *первого варианта*, но все же узким приемником в виде раскованной пластинки. Пружина свернута в один оборот. Дуга либо ровного сечения по всей длине, либо утолщена к середине (т.н. "пиявкообразная").

Соотношение наибольшей высоты дуги к горизонтально расположенной игле 1:1; 1:1,2; 1:1,3; 1:1,4; 1:1,5; 1:1,7. Размеры от крупных массивных образцов 5,6×9,2 см, средних 5×6 см, до миниатюрных 2×3,1 см. Сечение дуги в большинстве круглое, но имелись фибулы с полукруглым, розетковидным и ромбическим сечением (табл. XXIV, 1-3, 7-11, 13-21). Наиболее ранними являются большие фибулы из Заюково (табл. XXIV, 15), из погребения на Кич-малке (табл. XXIV, 18), найденная вместе с ушастыми птичками и другими предметами II этапа развития культуры западного варианта. К этому же периоду относились три фибулы из Заюковского I могильника (раскопки В.И.Долбежева). Украшенные тонким елочным орнаментом, они ближе всего стоят к многочисленным фибулам Верхне-Кобанского могильника конца периода Кобан III (по В.И.Козенковой). К этому же времени относились фибула из Гижгида, найденная вместе с колхидским топором X-IX вв. до н.э. (табл. XXIV, 16) и фибула из Гунделена составлявшая комплекс с пластинчатыми ребристыми браслетами III типа (табл. XXIV, 17).

Большую группу (11 экз.) *второго варианта* составляли фибулы с гладкой без декора дужкой (табл. XXIV, 1-3, 7-11, 13). На 3-х из них имелся орнамент в виде продольных полос и косых насечек между ними (Султангорский-1 могильник, погреб. 7; Уллубаганалы 2, погреб. 4; Лермонтовская скала-3, погреб. 1). Среди этих небольших фибул отмечены экземпляры с ромбическим поперечным сечением дуги (табл. XXIV, 10). Все (за исключением 4 экземпляров из коллекций Е.Зичи и Г.Ф.Свинадзе) происходят из надежно датированных комплексов могил, содержащих либо наконечники стрел скифского типа, либо железные акинаки, либо яркие предметы быта, свидетельствующие о позднекобанском периоде. Датировка малых фибул определяется концом VII - VI и V вв. до н.э. Особенно близки между собой по составу и облику вещей погребение 4 Уллубаганалы 2, погребение 7 Султан-горы-1 (траншея II) и погребение 1 могильника Лермонтовская скала-3 (1982 г.). Все эти фибулы имели одинаковый орнамент; все нахо-

дились в комплексе с близкими вариантами акинаков с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием и с двуплощными втульчатými наконечниками стрел с шипом. Весьма вероятно синхронность этих могил в пределах конца VII - начала VI в. до н.э. Относительно более поздними были гладкие фибулы из гробницы I могильника Каррас и погребения №16 Кисловодского могильника. В последнем фибула сочеталась с бронзовыми браслетами с ромбовидно раскованными концами, что свидетельствует о времени не ранее начала VI в. до н.э. В эту же хронологическую группу может быть включена и фибула из Вако-жиле (табл. XXIV, 9). Наиболее поздней была маленькая фибула из погребения 1 Минераловодского могильника (табл. XXIV, 2). А.П.Рунич и Г.Е.Афанасьев датировали данное погребение V в. до н.э.

Таким образом материалы западного варианта Кобани подтверждают тенденцию, прослеженную Е.Сапуна-Сакелларакис для Греции, а именно процесс постепенной миниатюризации фибул *рядового* назначения от более ранних к более поздним модификациям внутри одного и того же варианта. Если же это были визуально особо **престижные** формы, причем узко локального характера, то они, наоборот приобретали на поздних этапах гигантские размеры, становясь особым вариантом. Именно так в изучаемой группе развивались фибулы *третьего* и *четвертого* вариантов I типа.

3) фибулы с равномерно изогнутой дугой, утолщенной по всей длине и богато украшенной рельефным орнаментом в виде зон, отделенных поперечными насечками. На концах дуги у приемника и пружины иногда имелись кольцевидные или шариковидные утолщения. Пружины свернуты в один оборот. Приемник в форме крупной овальной пластины с загнутым краем для удержания иглы. Пластинчатый щиток приемника покрыт гравированным орнаментом в виде двойных волют. Размеры фибул 5,5×10; 6×10; 5,7×8,2; 6,5×7; 7×10 см (табл. XXV, 7-12). В сечении дуга полуовальная, причем орнамент располагался на лицевой стороне, а обратная не имела декора. Почти все они находились в комплексах парами (Редкодубье, Байбарис, хут. Пантелеймоновский). Причем одна фибула всегда была левосторонняя, а другая - правосторонняя (табл. XXV, 7-8, 9-10, 11-12). Это свидетельствует о способе их ношения. Они по обе стороны груди или плеч служили для удерживания тяжелого облачения (накидки или плаща).

Крупная фибула третьего варианта, размером 7×12 см, случайно найдена в высоко-

рье у сел. Курджиново в верховьях Большой Лабы.

Хронология таких фибул определена по аналогиям сопутствующим материалам VI-V вв. до н.э. (железным удилам, бусам, браслетам, сосудам). Все пункты находок фибул *третьего варианта* расположены на западе ареала в верховьях Урупа. Сходство фибул отсюда по многим признакам (размеры, пропорции, орнаментация, способ использования) с фибулами более восточных областей ареала, особенно восточного варианта, доказывает единство моды в costume и украшениях разных родственных групп в позднекобанский период. Различия в деталях отражают локальную этнографическую специфику в парадном облачении воинов (или всадников, как в Байбарисе) высокого ранга, совмещавших, возможно, и жреческие функции.

4) фибулы с равномерно изогнутой дугой, утолщенной по всей длине и богато украшенной рельефным орнаментом в виде поперечных и продольных насечек, иногда сочетающихся с елочным узором. Единственная витая фибула отмечена в кургане Таллык²⁰⁹. Пружина иглы закручена в три оборота, а приемник иглодержателя имеет форму пластинки, конец которой сильно приострен, загнут вверх и завершается выпуклой шишечкой или утолщением (табл. XXV, 13-15). В сечении дуга может быть круглой, полуовальной или реже ромбической (курган Таллык). Размеры фибул 6×10; 6,5×10,5; 7,2×11,4 см. Все 20 экземпляров происходят из погребений в окрестностях Теберды и Домбая и близ Соленого озера (Таллык). Специфическая особенность *четвертого варианта* дуговидных фибул I типа в форме иглодержателя из трехвитковой спирали при переходе дуги в иглу. А.Л.Нечитайло на основе этого признака выделила домбайские фибулы в особый тип, характерный, как она считает, для прикубанской культуры, отличный от восточного (типа Лугового), VI-V вв. до н.э.²¹⁰. Действительно, форма приемника отличает их и от восточно-кобанских и от урупских западно-кобанских. Различие это не культурное. Оно обусловлено разницей в хронологии и особыми контактами местного населения, проживавшего в месте оживленного торгового пути, связывавшего Запад (Прикубанье, Крым, Северное Причерноморье, Балканы, Альпийский регион) с Закавказьем.²¹¹ Форма иглодержателя не находит аналогий ни в Кобани, ни в Колхидской культуре. Она напоминает приемник фибул т.н. фракийского типа, характерного украшения на Балканах в конце VI в. до н.э., особенно в V-IV вв. до н.э., у фракийцев и гето-даков²¹². Предметы, найденные с такими фибулами (аттический шлем, железные

топоры с расширенным лезвием, браслеты) в памятниках Колхиды (Гуадику) сочетались с античной керамикой второй половины V-III вв. до н.э.²¹³

Также как и фибулы *третьего варианта*, они в одежде применялись попарно в сочетании с гривной, бусами, браслетами и поясом. В этих пышных бронзовых гарнитурах просматривается влияние моды воинского вождеского или жреческого костюма, известного в среде Балканских племен. Например, форма фибул и способ их закрепления на одежде, близко напоминающий кобанский, угадывается в золотом нагруднике с двумя золотыми фибулами фракийского типа в погребении вождя близ сел. Мушовица в Болгарии²¹⁴. Фибулы *четвертого варианта* - одно из свидетельств фиксирующих активное участие северокавказского населения кобанской культуры в европейских событиях VI-IV вв. до н.э. В то же время их особое место среди многочисленных кобанских фибул заключается и в другом. Они относились к образцам, завершающим длительную 1000-летнюю эволюцию одного из самых характерных традиционных украшений северокавказских горцев.

II тип (6 экз., из них 1 железная, остальные бронза). Фибулы с равномерно изогнутой дугой, с закрученной в один оборот пружиной иглы и широким подтреугольным приемником-иглодержателем. Основной отличительный признак - сильно вздутая к центру дуга, уменьшающаяся к краям, которые оформлены кольцевидными выступами. В сечении дуга полуовальная. Тыльная сторона гладкая, а лицевая орнаментирована гравированным узором в виде поперечных линий косых насечек, расположенных "елочкой" (табл. XXV, 2-4). Но иногда это были ряды поперечно расположенных треугольников, заполненных точками, например, как у фибулы из сел. Лашкута (табл. XXV, 5). Размеры: 5×6,7; 4,5×7; 5,5×10; 7×11; 8×11 см. Все фибулы происходят из памятников бассейна Баксана (Гижгид, Заюково, Лашкута, Бедык). Надежно датируются две из них. Фибула из склепа в Гижгиде найдена вместе с топором колхидского типа начала I тыс. до н.э. (табл. XXV, 2). Фибула из Заюковского-1 могильника обнаружена в погребении 2 (раскопки К.Э.Гриневича) в комплексе с кобанским топором и бронзовыми двукольчатыми удилами, что свидетельствует более конкретно о VIII в. до н.э. Фибулу из Лашкуты В.М.Батчаев, учитывая, что она найдена в составе изделий, имеющих еще признаки северокавказской культуры, а более поздние отсутствовали, считает возможным датировать концом II - началом I тыс. до н.э.²¹⁵ На мой

взгляд, дата этих древностей, и фибулы в том числе, не ранее начала I тыс. до н.э., может быть, IX-VIII вв. до н.э. Близкая по размерам и особенностям формы бронзовая фибула была найдена в окрестностях сел. Заюково, в окружении типично кобанских украшений: массивной гривны I типа, браслетов с завитками, ушастых птичек, спиралевидного браслета, т.е. материалов II этапа развития культуры западного варианта (табл. XXV, 6).

Железная фибула из Бедыкского могильника (табл. XXV, 1) отнесена к данному типу условно, по форме сильно корродированной дужки. Дата ее определена В.М.Батчаевым по сопутствующим материалам VI-V вв. до н.э.²¹⁶

Аналогии фибулам **второго** типа немногочисленны и все происходят из Верхне-Кобанского могильника²¹⁷. Но и там их не более десятка среди других модификаций. Они отсутствуют в Тлийском могильнике. Нет их и на востоке ареала. В то же время нельзя обойти вниманием факт их большого числа (60 экз.) на территории Абхазии в могильнике с обрядом трупосожжения на горе Джантух (Ткварчели). Там обнаружены не просто похожие, а очень близкие вариации таких фибул²¹⁸. Но состав других вещей свидетельствует о датировке памятника VIII-VI вв. до н.э. Причем железные изделия, в том числе и большое количество железных фибул говорят в пользу VII-VI вв. до н.э. Создается впечатление, что здесь нашли прибежище какие-то группы северокавказского населения из ареала западного варианта в результате каких-то событий VIII-VII вв. до н.э. Вопрос этот требует специальной проработки, но и сейчас ясна связь более ранних комплексов из бассейна Баксана с материалами Абхазии VII-VI вв. до н.э. не только в могильнике Джантух, но и других (Мухурча, Палури, Нигвзиани). Происхождение фибул **второго** типа, как мне кажется, следует связывать, также как и I тип, с областями, близкими к Средиземноморью, точнее к материковой и островной Греции. Среди фибул Аттики, Врокастро (Крит), Скироса, выделенных Е.Сапуна-Сакелларакис в тип "IV B", имелись экземпляры, в которых можно без натяжки видеть прототипы для кавказских²¹⁹. Наиболее массовы они в протогеометрический, геометрический и позднегеометрический периоды, т.е. в X-VIII вв. до н.э., что соответствует датам западнокобанских фибул по другим датирующим предметам. В скифский период модификации этих фибул, а точнее фибул, соединивших признаки I и II типов, оказались массово представлены в могилах VII-VI вв. до н.э. в Тли²²⁰.

Таким образом, в западнокобанских древностях фибулы занимали заметное место на протяжении длительного периода. Кроме учтенных, имелись сведения о находках фибул в бассейне реки Марух и на Баксане, но без конкретного описания их формы и местонахождения, что не позволяет оперировать этими данными.

Среди предметов, которые относятся к украшениям, следует упомянуть бронзовые массивные цилиндрически закрученные **спирали**, встреченные в Заюковском I могильнике (раскопки В.И.Долбежева) вместе с предметами кобанского типа (фибулами, браслетами) II этапа развития культуры западного варианта. Длина спиралей 15,5 см; диаметр 2,8 см (табл. XXVI, 4). Спирали меньшего диаметра (1,7 см) отмечены в гробнице 2 могильника Терезе, датировка которой установлена концом XII-XI вв. до н.э.²²¹ (табл. XXVI, 3). Какова их роль в костюме или головном уборе, до конца остается неясным. Но то, что такие спирали составляли традиционную деталь сложных украшений, свидетельствуют находки в Верхне-Кобанском и Николаевском могильниках²²². Возможно, они были деталью погребального головного убора, как это достоверно наблюдалось по материалам Серженьюртовского могильника²²³.

Судя по обилию и разнообразию украшений, погребальный костюм кобанцев подчеркивал социальную градацию и значимость его владельцев. Некоторые украшения просто уникальны по своей конструкции и сложности. Например, в одном из разрушенных погребений могильника Лашкута²²⁴ было обнаружено великолепное **бронзовое нагрудное украшение**. Основу составляла цепь, каждое звено которой было украшено головкой зверя (медведя?). К звеньям дополнительно были прикреплены по три овальных привески на планках, декорированных шнуровым орнаментом. Нагрудное украшение по концам завершалось головкой козла и статуэткой женщины с поясом, гривной и в головном уборе (табл. XXVI, 1). Особенности стиля, отделка деталей свидетельствуют, с одной стороны, о близости к кобанскому изобразительному искусству, а с другой - о генетической связи с местным искусством эпохи раннего этапа поздней бронзы. По мнению В.М.Батчаева, эта архаичность допускает датировку украшения концом II - началом I тыс. до н.э.²²⁵

Великолепное мастерство западно-кобанских бронзолитейщиков, которые были и ювелирами одновременно, поражает тонкостью воспроизводства в литейной форме очень малых предметов. На них почти нет

заусениц, следов брака (табл. XXVI, 2). Это объясняется еще и тем, что украшения несли не только эстетическую нагрузку. Они были в большей степени оберегами, священными предметами.

Украшения западного варианта кобанской культуры - один из ярких признаков, отражающий межплеменные и межродовые связи отдельных групп населения единого ареала. В то же время изучение их показывает, что существовали определенные наборы изделий, характерные для тех или иных малых сообществ, объединенных более тесной связью, что доказывает скорее всего наличие этнического родства. Мне приходилось писать об этом на основе материалов восточного варианта²²⁶. Анализ материалов западной группы Кобани свидетельствует о близкой картине.

* * *

Подводя общий итог характеристике украшений населения западного варианта кобанской культуры, отметим общее и особенное в этой категории материальной культуры.

Большинство изделий по происхождению местные, хотя генезис их и история укоренения различны. Их систематизация и хронология подтверждает факт того, что памятники западного варианта Центрального Кавказа в первой половине XI в. до н.э. (может быть, второй половине XII в. до н.э.) - IV в. до н.э. имели наибольшее соответствие с территорией центрального варианта Северного Кавказа и южных склонов Большого Кавказского хребта (современная территория Юго-Осетии). Именно там прослеживаются истоки форм многих украшений. Однако имели место и специфические особенности некоторых типов украшений, истоки которых отмечаются на месте в культуре более раннего докобанского периода. Особо выделяются формы украшений, являющиеся местным подражанием западно-европейским изделиям раннего периода (булавки 1 и 2 варианта X типа, булавки 3 варианта VI типа, XXIV тип; височные привески 2 варианта VII типа; браслеты III, XVI, XXIII типов и т.д.). Компактная локализация некоторых форм украшений, например, блях или фибул, свидетельствует о формировании этнографического своеобразия небольших родовых коллективов.

Исключительное разнообразие, многовариантность модификаций украшений костюма фиксирует сложный характер общества западных "кобанцев", сигнализирует о каких-то неизвестных нам пока правилах регламентации по половому и социальному признакам.

Большинство категорий элементов украшения головного убора и одежды доказывает глубокую традиционность, которой придерживалось общество при изготовлении тех или иных типов украшений и декора на них.

Конкретный анализ типов и вариантов различных украшений с привлечением для

уточнения хронологии закрытых комплексов служит камешком фундамента для вывода о рассмотрении западной части Центрального Кавказа как зоны раннего формирования кобанской культуры, наряду с юго-осетинским центром.

- ¹ Козенкова В.И., 1989.
- ² Козенкова В.И., 1982.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, 1982, табл. XXIII, 3.
- ⁵ Иессен А.А. Рукописный архив в ЛОИА, папка №16. "Запись в инвентарной книге Пятигорского музея в 1938 г."
- ⁶ Козенкова В.И., 1982, табл. XXIII, 4.
- ⁷ Козенкова В.И., 1989, с. 13-14, табл. А, рис. 2, 5.
- ⁸ Гриневиц К.Э., 1951, с.209; Козенкова В.И., 1989, с.23.
- ⁹ Козенкова В.И., 1982, с.34; Батчаев В.М., 1985, с.51; Козенкова В.И., 1986, с.151-152, рис. 7, 25, 26.
- ¹⁰ Козенкова В.И., 1982, с.35.
- ¹¹ Алексеева Е.П., 1971, с.58-59.
- ¹² Козенкова В.И., 1982, табл. XXIII, 5.
- ¹³ Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с.31, рис. IV, 22.
- ¹⁴ Козенкова В.И., 1989, с.49, №159/1; Петренко В.Г., 1975, с.125; Козенкова В.И., 1995, с.17, табл. 3 (тип 3, вар. 7), с.18.
- ¹⁵ Нечитайло А.Л., 1986, с. 27, рис. 1, 22.
- ¹⁶ Козенкова В.И., 1982, с. 36.
- ¹⁷ Козенкова В.И., 1989, с. 57-58; Козенкова В.И., Найденко А.В., 1980, с. 200.
- ¹⁸ Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983, с.9.
- ¹⁹ Джапаридзе О.М., 1955, с. 26, 27.
- ²⁰ Козенкова В.И., 1982, с. 37, 38, табл. XXIII, 34, 38.
- ²¹ Mozsolics A., 1973, Taf. 90, 1, 2.
- ²² Козенкова В.И., 1982, с. 10, табл. IX, 3.
- ²³ Там же, с. 38, табл. XXIV, 1.
- ²⁴ Козенкова В.И., 1989, с. 12-15.
- ²⁵ Там же, с. 61.
- ²⁶ Техов Б.В., 1981, каталог, т. II, с. 6, 14, рис. 70, 7 (дата - конец X-IX вв. до н.э.).
- ²⁷ Техов Б.В., 1974, рис. 13, 4-7, рис. 17, 8.
- ²⁸ Козенкова В.И., 1975, с. 96-97.
- ²⁹ Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1987, с.73-75.
- ³⁰ Лесков А.М., 1965, рис. 21, 45.
- ³¹ Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941, с. 115, рис. 25, 2
- ³² Козенкова В.И., 1982, с. 41
- ³³ Voškarev V.S., Leskov A.M., 1980, s. 23, Taf. 11, 89 (Кардашинка I).
- ³⁴ Там же, Taf. 11, 157a
- ³⁵ Козенкова В.И., 1982, табл. XXIV, 49
- ³⁶ Козенкова В.И., 1982, с. 42, табл. XXIV, 40
- ³⁷ Корневский С.Н., 1981, с. 30-31, рис. 8, 1-8
- ³⁸ Там же, рис. 9, 2
- ³⁹ Козенкова В.И., 1989, с. 13, табл. XXXVII Г, 4
- ⁴⁰ Козенкова В.И., 1982, с. 42-43
- ⁴¹ Батчаев В.М., 1985, с. 11, табл. 3, 11-13
- ⁴² Там же, табл. 41, 26
- ⁴³ Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И., 1981, с. 174
- ⁴⁴ Chantre E., 1886, Pl. XXVII, 6; Техов Б.В., 1962, с. 298-300, табл. IV, 2, 3
- ⁴⁵ В публикации отсутствует, но указана в отчете за 1971 г. (см. Отчет В.М.Батчаева за 1971 г. Архив ИА р-1 №4393 и 4393а).
- ⁴⁶ Chantre E., 1886, Pl. XXIX, 30
- ⁴⁷ Zichy E., 1897, Pl. XVIII, 1

- 48 Уваров А.С., 1887, табл. IX
- 49 Козенкова В.И., 1989, табл. XXI, 23
- 50 Алексеева Е.П., 1971, с. 310, табл. 136, 9-10
- 51 Там же, табл. 14а, 14
- 52 Козенкова В.И., 1982, табл. XXV, 4
- 53 Козенкова В.И., Найденко А.В., 1980, с. 205, рис. 5, 25
- 54 Техов Б.В., 1977, с. 176-177, рис. 116, 5
- 55 Марковин В.И., 1986, с. 84
- 56 Замятнин С.Н., 1935, с. 225. рис. 207, 16, 17
- 57 Козенкова В.И., 1995, с. 51, табл. IX, 10
- 58 Батчаев В.М., 1985, табл. 45, 40
- 59 Коридзе Д.Л., 1965, табл. XVIII
- 60 Козенкова В.И., 1982, с. 42, табл. XXIV, 49 (VIII тип)
- 61 Батчаев В.М., 1980, с. 30-31; Кореневский С.Н., 1984, с. 9-16
- 62 Козенкова В.И., 1990, с. 73, 78
- 63 Фонды музея г. Нальчик, инв.№433
- 64 Техов Б.В., 1977, с. 166-167, рис. 112, 13-28
- 65 Биджиев Х.Х., Козенкова В.И., 1980, с. 233-234
- 66 Марковин В.И., 1969, с. 76, рис. 33, 25, 29
- 67 Батчаев В.М., 1985, с. 8, табл. I, 10
- 68 Техов Б.В., 1980, каталог, т. I, табл. 51, II, 10; табл. 67, 9; Chantre E., 1886, Pl. XXVII, 5
- 69 Kossack G., 1983, s. 111; Шамба Г.К., 1984, рис. 46, 50
- 70 Воронов Ю.Н., 1969, с. 32, №190, табл. XXXIX, 24
- 71 Козенкова В.И., 1982, с. 7, табл. II, 23
- 72 Козенкова В.И., 1989, с. 20-21, табл. XXI, 19
- 73 Тереножкин А.И., 1976, с. 73-74. рис. 40, 4, с. 171
- 74 Козенкова В.И., 1982, с. 44-46, табл. XXXVI, 1-15
- 75 Крупнов Е.И., 1960, с. 190, табл. XXXIII, 1
- 76 Там же, с. 206
- 77 Там же, с. 206
- 78 Нальчик, фонды музея Кабардино-Балкарии. Инв.№20406; см. также Виноградов В.Б., 1972, с. 343, рис. 27, 7
- 79 Козенкова В.И., 1982, с. 45, табл. XXVI, 8
- 80 Козенкова В.И., 1990, с. 85-86, рис. 11, 4
- 81 Козенкова В.И., 1982, с. 45-46, табл. XXVI, 10, 11, 13
- 82 Zichy E., 1886, Pl. XIX, 19
- 83 Крупнов Е.И., 1960, с. 206
- 84 Козенкова В.И., 1982, с. 46
- 85 Там же, с. 46-51, табл. XXVII-XXVIII
- 86 Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984, с. 75, 77, рис. 29, 15; Кореневский С.Н., 1984, с. 260, 267, рис. 12, 5; 15
- 87 Козенкова В.И., 1982, с. 46, табл. XXVII, 2
- 88 Козенкова В.И., 1995, с. 10, табл. II, 5
- 89 Козенкова В.И., 1990, с. 75-78, рис. 6, 55; 7, 8
- 90 Козенкова В.И., 1989, с. 15, рис. 2, 20, 22
- 91 Техов Б.В., 1974, с. 32
- 92 Техов Б.В., 1977, с. 160-161, рис. 109; Козенкова В.И., 1996, с. 28, рис. 10, 6, с. 51
- 93 Дударев С.Н., Рунич А.П., 1992, с. 15
- 94 Козенкова В.И., 1982, с. 48-49, табл. XXVIII, 5-11
- 95 Крупнов Е.И., 1960, табл. XLVI, 4-6; Козенкова В.И., 1996, с. 30, рис. 12, 6
- 96 Дударев С.Н., Рунич А.П., 1992, с. 15, рис. 3, 11 (рисунок искажен)
- 97 Козенкова В.И., 1990а, с. 190-191, 294, рис. 2, 5
- 98 Козенкова В.И., 1982, с. 50, табл. XXVIII, 22-27
- 99 Виноградов В.Б., 1972, рис. 16, 11-12
- 100 Трапш М.М., 1969, с. 261-262, табл. XXXIV, 7; Воронов Ю.Н., 1969, с. 58, №168, табл. XLIII, 17
- 101 Архив А.А.Иессена в ЛОИА, папка 21 (ссылка на негатив №1265 и Д. 1896/215 л. 12; Д. 1897/252, пл. №3)
- 102 Батчаев В.М., 1980, с. 31-32. В публикации допущена неточность в количестве.

- 103 Там же, с. 31
- 104 Корневский С.Н., 1984, с. 11, таблица 1
- 105 Козенкова В.И., 1989, с. 28, рис. 1
- 106 Петренко В.Г., 1978, с. 49-50, табл. 38, 2, 9, 10
- 107 Мартиросян А.А., 1964, с. 288-290, табл. XXX, 22
- 108 Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н., 1976, с. 49; Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с. 32-33
- 109 Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с. 33
- 110 Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1983, с. 8-10
- 111 Ковалевская В.Б., 1984, с. 48-49
- 112 Техов Б.В., 1977, с. 162-165
- 113 Козенкова В.И., 1989, с. 21, №5/2
- 114 Батчаев В.М., 1980, с. 48, табл. II, 4
- 115 Козенкова В.И., 1996, с. 102, рис. 38, 4
- 116 Там же, рис. 5, 13
- 117 Козенкова В.И., 1982, с. 52, табл. XXX, 2-5, 8
- 118 Козенкова В.И., 1990, с. 75-76, рис. 1; Козенкова В.И., 1990а, с. 188, рис. 1; Козенкова В.И., 1996, с. 116, рис. 44, 1-2
- 119 Уварова П.С., 1900, с. 40
- 120 Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, с. 158-161
- 121 Барамидзе М.В., 1977, табл. VI, 15
- 122 Шамба Г.К., 1984, рис. 23, 18; Трапш М.М., 1969, табл. XXVI, 18
- 123 Крупнов Е.И., 1960, с. 234, №12, табл. XLVII, 5
- 124 Алексеева Е.П., 1949, с. 228, табл. XI, 42; Motzenbäcker I., 1996, Taf. 29, 36
- 125 Козенкова В.И., 1989, табл. XXI
- 126 Техов Б.В., 1977, с. 140, рис. 96, 12
- 127 Иессен А.А., 1941, с. 19-20, табл. II, 8-9; Техов Б.В., 1977, с. 60-61
- 128 Козенкова В.И., 1990, с. 75-76, рис. 6, 26
- 129 Андреева М.В., Козенкова В.И., 1986, с. 258
- 130 Халиков А.Х., 1977, с. 55, рис. 21а, 1
- 131 Козенкова В.И., 1995, табл. XXVIII
- 132 Дударев С.Л., Березин Я.Б., 1978, с. 28
- 133 Козенкова В.И., 1982, с. 54
- 134 Грязнов М.П., 1980, с. 38, рис. 24, 2-4
- 135 Коридзе Д.Л., 1965, с. 30, рис. 21, с. 154. Рисунок бляхи в книге не соответствует действительному ее виду.
- 136 Козенкова В.И., 1989, табл. XLIVB, 18
- 137 Алексеева Е.П., 1971, с. 58-59
- 138 Козенкова В.И., 1989, с. 57, таблица Б №85/2; Биджиев Х.Х., Козенкова В.И., 1980, с. 230
- 139 Козенкова В.И., 1982, с. 54-55
- 140 Крупнов Е.И., 1951, с. 57, рис. 19, 8-9
- 141 Козенкова В.И., 1990, с. 73-74, табл. 2
- 142 Motzenbäcker I., 1996, s. 120, Abb. 56
- 143 Там же, s. 121
- 144 Трапш М.М., 1962, с. 58-60, рис. 12
- 145 Ильинская В.А., 1968, табл. XXXVII, 19
- 146 Козенкова В.И., 1982, с. 56-58, табл. XXXIV-XXXVI
- 147 Марковин В.И., 1960, с. 95-96, рис. 43, 10-12; Деген Б.Е., 1941, с. 248
- 148 Батчаев В.М., 1980, с. 42
- 149 Корневский С.Н., 1984, с. 10, табл. I, 43-46
- 150 Батчаев В.М., 1984, с. 146, 160, 161, рис. 22, 3-4
- 151 Корневский С.Н., 1984, с. 9
- 152 Трапш М.М., 1969, с. 39-41, табл. IV, 5
- 153 Козенкова В.И., 1982, с. 57
- 154 Козенкова В.И., 1972, с. 15
- 155 Техов Б.В., 1974, рис. 13, 1, 3
- 156 Виноградов В.Б., 1972, с. 339, рис. 23, 12
- 157 Батчаев В.М., 1974, с. 104
- 158 Пиотровский Б.Б., 1955, с. 18, рис. 12

- 159 Козенкова В.И., Найдено А.В., 1980, с. 207
- 160 Техов Б.В., 1974, с. 30, рис. 22, 13
- 161 Chantre E., 1886, Atlas Pl. XIX, 3-4
- 162 Козенкова В.И., 1990, с. 72, табл. 1
- 163 Козенкова В.И., 1982, с. 57, табл. XXXV, 5
- 164 Козенкова В.И., 1989, с. 13-15, рис. 2, 7
- 165 Козенкова В.И., 1996, с. 18, рис. 3; с. 94, рис. 35, 15
- 166 Козенкова В.И., 1982, с. 58
- 167 Ковалевская В.Б., 1984, с. 49, таблица
- 168 Козенкова В.И., 1996, с. 94, рис. 35, 14
- 169 Козенкова В.И., 1982, с. 59, табл. XXXVI, 11
- 170 Козенкова В.И., 1989, с. 21
- 171 Крупнов Е.И., 1960, с. 102, рис. 9, 5
- 172 Козенкова В.И., 1989, табл. XXXVII, Г
- 173 Марковин В.И., 1960, с. 156
- 174 Motzenbäcker I., 1996, Taf. 27, 11-13
- 175 Батчаев В.М., 1980, с. 42
- 176 Крупнов Е.И., 1960, рис. 9, 4
- 177 Анфимов Н.В., 1961, табл. IV, 13
- 178 Техов Б.В., 1977, с. 43-45, рис. 40, 6, 7, 9-13
- 179 Kozenkova V.I., 1992, s. 67, Taf. 65, 12
- 180 Батчаев В.М., 1985, табл. 19, 11; 21, 19; 23, 14; 29, 5, 6
- 181 Менабде М.В., Давлианидзе Ц.О., 1968, с. 110-112, табл. XIII-XV
- 182 Крупнов Е.И., 1950, с. 234, рис. 30, 1; с. 240-241
- 183 Техов Б.В., 1977, с. 45-46, рис. 41, 2, 19, 42, 12
- 184 Motzenbäcker I., 1996, s. 178, Taf. 35, 1. Булавка обозначена как печатеобразная (Petschaftnadel), что представляется неудачным
- 185 Abramichvili R., 1971, Tabl. I, 172, 203, 207
- 186 Рунич А.П., 1965, с. 220-223
- 187 Ковалевская В.Б., 1984, с. 49 Таблица распределения погребений по периодам
- 188 Доманский Я.В., 1984, рис. 161
- 189 Шарафутдинова И.Н., 1987, с. 74-75
- 190 Vočkarev V.S., Leskov A.M., 1980, s. 21, Taf. 9, 73b
- 191 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986, с. 115-116
- 192 Техов Б.В., 1977, с. 41-43, рис. 16, 1-2, 38, 2
- 193 Motzenbäcker I., 1996, Taf. 61, 5, 6, 10 (Warzennadel)
- 194 Кореневский С.Н., 1984, с. 9, рис. 1, 41-42, табл. I, 41-42
- 195 Техов Б.В., 1977, с. 118-119, рис. 93, 1-3
- 196 Козенкова В.И., 1982, с. 59, табл. XXXVII, 1-10
- 197 Трапш М.М., 1969, с. 191-194; Kossak G., 1983, s. 111, 114
- 198 Техов Б.В., 1973, с. 144, рис. 1
- 199 Воронов Ю.Н., 1984, с. 5-6
- 200 Техов Б.В., 1977, с. 146-147
- 201 Saroupa-Sakellarakis E., 1978
- 202 Там же, s. 42-54, Taf. 3-7
- 203 Там же, s. 68-85, Taf. 8
- 204 Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986, с. 128-129, 148-150, рис. 38, 4, 39, 10
- 205 Техов Б.В., 1980, т. I, табл. 49; 72
- 206 Saroupa-Sakellarakis E., 1978, Taf. 3, 52, 58, 66, 67a (IIa); Taf. 5, 144, 145 (IIc); Taf. 7, 200, 202 (IIf)
- 207 Пицхелаури К.Н., 1969, с. 193, табл. XI, 2
- 208 Козенкова В.И., 1995, с. 23, табл. II, 32
- 209 Алексеева Е.П., 1971, с. 58
- 210 Нечитайло А.Л., 1968, с. 77
- 211 Козенкова В.И., Ложкин М.Н., 1981, с. 199-200
- 212 Златковская Т.Д., Шелов Д.Б., 1971, с. 51-55; Тодоровић I., 1971, с. 147
- 213 Трапш М.М., 1969, с. 242, 248-249

-
- 214 Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог. 1974, с. 90-92, №126
- 215 Батчаев В.М., 1985, с. 12
- 216 Там же, с. 10-11, табл. 3, 15
- 217 Chantre E., 1886, Pl. XXII, 4, 7; Уварова П.С., 1990, табл. XXX, 57
- 218 Шамба Г.К., 1984, с. 40-41, рис. 21
- 219 Saroupa-Sakellarakis E., 1978, s. 72-73, Taf. 19, 605, 612; Taf. 22, 657
- 220 Техов Б.В., 1985, рис. 109, 3; 117, 8; 146, 4, 157, 2 и т.д.
- 221 Козенкова В.И., 1989, с. 13, табл. А; табл. XXXVIII
- 222 Козенкова В.И., 1996, с. 18, рис. 3, 9; с. 28, рис. 10, 1, 2
- 223 Kozenkova V.I., 1992, s. 13, Abb. 5, Taf. 43, 74
- 224 Батчаев В.М., 1985, с. 12, табл. 4, 2. Лашкута (Баксанском ущелье). Памятник не отмечен на карте и в Указателе, т.к. опубликован после завершения нами работы над первой книгой по материалам западного варианта (Козенкова В.И., 1989).
- 225 Там же, с. 12.
- 226 Козенкова В.И., 1981, с. 45-57.

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА И ЛЕЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Особенностью материальной культуры западного варианта, отличающей его от восточной группы, является наличие некоторых металлических и костяных предметов, условно связываемых нами с предметами личного туалета, хотя они могли использоваться и по другому назначению. К таким изделиям, более тесно сближающим западный вариант с центральным, относятся бронзовые и железные пинцеты, бронзовый напильник, бронзовая копоушка либо ногтечистка и бронзовые зеркала. Сюда же отнесены своеобразные костяные ланцетовидные орудия. Находки перечисленных предметов эпизодичны, однако они придают своим присутствием определенные новые черты культуре и открывают еще одну сторону быта, внутренней жизни местного кобанского населения. На основании даже этих немногочисленных данных можно предполагать довольно высокий уровень представлений о личной гигиене у элитной части западнокобанского общества.

Пинцеты (8 экз.). Обнаружены только в погребениях. Изготовлены из узких бронзовых или железных пластин с расширенными концами. Длина 7-15 см, ширина концов 1,4-3,2 см (табл. XXVII, 1-4). Все предметы относились к позднему этапу развития культуры, т.е. к середине VII - началу IV в. до н.э.

Морфологически наиболее ранним, видимо, был массивный бронзовый пинцет из разрушенной в 1925 году могилы в Гунделе-не¹. Он ближе всего стоит к пинцетам центрального варианта (Кобанский и Тлийский могильники)². Но отличие его в том, что он не имеет орнамента (табл. XXVII, 4).

Близки между собой хронологически две комплексные находки: бронзовый пинцет из подкурганной гробницы 1 всадницы из Каменноостского могильника (раскопки П.Г.Акритаса, 1954 г.) и железный пинцет из погребения 4 Тамгацкского могильника (табл. XXVII, 2, 3). Длина пинцета из Каменноостского 11,6 см, ширина концов 1,4 см. Железный пинцет из Тамгацка длиной 7,5 см морфологически отличается: он имел заостренные концы и раскованную в виде пластины петлю шириной 0,6 см. Но оба погребения содержали бронзовые наконечники стрел скифского типа первой половины - середины VI в. до н.э., что и определяет дату пинцетов. К ним примыкает довольно близкий по форме бронзовый пинцет из Этокского могильника VII-IV вв. до н.э. (из охранных раскопок Э.В.Ртвеладзе)³. Он имел слегка загнутые внутрь концы и утол-

щенный верх. Длина 11,3 см, ширина концов 1,2 см (табл. XXVII, 1).

Наиболее поздними были 4 бронзовых пинцета, происходящие из высокогорных могил в бассейне реки Теберды и ее притоков (Указ., 170, 171, 176/2). Все они были прочно прикреплены к массивным бронзовым поясам-цепям. Размеры этих пинцетов меньшие (длина 7-10 см), но форма свидетельствует о единой моде, характерной для узкой локальной группы украшений верховий Кубани, близкой хронологически. Пинцеты были выкованы из круглого в сечении стержня. Характерная их особенность - широкие треугольные концы, украшенные по краю рядом шишечек, выдавленных изнутри пуансоном. Ширина концов 2,5-3,5 см (табл. XXVII, 5). Посредине стержня инструменты стянуты пропущенным сквозь оба конца кольцом. Два пинцета были подвешены к поясу, обнаруженному в комплексе украшений разрушенного каменного кургана при строительстве в 1954 году альпийского лагеря "Софруджу" на левом берегу реки Домбай-Ульген, левого притока Теберды (Указ., 170). Состав вещей, находившихся вместе с пинцетами, в частности воинское снаряжение и аттический бронзовый шлем⁴, определяют дату пинцетов в пределах V-IV вв. до н.э.

Другой, близкий по размерам и оформлению, пинцет был подвешен также к бронзовой цепи-поясу. Он входил в комплекс погребального инвентаря в каменном ящике, случайно раскопанном в 1967 году на левом берегу реки Домбай-Ульген на Домбайской поляне. Состав украшений свидетельствует о времени несколько более позднем, чем вышеописанные находки, примерно IV-III вв. до н.э. (Указ., 171).

Пинцет, также скрепленный с цепью-поясом, из комплекса вещей, найденных в 1955 году в лесу на территории Тебердинского лесного заповедника (Указ., 176/2), был меньшего размера, концы его овально-треугольные. Состав предметов свидетельствует, что комплекс изделий скорее всего относился ко времени в пределах V - начала IV в. до н.э.⁵

Попытка А.Л.Нечитайло подвергнуть сомнению мой вывод о западнокобанской принадлежности комплексов из бассейна Теберды не кажется убедительной⁶. Другое дело - назначение изделий.

В отличие от серженьюртовского, восточнокобанского, найденного в составе примитивного кузнечного набора, пинцеты из западнокобанских памятников относились к

предметам туалета. Но, возможно, были многофункциональны. Например, были связаны с древней медициной. Как считали А.Л.Лукин и Б.В.Техов, они служили для "извлечения из тела наконечников стрел"⁷. И потому, видимо, не случайно, что все комплексные находки происходят из воинских погребений. Не исключены и какие-то сакральные функции пинцетов, что подтверждает необычный парадный вид цепей-поясов, входивших в "гарнитуры" из фибул, серебряных гривн, браслетов и множества бронзовых колокольчиков. Последние, как известно, вплоть до позднего средневековья являлись неперенным атрибутом ритуальных действий жрецов кавказских языческих святилищ.

Напильник (1 экз.). Обнаружен в погребении 13/2 Исправненского могильника. Изготовлен из бронзы. По форме - это удлиненная овальная пластинка, утолщенная к середине и более тонкая к краям. Поверхность с обеих сторон покрыта рельефной косой насечкой в "елочку". Предмет мог одновременно использоваться как ногтечистка. Длина 6,8 см, ширина в центре 0,8 см.

Сечение в центре пластинки овальное (табл. XXVII, 6). Хронология напильника определяется по комплексу вещей в могиле, главным образом по бронзовому трехгранному наконечнику стрелы VI в. до н.э.⁸ Аналогии напильнику из Исправной неизвестны.

Копушка (1 экз.). Обнаружена в погребении 6 могильника Уллубаганалы 2. По форме - это бронзовый литой стержень, квадратный в сечении. Навершие оформлено в виде скульптуры птички, скорее всего водоплавающей. На спине птички круглая петля. Нижний, рабочий конец имел форму овальной, слегка изогнутой ложковидной лопаточки. Поверхность стержня покрыта со всех сторон насечкой в виде косой сеточки, ограниченной вверху и внизу тремя углубленными параллельными полосками. Длина копушки 8,5 см, ширина ее стержня 0,4 см (табл. XXVII, 7). Предмет уникален, но по стилю и оформлению деталей входит в круг изделий (подвески, булавки), характерных для позднекобанского периода VII-VI вв. до н.э. центрального и западного вариантов. По комплексу погребального инвентаря (подвеска в виде бронзовой головки козла, янтарные плоские пронизи для ожерелья, стеклянные и сердоликовые бусы и др.) погребение датируется концом VII- началом VI в. до н.э.⁹

Ланцеты (2 экз.). Обнаружены в отвале котлована на месте Минералводского мо-

гильника VI - первой половины IV в. до н.э., т.е. происходят из разрушенных могил, что делает характеристику и выводы о дате условными. По форме - это стержни из рога и железа, круглые в сечении. Один конец оформлен в виде плоской лопаточки ромбовидных очертаний, что и позволило видеть в предметах своеобразные ланцетовидные орудия. Длина предметов 6,5-11 см, диаметр поперечного сечения 0,5-0,6 см, ширина плоских лопаточек 1-1,4 см (табл. XXVII, 8, 9). Роговой предмет орнаментирован косыми насечками в "елочку". При переходе к лопаточке 10 поперечных параллельных полосок, придающих предмету нарядный вид.

Железный предмет отнесен к инвентарю женских погребений V в. до н.э. Костяной (роговой) включен Г.Е.Афанасьевым и А.П.Руничем в инвентарь *нестандартных* погребений V - первой половины IV в. до н.э.¹⁰ Точные аналогии неизвестны. О назначении можно судить лишь предположительно. Я склоняюсь к тому, чтобы поддержать мнение Б.В.Техова о применении ланцетовидных предметов в лечебной практике жрецов-знахарей¹¹, хотя материалов для этого утверждения пока недостаточно.

Зеркала (18 экз.). Бронзовые зеркала - редкий атрибут в памятниках западного варианта, однако заметно отличающий его от центрального и восточного вариантов. Там зеркала чрезвычайно редки, причем все они принадлежали позднекобанскому (скифскому) периоду. Исследователи справедливо относят зеркала из местных северокавказских памятников к элементам заимствования¹² у степных пришельцев, появившихся у подножья северного склона Кавказа в первой половине I тыс. до н.э. (табл. XXVIII-XXIX).

Однако исследования показывают, что эти заимствования сравнительно быстро прижились в быту местного населения и придавали традиционной культуре особое своеобразие.

В перечень зеркал, безусловно использованных местным западнокобанским населением, включены те, что найдены в бесспорно местных памятниках, либо в тех, которые по своему местонахождению могли происходить из спорных по этнической атрибуции объектов (Кармово, Константиновское плато, Ставропольские курганы 1880-1881 гг.)¹³.

Всего в Свод включены 18 экземпляров зеркал (Приложение 2, таблица 11). При систематизации их использованы основы классификации зеркал из скифских памятников

VI-III вв. до н.э., предложенной Т.М.Кузнецовой¹⁴, естественно, с некоторой корректировкой, обусловленной конкретными материалами.

В основу классификации положена конструкция зеркал, которая позволила разделить зеркала западного варианта кобанской культуры на *два класса*: I - односоставные (диск и ручка составляли единое целое); II - сложносоставные (диск и ручка соединены различными способами). В каждом классе выделены *отделы* по способу расположения ручки. Для изучаемой культурной группы в каждом классе выделились предметы *двух отделов*. В каждом отделе выделились *группы, типы, виды и варианты*. К типобразующим признакам отнесено оформление соединения диска зеркала и его ручки. К видовым признакам - оформление края диска (с бортиком или без бортика). К вариантным признакам - морфологические и декоративные детали оформления дисков и ручек. В результате среди имеющихся в ареале западного варианта бронзовых зеркал большинство оказалось относящихся к *первому* классу (13 экз.) и только менее трети составляли зеркала *второго* класса (5 экз.).

I класс. Односоставные зеркала

Бронзовые зеркала этого класса представлены изделиями двух отделов: I отдел - зеркала с центральной ручкой; II отдел - зеркала с боковой ручкой.

I Отдел (8 экз.). Выделяются 4 типа.

I тип (5 экз.). Бронзовые зеркала двух вариантов: с плоским (I) или вогнуто-выпуклым (II) диском и центральной ручкой-петелькой.

Оформление края диска двух видов: I вид - с бортиком; II вид - без бортика. К *первому* виду относилось всего одно зеркало первого варианта, обнаруженное в котловане Минералводского могильника среди вещей из разрушенных могил. Диск плоский, бортик слегка скошен к плоскости зеркала. Ручка петлевидная. Диаметр зеркала 10 см (табл. XXVIII, 3). В ареале кобанской культуры ближайшими аналогиями минералводскому являются зеркала из центральнокобанского Моздокского могильника (женское погреб. №1 в раскопе 1)¹⁵ и из кургана 16 Нартанского могильника¹⁶, относить к местной культуре который имеются веские основания¹⁷, несмотря на очевидные следы влияния скифской и савроматской культур. За пределами изучаемого ареала зеркала данной разновидности известны в Келермесском курганном могильнике. Почти полная сводка их и специальный анализ, проведенный

Т.М.Кузнецовой, показал, что они характерны для степных памятников VII-VI вв. до н.э.¹⁸ широкой евразийской территории. Общеизвестно, что зеркала с центральной ручкой-петелькой и высоким бортиком были занесены из Азии в конце VII века до н.э. Однако представляется лишь отчасти убедительным утверждение, что подобные зеркала являются индикаторами лишь скифской культуры "начального этапа скифской стадии развития населения Предкавказья"¹⁹. Традиционно проторенный путь с востока был известен для данной категории предметов, видимо, и в более раннее время, о чем свидетельствуют находки на Северном Кавказе и в Предкавказье зеркал *второго* вида I типа.

Ко *второму* виду относились 4 бронзовых зеркала первого и второго вариантов. Эти разновидности не представлены в сводке Т.М.Кузнецовой. Они выделены мною и убедительно вписываются в разработанную ею схему.

Три зеркала имели плоский диск (1 вариант), диаметром 11,8-12 см, без бортиков, и центральную ручку-петельку. Все происходят из погребений могильника Мебельная фабрика-1 на территории Кисловодска. Поскольку два найдены в котловане строительства, особенно важна комплексная находка такого зеркала в погребении 7 (табл. XXVIII, 1). Состав погребального инвентаря неординарен, поскольку принадлежал скорее всего сакральному лицу. Литые кинжаловидные и колесовидные бронзовые привески свидетельствовали о наличии парадного пояса, близкого по схеме поясам из Серженьюртовского восточнокобанского могильника²⁰. Зеркало лежало между двумя массивными кабаньими клыками, что, как известно из кавказской этнографии, всегда было связано с языческими магическими действиями жрецов. Видимо, определенная роль отводилась в этих священных манипуляциях и зеркалу. Дата погребения 7 определена В.Б.Виноградовым на основе зеркала, близкого тагарским (сибирским), VI в. до н.э.²¹, что в настоящее время, в свете имеющихся данных о могильнике Мебельная фабрика, не представляется верным. Могильник безусловно относится к доскифскому времени, точнее, является ярко выраженным объектом новочеркасского периода. Точные аналогии в сибирских и тувинских материалах имеются лишь зеркалам с бортиком и петелькой, а в настоящее время их нижняя дата, в связи с удревнением на востоке скифского периода до VIII в. до н.э. (например, алдыбельской и аржанской культур) также должна быть удревнена. Тогда это будет более соответствовать всему тому кругу материалов,

который дают погребения Мебельной фабрики.

Весьма вероятно, что появление на Северном Кавказе бронзовых котлов скифского типа (Бештаугорские клады) и бронзовых зеркал без бортика и с ручкой-петлей - явления синхронные, соединенные в одном потоке степных элементов, которые появились здесь тогда же, когда и "оленные камни" - стилизованные изображения воинов, т.е. где-то в VIII веке до н.э. Но как дериваты они могут иногда присутствовать в местных северокавказских памятниках и в более позднее время, не являясь однако определяющими в хронологическом отношении.

Одно зеркало отнесено нами ко второму варианту *второго* вида. Диск его вогнуто-выпуклый, без бортика. Центральная ручка-петелька - дуговидных очертаний. Диаметр зеркала 12,2 см (табл. XXVIII, 2). Происходит из разрушенной могилы на территории Мебельной фабрики в Кисловодске. Аналогии зеркалу неизвестны.

II тип (3 экз.). Бронзовые зеркала с плоским диском с бортиком и центральной ручкой. Ручка состоит из двух столбиков, перекрытых бляшкой-кружком. По орнаментации ручки все зеркала западнокобанского ареала культуры относились к 4 варианту (по Т.М.Кузнецовой), т.е. были украшены многолучевой розеткой²². Диаметр таких зеркал - 12,5-12,8 см. Одно из них найдено в карьере на месте Минералводского могильника, второе - в разрушенном кургане у сел. Кармово (т.е. Каменноостского) и скорее всего происходит из Каменноостского могильника, сочетавшего разные типы погребальных сооружений (табл. XXVIII, 6). Особенно важна находка зеркала второго типа в гробнице IV могильника Каррас-1, т.к. в ней найдены бронзовые трехгранные втульчатые наконечники стрел скифского типа (III отдел, 2 тип), датирующиеся второй пол. VI в. до н.э. (II хронологическая группа)²³. Зеркала II типа известны на очень широкой территории от греческих островов и Балкан до Тувы, в пределах конца VII - середины VI в. до н.э.²⁴ Таким образом оказывается, что западнокобанские зеркала - самые поздние.

В.Б.Виноградов связывает появление их в Предкавказье со скифами. По мнению Т.М.Кузнецовой, это могли быть скифы, возвратившиеся из переднеазиатских походов. Подобное предположение согласуется и с выводами Т.Б.Барцевой, сделанными на основе изучения технологии металла, об импортном происхождении таких зеркал²⁵.

III отдел (5 экз.). Выделяются два типа.

I тип (2 экз.). Зеркала бронзовые, с боковой ручкой. Диск плоский, без бортика

(II вид). Ручка плоская, прямая, без орнамента. Диаметр диска 15 см (табл. XXVIII, 7). Одно такое зеркало обнаружено в разрушенном подкурганном погребении в окрестностях сел. Заюково в 1935 году (Баксанское ущелье). Там же собраны раннего типа кобанские украшения, бронзовый нож, биконические спиральные пронизи. Но все предметы очевидно более раннего времени, чем зеркало. Видимо, зеркало относилось к другому, вторичному захоронению скифского периода, от которого не сохранилось никаких следов.

Второе зеркало с поврежденным диском происходит из насыпи подкурганной каменной гробницы IV, раскопанной Д.Я.Самоковским под Пятигорском на Константиновском плато близ колонии Константиновской в 1881 году. Бронзовый диск сохранился наполовину, но ручка уцелела²⁶. А.А.Иессен определил зеркало как "греческое архаическое"²⁷.

В изучаемом ареале аналогии зеркалам из Заюкова и Константиновской отсутствуют. Но среди экземпляров, известных на собственно скифской территории (Стайкин Верх, Аксютиты), довольно близкие их аналоги датируются концом VI - началом V в. до н.э.²⁸

V тип (3 экз.). Бронзовые зеркала с плоским диском без бортика (II вид). Ручка плоская, ствол прямой, слегка сужающийся; конец ручки оформлен в виде кружка. Диаметр диска 10-10,8 см (табл. XXVIII, 8-10). Все зеркала происходят из погребальных комплексов V-IV вв. до н.э. По декоративному оформлению диска и ручки все зеркала относятся к новым вариантам, не представленным в схеме Т.М.Кузнецовой. Они обозначены нами как *4-6 варианты*.

К *четвертому варианту* относилось зеркало из грунтового погребения 11 Минералводского могильника (табл. XXVIII, 8). Оно без орнамента. Аналогии отмечены среди экземпляров из сарматских памятников IV в. до н.э.²⁹

К *пятому варианту* относилось зеркало из грунтового погребения 19 того же могильника. Оно имело диск без орнамента, ручка была оформлена в виде головки орла (табл. XXVIII, 9). Точные аналогии неизвестны.

К *шестому варианту* относилось зеркало из Ставропольского кургана (1880 г.), раскопанного Эркертотом (табл. XXVIII, 10). Диск зеркала был орнаментирован по краю чеканным пояском из зигзагообразных значков в сочетании с циркульными кружками. Таким же орнаментом был декорирован поперечный поясок в верхней части ручки. Дата по-

гребения в пределах V в. до н.э. определяется по наличию в комплексе бронзовых наконечников стрел степного типа, круглой бронзовой бляшкой в виде свернувшегося кошачьего хищника и ребристыми фаянсовыми бусами из египетской пасты³⁰.

Зеркало отлито из оловянистой бронзы, что соответствует, по Т.Б.Барцевой, северокавказскому сырью³¹.

II класс. Сложносоставные зеркала.

Все зеркала этого класса (5 экз.) из западнокобанских памятников относились ко *II отделу*, т.е. имели боковую ручку, приделанную к плоскому диску, большей частью I вида (с бортиком). Почти все они входили в 1 группу, только одно отнесено к группе 6 - зеркал с утраченной ручкой.

II отдел. 1 группа - зеркала с бронзовыми ручками.

IA тип (1 экз.). Бронзовое зеркало с плоским круглым диском с бортиком. Ствол ручки прямой, плоский. Верх ручки оформлен в виде прямоугольной пластины, которая приклепана к диску двумя круглыми заклепками. На конце ручки фигурка лежащего кошачьего хищника, по стилю близкого стоящим фигуркам, изображенным на концах ручек зеркал I типа в сводке Т.М.Кузнецовой³². Диаметр зеркала 14,3 см (табл. XXIX, 1). Найдено среди вещей из подкурганного каменного склепа, раскопанного в 1919 году близ сел. Хабаз в верховьях реки Баксан. Точных аналогий нет, но по главным морфологическим признакам вполне сопоставимо с зеркалами т.н. "ольвийского" типа, датирующихся VI в. до н.э. Некоторое сходство имелось у него и с бронзовым зеркалом из Нальчика (центральный вариант).

Специальное исследование зеркал близкой формы, проведенное Т.М.Кузнецовой, показало, что есть основания связывать появление этой формы с греческим городом Милетом. По мнению автора, лежащая пантера была своеобразной реминисценцией "лежащего льва" на милетских зеркалах³³. Последние, попадая на Кавказ, породили множество местных реплик. Видимо, с Кавказа подобные зеркала проникали в северо-причерноморскую степь.

III тип (2 экз.). Бронзовые зеркала с плоским диском I вида (с бортиком). Ствол ручки прямой, с тремя продольными ребрами. Верх ручки в виде овала с небольшим выступом под ним. Конец ручки оформлен в виде рельефной головки барана или фигурки хищника. Диаметр зеркал 14,8-15 см. Обнаружены в двух памятниках: в гробнице III

могильника Каррас-1 и в подкурганной каменной гробнице (раскопки П.Г.Акритаса в 1954 г.) Каменноостского могильника (табл. XXIX, 2-3).

В ареале кобанской культуры подобные зеркала в местных памятниках, кроме перечисленных, неизвестны, но имели место в кочевнических курганах, обнаруженных в зоне распространения кобанского влияния в Предкавказье (Пятигорск, Кулары и др.)³⁴. Но форма таких зеркал хорошо известна в сопредельных с Кавказом областях Европы, от Урала до Карпато-Дунайского бассейна. Общепринято считать, что их происхождение из Ольвии, а распространение связано на широкой территории в результате торгового обмена, в который было вовлечено собственно скифское население. По мнению Т.М.Кузнецовой, интенсивные связи Ольвии были не только со степными районами юга восточной Европы, но и непосредственно с Кавказом, что и способствовало активному проникновению сюда зеркал III типа, независимо от кочевников³⁵. Хронология зеркал III типа определяется в пределах второй половины VI века до н.э. - начала V в. до н.э. Однако не исключена дата появления наиболее ранних из них, как полагал Б.Н.Граков³⁶, уже в начале VI в. до н.э. Комплекс погребения в кургане 1 (1954 г.) из Каменноостского по своему составу (бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы с шипом, бронзовая месяцевидная привеска) свидетельствуют о дате не ранее середины VI в. до н.э.³⁷, что определяет и дату зеркала.

II отдел. 6 группа.

К этой группе, определенной Т.М.Кузнецовой, как зеркала с утраченной ручкой³⁸, из западнокобанских находок нами отнесены зеркала из погребения 34 Минералводского могильника и из Ставропольского кургана 2 (1881 г.) из раскопок Эркерта. В схеме Т.М.Кузнецовой подобная разновидность не представлена и обозначена нами как тип II.

II тип (2 экз.). Бронзовые зеркала с плоским диском II вида (без бортика) и с овальной выемкой со стороны места прикрепления ручки. По краю выемки 5-6 круглых отверстий для прикрепления ручки заклепками. Диаметр диска 12 см (табл. XXIX, 3).

Хронология зеркал определяется составом комплекса погребального инвентаря из могил. В Ставропольском кургане 2 определяющими, считаю, были обломки большой чернолощенной корчаги ("урны", по Эркерту) с геометрическим нарезным орнаментом, характерным для корчаг Моздокского, Комаровского и Краснознаменского грунтовых и курганного могильников³⁹, датирующихся VI в. до н.э. Минералводское зеркало

(табл. XXIX, 3), видимо, более позднее. По составу инвентаря (бронзовые браслеты, перстни, железная булавка с навершием в виде бараньей головки, глиняная кринка своеобразной формы) это женское погребение да-

тируется V веком до н.э.⁴⁰ и по ряду признаков (каменная плита-жертвенник, куски ретальгара) имеет ярко выраженные следы влияния савроматской культуры⁴¹.

¹ Экспозиция музея в г.Нальчике.

² Техов Б.В., 1977, с.120, 121, рис. 94.

³ Виноградов В.Б., 1972, с.339, рис. 23, 11.

⁴ Козенкова В.И., 1995, с.98, табл. XXIV, 8.

⁵ Козенкова В.И., Ложкин М.Н. 1981, с.196-198, рис. 1, 2.

⁶ Нечитайло А.Л., 1986, с.129-131; признавая полное морфологическое сходство большинства предметов с позднекобанскими, А.Л.Нечитайло выдвигает два контраргумента: отличие состава металла тебердинских находок от восточнокобанских, забывая при этом о сходстве их по металлу с центральнокобанскими; отсутствие и потому, по ее мнению, "невозможность" фракийских прототипов фибул на Северном Кавказе, от которых бы местные мастера могли позаимствовать особую, западноевропейскую форму замка фибул. Прямые фракийские аналогии таким фибулам на Кавказе, действительно, пока неизвестны. Но их может вообще не быть, т.к. перемещались не только вещи, но и идеи в моде воинского костюма. Что касается возможности прямого импорта предметов фракийского типа и итальянских изделий на Кавказ, то их наличие здесь бесспорно (греческий шлем, стрелка фракийского типа, посуда, украшения и т.п.), т.е. взаимодействие и взаимовлияние здесь налицо.

⁷ Техов Б.В., 1977, с.121.

⁸ Козенкова В.И., Найдено А.В., 1980, с.200, 207, рис. 5, 39.

⁹ Ковалевская В.Б., 1984, с.49 и рисунок.

¹⁰ Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с.31, 33, рис. III, 36, 38.

¹¹ Техов Б.В., 1977, с.121, 122.

¹² Виноградов В.Б., 1972, с.135.

¹³ Козенкова В.И., 1989, с.45 (Указ. №135/1); отсюда расхождение в числе находок в местных и степных (курганых) памятниках с Б.В.Виноградовым. Разночтение имеется и по конкретным памятникам. Например, по Ставропольскому кургану 1881 г. (раскопки Эркerta), а не 1883 г. (Виноградов В.Б., 1972, с.134) и не 1893 г. (Виноградов В.Б., 1972, с.319, рис. 3, 2). Не включено и зеркало II класса из Константиновского кургана 3 V в. до н.э. (Виноградов В.Б., 1972, рис. 3, 6), т.к. погребение спорно.

¹⁴ Кузнецова Т.М., 1987, с.35-47, рис. 2; Кузнецова Т.М., 1991, с.77-79.

¹⁵ Иессен А.А., 1940, с.46, табл. IV, 1; следует отметить, что эти зеркала ошибочно отнесены В.Б.Виноградовым к зеркалам II типа, т.е. с ручкой-столбиком (Виноградов В.Б., 1972, с.136).

¹⁶ Батчаев В.М., 1985, табл. 41, 25.

¹⁷ Козенкова В.И., 1985, с.14; Козенкова В.И., 1996, с.26-33.

¹⁸ Кузнецова Т.М., 1991, с.22-30, рис. 1-3.

¹⁹ Иессен А.А., 1940, с.49.

²⁰ Kozenkova V.I., 1992, s.13, abb. 5.

²¹ Виноградов В.Б., 1972, с.136.

²² Кузнецова Т.М., 1991, с.116, карта 2.

²³ Самоквасов Д.Я., 1887, табл. III, 1; Козенкова В.И., 1995, с.20, 25, таблица 5.

²⁴ Кузнецова Т.М., 1991, с.36.

²⁵ Барцева Т.Б., 1981, с.65, 67, 91; Батчаев В.М., 1985, с.122.

²⁶ Самоквасов Д.Я., 1892, №526.

²⁷ Иессен А.А. Архив ИИМК РАН. Папка №15 "Ставропольщина и Пятигорье". Л.-СПб.; Козенкова В.И., 1989, с.45. Указ. №135/1.

²⁸ Кузнецова Т.М., 1987, с.38, рис 3.

²⁹ Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с.30.

³⁰ ZfE, Bd. XV, s. 77, Taf. III, 14; Виноградов В.Б., 1972, с.137, рис. 3, 2 (на ручке орнамент изображен неверно); бляшка и бусы как очевидно не кобанские в данный свод не включены.

³¹ Кузнецова Т.М., 1991, с.51.

- ³² Кузнецова Т.М., 1987, с.40, рис 4, часть I (тип I); в работе 1991 года автор выделила их дополнительно во II группу (Кузнецова Т.М., 1991, с.78, рис 22).
- ³³ Кузнецова Т.М., 1987, с.80.
- ³⁴ Виноградов В.Б., 1972, с.136.
- ³⁵ Кузнецова Т.М., 1987, с.73-77.
- ³⁶ Граков Б.Н., 1947, с.136.
- ³⁷ Козенкова В.И., 1995, с.19, 25, табл 4.
- ³⁸ Кузнецова Т.М., 1987, с.43.
- ³⁹ ZfE, 1883, Bd. XV, s. 172, Abb. 1a-c; Козенкова В.И., 1989, табл. 104, 10; Петренко В.Г., 1989, табл 89, 2.
- ⁴⁰ Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с. 31.
- ⁴¹ Виноградов В.Б., 1971, с.180, 181.

СОСУДЫ

В бытовой культуре носителей западного варианта сосуды составляли заметную долю благосостояния древнего общества. Являясь наиболее массовым материалом, особенно глиняные сосуды, они служат одним из показательных факторов при определении культурной принадлежности памятников. Значительна их роль и при разработке хронологии. Технология изготовления керамических и металлических сосудов зачастую позволяет определить локальные микроцентры их изготовления и в любой части ареала культуры отслеживать внутрилокальные контакты различных, даже небольших, родственных коллективов.

На западе ареала кобанской культуры заведены глиняные и бронзовые сосуды, причем последние занимают малую долю, по сравнению с центральным вариантом, но очень заметны, по сравнению с восточным, где они единичны.

Раздел I. Глиняная посуда.

Всеобъемлющая характеристика глиняной посуды западного варианта кобанской культуры - дело будущего. Огромный накопленный материал по этой теме не может быть охвачен рамками предлагаемого раздела. Типологическая классификация требует в настоящей реальности новых методов обработки, главным образом компьютерной, статистических выборок по разным группам сосудов и орнаментов. Такая работа представляется новым направлением, требующим самостоятельных и особых усилий и подходов. И следует подчеркнуть, что такая работа уже начата некоторыми археологами (В.Б.Ковалевской, В.Е.Масловым, А.Б.Белинским), что делает традиционный подход к типологии устаревшим. В связи с этим, в данной работе целесообразно уделить основное внимание не формальной типологии, а общей систематике с упором на детальную морфологическую характеристику ведущих форм посуды, подчеркивающих специфику западного варианта. Подход оправдан тем обстоятельством, что существует огромная научная литература, характеризующая основные черты древнего керамического производства данного региона.

Значительный задел по теме имеется и в своде, посвященном общей характеристике поселений, могильников и кладов западного варианта¹.

Зафиксированы поселения (Бештауторское, "Замок", гора Медовая) с доказатель-

ными следами местного древнего гончарства.

Картографирование наиболее характерных типов орнаментации на сосудах из могильников и из слоев поселений позволило доказать целостность ареала данной группы, с одной стороны, и родство ее с центральной группой кобанской культуры. Доказательства базировались на постоянной повторяемости в памятниках разных ландшафтных зон ойкумены Эльбруса керамики с сочетанием 3-5 или 8 выделенных типов орнаментации.

Как отмечалось ранее, основные формы посуды из поселений восстанавливаются благодаря сопоставлению целых изделий из погребальных памятников. Хронология сосудов определяется, главным образом, по могильным комплексам, особенно если поселения оказывались многослойными.

Вся глиняная посуда из бытовых и погребальных памятников по отделке поверхности и некоторым технологическим особенностям разделяется на две хорошо различимые группы: *нелощеную* и *лощеную*.

Внутри каждой из этих групп выделены категории сосудов по назначению, которые зачастую различаются хронологически.

Общим для обеих групп является то, что и нелощеная, и лощеная посуда была лепная, изготовленная от руки. Но соразмерность сосудов, их ровно выведенные стенки позволяют предполагать использование какого-то вращающегося приспособления.

В выделенных по технологии группах намечены отделы по функциональному назначению сосудов. Их три: 1. Сосуды тарнохозяйственного назначения (корчагообразные сосуды, горшки, кринки, кувшины, сосуды-цедилки); 2. Столовая посуда (миски, кубки, стаканы, кружки-черпаки с петлевидными ручками, сосуды редких форм парадного назначения); 3. Ритуальные сосуды (вазочки-курильницы на высоком поддоне, плошки-курильницы, сосуды с сюжетными мифологическими сценами). В первой группе выделены два отдела. Во второй - три.

Первая группа - сосуды *без лощения*, грубой выделки (табл. XXX-XXXI). Поверхность хорошо заглажена. Верхнюю часть сосудов опоясывают либо один, либо несколько горизонтальных выпуклых валиков. Типичны нанесенные ногтем или острым инструментом опоясывающие весь корпус сосудов ряды насечек, которые лишь условно можно обозначить как орнамент. На отдельных сосудах валики и тычковый узор сочетались вместе. Большой редкостью в первой группе были сосуды с геометрическим орнаментом.

Отдел 1. Тарно-хозяйственные сосуды.

Для первого отдела характерны следующие шесть категорий сосудов.

Тарные сосуды больших размеров для хранения сыпучих материалов. Они представлены только обломками очень крупных экземпляров, форма которых и размеры не могут быть пока восстановлены с точностью. Тулово таких сосудов шаровидной или яйцевидной формы. Венчик прямой, слегка отогнут наружу. Поверхность шероховатая и украшена лишь по венчику. Обломки таких крупных сосудов засвидетельствованы только в слоях поселений. Самые ранние из них известны в так называемом Былымском оборонительно-жилищном комплексе конца II тысячелетия до н.э., открытом и раскопанным В.М.Батчаевым в верховьях Баксана (табл. XXX, 1-3). Орнаментация этих сосудов-гигантов (диаметр устья не менее 35-40 см) прочерченными по сырой глине спиралями, выемчатыми треугольниками, прочерченными треугольниками с косой штриховкой чем-то напоминает сосуды куро-аракской культуры.² Обломки больших тарных сосудов с грубой отделкой поверхности имелись также в слое Кисловодского поселения XI-VIII вв. до н.э., в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы-2, в слоях поселений бассейна Кумы и многих других³. На крайнем западе ареала данной группы крупные тарные сосуды отмечены в слое поселения "Заслонка", причем орнаментация напоминает ту, что типична для сосудов Баксанского ущелья.

Своеобразная форма тарных сосудов представлена в слое Яснополянского поселения. Т.Б.Палимпсестова определила их как "бочковидные"⁴. Они изготовлены довольно грубо из глины красного и белого обжига. Поверхность неровная, волнистая, за счет хорошо просматриваемой ленточной лепки. Иногда стенки украшались семечковидным вдавленным орнаментом (табл. XXX, 4-5).

В могильниках тарные нелощеные сосуды не встречались.

Корчагообразные сосуды, крупного и среднего размеров. В обломках имели место в слоях поселений. Более точное представление об их формах дают сосуды из могил. Учтено до 1983 года более 20 экземпляров в 19 могильниках (типичны Агачевский, Березовский-1, Клинярский-1, Клинярский-2, Лермонтовская скала-2, Султангорский-1, Сосновая горка 1 и 2, Эчкивашский и Элькушский). По форме - это закрытые сосуды, с узким горлом, сильно раздутым шаровидно-яйцевидным туловом, хорошо выраженным плечем и небольшим дном. Высота от 20 до 40 см; диаметр устья 12-20 см; диаметр

тулова 18-32 см; диаметр дна 10-16 см. Поверхность сосудов шероховатая, сплошь покрыта насечками, ногтевыми и пальцевыми вдавлениями. Иногда этот орнамент сочетался с горизонтальными валиками по плечам, украшенными дополнительно косыми насечками. Сосуды не стандартны. Среди них выявлены морфологические вариации. Например, это проявляется в большей или меньшей ширине венчика, разном соотношении диаметра венчика и дна. У некоторых сосудов он одинаков, у других диаметр венчика больше диаметра дна в 1,5 раза. Отличаются сосуды и крутизной плеча: она может быть большей или меньшей. Не одинакова толщина стенок. Наиболее выразительны корчагообразные сосуды в Клинярском-1 и Клинярском-2 могильниках. Так, сосуд из погребения 4 Клинярского-2 могильника имел шаровидное тулово, прямой отогнутый венчик. Вся поверхность тулова была сплошь до дна покрыта рядами косых насечек (табл. XXXI, 5).

Чрезвычайно выразительна крупная корчага из погребения 4 Эчкивашского могильника, найденная вместе с оружием и конским снаряжением VIII-VII вв. до н.э. (табл. XXXI, 2). Крупный корчагообразный сосуд, близкий по пропорциям к Эчкивашскому, находился в мужском погреб. 17 Березовского 1 могильника (табл. XXXI, 1). По кинжалу и бронзовому трехлопастному втульчатому наконечнику скифского типа сосуд относился к наиболее поздним, сохранившим традиционные архаичные черты отделки поверхности в виде семечковидных вдавлений. Самая поздняя нелощеная черноглиняная корчага имела место в погреб. 1 могильника Пелагиада, датирующегося VI в. до н.э. (табл. XXXI, 6). Она явно подражала чернолощеным корчагам второй группы.

Банкообразные сосуды (горшки). Наиболее многочисленная категория среди нелощеной посуды тарно-хозяйственного назначения. Большею частью они засвидетельствованы в слоях поселений, но много их происходит из могил. Насчитывается более 57 целых форм (табл. XXXI, 11-15). Сосуды отличаются грубой лепкой и отсутствием стандартности. Общим для них является то, что диаметр устья всегда либо больше диаметра тулова, либо равен ему. По высоте они значительно варьируют: могут быть вытянутыми или приземистыми, когда высота равна диаметру устья. Соотношение диаметра дна и высоты 1:1,8-1:2,5. Венчики горшков прямые, слегка отогнуты. Шейки короткие, плечики отсутствуют, тулово округлое. При переходе ко дну стенки имеют заметный прогиб, что более

рельефно выделяет донца. Поверхность тулова покрыта рядами насечек, ногтевыми вдавлениями, ямками от вдавливания пальцами по сырой глине, короткими косыми насечками. Часто также украшался венчик. Такие горшки были типичны для Агачевского могильника (погреб. 2, 8, 17, 26, 30, 33, 34, 36, 44, 51, 53-55). Заметны они в погребениях Сосновогорских могильников и трех Березовских могильниках в Кисловодской котловине. Много их в Белореченском 2 могильнике (погреб. 4, 6, 9, 10, 14, 22, 23, 25, 26, 29) и в могилах на территории Мебельной фабрики (погреб. 19, 30, 32). Горшок такой формы находился в разрушенной могиле близ Иноземцева (Указ., 137), где сочетался с массивными бронзовыми спиралевидными и манжетовидными браслетами, характерными для расцвета культуры западного варианта. С классическими кобанскими бронзовыми пластинчатыми браслетами с завитками на концах такой горшок найден в каменном ящике 1/4 могильника "Замок" (Указ., 67/1). В 1952 году на усадьбе Ягодкиных в Кисловодске вместе с грубым горшком были найдены бронзовые украшения, характерные для VIII-VII вв. до н.э. В окрестностях Пятигорска в начале XX века Скиндером были раскопаны несколько курганов. В некоторых обнаружены круглодонные кубки, а в кургане 14 - баночный сосуд высотой 16,2 см с наклепным валиком по краю венчика⁵. В погреб. 1 у ж.д. вокзала в Кисловодске (Указ., 83/2) близкой формы горшок был найден с массивным каменным пестом с выделенной ручкояткой. Такие же горшки имелись в погреб. 4, 13, 14 в могильнике 1 у отстойника Кисловодского озера (Указ., 85/1). Среди банковидных горшков выделяются такие, у которых тулово было сплошь покрыто горизонтальными канавками, превращавшими их поверхность в многоваликовую. Иногда эти валики украшались косыми насечками и ногтевыми вдавлениями. Такие "многоваликовые" горшки известны в слое Лесторского поселения (табл. XXXI, 12), в погреб. 1 Березовского 6 могильника, в погреб. 9, 22, 29 Белореченского 2 могильника. В погреб. 26 этого же могильника поверхность горшка была украшена в верхней части ногтевыми вдавлениями, а низ декорирован многоваликовой композицией (табл. XXXI, 11). Наиболее поздняя модификация горшка с многими валиками относится к скифскому периоду (погреб. 3 мог. Пелагиада). Погребение датировано В.Г.Петренко VI в. до н.э. (табл. XXXI, 13), и сосуд все же отличался от более ранних.

Кринкообразные сосуды (не менее 7) также следует относить к тарно-хозяйственным.

Полное представление о них дают экземпляры из могил. Они имели хорошо выделенную шейку, яйцевидное тулово и устойчивое дно. Венчик прямой со слегка утолщенным краем, иногда украшенным рельефным валиком с косыми насечками по нему. Высота сосудов 13-16, диаметр устья 9-12 см. Два таких сосуда известны в погреб. 9 и 15 Клинярского 1 могильника (табл. XXXI, 9), в погреб. 5 в могильнике 1 Сосновая горка (табл. XXXI, 8), в погреб. 10 могильника Мебельная фабрика (табл. XXXI, 10). Известна случайная находка такой кринки в погребении у "Сафоновского родника" в Кисловодске (1959 г.).

Сосуды-цедилки. Обломки их отмечены в слоях поселений, но только один целый сосуд дает полное представление о форме этой хозяйственной посуды. Он происходит из погребения, случайно раскопанного близ Кисловодска в конце XIX века. Это круглодонный сосуд с высокой петлевидной ручкой. Венчик прямой и слегка отогнут наружу. Нижняя часть тулова и дно покрыты рядами круглых сквозных отверстий (табл. XXXI, 16). Высота цедилки 6,5 см, диаметр тулова 10,5 см. Грубо заглаженная поверхность коричневатого обжига.

Кувшины без лощения также редкая находка в отделе тарно-хозяйственной посуды. Наиболее выразителен кувшин из погребения, раскопанного Д.А.Постниковым на даче Кривошеина в Кисловодске (Указ., 104/2). Поверхность сосуда черно-серая, пятнистая. Горло короткое, венчик прямой, отогнут наружу. Тулово яйцевидной формы. Дно широкое, толстое, с рельефным отпечатком деревянной доски, на которой он формовался. На переходе от горла к тулову небольшая петлевидная ручка (табл. XXXI, 7). Высота кувшина 32 см, диаметр венчика 12,8 см, диаметр тулова 24 см, диаметр дна 13 см. Хронология не ясна, но по технологии, пропорциям и облику, видимо, может быть отнесен к VII-VI вв. до н.э.

Отдел 2. Столовая посуда

В группе столовой нелощеной посуды выделяются следующие четыре категории.

Миски. Целиком сохранившаяся миска найдена в погреб. 22 могильника Мебельная фабрика. Форма миски усеченно-коническая. Устье открытое. Посредине корпуса плавный, но заметный перегиб. Дно хорошо выделенное. Венчик прямой, слегка отогнут наружу. Верхняя половина сосуда украшена тремя выпуклыми горизонтальными валиками и косыми насечками. Цвет миски серый, пятнистый от неровного обжига. Высота

10,5 см, диаметр по центру корпуса 17 см, диаметр дна 7,5 см (табл. XXXI, 17). В погребении находились архаичные изделия из кости: кружок с отверстием и пластина, орнаментированная углубленными точками.

Миска с двумя петлевидными ручками. Эта особенность заставляет выделить сосуд в особую категорию. Венчик прямой, на половине высоты корпус имеет резкий перегиб. На линии перегиба нанесен нарезной орнамент в виде двух ломаных линий и углубленных треугольников. Высота 6 см, диаметр корпуса 12-13 см, диаметр устья 10 см, диаметр дна 5 см (табл. XXXI, 18). Сосуд происходит из погреб. 4 Султангорского 1 могильника. Форма близка ранним мискам III типа из Серженьюртовского поселения восточного варианта⁶. Султангорский сосуд имеет надежную дату (онец VII - начало VI в. до н.э.) по железному акинаку, с которым найден⁷.

Кубки. Учтено всего два нелощеных сосуда такой формы. Оба круглодонные, с прямыми слегка отогнутыми наружу венчиками. Один происходит из гробницы 2 могильника Терезе. Высота 5,6 см, диаметр устья 8 см. Это единственный экземпляр, украшенный ногтевыми вдавлениями и горизонтальными прочерченными бороздками, что придает сосуду архаичный вид. Он относится к самым ранним по сопутствующим вещам, дата которых не позднее XI в. до н.э.⁸ (табл. XXXI, 19). Второй круглодонный нелощеный кубок происходит из разрушенных погребений, доследованных Д.А.Постниковым на усадьбе дачи Кривошеина в Кисловодске (Указ., 104/2) в 1888 г. Устье открытое, венчик прямой, слегка отогнут наружу. Посредине корпуса заметный перегиб. Поверхность темно-коричневая с розоватыми и черными пятнами от неровного обжига. Высота 5 см, диаметр устья 11 см, диаметр тулова по центру 12 см. (табл. XXXI, 20). Предметы, вместе с которыми находился кубок, определяют его дату в пределах VIII-VI вв. до н.э.

Кружки. Нелощеные кружки единичны. В слоях поселений их обломки зафиксированы, но целые экземпляры известны только в погребениях. Учтено всего две такие кружки. Одна из них происходит из погреб. 2/20 (1978 г.) Белореченского 2 могильника. По форме близка кружкам III типа восточного варианта⁹, но отличается высокой ручкой. Венчик прямой, слегка отогнут наружу. Тулово округлое, шейка заметно выделена, дно плоское. Нижняя часть тулова от середины до дна имеет узор из рядов косых ногтевых вдавлений. Поверхность красно-серая, пятнистая от неровного обжига. Высота 8,7 см, диаметр тулова 9 см, диаметр дна 4,5 см (табл. XXXI, 21). Как и восточнокобанские

кружки III типа, она может быть отнесена к разновидности лощеных кружек-черпаков, известных в памятниках центрального варианта (Змейское поселение, Верхняя Рутха, Пседахский и другие могильники)¹⁰. Вторая кружка обнаружена в погреб. 3/23 (1966 г.) Березовского 1 могильника. Ее форма является вариантом кружек I типа из восточнокобанских памятников¹¹. Венчик прямой, корпус банковидный, дно плоское, заметно выделенное. У края устья петлевидная ручка. Венчик опоясывают два горизонтальных валика. Поверхность шероховатая, но заглаженная. Высота кружки 10,5 см, диаметр устья 10,2 см, диаметр дна 8 см (табл. XXXI, 22). Обе нелощеные кружки входили в состав комплексов, дата которых определена по другим вещам (бусы, браслеты, гривны) VIII-VII вв. до н.э.

Нелощеные сосуды первой группы Е.И.Крупнов относил к изделиям "местного архаического типа". Генезис их, особенно корчагообразных сосудов и горшков, связан с ранними керамическими традициями региона докобанского периода, что было прослежено и убедительно проанализировано в свое время Б.Е.Дегеном¹². Для эпохи Кобани о многих древних приемах в технологии и орнаментации в местном гончарстве можно говорить как о пережиточном явлении, лишь как о показателях традиционности.

Из более чем 90 могильников нелощеная посуда "архаического типа" встречена примерно в трети памятников и насчитывает более 100 целых форм, т.е. составляет убедительную выборку. Но лишь в единичных могильниках ее можно обозначить как типичную, как, например, в Агачевском или Сосновогорских могильниках. Заметны сосуды первой группы в Березовском 1 и Белореченском 2 могильниках. В большинстве же могил нелощеные сосуды с архаичными чертами - единичные вкрапления в массу лощеной посуды. Реально просматривается взаимосочетание в комплексах нелощеных сосудов "архаического облика" и ряда других вещей с архаичными признаками (например, наличие рубленых сердоликовых бус, ранних типов бронзовых ножей, кремневых изделий и т.п.).

На многих сосудах первой группы элементы отделки поверхности находят сходство не только в ранней керамике на северных склонах Кавказа, но и в других культурах Предкавказья эпох средней и ранних этапов поздней бронзы. Так, отделка сосудов горизонтальными врезанными канавками, создающими эффект многоваликовости, отмечена на сосудах степного северо-западного Предкавказья¹³ и далее на севере, например,

на сосудах эпохи поздней бронзы Подонья¹⁴. Близки и орнаменты, сочетающие горизонтальные бороздки с ногтевыми вдавлениями по сырой глине¹⁵.

В этом, думается, проявляются сложные и неоднозначные процессы взаимодействия культур Северного Кавказа с культурами Восточно-Европейского региона, фиксируется их вовлеченность с очень древнего времени в динамику совершавшейся на Кавказе исторической реальности.

Вторая группа - лощеные сосуды, с качественно отделанной поверхностью (табл. XXX, XXXII-XL). Учтенные разновидности отражают во всем разнообразии облик посуды собственно кобанской культуры на разных этапах ее развития в западной части ареала. Количественно лощеные сосуды преобладают над первой группой, как в слоях поселений, так и в могильниках. Вторая группа отличается более высокой технологией изготовления, отделки и обжига. Лощение покрывает не только внешнюю, но и внутреннюю поверхность сосудов. Типичным является орнаментация геометрическим нарезным узором. Обжиг сосудов высококачественный, черного, коричневого и красно-охристого цвета.

Во второй группе имели место не два, а *три отдела* сосудов по функциональному назначению: 1. Тарно-хозяйственные сосуды; 2. Столовая посуда; 3. Ритуальные сосуды, представленные оригинальными формами, что, видимо, обусловлено их сакральными функциями.

Хронология лощеной керамики, как и для первой группы, определялась сопутствующими изделиями, главным образом, составом закрытых комплексов (могил, кладов).

Отдел 1. Тарно-хозяйственные сосуды.

В отделе тарно-хозяйственных сосудов выделяются **пять категорий**.

Тарные сосуды большого размера для хранения сыпучих веществ. Они представлены, как и в первой группе, только обломками крупных сосудов открытого и закрытого типа. Засвидетельствованы такие сосуды исключительно в слоях поселений. Особенно выразительны они в Яснополянском поселении в Кисловодской котловине. Здесь найдены два типа тарных лощеных сосудов. Большого размера, более 40 см высоты, сосуды с узким горлом (диаметр 22-24 см), с отогнутым наружу венчиком. Тулово яйцевидное, диаметр его относится к диаметру устья примерно 1:2,5. Вся поверхность тулова украшена горизонтальными углубленными бороздками, чередующимися с поясами из

нарезных ломаных линий, нарезных заштрихованных треугольников, циркульных и зубчатых штампов и т.п. (табл. XXX, 6-8). Обломки таких закрытых пифосообразных сосудов отмечены и в других поселениях западного варианта.

Второй тип тарных сосудов из слоя Яснополянского поселения, представлен большими тазами, полусферической формы, но с плоским дном. Устье с прямым венчиком, открытое, диаметром примерно 32-35 см. Высота тазов 13-14 см (табл. XXX, 9-11).

Корчагообразные сосуды. Учтено более 62 целых сосудов. Они представлены в слоях поселений и в могильниках следующими разновидностями.

1. Сосуды приземистые, с раздутым туловом, узким дном, невысокой шейкой и резко отогнутым венчиком (табл. XXXII, 1-6). Поверхность хорошо залощена и украшена сложным нарезным геометрическим "ковровым" узором в виде чередующихся зон из ломаных линий, заштрихованных треугольников, ромбов и т.п. Они находились в комплексах особо богатых инвентарем погребений 7 могильников, как женских, так и мужских. Особенно нарядна такая корчага (табл. XXXII, 3) в могиле 3/9 Султангорского 1 могильника (траншея II)¹⁶. Близка к ней по форме и декору корчага (табл. XXXII, 2) из разрушенного погребения в могильнике Сосновая горка¹⁷. Великолепный экземпляр происходит из каменного ящика (1928 г.) в Каменноостском могильнике (табл. XXXII, 1). По форме и орнаментации к этой же группе относится корчага из погребения 1/3 (1974 г.) могильника 2 у Лермонтовской скалы (табл. XXXII, 6).

Все четыре корчаги по инвентарю относились к IX-VIII вв. до н.э. Близкие им серо-лощенные корчаги из раскопок В.Р.Апухтина близ Пятигорска (табл. XXXII, 4) и из погреб. 11 Исправненского могильника¹⁸ датируются VII-VI вв. до н.э. Качество обжига более поздних сосудов высокое, но орнамент менее сложный. А такие, как в погребениях 5 и 9 Этокского могильника, вообще не имели орнаментации. Размеры приземистых корчаг различные. Высота от 25 до 28 см. Диаметр тулова 26-30 см, диаметр горла 17-19 см, диаметр дна 8-10 см.

2. Сосуды вытянутых пропорций. Тулово сильно раздутое, шейка высокая, горло узкое, венчик сильно отогнут наружу, дно узкое (табл. XXXII, 7-9). Поверхность покрыта блестящим лощением. В отличие от первой разновидности, орнамент нанесен только на верхнюю половину сосудов, или его вообще не было. Редко, но иногда украшался и венчик. Орнамент нарезной геометрический в

виде зон, состоявших из горизонтальных и вертикальных линий, ромбов и заштрихованных треугольников. Редким исключением являлось применение для орнаментации зубчатого штампа. Таковы две корчаги из гробницы 3 могильника Терезе (табл. XXXII, 7). Размеры корчаг различны. Высота либо меньше, чем диаметр наиболее широкой части тулова, либо равна ей. Целые сосуды засвидетельствованы в 10 могильниках. Их число к началу работы над сводом составляло не менее 35. Большинство их опубликовано. Самые известные - чернолощенные и серолощенные ровного обжига корчаги из Каменномоетского могильника (каменные ящики 1 и 2 из раскопок Е.И.Крупнова в 1948 г.; каменный ящик 9 из раскопок В.М.Батчаева в 1971 г.). Одна корчага такой формы происходит из разрушенной в 1959 году могилы на территории Мебельной фабрики, хотя в целом для этого могильника корчаги не характерны. Именно эта форма обычна для IX-VIII вв. до н.э. (Терезе, Каменномоетский могильник, Мебельная фабрика). Наиболее поздними были корчаги из памятников скифского периода (погреб. 5, 6, 7 Этокского могильника, погреб. 1-23 могильника Уллубаганалы 2, погреб. 3 Султангорского 3 могильника, слой Ессентукского поселения). Поздние корчаги были ровного серого цвета, хорошо залощенные и изредка украшенные по плечикам пояском елочного узора или семечковидными вдавлениями. Размышляя о происхождении корчаг этой разновидности, Е.И.Крупнов обращался к сосудам гальштаттской культуры, так как, по мнению исследователя, кавказские корчаги, хотя и имели некоторое сходство с урнами типа Иоденбурга и Гемайнлебарна, вряд ли можно говорить об их общем происхождении¹⁹. Вопрос этот, по сути, так и остался без ответа, хотя основания говорить о связи остались. Сейчас ясно, что корчаги с Кавказа на 2-2,5 столетия старше собственно гальштаттских. Скорее генезис альпийских следует искать в Кобани, может быть не напрямую, а через воздействие более поздней модификации типа Моздока, Краснознаменских или Комарова на форму урн типа Шопрона и Гемайнлебарна, т.к. датировка венгерских и австрийских корчаг не уходит вглубь ранее середины VI в. до н.э. Расцвет же этой формы определяется западноевропейскими исследователями V в. до н.э.²⁰

3. Сосуды крупного размера, вытянутых пропорций. Венчик сильно отогнут наружу. Длинное горло плавно переходит в тулово. Дно маленькое, неустойчивое (табл. XXXII, 10, 11). Наибольший диаметр приходится на нижнюю треть тулова. Поверхность корчаг

серолощенная или чернолощенная до зеркального блеска. Сосуды, как правило, не имели орнамента. Исключение составляла корчага из погреб. 2 Этокского могильника. Она была украшена четырьмя выпуклыми шишечками по периметру тулова. Высота сосудов 25-52 см, диаметр устья 17-18 см, диаметр тулова 20-40 см, диаметр дна 12-14 см. Корчаги данной разновидности были характерны только для VII-V вв. до н.э., т.е. для периода Кобан IV²¹.

До начала 80-х годов целые формы корчаг учтены нами в 10 памятниках. Их было 18 экземпляров, но за прошедшее время найдено еще несколько сосудов²². Надежно датированы те из них, которые входили в погребальные комплексы, содержавшие оружие степного облика (наконечники стрел, акинаки и т.п.). Таковы серолощенные корчаги из Султангорского 3 могильника (погреб. 6, раскопки Н.Л.Членовой), из Клинянского 2 могильника (погреб. 3, 4, 7 - раскопки А.П.Рунича) и могильника Пелагиада (погреб. 1 - раскопки В.Г.Петренко). Корчаги третьей разновидности имели место в пяти погребениях Султангорского 1 могильника (погреб. 1/4 - 6/9 - траншея II, 1964 г.). Отмечены они в Кисловодском могильнике (кам. ящик 3 - раскопки В.В.Бобина, 1946 г.), в погреб. 1/7 могильника 2 у Лермонтовской скалы, в Минералводском могильнике (погреб. 1, раскопки Н.Н.Михайлова в 1957 г., погреб. 10, 15, 17, 28, 34 - раскопки А.П.Рунича и Г.Е.Афанасьева). Хронология их определена раскопщиками в пределах VI - начала IV в. до н.э. Целый сосуд, близкий экземплярам из Пелагиады и Султангорского 1 и 2 могильников, обнаружен в слое Провалского поселения в Пятигорске (табл. XXXII, 11). Красивая чернолощенная корчага высотой более 50 см (табл. XXXII, 10) происходит из погребения всадницы в Каменномоетском могильнике (раскопки П.Г.Акритаса 1954 г.). В последнем, кроме оружия, имелось бронзовое зеркало т.н. ольвийского типа. Данный тип зеркал датируется Т.М.Кузнецовой концом первой четверти VI в. до н.э. и связывается ею с расцветом греческой цивилизации. Представляется верным мнение Т.М.Кузнецовой, что "так называемые "ольвийские" зеркала (зеркала фиалы) патеры... не связаны со скифами и фиксируют факт взаимодействия греческой культуры с культурой населения западного, восточного и северного (лесостепного) районов Причерноморья, поэтому рассматривать их как элемент "скифского влияния" не представляется целесообразным"²³.

Горшки (табл. XXXIII). Сосуды составляли среди учтенных целых форм и форм точно

восстановленных не более 28 экземпляров. Они, за исключением единиц, входили в комплексы вещей из погребений. Поверхность сосудов черная, серая, коричневая, розовато-охристая, часто неровного пятнистого обжига. Лошение тщательное, иногда до зеркального блеска, ровно покрывало не только внешнюю, но и внутреннюю стороны поверхности сосудов. Высота их от 9 до 52 см. Выделяются три вариации формы.

а) сосуды с яйцевидно-вытянутым туловом, узкой выделенной шейкой и прямым слегка отогнутым венчиком. Дно плоское, в 2-3 раза меньше устья по диаметру. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть тулова. Самые ранние горшки относятся к переходному периоду Кобан I конца II тысячелетия до н.э. (погреб. Аманкол, Клинярский курган, Былымский оборонительно-жилой комплекс, Былымский клад). Морфологические черты именно этой группы (табл. XLI) получили развитие позднее²⁴. Таковы горшки из погребения 10 Каменно-могильника (табл. XXXIII, 1), из слоя начала I тыс. до н.э. поселения Уллубаганалы 2, из погребений Этокского могильника. Такие же по форме горшки обнаружены вне погребений на территории Березовского 1 могильника, в т.н. "кладовой" около каменного ящика 9/1939 г., а также в могильнике Мебельная фабрика в Кисловодске (табл. XXXIII, 4, 5). Ближе всего к ранним формам данной разновидности стоят сосуды из жертвенника в слое X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (табл. XXXIII, 2, 3). Вышеупомянутый большой яйцевидный горшок из погребения 10 (раскопки В.М.Батчаева 1971 г.) Каменно-могильника также входил в комплекс тризны поверх каменного ящика в насыпи. В облике этого горшка особо проглядывают черты, напоминающие горшки срубной культуры белозерского этапа²⁵. Особенно характерен орнамент в виде опоясывающего шейку сосуда налепного валика, концы которого опущены вниз. Аналогии таким сосудам известны и на востоке ареала, например, в слое Серженьюртовского поселения, а также среди горшков каякентско-хорочоевской культуры²⁶. Возможно, это свидетельство следов контактов местных северокавказских культур с культурами эпохи поздней бронзы более северных территорий юго-восточной Европы. Отражение таких контактов находят не только в гончарстве, но и в металлургии, о чем неоднократно писали многие исследователи²⁷. Подтверждается возможность контактов и другими формами горшков, в первую очередь т.н. баночными.

б) сосуды с яйцевидно вытянутым туловом, небольшим дном и открытым устьем, что отличает их от разновидности "а". Переход от венчика к тулову лишь намечен. Шейка и венчик изредка украшены горизонтальными валиками и семечковидными вдавлениями. Такие горшки-банки имели место в слое Ессентукского поселения (табл. XXXIII, 10), в т.н. детской гробнице из раскопок 1933 г. С.Н.Замятнина в Кисловодском могильнике (табл. XXXIII, 11), в погреб. 10 Каменно-могильника (табл. XXXIII, 9). В последнем три таких баночной формы горшка были поставлены вверх дном поверх каменного ящика с типичным кобанским инвентарем. Близкий сосуд обнаружен и в погребении 1 кургана I у Заюково²⁸.

в) сосуды, по форме как бы промежуточные между первой и второй разновидностью горшков. Они имели открытое устье, диаметр которого был равен наибольшему диаметру тулова. Корпус расширен в центре и имеет заметный перегиб-ребро, отчего кажется биконическим. Такие сосуды известны в погреб. 1 и 2 Исправненского могильника, дата которых по бронзовым наконечникам стрел определяется рубежом VII-VI - началом VI в. до н.э. (табл. XXXIII, 6, 7). К этому же периоду относился третий сосуд, более вытянутых пропорций, из погреб. 3 Тамгацикского могильника (табл. XXXIII, 8). Но если сосуды из Исправненского могильника имели лишь узор из пояса нарезных косых насечек в сочетании с налепными выпуклыми шишечками по тулову (погреб. 2), то тамгацикский экземпляр был от устья до дна украшен рядами елочного узора в сочетании с косыми насечками и ломаными линиями. Нарезками был орнаментирован и плоский венчик горшка. Размеры сосудов: диаметр устья 8,5-22,5 см, диаметр тулова 10-23,5 см, диаметр дна 3-9,6 см, высота 9,5-18 см.

Кринкообразные сосуды (табл. XXXIV). Они так же редки, как и nelloщенные. Учтено всего 7 целых экземпляров. Внешне сосуды напоминают кувшины, но без ручек. Общий их абрис вытянутый, горло заметно выделено. Венчик прямой, отогнут наружу, тулово близко шаровидному, дно плоское. Хорошо залощенная поверхность имела серый, красно-охристый и черный цвет. Размеры сосудов разные: высота 16-20 см, диаметр тулова 11-19 см, диаметр дна 6-6,5 см. Тулово сосудов орнаментировано прочерченными или нарезными узорами. Визуально наиболее близки между собой кринки из погреб. 2 Березовского 4-го могильника (табл. XXXIV, 1), из погреб. 1 (1976 г.) Султангорского 3 могильника (табл. XXXIV, 2) и из погребения в окрестностях горы Эльбрус (находка 1916 г.).

Плечики и верхняя часть тулова были орнаментированы горизонтальными линиями и заключенными между ними ломаными линиями и треугольниками. Особо отметим кринку из Султангорского 3 могильника. В орнамент сосуда включены изображения пяти свастик, вписанных в ромбы, что связывает этот узор с культом солнца и водной стихии. Более скромно украшена по плечикам двумя выпуклыми валиками кринка из погребения у хут. Байбарис (табл. XXXIV, 4). Сосуды из погреб. 34 Минералводского могильника (табл. XXXIV, 3) и из склепа в Хабазе (находка 1937 г.) имели орнамент в виде вертикальных полос по тулову. Все кринки относились к периоду Кобан IV, который синхронен III этапу развития культуры западного варианта²⁹.

Судя по наличию в комплексах могил оружия степного облика, сосуды из Березовского 4 и Султангорского 3 могильников были более ранними, чем сосуды из хут. Байбарис и Минералводского могильника. Общая дата всей группы кринков может быть определена концом VI - первой половиной IV в. до н.э.

Кувшины (табл. XXXIV, 5-14). Учтены 30 целых экземпляров из слоев поселений и из 18 могильников (Приложение 2, таблица 12). Сосуды имели прямой, слегка отогнутый венчик, шаровидное или биконическое тулово, хорошо очерченное горло. Наибольший диаметр приходится на нижнюю треть высоты сосудов. Дно либо маленькое, либо широкое и устойчивое. Ручки, круглые в сечении, в большинстве были прикреплены одним концом у края венчика, а другим на переходе от шейки к тулову. В единичных случаях отмечены витые ручки. Тщательно залощенная поверхность имела серый, розово-охристый, коричневый и черный цвет. Поверхность кувшинов, как правило, была орнаментирована прочерченным или нарезным узором из горизонтальных и вертикальных линий, крестов, зигзагов. Но имелись кувшины и без орнамента, например, из погреб. 5 у сел. Горно-Джуцкий (табл. XXXIV, 14), из погреб. 11 Этокского или из погреб. 4 Тамгацкского могильника (табл. XXXIV, 13). Особо выделялись довольно стандартные по пропорциям кувшины с геометризованным абрисом и заметным ребром на тулове (т.н. "кавказский гальштатт"). Это сосуды из памятников, расположенных на Ставропольском плато (например, погребение с железным топором VII-VI вв. до н.э. на горе Бык³⁰) или на территории, примыкающей к нему с юго-востока (случайная находка вблизи Георгиевска³¹), а также восточнее (памятники в бассейне Малки и Баксана³²) в

зоне контакта с центральным вариантом (табл. XXXIV, 6-12). Хронология кувшинов определяется по вещам в могилах, особенно по оружию скифского типа, в пределах конца VII - V в. до н.э.³³

Отдел 2. Столовая посуда

Лошенные сосуды малого размера представлены в ареале западного варианта чрезвычайно широко. Они типичны для всех памятников, хотя количественное соотношение разных категорий сильно отличается. В слоях поселений имелись все морфологические варианты, но в фрагментах. Представление о формах дают только сохранившиеся целиком сосуды из могил. Столовая посуда необыкновенно разнообразна. Это миски, кубки для питья, кружки, черпаки с высокими ручками, вазы на высокой ножке, сосуды в форме мисок, либо горшков, но с одной или с двумя ручками. По учтенным массовым материалам можно уверенно характеризовать шесть категорий.

Миски (табл. XXXV-XXXVI). Самая типичная и самая многочисленная категория посуды. К началу работы над Сводом по западному варианту (1983 г.) мы располагали данными о более чем 200 целых экземпляров в более чем 50 могильниках и поселениях (Приложение 3). В настоящее время их, безусловно, больше. При общем сходстве между собой по форме (открытые, плоскодонные емкости), тем не менее различаются по ряду мелких признаков, по крайней мере, 10 разновидностей. Большинство мисок украшена нарезным орнаментом, главным образом геометрическим. Но имеются такие сочетания отдельных узоров и фигур, что можно предполагать "пиктографические" композиции или сюжетные сцены. Как правило же, это различные сочетания вертикальных, косых или зигзагообразных линий, которые складываются в квадраты, ромбы, треугольники, иногда дополнительно заштрихованные, что создает эффект сплошного "коврового" рисунка. Диаметр сосудов 10-22 см, высота 6-15 см, диаметр дна 5-8 см. Выявлены следующие их разновидности.

а) миски открытого типа, усеченно-конические, с хорошо выделенным дном (табл. XXXV, 1-3). Иногда форма мисок промежуточная: близка к полусферической. Поверхность коричневая или темно-серая. Лошение качественное. Ближе всего стоит по внешнему виду к типу I (по В.И.Козенковой) мисок восточного варианта кобанской культуры³⁴. Большинство из 15 учтенных целых экземпляров украшено прочерченными линиями в сочетании с семечковидными вда-

лениями (Псынодахское поселение, могильники Лермонтовская скала 2, Клинь-яр 2, Белореченский 1, Тамгацкинский, Арба-кол, Инжиччукунский, Исправная, Минералводский). Наиболее ранняя по комплексу инвентаря могилы происходит из погреб. 1 Инжиччукунского могильника (табл. XXXV, 2). Наиболее поздние - из погребений скифского периода (погреб. 1 Лермонтовской скалы 2, погреб. 11 и 12 Исправненского (табл. XXXV, 1-3), погреб. 36 Минералводского).

б) миска из гробницы 1 Тамгацкинского могильника (табл. XXXV, 4). Выделена в особую разновидность. Это довольно высокая емкость, с небольшим выступающим ребром, образующим плечико. Венчик утолщен и имеет воротничок по краю. Поверхность чернолощенная. Дата определяется составом погребального инвентаря серединой VI в. до н.э.

в) миски с широко открытым устьем, невысокой шейкой и резко обозначенным плечиком при переходе от шейки к тулову (табл. XXXV, 5-8). Иногда тулово округлое, как у миски из Каменноостского могильника (погреб. из раскопок 1954 г.), которая слегка напоминает металлические (табл. XXXV, 6). Но чаще такие миски имеют геометризированные очертания. По плечикам миски имели орнамент либо в виде елочного нарезного, как на миске из погреб. 2 Исправненского могильника (табл. XXXV, 5), либо налпных шишечек, как на миске в погреб. 1 Клиньярского 2 могильника (табл. XXXV, 7). Миски разновидности "в" имели место также в погреб. 6 Султангорского 3 могильника (1974 г.), в каменном ящике 1 Подкумского могильника, из слоя поселений у хутора Дружба (Указ., 183) и Учкуланского (табл. XXXV, 8). Чрезвычайно выразительны такие миски из гробницы 3 могильника Терезе. В целом датировка этой разновидности может быть определена VIII-VI вв. до н.э. Аналогии им имеются среди экземпляров мисок восточного варианта (VII тип, по В.И.Козенковой)³⁵.

г) миски с полусферическим туловом, прямой шейкой без выгиба и прямым венчиком, как, например, миска из каменного ящика 3 Кисловодского могильника (раскопки 1946 г. В.В. Бобина), наиболее ранняя из всей группы (табл. XXXV, 9). Одна такая миска происходит из разрушенного погребения могильника Мебельная фабрика. Но большинство относилось к скифскому периоду (погреб. 2 Этокского могильника, погреб. 4, 11, 17, 24, 30 Минералводского могильника). Единичные экземпляры из Минералводского могильника имели нарезной "шахматный" узор.

д) миски, серолощенные, геометризованного контура (табл. XXXV, 10, 11). Форма их приземиста. Венчик прямой, слегка отогнут. Посредине корпуса или ниже - острое ребро. Дно маленькое. Большинство их орнаментированы нарезным геометрическим узором, но имелись отдельные экземпляры без орнамента (погреб. 5 Горно-Джуцкого могильника). В слоях поселений зафиксированы многочисленные фрагменты, но целый экземпляр найден в Провальском поселении в Пятигорске (табл. XXXV, 11). Три целых миски учтены и в могильных комплексах. Хронология их довольно точно устанавливается по комплексам со скифским оружием. Например, миска такой разновидности находилась в погреб. 1 на улице Калинина в Пятигорске вместе с бронзовыми наконечниками стрел скифского типа сер. VI в. до н.э. (табл. XXXV, 10). В целом можно считать их характерными для памятников конца VII-VI вв. до н.э.

е) миски, серолощенные и чернолощенные, близкие по форме к разновидности "д", отличаясь тем, что стенки в верхней части либо прямые, либо слегка скошены (табл. XXXV, 12, 13). В Своде учтено четыре таких миски: погребение всадницы (1954 г., Указ., 31/11) близ Каменноостского (табл. XXXV, 13), погреб. из Кисловодского могильника (раскопки В.В.Бобина)³⁶. Аналогии им известны в больших Ставропольских курганах и других памятниках Ставрополя середины VI в. до н.э. Небольшая миска этой разновидности происходит из впускного погребения в кургане IV близ колонии Константиновской (раскопки Д.Самоквасова). По мнению А.А.Иессена, погребение относится к раннескифской эпохе, т.к. в комплексе находилось "бронзовое греческое зеркало с боковой ручкой"³⁷.

ж) миски, низкие, усеченно-конической формы. Венчик прямой, слегка вогнут внутрь. У дна плавный перегиб почти под прямым углом. Диаметр дна в три раза меньше диаметра устья. Поверхность покрыта сложным геометрическим орнаментом. Узор нанесен инструментом, рабочий конец которого имел три острия, в результате чего получался **тройной контур** рисунка, часто затертый белой пастой. Такая миска входила в комплекс 1 кургана, раскопанного в 1921 г. близ Каменноостского на Малке (табл. XXXV, 18). По биметаллическому кинжалу и другим выразительным предметам³⁸ погребение датировано переходным временем от новочеркасского периода к раннескифскому (первая пол. VII в. до н.э.). Близкая по форме миска известна из слоя Грушевского городища³⁹. Серолощенная мис-

ка разновидности "ж" без орнамента известна в погреб. 1 близ с. Подгорное у хутора Соленого на Ставрополье.

з) миски, морфологически близкие разновидности "ж", но более высокие (табл. XXXV, 14-17). Дно заметно выделено. При переходе от дна к тулову плавный, но четкий перегиб. Верх мисок, как у экземпляра из станицы Горячеводской (табл. XXXV, 16), у самого венчика украшен геометрическим нарезным орнаментом из ломаных линий и заштрихованных треугольников, которые, соединяясь вершинами, образуют пояс из ромбов. Изредка встречались миски (погреб. 3 Исправненского могильника), у которых был орнаментирован и край венчика (табл. XXXV, 14). Такие же целые миски оказались в могильнике Пелагиада (погреб. 3) и в слое VIII-VII вв. до н.э. Хумаринского городища. Большинство учтенных мисок разновидности "з", судя по сопровождающим предметам, относились к периоду Кобан IVa, или к III этапу развития западного варианта кобанской культуры, т.е. примерно к середине VI - началу V в. до н.э. Но о том, что эта форма была глубоко местная, свидетельствует самая ранняя в этой группе миска из Инжиччукунского могильника (табл. XXXV, 15).

и) миски, высокие, с округлым плечом и плавно отогнутым венчиком (табл. XXXVI, 1, 3, 4). Дно широкое, устойчивое. Переход контура тулова ко дну плавный. Диаметр устья всегда меньше диаметра тулова. Лощение качественное, иногда до зеркального блеска. Поверхность коричневого, черного или охристо-серого цвета. Орнамент, нарезной или прочерченный, в виде зон, сочетающих разные элементы узоров. Особым изяществом отличаются чернолощенные миски из слоя X-VIII вв. до н.э. поселения Уллубаганалы 2 (табл. XXXVI, 1, 3) и синхронные им миски из Эссентукского и Этокского (табл. XXXVI, 4) поселений. Большинство же целых форм (учтено более 80 экз.) происходит из погребений VIII-VII вв. до н.э. могильников Кисловодской котловины (Белореченский 2, Индустрия 1, Кисловодский, Березовский 1 и 4, Мебельная фабрика, Султангорский 1 и 5, Эчкивапшский и т.д.) и бассейна Баксана (Каменноостровский, Этокский). По подсчетам эта разновидность самая типичная, т.к. составляет более 40% от общего числа мисок.

к) миски, по форме очень близкие разновидности "и", но отличались более отогнутым наружу венчиком (табл. XXXVI, 2, 5). Они также были характерны не только для могильников Кисловодской котловины (Кисловодский, Эшкаконский, Индустрия 1, Мебельная фабрика), но и для высокогорной

зоны (окрестности Эльбруса, Кич-Малка, Зеленчукская и др.), о чем свидетельствуют более 50 учтенных целых сосудов.

л) миски, близкие по форме разновидностям "и" и "к" (учтено около 30 целых сосудов), но отличались от них тем, что стенка при переходе к днищу имеет заметный плавный прогиб вовнутрь. В результате дно становится более выделенным (табл. XXXVI, 6-11). По абрису они напоминают бронзовые чаши-миски VIII-VII вв. до н.э. Миски богато украшены нарезным геометрическим орнаментом.

Особо подчеркнем, что орнамент на некоторых мисках разновидностей "и", "к", "л" напоминает пиктограммы. Такова миска из погреб. 3 могильника на территории комбината стройматериалов (КСИ) в Кисловодске (табл. XXXVI, 8). Пиктографические узоры имели миски из погреб. 4 Клинярского 2 могильника, из погреб. 21 Березовского 1 могильника, миска из погреб. 2 (табл. XLI, 2) могильника Лермонтовская скала (раскопки 1989 г.). В орнаменте большинства таких мисок основным элементом была свастика, что свидетельствует не столько об утилитарном назначении сосудов, сколько о ритуальном. Думается, что с ритуалами были связаны и миски, на которых изображены животные. Одна из них происходит из Кисловодского могильника (раскопки В.В.Бобина 1955 г.). Эта высокая миска разновидности "л" (табл. XL, 4) имела орнамент в виде геометрического узора и изображения лошади с распущенным хвостом. Сосуд из погреб. 42 могильника Мебельная фабрика украшал бычок (табл. XXXVI, 6). Новая находка миски с изображением лошади обнаружена в погреб. 136 Клинярского 3 могильника⁴⁰ (табл. XL, 1).

Кубки. Типичной категорией столовой посуды населения западного варианта кобанской культуры являлись глиняные кубки для питья. Они характерны для всех памятников. Однако в слоях поселений, за редким исключением, имелись лишь фрагменты таких сосудов⁴¹. В могильниках же представлена внушительная группа целых сосудов (Приложение 3). Более 170 экземпляров учтено при работе над Сводом (данные на 1985 г.). Морфологически различаются шесть разновидностей.

а) кубки полусферической открытой формы, круглодонные, со слегка выделенной шейкой и отогнутым прямым венчиком. Внешне похожи на небольшие мисочки (табл. XXXVII, 1-5). Высота кубков 5-7 см, диаметр 10-13 см. Изготовлены из качественной глины. Поверхность чернолощенная или краснолощенная, иногда пятнистая. Как

правило, сосуды украшены нарезным орнаментом. Геометрическим узором часто покрыта вся поверхность корпуса сосуда, как, например, на кубке из погребения, разрушенного в 1976 году в могильнике Мебельная фабрика (табл. XXXVII, 1). Но преимущественно украшалась верхняя часть сосуда около венчика (табл. XXXVII, 1-5). Элементами узора были вертикальные линии, косо заштрихованные треугольники, горизонтальные пояски из штампованных углублений, как на кубке из Перкальского городища (табл. XXXVII, 4). Изредка на круглодонных кубках встречались "пиктографические" композиции (погреб. 25 Минералводского могильника), состоявшие из геометрических и фигурных элементов (табл. XXXVII, 5). Однако были сосуды и без орнамента, в особенности в памятниках скифского периода. Но не всегда этот факт связан с хронологией. Например, выделяются могильники, где все кубки (и ранние и поздние) без орнамента (Березовский 1 могильник). На некоторых кубках примитивно, но выразительно были изображены фигурки животных. Например, на кубке из гробницы 1 могильника Терезе орнамент составляла вереница козлов (табл. XLI, 3). Хронология кубков, как и остальной глиняной посуды, определяется составом вещей погребений, в которых найдены сосуды. Самыми ранними кубками разновидности "а" были кубки из Эшкаконского могильника и из гробницы 2 в Терезе (XII-XI вв. до н.э.)⁴². Однако массово такие кубки представлены в памятниках VIII-VII вв. до н.э. (могильники Мебельная фабрика, гробница I в Терезе, могильник Индустрия 1, пещера Шисса, Султангорский 1 и т.д.). Наиболее поздние круглодонные кубки имели место в погребениях VI-V вв. до н.э. Минералводского могильника. По количеству круглодонные кубки с открытым устьем составляли более 55% от всех учтенных.

б) кубки, близкие по пропорциям и размерам разновидности "а", но отличающиеся наличием на дне круглой ямки, вдавленной вовнутрь (табл. XXXVII, 7-10, 12). Как и круглодонные кубки, они имели вокруг шейки нарезной или штампованный орнамент, но иногда украшалось даже дно, что можно видеть, например, на одном из 14 кубков из пещеры на горе Шисса (Указ., 193/2) близ станицы Зеленчукской⁴³. Дно кубка с внешней стороны было украшено колечком, внутри которого имелся знак в виде спирали, от которой расходились 12 лучей (табл. XXXVII, 10). Кубков с вмятиной на дне учтено 28 экземпляров. Наиболее ранние из них кубки из погреб. 1 Инжиччукунского могильника, т.к. в комплексе имелись класси-

ческий кобанский кинжал⁴⁴ и бронзовый нож с орнаментированным лезвием, характерный для памятников западной Европы периода НаА (примерно конец XI - начало X в. до н.э.)⁴⁵. Кубки с вмятиной на дне совершенны по технологии: поверхность ровного обжига черного, красноватого и охристого цвета. Лощение тщательное, иногда до зеркального блеска. Особенно изящны чернолощенные кубки из слоя поселения и из погребения на территории совхоза "Кисловодский" близ станицы Ессентукской⁴⁶. Кроме кубка, в погребении обнаружены бронзовые пронизи для ожерелья, украшенные фигурками птиц, аналогичные пронизям из гробницы 5 в Терезе⁴⁷. Это дает основание датировать кубок из ессентукского погребения VIII в. до н.э.

в) кубки, близкие по пропорциям и размерам двум предыдущим разновидностям, но с плоским дном (табл. XXXVII, 6, 13). Учтено 12 экз. Наиболее ранний из них - кубок из Эшкаконской гробницы конца II - рубежа II-I тыс. до н.э. Началом I тыс. до н.э. можно датировать два плоскодонных кубка из пещеры Шисса (табл. XXXVII, 13). Шесть таких сосудов имели место в гробнице 2 могильника Терезе⁴⁸. Отмечены они и в Кисловодском могильнике из раскопок В.Попова в 1932 г. Наиболее поздний такой кубок происходит из погребения 10 Исправненского могильника. Почти все сосуды украшены нарезными геометрическими узорами. А на кубке из погребения 5, раскопанного в 1962 году у ж.д. вокзала в Кисловодске, была изображена лошадь. Особенность отличала и один из кубков из пещеры Шисса (Джисса): он имел небольшую петлевидную ручку, тем самым являясь типологически промежуточной формой между кубками и кружками (табл. XXXVII, 6).

г) кубки, высокие, закрытой формы, круглодонные, с почти шаровидным туловом. Отличались от первой разновидности тем, что имели заметно меньший диаметр венчика по сравнению с диаметром тулова (табл. XXXVII, 11). Высота сосудов равна наибольшему диаметру. Цвет поверхности черный. Лощение качественное. Сосуды украшались семечковидными вдавлениями, ломаными линиями, заштрихованными треугольниками. Орнаментировалась главным образом нижняя часть шейки кубков при переходе к тулову. Учтено шесть целых форм, и почти все они происходят из бассейна реки Малки (Каменноостровский и Заюковский могильники). Исключение составляет лишь сосуд, обнаруженный в могиле на территории Второ-Афонского монастыря около Пятигорска (раскопки Г.И.Орла 1911 г.). Хро-

нология таких кубков IX - началом VII вв. до н.э. подкрепляется оружием (Каменноостский) и конской уздой (Заюковский) из комплексов, в которых они найдены.

д) кубок полусферической формы, с вогнутым венчиком и маленьким плоским дном, происходит из погреб. 1 Инжиччукунского могильника. По краю венчика он украшен штампованным узором из треугольников и ромбов. Поверхность тщательно лощеная, охристо-красного цвета (табл. XXXVII, 14). Дата определяется по комплексу концом II - началом I тыс. до н.э.

е) кубки в форме плоскодонного горшочка (табл. XXXVII, 15-19). Тулово раздутое, иногда с ребром по центру. Венчик прямой или слегка отогнут. Учтены 33 целые формы. Самая большая группа - кубки с выделенной шейкой и усеченно-биконическим туловом. По ребру на тулове нанесен орнамент в виде выпуклых круглых налепов, как, например, на кубке из Учкекенского кургана (табл. XXXVII, 15). Но в большинстве своем они были без орнамента (погреб. 1 Султангорского 3 могильника, погреб. 5, 8, 10, 11, 13-15 могильника Уллубаганалы 2, погреб. 14 Исправненского могильника и др.). Изящным нарезным рисунком отличался плоскодонный кубок-горшочек из погреб. 8 Каменноостского могильника (1971 г.), входившего в раннюю группу могил IX - начала VII вв. до н.э.⁴⁹. На кубке-горшочке из Отказненского могильника нанесен "пиктографический" ковровый рисунок. Орнаментировано даже дно кубка (табл. XXXVII, 19). Орнамент, сочетавший "елочку" и пояски с косыми штрихами, украшал чернолощенный кубок из Баксанского ущелья (табл. XXXVII, 16). Кубок из случайно раскопанного погребения у "Замка коварства и любви" близ Кисловодска был богато украшен шахматным узором. Кубки разновидности "е" разновременны. Наиболее ранние из них датируются концом II - началом I тыс. до н.э. (Эшкаконская гробница, гробница 2 могильника Терезе). Наиболее поздние находились в комплексах с предметами скифского типа VI в. до н.э. (Исправненский, Султангорский 3 могильники). Доказательством принадлежности кубков к сосудам для питья служит тот факт, что в могилах они, как правило, прикрывали горловины корчаг или кувшинов.

На Кавказе аналогии кубкам западного варианта известны только в памятниках северного склона, в ареале северо-осетинской подгруппы "А" центрального варианта, особенно в Кобанском могильнике⁵⁰. На востоке ареала культуры они отсутствуют. В настоящее время накопилось достаточно свиде-

тельств, уточняющих время появления в кобанской культуре этой категории сосудов. Они не подтверждают точку зрения Е.И.Крупнова о возможности заноса их извне и только в раннескифское время⁵¹. Это одно из важных новых открытий, обусловленное появлением в поле зрения науки памятников, ранее неизвестных, таких как Терезинский могильник. Все надежно датированные кубки свидетельствуют об их бытовании на Северном Кавказе с конца II тыс. до н.э. Накоплены весомые данные, позволяющие предполагать, что круглодонные кубки без ручек автохтонны в изучаемом ареале, т.к. в синхронных кавказских культурах они отсутствуют. Севернее предгорий Кавказа, для позднерубных памятников юго-восточной Европы, они не характерны. Исключение представляет только Широчанский могильник на Украине, где аналогичные кобанским кубки (2-ой тип, по А.М.Лескову) отнесены к локальной специфике культуры могильника⁵². Подтверждают это и исследования Х.И.Крис керамики кизил-кобинской и таврской культур Крыма. Здесь близкие кобанским кубки (реповидные, шаровидные и грушевидные) датируются не ранее середины VIII в. до н.э.⁵³

Стаканообразный сосуд. К категории столовой посуды относился чернолощенный сосуд цилиндрической формы и плоским дном с выступающими краями. Венчик прямой (табл. XXXVII, 20). Диаметр дна 8,5 см. Диаметр тулова 7,5 см. Высота 4,6 см. "Стакан" найден в погреб. 3 кургана 1 на правом берегу Баксана близ сел. Заюково. Для ареала западного варианта такие сосуды не характерны, но типичны для позднекобанских памятников центрального варианта⁵⁴. В высокогорной Осетии они доживают почти до современности, но изготавливались из дерева⁵⁵. Баксанское ущелье является как раз зоной контакта двух родственных групп кобанской культуры (центральной и западной), чем и объясняется находка нехарактерной формы.

Кружки (или "черпаки с ручкой"). Для столовой посуды западного варианта характерны черно-, серо- и краснолощенные кружки. В фрагментах они засвидетельствованы в слоях поселений, но целые формы только в погребениях. Учтено в Своде 45 экземпляров (табл. XXXVII, 21-28). Модификации их различны, причем некоторые представлены сериями. Но имелись и уникальные по форме сосуды. Преобладают кружки высотой 7-9 см, с диаметром тулова 9-12 см. Изготовлены сосуды тщательно, некоторые украшены нарезным или тычковым (штампованным) орнаментом. Различаются пять раз-

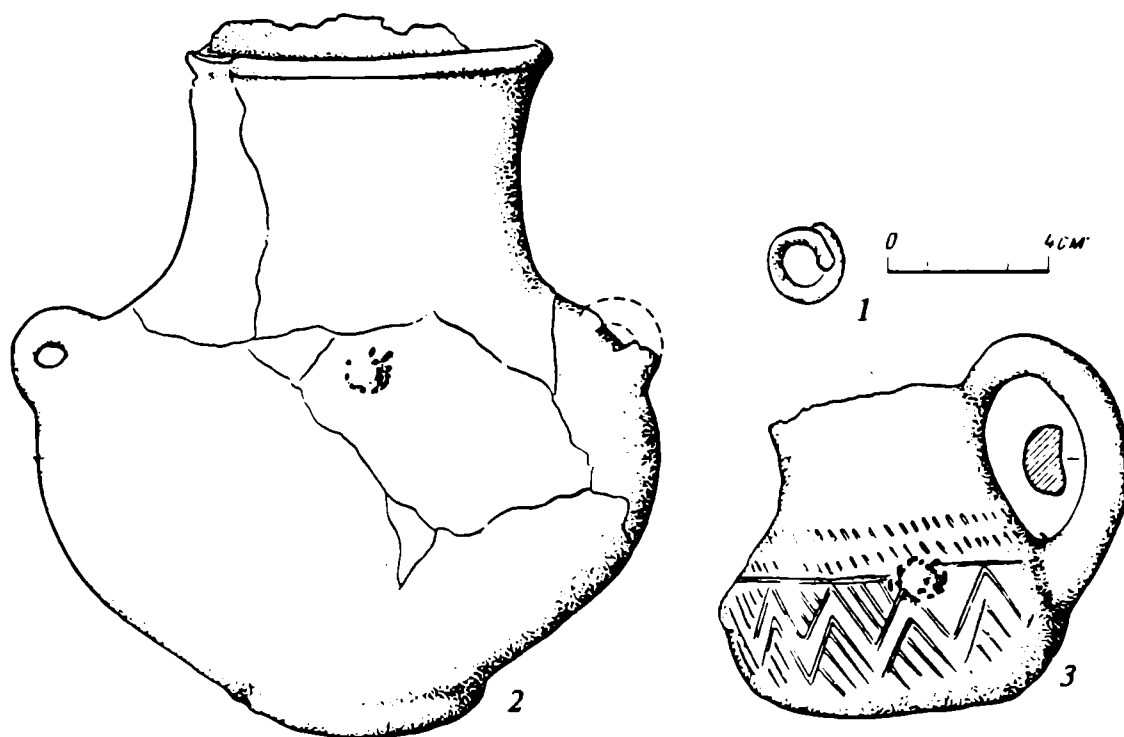

Рис. 7. Погребение 1, курган 4, Веселая Роща Ш.
1 - височное кольцо, 2 - глиняная корчага, 3 - кубок.

новидностей.

а) черпаки полусферической формы с высокой петлевидной ручкой. Учтено 2 экземпляра: кружка из Учкулана (табл. XXXVII, 21) из коллекции Е.Зичи и такой же сосуд из отвала Минералводского могильника. Они не характерны для западного варианта, и не исключено, что проникли из зоны распространения протомеотской и раннемеотской культур, где такая форма черпаков типична (погреб. 18 могильника Ясеновая поляна и др.)⁵⁶. Дата их, скорее всего, VI-V вв. до н.э.

б) кружки с шаровидным или грушевидным туловом, плоским дном, выделенным горлом и слегка отогнутым венчиком. Плоская или овальная в сечении ручка прикреплена одним концом к краю венчика, а другим на переходе от горла к тулову (табл. XXXVII, 22, 26). Учтено 16 экземпляров. Они типичны для могильника Уллубаганалы 2 (погреб. 4, 7, 9), причем две из них имели орнамент: либо поясok из "елочек", либо круглые вдавления (табл. XXXVII, 26). Преобладали такие кружки и в Клинярском 2 могильнике (погреб. 1, 4, 5, 7, 8). Кружка с узором из семечковидных вдавлений имела место в погреб. 8 (1971 г.) Каменноостовского могильника, в погреб. 3/6 Султангорского 1 могильника, в погребении под курганом 3 на Константиновском плато близ Пятигорска (1957 г.). Кружка с уплощенно-сферическим

туловом найдена между могилами VII-VI вв. до н.э. Тамгацкского могильника. Ее витая ручка имела дополнительно декоративную шишечку в верхней части (табл. XXXVII, 22). На северной границе ареала кружка второй разновидности происходит из впускного погребения 1 в кургане 14 близ сел. Веселая Роща (раскопки М.А.Романовской 1980 г.) на Ставропольской возвышенности⁵⁷. Грушевидное тулово было украшено резной лентой, зигзагом и тремя наклепными шишечками (рис. 7). Дата кружки по комплексу вещей - IX - начало VIII вв. до н.э.

в) кружки с биконическим туловом, выделенной шейкой и отогнутым венчиком. Внешне напоминают миниатюрные низкие кувшинчики с широким устьем. Они типичны для памятников VI-V вв. до н.э. Учтено 26 целых экземпляров из могил. Выразительна своими геометризированными очертаниями кружка из погреб. 9 Этокского могильника (табл. XXXVII, 24). Технологически совершенна кружка из погреб. 1 Тамгацкского могильника, украшенная по корпусу прорезными треугольниками и семечковидными вдавлениями (табл. XXXVII, 25). Характерны такие кружки для Каррасского могильника (гробн. II, IV, V, X), Этокского (погреб. 6, 9, 10, 14, 15) и Минералводского (погреб. 15) могильников. Имелись они в Султангорском 3 могильнике (погреб. 6), в гробнице

Карабашево⁵⁸, в погребениях могильника Пелагиада. Изыщная чернолощенная до зеркального блеска кружка с пояском из косых семечковидных вдавлений происходит из погребения на Обьездной улице Кисловодска (1939 г.). Все данные свидетельствуют, что основной период бытования таких кружек-черпаков - VI-V вв. до н.э. Подтверждается это и многочисленными аналогиями из могильников скифского периода центрального варианта (Моздок, Комарово) и из курганов, связываемых с ранними скифами Предкавказья, к которым такая посуда, по общему мнению исследователей, поступала из керамических мастерских местной кобанской культуры.

г) кружка с широко открытым устьем, диаметром 10 см, незначительно выступающим ребром на тулове и петлевидной ручкой (табл. XXXVII, 27). Происходит из погреб. 2 Белореченского 1 могильника. По основным признакам (пропорции, абрис) она близка кружкам II типа, 2-го варианта (по В.И.Козенковой) из памятников восточного варианта культуры⁵⁹.

Дата кружки определяется по наконечнику ножен акинака в виде оскалившейся морды волка VI-V вв. до н.э.⁶⁰

д) кружка в форме миниатюрного рога с петлевидной ручкой. Венчик прямой, дно яйцевидно-приостренное (табл. XXXVII, 28). Сосуд происходит из разрушенного погребения Минералводского могильника и датируется общими рамками хронологии памятника VI-IV вв. до н.э.

е) кружка оригинальной цилиндрической формы с резко выраженной перемычкой посередине корпуса (табл. XXXVII, 23). Диаметр венчика и дна одинаков - 8 см. Высота кружки 7 см. Сосуд имеет массивную ручку, прикрепленную одним концом у венчика, а другим - у дна. Дно слегка выпуклое, в центре небольшое круглое вдавление. Поверхность черная, с плохим лощением. К.Э.Гриневич называл сосуд "кубком с ручкой", что не совсем удачно. Хронология сосуда определяется по составу погребального инвентаря могилы 5 кургана 1 близ Заюково. Важное место принадлежит бронзовой биконической серье VI-V вв. до н.э.⁶¹

К **столовой посуде**, видимо, следует относить ряд оригинальных сосудов, встреченных в могилах в единичных экземплярах.

Сосуды корчагообразной формы с одной или двумя ручками. Некоторые исследователи называют их **вазами**. По общему облику и тщательной отделке - это бесспорно парадные сосуды. Форма их индивидуальна, что может свидетельствовать об изготовлении на заказ (табл. XXXVIII, 1-4).

Наиболее ранний из них - сосуд из каменного ящика 9 Каменноостского могильника (1949 г.). Он из темно-серой глины, с большой примесью дресвы. Поверхность лощеная. Стенки сосуда тонкие, хорошего обжига. Глина в изломе черная. Диаметр горла 7,3 см, высота 25 см, диаметр дна 9,5 см. Форма сосуда в виде узкогорлой корчаги с резко отогнутым венчиком. Дно неустойчивое. Посередине приплюснуто-сферического тулова две маленькие петлевидные ручки (табл. XXXVIII, 1). Сосуд украшен нарезным сложным орнаментом: на переходе горла к плечикам узкий поясок из заштрихованных треугольников, опущенных друг к другу вершинами. С пояска на тулово спускаются по две "гирлянды" из заштрихованных ромбов и треугольников. Сосуд отличается изяществом контура. Дата его определяется периодом Кобан IIIБ или II этапом развития культуры западного варианта (X-VIII вв. до н.э.) по присутствию в могиле бронзового раннекобанского кинжала (I тип, вар. 2, по В.И.Козенковой). Более узкая дата - середина VIII в. до н.э.⁶²

Корчага из каменного ящика 6 (1971 г.) также имела парадный вид, о чем свидетельствуют изящный контур и сложный орнамент. Так же, как и предыдущая, она была снабжена двумя маленькими петлевидными ручками (табл. XXXVIII, 4). В орнамент кроме нарезных узоров были включены декоративные шишечки по периметру тулова. Дата ее определяется раннескифским периодом.

В группе двуручных следует упомянуть и чернолощеную корчагу-вазу из впускного погребения 1 в кургане 14 из могильника Веселая роща III (раскопки М.А.Романовской в 1980 г.) на Ставрополье⁶³. Морфологически сосуд (рис. 7) ближе всего напоминает корчаги из Змейского поселения центрального варианта⁶⁴, для которых были характерны круглые налпы и иногда парные ушки для подвешивания. Погребение датируется "киммерийским временем", т.е. IX - началом VII вв. до н.э.

Наиболее поздний двуручный сосуд в этой группе происходит из каменного ящика 5 (раскопки В.В.Бобина 1951 г.) Кисловодского могильника (табл. XXXVIII, 3). Дата сосуда определяется по железному акинаку с антенным навершием, с концами, закрученными в волюты, V в. до н.э.⁶⁵

Двуручные корчаги-вазы демонстрируют устойчивый традиционный тип престижного сосуда (бронзового или глиняного), который постоянно сопровождал местную воинскую элиту в загробный мир, по крайней мере, в течение двух столетий.

Кроме двуручных корчаг-ваз выделяются не менее заметные корчаги-вазы с одной ручкой. Пока известна лишь одна такая ваза из подкуртанной каменной гробницы всадника с конем близ сел. Учкекен. Сосуд имел цилиндрическое горло с отогнутым наружу венчиком и сильно раздутое сферическое тулово (табл. XXXVIII, 2). На переходе от шейки к плечикам небольшая петлевидная ручка. По плечикам сосуд опоясан нарезным орнаментом. Композиция из больших треугольников, заполненных "елочным" узором и двух поясков из коротких косых штрихов делала сосуд нарядным, придавая ему парадный вид. Точных аналогий нет. Но форма и орнамент корчаги напоминают корчаги разновидности "б" раннего периода, что дает основание именно с ними связывать ее генезис. В связи с этим невозможно принять точку зрения С.Л.Дударева, который увязывает учкекенскую корчагу-вазу с "закавказскими образцами т.н. "крашеной" керамики Восточного Закавказья"⁶⁶. Дата корчаги-вазы определяется по типу железного топора и по бронзовому ведерку с железной ручкой, имеющимся в учкекенском комплексе, не ранее второй половины VI в. до н.э. Доказательных признаков, которые бы позволили отнести этот памятник к концу VII - началу VI вв. до н.э., как предлагает С.Л.Дударев, мы здесь не находим⁶⁷.

Сосуд горшковидной формы, но с двумя ручками (табл. XXXVIII, 5). Он имел шаровидное тулово, слегка выделенную шейку и прямой, отогнутый венчик. Ручки украшены выступами, а по тулову прочерчены параллельные горизонтальные бороздки. Поверхность сосуда темно-серая, лощение небрежное. В изломе черепок коричневатый. Тесто с примесью блесок толченой слюды и белых частиц. Высота сосуда 12,8 см, диаметр устья 10,5 см, диаметр тулова 14,7 см, диаметр дна 6,5 см. Сосуд находился в погребении 8 Исправненского могильника. Погребение относилось к рубежу IX-VIII вв. до н.э.⁶⁸ Аналогии неизвестны, но не исключено, что форма повторяет более ранние сосуды такого облика. Например, горшковидный двуручный сосуд из Былымского жилищно-оборонительного комплекса протокобанского периода (табл. XL, 1).

Сосуды горшковидной формы с одной ручкой. Похожи на сильно увеличенные кружки (табл. XXXVIII, 6, 9). Один из сосудов в виде банки с ручкой находился в погреб. 4 Тамгацикского могильника. Высота 15 см, диаметр устья 15,8 см. Дата по комплексу - VI-V вв. до н.э.

Второй горшковидный сосуд с ручкой из сел. Верхний Баксан (Урусбиево) являлся

вместилищем клада литейщика⁶⁹. Чернолощенный, хорошего обжига сосуд был украшен поясками из семечковидных вдавлений и углубленных бороздок, т.е. элементов декора, типичных для посуды западного варианта. Высота 12,5 см, диаметр устья 10 см, диаметр тулова 14,5 см, диаметр дна 9 см. По составу изделий клада дату сосуда можно предполагать по наиболее поздним типологически предметам (время сокрытия клада), т.е. не позднее VIII в. до н.э.

Сосуд, напоминающий крупные корчаги разновидности "а", но малого размера (табл. XXXVIII, 7). Он имел короткую шейку, прямой вечик и сильно раздутое приземистое тулово. Поверхность коричневатохристая, пятнистая, со следами хорошего лощения, была от верха на 2/3 тулова украшена "ковровым" нарезным орнаментом. Он состоял из зон, заполненных вертикальными линиями, елочками, заштрихованными треугольниками, крестами. Высота сосуда 14 см, диаметр устья 11,4 см, диаметр тулова 18 см. В гробнице 2 могильника Терезе сосуд находился в комплексе с наиболее ранними бронзовыми украшениями, что позволяет датировать его не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. Точные аналогии неизвестны. Не исключено, что сосуд имел и ритуальные функции.

Сосуд усеченно-конической формы (табл. XXXVIII, 8). Диаметр венчика меньше диаметра дна. Сосуд происходит из могильника на правом берегу Баксана близ сел. Атажукин I (Заюково). В 1888 году здесь были произведены раскопки "траншеи на западном скате"; вместе с раннекобанскими украшениями (пластинчатыми браслетами с завитками, полуовальными пряжками и т.п.) оказался и данный сосуд, по мнению В.И.Долбежева, "подобный Кобани"⁷⁰. Форма его действительно близка тем, что известны в погребениях Северного кладбища Кобанского могильника⁷¹. Видимо, как и стаканообразный сосуд из Заюково, он документирует контактную зону центрального и западного вариантов кобанской культуры. Дата сосуда по аналогиям с североосетинскими - VI-V вв. до н.э.

Сосуд шаровидной формы, с маленьким уплощенным дном и коротким цилиндрическим горлом с прямым венчиком (табл. XXXVIII, 11). На краю горла ручка, прикрепленная нижним концом на уровне начала тулова. Сосуд чернолощенный и украшен прочерченными вертикальными и горизонтальными линиями. Высота примерно 22,2 см, диаметр горла 11,7 см, диаметр тулова 23 см. По публикации А.П.Рунича и Г.Е.Афанасьева, он входил в комплекс по-

гребального инвентаря могилы 28 Минераловодского могильника⁷². Авторы публикации относят это погребение к группе могил V в. до н.э., справедливо отмечая "сарматоидные" признаки формы и орнаментации шаровидного сосуда с ручкой.

Сведения о еще одном одноручном сосуде из Перкальского могильника приводит Н.М.Егоров, но детального описания формы нет⁷³.

Отдел 3. Ритуальные сосуды

Условно в данный отдел выделены сосуды, которые либо по аналогии с уже известными, например, с восточнокобанскими сосудами, безусловно связаны с ритуалами (плошки-курильницы), либо своеобразие форм которых предполагает культовые, а не хозяйственные функции (миниатюрные вазы на высоких поддонах или на ножках, сосуды зооморфных очертаний и т.п.). Некоторые из сосудов уникальны, что также подчеркивает их особое предназначение.

1. Сосуд, темно-серый, лощеный, морфологически близкий крупным корчагам с узким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым прямым венчиком. Тулово удлиненно-грушевидное, дно плоское и широкое. Горло у плечиков опоясывает налепной валик, украшенный вертикальными насечками. На боку, почти по центру тулова, два овальных выступа-упора, напоминающих рыбы плавники. В верхней части тулова такой же налеп-выступ, имитирующий спинной плавник. Наиболее естественное положение сосуда - наклонное на трех точках опоры: крае дна и на "плавниках" (табл. XXXVIII, 10). Высота сосуда 49,5 см, диаметр устья 18 см, диаметр тулова 37,5 см, диаметр дна 21,5 см. Сосуд найден в слое помещения №2 поселения Уллубаганалы 2. В.Б.Ковалевская предположительно отнесла сосуд к маслобойкам, характерным для некоторых памятников эпохи поздней бронзы Закавказья⁷⁴. Формальные основания для этого заключения существуют (особенности формы, размеры, наличие упора-выступа на тулове). Но по некоторым важным показателям сосуд из Уллубаганалы - нечто совсем другое. Во-первых, нет бесспорной важной детали, характерной для маслобойки, а именно отверстия в стенке для сцеживания сыворотки; во-вторых, маслобойки из Закавказья имели прочную поперечную ручку, а не тонкий, неудобный для работы, выступ-упор. У маслобоек нет боковых упоров. Все это свидетельствует о другом назначении сосуда, а именно культовом. В абрисе сосуда проглядывает изображение большой рыбы, а сама идея увязывается с

характерным для кобанской культуры поклонением водной стихии. Об этом свидетельствуют символы на бронзовых (рыбы, змеи, черепахи) и глиняных (изображение волны) предметах. Бронзовый топор из Ведено вообще был сделан в виде головы рыбы с открытым ртом и спинным плавником⁷⁵.

2. Вазы-курильницы на высокой ножке. Учено не менее 8 экземпляров, но целых - только пять. Ножки от таких ваз отмечены в слое поселений Шардакское и Псынодах, а также поселения на горе Медовой близ Кисловодска (Указ., 59/2). Фрагмент вазы с нарезным узором (табл. XXXIX, 1) засвидетельствован в слое поселения южнее "Провала" в Пятигорске⁷⁶.

Различаются две разновидности ваз-курильниц на высокой ножке.

а) вазы, чашечка которых имеет открытое устье (табл. XXXIX, 1-4). Миниатюрные сосуды высотой 3,5-5 см, изготовлены из хорошего качества глины. Поверхность серо-лощенная или чернолощенная. Чашечка орнаментирована нарезным геометрическим узором, иногда затертым белой пастой (гробница III Каррасского могильника, погреб. 6 (1971 г.) Каменноостского могильника). Сосудик из гробницы из Карабашево был украшен налепными шишечками (табл. XXXIX, 4).

б) вазы, приплюснуто-сферическая чашечка которых имеет закрытое устье. Такая вазочка-курильница высотой 4,5 см обнаружена в погреб. 5 Перкальского могильника. Н.М.Егоров называет ее "туалетной чашечкой на подставке"⁷⁷, хотя безусловно это вазочка на поддоне с высоким воротничком вокруг устья и нарезным орнаментом по тулову (табл. XXXIX, 5). На краю венчика два отверстия для подвешивания на веревочке, что также доказывает, что сосудик служил курильницей.

Вторая вазочка, близкая по форме перкальской, но более грубая по отделке. Высота ее 6 см. Тулово по периметру украшено четырьмя налепными шишечками. Происходит вазочка из гробницы в Карабашево (табл. XXXIX, 6).

3. Сосуды-плошки. Миниатюрные лощеные сосуды повторяли формы мисок. Учено не менее 6 экземпляров (табл. XXXIX, 7-12). Выделяются три разновидности.

а) сосуд полусферической формы. Высота 2 см. Диаметр устья 5,3 см. Находился в комплексе погреб. 15 Минераловодского могильника (табл. XXXIX, 7).

б) сосуды-плошки биконической формы (табл. XXXIX, 8, 9, 11). Они имели ребро на тулове, край заметно вогнут, дно плоское. тулово украшено нарезным или налепным

орнаментом. Высота плошек 3-4 см, диаметр устья 5-8,5 см, диаметр дна 2,5-4 см. Такие плошки находились в погреб. 8 Кызылкалинского могильника (табл. XXXIX, 8) и в погреб. 2 и вне погреб. Минералводского могильника (табл. XXXIX, 9, 11). Все они относятся к скифскому периоду.

в) плошки усеченно-конической формы, аналогичные восточнокобанским⁷⁸. Миниатюрная плошка находилась в составе Былымского клада (табл. XXXIX, 10) и датируется не позднее рубежа II-I тыс. до н.э. Вторая, большего размера, обнаружена в карьере, где был открыт Минералводский могильник (табл. XXXIX, 12). Высота сосудов 2,8-3,9 см, диаметр устья 6,5-11,8 см, диаметр дна 3,6-4,5 см.

По описанию в эту же группу, вероятно, следует включить плошку-курильницу из погреб. 4 Перкальского могильника (раскопки 1934 г.). Сосудик высотой 2,4 см и с диаметром устья 3,5 см имел на дне вогнутую внутрь ямку⁷⁹. Ритуально-культурный характер сосуда подтверждается тем, что внутри находились 150 бус, янтарных и стеклянных глазчатых, которые, как известно, служили не только украшениями, но и оберегами.

4. **Сосуд-курильница** (или светильник) в форме четырехугольной коробочки размером 3×6 см. Высота 2 см. Поверхность серолащенная, качество лощения невысокое. Курильница происходит из погреб. 9 Этокского могильника скифского периода. Аналогии в синхронных памятниках неизвестны (табл. XXXIX, 13).

Заканчивая характеристику ритуальных сосудов, еще раз особо подчеркну, что они в большинстве оригинальны. Только ранние их разновидности находят параллели среди восточнокобанских экземпляров (II и V типы, по В.И.Козенковой).

Анализ керамики второй (лощенной) группы показал, что она во многом сходна с керамикой центрального варианта, преимущественно северного склона Центрального Кавказа. Сходство просматривается уже на ранних ступенях формирования западного варианта кобанской культуры.

Сравнение относительно разных по хронологии групп сосудов доказывает в ряде случаев несомненное наличие традиции в формах и орнаментации. В особенности это касается корчаг, горшков, мисок и кубков.

Например, корчаги второй разновидности связаны с более ранней их разновидностью типа чернолощенной до зеркального блеска (табл. XL, 10) из каменного ящика близ хутора Ильич, на западной границе ареала

(раскопки М.Н.Ложкина). Состав комплекса свидетельствует о дате не позднее конца II тыс. до н.э. Некоторые формы горшков имеют общие черты с горшками из протокобанской группы памятников. Особенно показательны сосуды из Былымского жилищно-оборонительного комплекса и из Былымского клада (табл. XL, 2-5, 7). То же самое можно сказать о некоторых мисках. Истоки формы мисок разновидности "в" просматриваются, например, в мисках типа Клинярского кургана (табл. XL, 8). О сходстве мисок кобанской культуры с мисками эпохи средней бронзы и ранних этапов поздней бронзы писали в свое время Б.Е.Деген, Е.И.Крупнов, В.И.Марковин⁸⁰. На примере клинярской миски видно, что наблюдения эти имеют основания. Мало того, миска демонстрирует связь между первой (нелощеной) и второй (лощенной) группами кобанской керамики западного варианта. Она имеет следы лощения, но в то же время украшена тем же приемом, что и сосуды первой группы: рядами семечковидных вдавлений по всему тулову. Уникальная особенность миски из Клиняра и в том, что в серединку дна был вмазан кусочек обсидиана⁸¹, что, вероятно, также связано с какими-то сакральными функциями. На ней отмечен и еще один прием, позднее известный на некоторых сосудах западного варианта: нанесение узора на днище. Истоки форм круглодонных кубков и кубков-горшочков также прослеживаются в протокобанском периоде. Круглодонный лощеный кубок обнаружен в кургане у станицы Кисловодской на правом берегу Подкумка среди инвентаря позднего этапа северокавказской культуры⁸². Кубки плоскодонные имели место в Былымском жилищно-оборонительном комплексе (табл. XL, 6). Лощеный кубок отсюда отличался архаичными чертами орнаментации в виде прочерченной спиралевидной "бегущей волны", характерной и для металлических изделий этого периода. Среди Былымской посуды протокобанского периода находят свои прототипы и лощеные кружки с высокой петлевидной ручкой (табл. XL, 9), и двуручные горшки (табл. XL, 1). Следует указать на некоторое влияние протомеотской традиции (короткогорлые корчаги) и закавказской (двуручные горшки) в местном гончарстве. Есть также основания предполагать, что территория западного варианта была центром постепенного оформления того стиля в керамике скифского периода, который получил в научной литературе название "кавказского гальштатта". Элементы кристаллизации этого "стиля" прослеживаются с VIII в. до н.э., что предполагает его появление в VI-V вв. до н.э.

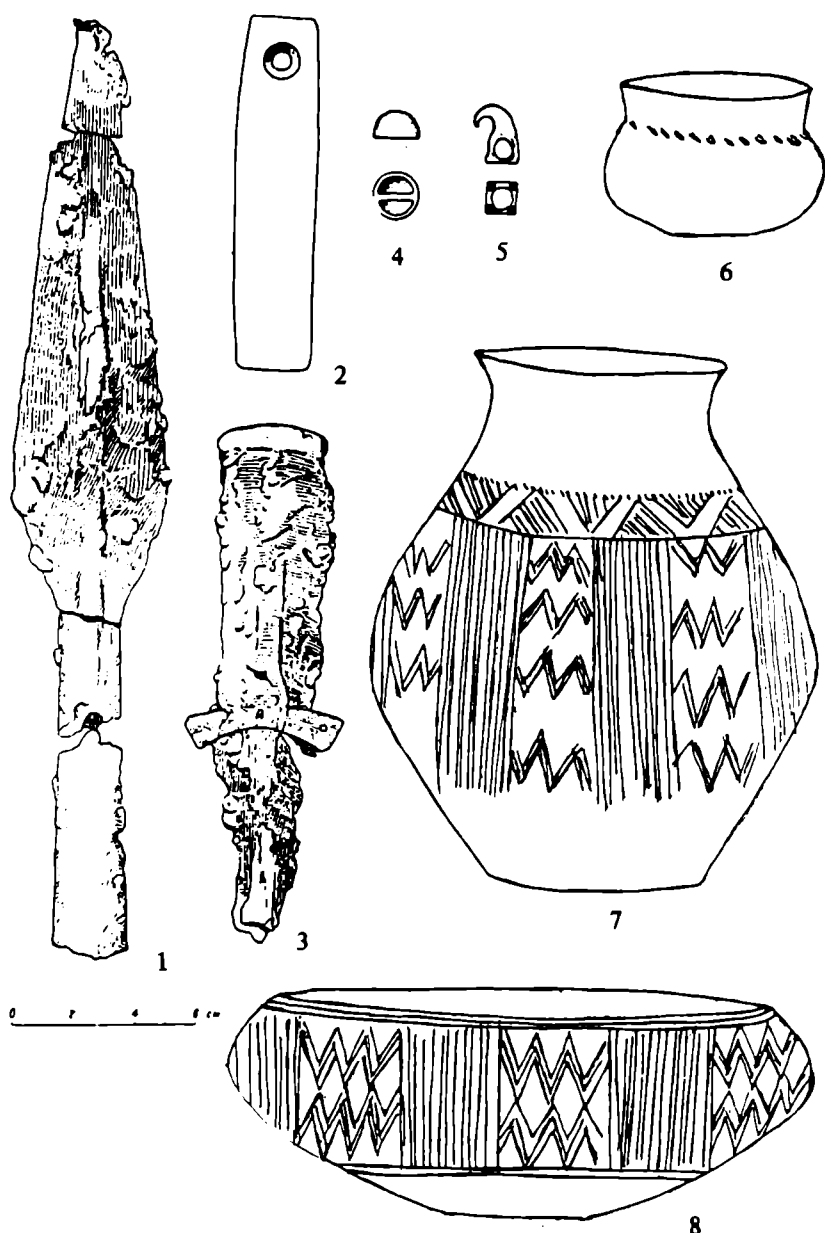

Рис. 8. Каменномостский могильник. Курганное погребение 1 (1921 г.). Рисунки сосудов из архива А.А.Иессена.

в Западной Европе не без влияния Северного Кавказа через подвижных степных кочевников, для культуры которых в Предкавказье такая посуда была типична⁸³.

О том, что это был особый, со своей спецификой, район гончарного домашнего ремесла, свидетельствуют и некоторые технологические признаки. В отличие от восточной периферии ареала, где преобладала в тесте примесь дресвы и шамота, а в декоре — налепной орнамент, для западного варианта характерна примесь песка, толченого кварца или слюды. Шамот использовался редко. В декоре преобладал нарезной, прочерченный и штампованный орнамент. Именно здесь косвенные данные свидетельствуют о наличии у гончаров особого инструмента для орнаментации, имеющего на рабочем конце два или три зубца, что на сосудах придавало

двойной или тройной контур рисунку. Одной из особенностей местных мастерских было изготовление специальных престижных "сервизов" для верхушки общества. Показателем "сервиз" из каменного ящика 9 Каменномостского могильн. (1949 г.). Все три компонента (корчага, миска и кубок) были изготовлены в одном орнаментальном стиле. То же самое имело место здесь в комплексе 1 подкурганного погребения, раскопанного в 1921 году (рис. 8). Между двумя погребениями хронологический разрыв не менее ста лет, но традиция тем не менее заметна.

Объем монографии не позволяет подробно осветить еще одну тему, требующую специального подхода. Это тема смысловой нагрузки орнаментации на кобанской керамике (табл. ХLI, 1-6). Попытки не просто описания, а раскрытия ее внутреннего содержания предпринимались неоднократно (А.А.Миллер, А.А.Иессен, Б.А.Рыбаков, В.Б.Виноградов, В.И.Козенкова и др.). Однако она еще ждет своего исследования. Тем не менее и сейчас ясно, что декор на сосудах не просто "украшательство" на уровне подсознательного, а строгая система знаков, табу, пиктографических зашифрованных заклиний, календарных и космических символов, передающих определенную информацию из поколения в поколение⁸⁴. Особо примечателен в этом плане кувшинчик из станицы Урухской (табл. ХLI, 5), украшенный фризом из прочерченной вереницы фигур животных (быков), пе-

ретаскивавших поклажу. Наиболее близкие зрительные соответствия сцене возникают при сравнении с описанием в этнографической литературе уборки сена в горах. Важная роль при этом отводилась объединению тягловой силы (образование так называемой "супряги"). С крутых склонов скошенное сено перемещали вниз на волокушах при помощи быков. Иногда волокуша заменялась срубленным деревом, на ветки кроны которого укладывалась копка конусовидной формы (табл. ХLI, 6). Подобная коллективная работа была памятным событием в быту горцев, сопровождалась сакральными действиями, надолго запоминавшимися участниками. И даже резкий разрыв в традициях, служивший одним из толчков к смене стереотипа в культуре, оказывался бессильным перед народной памятью.

Одна из особенностей не столько домашнего ремесла западных "кобанцев", сколько характера ритуала - состав посуды в могилах. В отличие от восточного варианта, на западе "сервизы" состояли из малого числа сосудов. Кроме того, выделялись памятники, где нарушался принцип стандарта, а именно помещение трех разных форм посуды - корчаги, миски и кубка (кружки). Это нарушение отмечено в могильниках Мебельная фабрика, Клинярский 3, Белореченский 2. Здесь "загробный" набор посуды ограничивался только миской или еще каким-нибудь одним сосудом.

Посуда западных кобанцев отличается высокой эстетикой внешнего вида, будь то лощеная или лощеная ее группы. Индивидуальность стиля иногда маркировала, как и некоторые бронзовые изделия кобанской культуры (топоры, бронзовые пояса, бронзовая посуда, украшения, узды) пребывание северокавказцев далеко от родины либо опосредственные контакты их с территориями, отдаленными от Северного Кавказа⁸⁵. Тем самым посуда оказывается еще одним важным показателем межкультурных контактов на далекие расстояния в конце II - первой половине I тыс. до н.э.

Раздел II. Металлическая посуда

Особенностью западного варианта кобанской культуры является заметное присутствие в обиходе населения металлической посуды. Главным образом бронзовой, но изредка отмечены и биметаллические, бронзово-железные изделия. Большинство сосудов фрагментарно, но целые экземпляры дают достоверное представление об основных формах, размерах и особенностях техники изготовления изделий.

По сравнению с центральным вариантом, особенно с его юго-осетинской группой, число сосудов в северо-западной части ареала незначительно. В Свод включены изделия из могил, кладов, случайные находки (Приложение 2, таблица 13).

Особо подчеркнем, что в издание вошли также бронзовые котлы степного типа, не являющиеся местными по культуре, но сочетавшиеся в едином комплексе с бесспорными предметами местной кобанской культуры. Не будучи предметами коренной культуры, но находясь в ее ареале, котлы являлись как бы индикаторами определенных взаимоотношений и показателями взаимопроникновения двух разных культур на определенном историческом отрезке. Тем самым характеристика специфики северо-западной локальной

группы приобретает новые выразительные краски.

Всего в Свод включены 54 находки целых и обломков металлических сосудов. Морфологически представлены шесть категорий: миски, чаши, кружки, сосуды-ведерки, ситулы и котлы.

Миски (15 экз.). Обнаружены в пяти памятниках изучаемой территории. Форма их стандартна (табл. XLII, 1). Они изготовлены (выколочены) из одного тонкого листа бронзы. Широкое открытое устье было конусовидно расширено, край прямой, от шейки вниз усеченно-коническое тулово с округлыми плечиками. Дно маленькое, соотношение его диаметра с диаметром устья - 1:2,5, 1:3. Изящная крутобокая миска из гробницы 1 (траншея I) Султангорского 1 могильника имела диаметр устья 11,4 см, диаметр тулова 14 см. Диаметр слегка вогнутого дна 5,5 см, а высота - 7,2 см.

Три миски из гробницы 3 могильника Терезе имели при одинаковой форме разные размеры: диаметр устья 16-21,5 см, диаметр тулова 18-23 см, диаметр дна 6-8 см, высота 9-11,5 см.

Близки между собой 7 мисок из клада литейщика близ с. Кызбурун III. Хронология мисок определяется по сопутствующим датированным изделиям VIII в. до н.э. Они находят близкие параллели как в зоне распространения кобанской культуры, так и за ее пределами в Закавказье, куда проникали из металлообрабатывающих мастерских центральной группы. Именно здесь, особенно в юго-осетинской подгруппе "Б" центрального варианта, отмечены в погребениях Тлийского могильника как наиболее ранние экземпляры XII-X вв. до н.э., так и наиболее поздние из них - VI-V вв. до н.э.⁸⁶ Центральный Кавказ снабжал этими престижными изделиями не только весь регион, но и более отдаленные районы.

Чаши (6 экз.). Бронзовые сосуды, близкие по форме мискам⁸⁷, но отличавшиеся меньшими размерами, более открытым устьем, а по расположению в могилах (например, в могильнике Уллубаганалы 2) были функционально отличны от мисок: они предназначались для питья. Все чаши обнаружены в могильнике Уллубаганалы 2 (погребения 2-4, 11, 13, 14), хронология которого определяется концом VII - началом VI вв. до н.э. Различаются два типа чаш для питья.

I тип (5 экз.). Бронзовые усеченно-конические чаши с заметным ребром на тулове (табл. XLII, 2). Диаметр устья 14-15 см, высота 6,5-7 см, диаметр дна 5,5-6 см. Стенки тонкие, вес чаш очень легкий. К первому типу относились чаши из погребений 2, 3,

11, 14. Поверхность чаши из погребения 2 была слегка каннелирована. По технологии и форме они связаны с местной традицией в торевтике.

II тип (1 экз.). Бронзовая чаша полусферической формы, изготовленная из тонкого листа. Венчик острый и резко отогнут наружу. Дно выделено и слегка вогнуто внутрь. Поверхность покрыта рифлением, выдавленным изнутри. В верхней части корпуса под венчиком пояска из выпуклых перлов, нанесенных пуансоном с внутренней стороны сосуда. Диаметр устья 13,4 см, диаметр дна 6 см, высота 3,5 см (табл. XLII, 3). Чаша находилась во всадническом погребении 4 с предметами, важными для хронологии: грибовидными роговыми штырями, фибулой с ромбической в сечении дужкой, 2 бронзовыми двулопастными втульчатыми с шипом наконечниками стрел скифского типа. Дата погребения надежно определяется 80-70 гг. VI в. до н.э. Именно этим временем датируются наиболее близкие аналогии чаше II типа из более чем 8 погребений Тлийского могильника⁸⁸. Во многом близок и остальной инвентарь погребений. Видимо, появление таких чаш связано с краткосрочной модой на изделия "ахеменидского" облика в торевтике в закавказских государственных центрах, скорее всего в Колхидском царстве. На южный склон Центрального Кавказа эта мода проникала в результате взаимодействия населения двух областей уже в VI в. до н.э.⁸⁹ На северный склон волна подражания пришла из юго-осетинской группы "Б" кобанской культуры, и в почти синхронное время фиксируется в памятниках предгорий, например в бронзовой торевтике кургана 20 Нартанского могильника.

Бронзовые "пиршественные" (по В.Б.Ковалевской) чаши являлись атрибутом богатых мужских (воинских, всаднических) погребений могильника Уллубаганалы 2. Исключение составляло лишь женское погребение 11, самое богатое, с великолепным ожерельем из бронзовых зооморфных головок и золотыми спиралевидными височными подвесками. Однако эта чаша (I типа) была наилучшей сохранности. Ее дно имело следы старой починки, что является свидетельством особого отношения к сосуду. Этот факт, а также расположение чаш в могилах (на локте вверх дном) говорит в пользу сакральной роли сосудов при совершении религиозных обрядов еще при жизни их владельцев. Можно полагать, что чаши являются индикаторами социального ранжирования в позднекобанском обществе⁹⁰.

Кружки (19 экз.). Обнаружены в более чем 10 пунктах ареала западного варианта. Боль-

шинство их представлено фрагментами. Сохранились ручки и доньшки. Единственный полностью сохранившийся экземпляр из гробницы 3 могильника Терезе показывает, что в изучаемой группе сосуды не отличались какими-либо особенностями от тех, что были найдены в других памятниках, как в ареале Кобани⁹¹, так и в других инокультурных зонах⁹².

Кружка из Терезе была склепана из одного куска бронзовой пластины. Сосуд имел высокую усеченно-коническую шейку с прямым венчиком, удлиненный корпус с округлыми плечиками и усеченно-коническое дно, а точнее поддон, и массивную литую ручку, приклепанную одним концом на плечике, а другим - у дна. Ручка и дно были массивными. Характерная особенность ручки - два острых зооморфных ушка в верхней части, что придавало ей форму звериной головки. Поверхность тулова каннелирована (табл. XLII, 4). С одного бока сохранился естественный цвет золотистой бронзы. Высота 12 см, диаметр устья 10 см, диаметр дна 6,5 см. Аналогичные кружки многочисленны и типичны для погребений X-IX вв. до н.э. Тлийского могильника. Но самыми близкими по форме и отделке были кружки из Лечхумского клада VIII в. до н.э.⁹³ и из урартского колумбария в Малакю в Армении (VIII в. до н.э.). Последняя кружка особенно близка терезинской⁹⁴. Среди западнокобанских находок упомянем фрагмент каннелированной кружки, точнее часть стенки, из клада Кызбурун III⁹⁵. В настоящее время убедительно доказано, что родиной и основным центром распространения изящных бронзовых кружек, начиная с XI в. до н.э. и кончая скифским временем, являлся Центральный Кавказ, где только в одном Тлийском могильнике их обнаружено свыше 40 экземпляров⁹⁶. Относительно происхождения формы кружек большинство исследователей склоняются к тому, что ближайшей морфологической моделью послужила глиняная кружка, характерная для культуры древней Колхиды конца II тыс. до н.э.

Ведро (4 экз.). Сосуды с конусовидным корпусом и небольшим дном. Округлые плечики переходят в шейку меньшего диаметра, чем диаметр плеч. Ручка держится на двух петлях-ушках. Высота сосудов 27-28 см (табл. XLII, 5, 6). Находки ведер единичны. Полная их характеристика возможна лишь по двум из известных. Упоминание же о двух ведерках-сосудах из "большой коллективной могилы" в Эшкаконе - лишь свидетельство: местонахождение самих предметов в настоящее время неизвестно⁹⁷.

Одно из ведер входило в комплекс гробницы 3 в Терезе (табл. XLII, 5). Сосуд склепан из двух кусков тонкой бронзовой пластины. Заклепки мелкие, круглые, расположены по вертикали. Дно также приклепано к нижнему краю корпуса. Венчик сосуда прямой и утолщен за счет завернутого в трубочку края. Ушки из двух массивных полосок металла подпрямоугольной формы. Сквозь них продернута бронзовая дужка из круглого в сечении прута. Высота ведра 28,5 см, диаметр устья 23 см, диаметр тулова 27 см, диаметр дна 13 см. Ведро, видимо еще при жизни владельца, использовалось для варки или кипячения жидкости, т.к. поверхность сосуда густо закопчена черной сажей, въевшейся в металл. Дата предмета определяется по комплексу погребального инвентаря второй половиной VIII в. до н.э.

Близкой аналогией ведру из Терезе является сосуд из клада близ сел. Советское (Кескем) в Ингушетии⁹⁸. Он также связан с кобанской культурой, т.к. внутри лежали массивные бронзовые топоры типа Б, точно такие же, как в терезинской гробнице. Отличается сосуд из Терезе формой ушек: в кескемском это - ушки-петли, что дает основание считать его несколько более поздним, чем западнокобанский. Ведерки с ушками-петлями массово представлены в погребениях конца VIII - начала VII вв. до н.э. Тлийского могильника⁹⁹. Это свидетельствует о том, что юго-осетинская подгруппа кобанской культуры являлась центром распространения данной категории сосудов в сопредельные регионы, наряду с мисками и изящными кружками с зверовидными ручками. Как правило, сосуды-ведерки входили в наиболее престижный "сервиз", сопровождавший знатных владельцев в загробный мир, что было в обычае у местных народов даже в позднекобанское время.

Поздняя модификация бронзового ведерка представлена в комплексе всаднической подкурганной каменной гробницы близ аула Учккен. Сосуд изготовлен из одного листа бронзовой пластины (табл. XLII, 6). В отличие от ранних ведер его форма близка цилиндрической. Шейка менее выделена, плечики более покаты, дно широкое. На плечиках две петельки-ушка с остатками не бронзовой, а железной дужки. Железным было и отдельно изготовленное приклепанное дно. Высота ведра 22,5 см, диаметр устья 15 см, диаметр тулова у плеч 18 см, диаметр дна 11,5 см.

Учккенская гробница датируется по предметам вооружения и деталям изделий, выполненных в степном зверином стиле¹⁰⁰

первой половиной VI в. до н.э., хотя имеются и другие мнения¹⁰¹.

Ареал западного варианта был более связан с центральным, чем восточный. Местные металлообрабатывающие мастерские более интенсивно использовали навыки и продукцию металлообрабатывающих очагов Центрального Кавказа и направляли поток изделий кобанского типа, в том числе и бронзовые ведерки, далее в Предкавказье. Этот поток прослеживается по крупным ситулообразным бронзовым сосудам, находки которых зафиксированы далеко от мест их первоначального изготовления.

Ситулы (7 экз.). Бронзовые крупные сосуды, выкованные из одной или двух пластин, плотно скрепленных по вертикали круглыми заклепками. Форма их и технология изготовления близки сосудам-ведеркам, но имеются и отличия (табл. XLII, 7-9). Они значительно большего размера, устье более открытое, на выпуклых округлых плечиках по две литых ручки того же стиля, что и на бронзовых кружках. Днища массивные, литые, приклепанные к нижнему краю заклепками. Высота сосудов от 35 до 40 см, диаметр устья 26-28 см, диаметр дна 13 см. Обнаружены на изучаемой территории в 6 пунктах. Они имели место в Бедыкском могильнике, в погребении из Заюково. Великолепная ситула, склепанная из двух пластин, входила в состав погребального комплекса гробницы 3 в Терезе (табл. XLII, 7). Близкие ей ситулы имели место в Краснознаменском курганном могильнике¹⁰². Чрезвычайно близка им и ситула, случайно обнаруженная в окрестностях Пятигорска (табл. XLII, 8). Отличается от них ситула из клада литейщика, найденного близ Тырнауза в Баксанском ущелье. Она без зверовидных ручек, их заменили петли. На поверхности следы починки в виде нескольких приклепанных прямоугольных заплаток (табл. XLII, 9). Назначение ситул кобанской культуры скорее всего кухонное: для варки пищи на костре (что позволяет считать их модификацией местных котлов). Это красноречиво подтверждает ситула из Терезе, поверхность которой была густо покрыта черной коркообразной копотью.

Хронология сосудов определяется по технологическим особенностям и форме, имеющим аналогии в памятниках центрального варианта, но главным образом по сопровождающим датирующим изделиям.

Ранние ситулы-котлы (Терезе, Пятигорск, Красное Знамя и т.п.) со звериными ручками близки по пропорциям и морфологии. Не исключено, что они выходили из одной какой-то мастерской, изготавливавшей ситулы данной формы довольно длительное время,

от второй половины VIII в. до н.э. и до начала VII в. до н.э. (Нартан, курган 20)¹⁰³. С ними имеют наибольшее сходство ситупы-котлы, известные на территории Украины (Жаботин, Таганча, Квитки).

В Закавказье весьма близка западнокобанским ситупа из Лечхумского клада IX-VIII вв. до н.э. По мнению Б.В.Техова, такие ситупы отсутствуют в Южной Осетии, но хорошо известны на территории Западной Грузии с конца II и начала I тыс. до н.э.¹⁰⁴, однако он не приводит в подтверждение своего мнения ни одного памятника. Но кроме лечхумской находки, другие близкие изделия нам не известны, что свидетельствует о единичности таких находок и в закавказских инокультурных памятниках. Скорее можно полагать, что именно северо-западная часть Кавказа была центром распространения таких сосудов и в Закавказье, и в степи к северо-западу от предгорий. К этому выводу пришел в свое время Е.И.Крупнов в результате скрупулезного анализа Жемталинского клада¹⁰⁵. Этот вывод подтверждается и новейшими находками, такими, как краснознаменский сосуд, а также ситупой из кургана Уашхиту в Адыгее, дата которого, на мой взгляд, неоправданно омоложена автором раскопок и исследователем В.Р.Эрлихом¹⁰⁶.

На склонах Северного Кавказа ситупы продолжали бытовать и в VII-VI вв. до н.э., но не имели характерных зооморфных ручек. Форма их становится более приземистой, а дно широким. Таковы ситупы из Бедыкского могильника и Тырнаузского клада литейщика (табл. XLII, 9). Они уменьшаются и в размерах: их высота не более 30 см, диаметр тулова почти равен высоте. Зооморфные ручки заменяются ручками-петлями из круглого в сечении прута, и только отсутствие дужек и большие размеры не позволяют отнести их к сосудам-ведрам.

Котлы (3 экз.). Бронзовые полусферические сосуды на высоком поддоне-ножке. Изготовлены литьем. Устье широко открытое. На его краю две кольцевые или дуговидные ручки с грибовидными выступами. На тулове рельефный поперечный поясок. Высота котлов не менее 36 см, диаметр устья около 35 см.

Обнаружены в трех пунктах изучаемой территории. Два из них сочетались в комплексе с изделиями либо кобанского типа, либо таких, которые могут быть связаны с местной культурой. Обломки одного из трех по местонахождению (гора Бештау) также могут иметь отношение к местному населению изучаемой эпохи.

1. Котел, хорошей сохранности, обнаружен в расщелине скалы на северо-западном

склоне горы Бештау в 1951 году. Хранится в Пятигорском музее (табл. XLII, 10). Составлял единый комплекс с найденными в нем предметами всаднического и воинского защитного снаряжения и оружия: двукольчатые удила, кобанское железное копье, железный кинжал, наконечники бронзовых стрел новочеркасского типа, бронзовые части мягкого доспеха с декором, аналогичным тому, что известен на бронзовых пластинах безусловно местного Клинярского могильника¹⁰⁷, на посуде из бронзы в Тли¹⁰⁸ и Нартане¹⁰⁹. Хронология этого круга памятников определяется достаточно уверенно VIII - первой половиной VII вв. до н.э.¹¹⁰

2. Котел похожей формы, но на цилиндрической ножке, и отличался формой ушек (табл. XLII, 11). Обнаружен в 1927 году на северной вершине горы Бештау в обломках. Он также был запрятан в скалах, т.к. обнаружен при работах в каменоломне¹¹¹.

3. Котел, полуразрушенный, обнаружен в 1977 г. высоко в горах, в Баксанском ущелье на территории городища, в 3 км от сел. Кызбурун III. Несмотря на фрагментарность, очень похож на бештаусский котел, найденный в 1951 г. Такие же полусферическая форма тулова, конический поддон, круглые (кольцевидные) ручки, украшенные концентрическими желобками и грибовидными выступами. Отличие в том, что под одной из ручек был изображен крупный тамгаобразный знак в виде треугольника вершиной вниз с отходящими в стороны "усиками". Примерная высота более 50 см. В котле лежали 7 кобанских бронзовых мисок и обломок кружки с каннелированной поверхностью, такой же, как в Терезе, Лечхуме и Малакю¹¹².

Местонахождение клада и его состав - лишнее свидетельство исторических процессов, происходивших на территории Северного Кавказа в переходный период от доскифского к скифскому времени. Котлы, являясь по происхождению сибирскими (минусинский тип, по В.П.Левашевой и Э.Р.Рыгдылону¹¹³), что убедительно доказал А.А.Иессен, документируют существование очень ранних культурных связей местного населения Северного Кавказа с Южной Сибирью и Казахстаном¹¹⁴. А по мнению А.И.Тереножкина, все это происходило уже в черноморское время (т.е. в IX-VIII вв. до н.э.)¹¹⁵.

Котлы степного типа VIII в. до н.э. и каменные антропоморфные стелы т.н. киммерийского типа с изображением кобанского оружия (например, Кызбурунская стела), на мой взгляд, суть отражения одного явления: поглощения местной кавказской (кобанской) культурой очередной волны пришлых куль-

турных элементов степных племен. Эти элементы все более увязываются с т.н. аржано-черногоровской кочевой волной, прокатившейся по евроазиатскому поясу степей в IX-VIII вв. до н.э. Она оставила следы во многих местных культурах. Но в контексте традиционных культур эти элементы теряли этническое содержание. Были ли они элементами культуры протоскифов или киммерийцев - для кавказской кобанской культуры не суть важно. В ареале западной группы прослеживается лишь встреча местной (в ее новочеркасском облики) кобанской культуры с пришлыми восточными (аржанскими) эле-

ментами, да и то не на первоначальном этапе соприкосновения, а на стадии завершения процесса поглощения инноваций. К периоду зарытия Новочеркасского клада и котлы, и стелы уже не несли этнической нагрузки, а были изделиями только престижного характера, приспособленными для воинского (вождистского) обихода, а потому мысль В.М.Батчаева о возможном местном изготовлении котлов типа кызбурунского¹¹⁶ представляется нам не такой уж невероятной, учитывая местную сырьевую базу и огромный технологический опыт¹¹⁷ местных бронзолитейщиков.

¹ Козенкова В.И., 1989, с.66-68, рис. 8.

² Батчаев В.М., 1986, с.60-61, рис.2, 1-4.

³ Козенкова В.И., 1989, табл. III-XX.

⁴ Палимпсестова Т.Б., 1978, с.202.

⁵ Архив ЛОИА АН СССР, рукописный архив А.А. Иессена, папка №13.

⁶ Козенкова В.И., 1982, с.77, табл. LII, 5.

⁷ Дударев С.Л., Рунич А.П., 1992, с.18.

⁸ Козенкова В.И., 1989, табл. XXXVIII, Б, 14.

⁹ Козенкова В.И., 1982, табл. LIV, 10, с.80.

¹⁰ Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961, с.24, рис.7, 3; Козенкова В.И., 1986, с.147, рис.11, 2; Козенкова В.И., 1996, с.28, рис.10, 10.

¹¹ Козенкова В.И., 1982, табл. LIV, 3, с.79.

¹² Деген Б.Е., 1941, с.286-288.

¹³ Марковин В.И., 1960, с.73, рис.32, 1.

¹⁴ Пряхин А.Д., 1968, с.183, рис.1, 7, 8.

¹⁵ Пряхин А.Д., 1971, с.179-180, рис.41, 1, 6, 10.

¹⁶ Козенкова В.И., 1989, табл. XL Б, 10.

¹⁷ Виноградов В.Б., 1972, с.332, рис.16, 1.

¹⁸ При первоначальной публикации сосуд отнесен мной неверно к горшкам I типа (Козенкова В.И., Найденко А.В., 1980, с.201).

¹⁹ Крупнов Е.И., 1950, с.259.

²⁰ Gallus S., 1934, s.50.

²¹ Козенкова В.И., 1996, с.93, табл.2.

²² Например, две корчаги входили в комплексы погребений, раскопанных по ул. Фабричной в Пятигорске (Дударев С.Л., 1992, с.10-11, рис.8, 9).

²³ Кузнецова Т.М., 1991, с.96, 98, рис.20, 21.

²⁴ Козенкова В.И., 1989, с.14-15, рис.2, 8-11; Батчаев В.М., 1986, с.63.

²⁵ Батчаев В.М., 1974, с.103-104.

²⁶ Марковин В.И., 1969, с.44, рис.18, 4.

²⁷ Давудов О.М., Хангишев Г.Дж., 1991, с.60.

²⁸ Гриневич К.Э., 1951, с.138.

²⁹ Козенкова В.И., 1990, с.73, табл.3.

³⁰ Иессен А.А., 1940, табл. XIII, 2.

³¹ Крупнов Е.И., 1960, с.328, рис.55, 1.

³² Козенкова В.И., 1989, с.68.

³³ Дударев С.Л., 1992, с.13, 14; Козенкова В.И., Ложкин М.Н., 1981, с.201, рис.4.

³⁴ Козенкова В.И., 1982, с.77, табл. LII, 1.

³⁵ Там же, с.78, табл. LIII, 3-4.

³⁶ Крупнов Е.И., 1960, с.453, табл. XXXI, 1.

³⁷ Иессен А.А. Рукописный архив. Папка №15 "Северный Кавказ". Архив ЛОИА АН СССР.

³⁸ При публикации (Иессен А.А., 1941, рис.4 и табл. III, 4-6) комплекс оказался разрозненным. На представленном в Своде рисунке 8 нами впервые показан весь комплекс целиком.

³⁹ Козенкова В.И., 1989, табл. XVIII, 18.

- 40 Флеров В.С., Дубровская О.Р., 1993, с.293, рис.15.
- 41 Козенкова В.И., 1989, табл.V, 16; табл. VI, 22; табл. VII, 16; табл. XII, 7 и др.
- 42 Там же. Табл. XXXVIII, A16, B15, с.12-14.
- 43 Там же, с.53.
- 44 Козенкова В.И., 1995, с.50, табл. VIII, 4 (подгруппа А, тип I, вар. 2).
- 45 Козенкова В.И., 1996, с.106, табл. 4.
- 46 Козенкова В.И., 1989, с.41, указатель №11.
- 47 Там же, табл. XXXIX, 8.
- 48 Козенкова В.И., 1982, с.23, рис.8, 5, 6.
- 49 Батчаев В.М., 1974, с.102, рис.24, 4.
- 50 Козенкова В.И., 1996, рис. 6, 8, 17, 2, 6.
- 51 Крупнов Е.И., 1960, с.195.
- 52 Лесков А.М., 1971, с.78-82, рис. 1, 2.
- 53 Крис Х.И., 1981, с.26-29, табл. 23, 29.
- 54 Алексеева Е.П., 1949, с.201, табл. XI, 10, 59; VII, 1. Козенкова В.И., 1996, рис.17, 5.
- 55 Кузнецов В.А., 1974, с.113.
- 56 Дитлер П.А., 1961, с.139-140, табл. II, 7; Ловпаче Н.Г., 1981, табл. 3, 7.
- 57 Кореневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А., 1986, с.56, рис.4, 4.
- 58 Козенкова В.И., 1989, табл. XLIV, A6, B4, B23, 25.
- 59 Козенкова В.И., 1982, с. 80, табл. LIV, 9.
- 60 Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н., 1976, с.49; Козенкова В.И., 1995, с.65, табл. XV, 6.
- 61 Гриневич К.Э., 1951, с.138. рис.15.
- 62 Козенкова В.И., 1995, с.50.
- 63 Кореневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А., 1986, с.56, рис.4, 3.
- 64 Деопик Д.В., Крупнов Е.И., 1961, с.19, рис.3, 3 (второй тип).
- 65 Козенкова В.И., 1995, с.62, табл.XV, 4.
- 66 Дударев С.Л., 1991, с.103.
- 67 Там же, с.106.
- 68 Козенкова В.И., Найдено А.В., 1980, с.202, 203, 205, 206.
- 69 Козенкова В.И., 1989, табл. XXI.
- 70 Пропорции сосуда восстановлены нами по рисунку В.И.Долбежева в его дневнике раскопок. Архив ЛОИА АН СССР. Дела Археологической комиссии 12/1888. О раскопках В.И.Долбежева в Терской области в 1888 году. Л. 48 об. и л. 49.
- 71 Алексеева Е.П., 1949, табл. VIII, 1, с.201.
- 72 Заметим, однако, что в отчете А.П.Рунича сосуд указан, как происходящий из погреб. 2 (раскопки 1957 г.). Он обозначен вместе с обломком бронзовой булавки и пастовыми бурами (см. А.П.Рунич. Отчет об археологических разведках в районе Кавминвод в 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1 №1480). В тексте же статьи по погреб. 28 вместе с этим сосудом указаны железные трехгранные наконечники стрел VI - первой половины V в. до н.э. (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1976, с.30).
- 73 Егоров Н.М., 1955, с.60.
- 74 Ковалевская В.Б., 1984, с.160, фото-вклейка 11.
- 75 Козенкова В.И., 1982, табл. XVII, 7.
- 76 Козенкова В.И., 1989, табл. V, 8; IX, 11.
- 77 Егоров Н.М., 1955, с.60, рис.18. 2.
- 78 Козенкова В.И., 1982, табл. LV, 9, 10.
- 79 Егоров Н.М., 1955, с.60.
- 80 Деген Б.Е., 1941, с.287-288; Крупнов Е.И., 1960, с.194; Марковин В.И., 1960, с.38, рис.9.
- 81 Обычай этот сохраняется в местной культуре до раннескифского периода. В погреб. 1 могильника "Лермонтовская скала (у реки)" в 1989 году была обнаружена миска с вмазанным в днище куском известняка: Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998, с.169, рис.7, 2.
- 82 Деген Б.Е., 1941, табл. XIV, 17.
- 83 Петренко В.Г., 1989, с.219, табл.89.
- 84 Рыбаков Б.А., 1973, с. 158-162; Козенкова В.И., Мишина Т.Н., 1984, с.247-251; Скаков А.Ю., 1997, с.14-20; Березин Я.Б., Дударев С.Л., 1998, с.169.
- 85 Козенкова В.И., 1996, с.132-144.
- 86 Техов В.Б., 1977, с. 76, рис. 64.

- 87 Представляется неправомерным отнесение Б.В.Теховым таких чаш из Тлийского могильника к категории мисок (Техов Б.В., 1980, с.49), т.к. функционально чаши-фиалы являются самостоятельной категорией, связанной не только с утилитарными целями, но и с сакральными.
- 88 Техов Б.В., 1985. (Каталог т. III). Погреб. 81, 92, 118, 130, 290, 298, 304, 306, 327 и др.
- 89 Лордкипанидзе О.Д., 1984, с. 84.
- 90 Ковалевская В.Б., 1984, с. 52-57.
- 91 В ГИМе (инв. №634) хранится часть кружки с каннелированной поверхностью. Она происходит из Кобанского могильника: Крупнов Е.И., 1952, с. 23-24.
- 92 Коридзе Д.Л., 1965, табл. IV, 10 (клад X-VIII вв. до н.э. из Квишари), табл. XVIII, 12 (клад X-VIII вв. до н.э. из Лухвани с кобанскими топорами); Техов Б.В., 1977, с.73-74, рис. 63.
- 93 Пиотровский Б.Б., 1959, с. 243, рис. 83.
- 94 Мартиросян А.А., 1964, с. 240.
- 95 Батчаев В.М., 1985, с. 13, табл. 5, 3 (ошибочно принята автором за чашу).
- 96 Техов Б.В., 1977, с. 76; Крупнов Е.И., 1952, с. 29-30.
- 97 Предметы из раскопок М.М.Рыбенко видел Б.В.Техов: см. Техов Б.В., 1970, с. 109.
- 98 Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 1977, с. 276-279, рис. 1.
- 99 Техов Б.В., 1985, каталог т. III, табл. 213 и 214.
- 100 Козенкова В.И., 1995, с. 65, 73.
- 101 Так, по мнению С.Л.Дударева, возможна более ранняя дата: конец VII - начало VI в. до н.э. (Дударев С.Л., 1991, с. 106), однако биметалличность ведерка - признак более характерный для самых поздних изделий этой категории, например, в Тлийском могильнике (погреб. 128 - с акинаком - пер. пол. VI в. до н.э.; погреб. 333 конца VI - начала V в. до н.э.): см. Техов Б.В., 1980, с. 27-28, 47, рис. 8; он же, 1985, с. 56, табл. 211.
- 102 Петренко В.Г., 1989, с.218, табл.89, 13.
- 103 Батчаев В.М., 1985, табл. 48, 41.
- 104 Техов Б.В., 1977, с. 74.
- 105 Крупнов Е.И., 1952, с. 30.
- 106 Эрлих В.Р., 1994, с. 34-35.
- 107 Дударев С.Л., 1991, табл. 15 и 16.
- 108 Техов Б.В., 1971, с. 204, рис. 73.
- 109 Батчаев В.М., 1985, табл. 48, 38.
- 110 Иессен А.А., 1954, с. 124, рис. 13.
- 111 Там же, с. 126, рис. 15.
- 112 Батчаев В.М., 1985, с. 13.
- 113 Левашева В.П., Рыгдылон Э.Р., 1952, с. 132, рис. 44.
- 114 Иессен А.А., 1954, с. 126.
- 115 Тереножкин А.А., 1976, с. 164.
- 116 Батчаев В.М., 1985, с. 13-14.
- 117 Козенкова В.И., 1968, с. 9-34; Корневский С.Н., 1984а, с. 254-285.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пятый том выпусков Свода по кобанской культуре завершает характеристику западного варианта и в целом характеристику самой культуры на определенном этапе ее изучения, примерно до конца 80-х годов XX столетия. Несмотря на все недостатки методики систематизации, выявленные с момента выхода первого тома (1975 г.), собранные воедино разрозненные и научно раскопанные материалы тем не менее безусловно послужат новому рывку в изучении самой блестящей культуры Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы - раннего железного века. Новые методики с привлечением технических возможностей XXI века скорректируют ошибки и заложат в фундамент объективного знания наиболее жизнеспособные идеи.

Систематизация и хронологическая классификация изделий бытовой культуры носителей западного варианта (орудий труда, домашней утвари, украшений, предметов культа и т.п.) приоткрывает нам **внутренний мир** людей, оставивших эти категории материальной культуры. Рассмотренные в данном Своде изделия человеческих рук являются более других решающими при попытке смоделировать этногенетические и этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце II - середине I тысячелетия до н.э. Повторяющиеся комплексы традиционной на протяжении веков автохтонной культуры служат надежным критерием истинной картины этносоциальной жизни древнего общества.

Несколько тысяч предметов, освещающих разные стороны быта больше, чем другие категории, может быть даже более блестящие и яркие по внешнему оформлению (например, оружие или снаряжение коня!), рассказывают нам, как жили, работали, веселились, поклонялись своим богам ушедшие поколения северокавказцев, каковы были их пристрастия и предпочтения в costume, чем и как они обустраивали свои дома, как отправляли своих родных в последний путь.

Также как и в предыдущих изданиях (1989, 1995 гг.) по систематике материальной культуры данного региона, представлены материалы и их классификация трех этапов развития западного варианта. Рассмотренные

воедино, все пласты материальной культуры подтверждают реальное, а не умозрительное заключение о наличии в древности данной группы. Она ближе, чем восточная, стоит к центральному варианту, несмотря на ряд специфических черт, особенно в украшениях костюма. Наряду с общими чертами, характерными для всей культуры или в целом для ее западной группы, внутри последней выявлены анклавные с еще более узкой спецификой в быту (например, памятники верховий Кубани или Баксанского ущелья). Более доказательно, чем другие категории, бытовые предметы приближают нас к раскрытию **самости**, "генетического ядра" этих людей, т.е. дают возможность реконструировать палеоэтнографию, а значит, приблизить их к современности.

Ретроспективный подход к элементам бытовой культуры, условно названной кобанской, показывает, что зона их компактного распространения занимала обширное пространство горной и предгорной части Северного Кавказа и послужила материальной основой (субстратом) для формирования материальной культуры большинства этносов, населяющих и поныне северокавказский регион. А это дает в руки истинной науке достоверное оружие против различного рода псевдонаучных современных спекуляций относительно превосходства и глубины корней культуры тех или иных отдельных горных народов Центрального Кавказа. Изучение всей мозаики микродеталей кобанской археологической культуры ликвидирует упрощенчество во взглядах на процессы, протекавшие здесь на протяжении сотен лет.

Для западной группы кобанской культуры вырисовывается многоступенчатый механизм сложения и формирования ее с участием многих компонентов. Процесс протекал не плавно, а как бы пассионарными импульсами, которые совпадали с проникновением инноваций. Затем наступали периоды их приспособления и встраивания в автохтонную культуру. Что-то приживалось и становилось "своим", а что-то отбрасывалось и исчезало без следа в силу естественного закона самосохранения этноса.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П.* 1949. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л.
- Алексеева Е.П.* 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.
- Андреева М.В., Козенкова В.И.* 1986. Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клинья (Кисловодская котловина) // СА, №1.
- Анфимов Н.В.* 1961. Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп.
- Аптекарев А.З., Козенкова В.И.* 1986. Клад из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА, №3.
- Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА, №2.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* 1976. Минералводский могильник VI-IV вв. до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. 20. Цхинвали.
- Барамидзе М.В.* 1977. Мерхеульский могильник. Тбилиси. (на груз. яз.)
- Барцева Т.Б.* 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.
- Барцева Т.Б.* 1985. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.
- Батчаев В.М.* 1974. К вопросу о датировке Каменноостского могильника (в свете раскопок 1971 г.) // Древности Дагестана. Махачкала.
- Батчаев В.М.* 1980. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик.
- Батчаев В.М.* 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик.
- Батчаев В.М.* 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.
- Батчаев В.М.* 1986. Былымский оборонительно-жилищный комплекс эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Березин Я.Б., Дударев С.Л.* 1998. Могильник "Лермонтовская скала (у реки)" - памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х.* 1984. Курганы эпохи бронзы у сел. Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик.
- Биджиев Х.Х., Козенкова В.И.* 1980. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия) // СА, №3.
- Виноградов В.Б.* 1971. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии. М.
- Виноградов В.Б.* 1972. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* 1977. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия) // СА, №1.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* 1983. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н.э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П.* 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н.* 1976. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // АЭС. Т. IV. Грозный.
- Воронов Ю.Н.* 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.
- Воронов Ю.Н.* 1984. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н.э. - VIII в. н.э.) // Автореф. диссертации на соискание уч. степени докт. ист. наук. М.
- Грач А.Д.* 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
- Гриневиц К.Э.* 1951. Новые данные по археологии Кабарды // МИА, 23.
- Грязнов М.П.* 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

- Давудов О.М., Хангишев Г.Дж.* 1991. Гюхракский могильник // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Дворниченко В.В.* 1984. Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Деген Б.Е.* 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА, 3. М.-Л.
- Деоник Д.В., Крупнов Е.И.* 1961. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Джапаридзе О.М.* 1955. Квасательский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. Вып. 60. М.
- Дитлер П.А.* 1961. Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // МАА. Т. II. Майкоп.
- Доманский Я.В.* 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. М.
- Дударев С.Л.* 1979. Исследования в Кисловодске // АО-1978. М.
- Дударев С.Л.* 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.
- Дударев С.Л., Березин Я.Б.* 1978. Работы Кисловодского отряда // АО-1977. М.
- Дударев С.Л., Рунич А.П.* 1992. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII-V вв. до н.э. (на примере Пятигорья). Грозный.
- Егоров Н.М.* 1955. Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды // КСИИМК. Вып. 58.
- Журавлев Д.В., Мошинский А.П.* 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА, №1.
- Замятнин С.Н.* 1935. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. Археологические работы Академии на новостройках в 1931-1933 гг. // Известия ГАИМК. Вып. 109, т. 1.
- Златковская Т.Д., Шелов Д.Б.* 1971. Фибулы Фракии VII-V вв. до н.э. // СА, №4.
- Иессен А.А.* 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120. М.-Л.
- Иессен А.А.* 1940. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа // Моздокский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. I. Л.
- Иессен А.А.* 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА, 3. М.-Л.
- Иессен А.А.* 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА, 23. М.-Л.
- Иессен А.А.* 1954. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА.
- Ильинская В.А.* 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* 1983. Скифия VII-III вв. до н.э. Киев.
- Ключко В.И., Мурзин В.Ю.* 1987. О датировке черногоровских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы. Кировоград.
- Ковалевская В.Б.* 1984. Кавказ и аланы. М.
- Козенкова В.И.* 1968. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // АЭС, т. II. Грозный.
- Козенкова В.И.* 1975. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Фрако-скифские культурные связи. *Studia Thracica*. Вып. 1. София.
- Козенкова В.И.* 1981. О границах западного варианта кобанской культуры // СА, №3.
- Козенкова В.И.* 1981а. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Козенкова В.И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ, вып. В2-5.
- Козенкова В.И.* 1982а. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА, №3.
- Козенкова В.И.* 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976-1977 гг. // Новое в археологии Северного Кавказа.
- Козенкова В.И.* 1987. Датировка кобанской культуры в трудах А.А.Иессена // КСИИМК. Вып. 192. М.
- Козенкова В.И.* 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ, вып. В2-5. Т. 3.
- Козенкова В.И.* 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА, №3.
- Козенкова В.И.* 1990а. Кобанская культура: субстрат и инновации в период формирования (последняя четверть II тыс. до н.э.) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван.

- Козенкова В.И.* 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИР, вып. В2-5. Т. 4.
- Козенкова В.И.* 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
- Козенкова В.И., Ложкин М.Н.* 1981. Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА, №4.
- Козенкова В.И., Мишина Т.Н.* 1984. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры // СА, №1.
- Козенкова В.И., Найдено А.В.* 1980. Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // СА, №1.
- Корневский С.Н.* 1981. Втульчатые топоры - оружие ближнего боя эпохи средней бронзы // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Корневский С.Н.* 1984. О металле Былымского клада // КСИА. Вып. 177.
- Корневский С.Н.* 1984а. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик.
- Корневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А.* 1986. Работы Ставропольской экспедиции // КСИА. Вып. 188.
- Коридзе Д.Л.* 1965. К истории колхидской культуры. Тбилиси. (на груз. яз.)
- Крис Х.И.* 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ, вып. Д1-7. М.
- Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* 1941. Могильник в г. Нальчике // МИА. Вып. 3. М.-Л.
- Крупнов Е.И.* 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Ученые записки Каб.НИИ. Т. V. Нальчик.
- Крупнов Е.И.* 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, 23. М.-Л.
- Крупнов Е.И.* 1952. Жемталинский клад. М.
- Крупнов Е.И.* 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е.И.* 1958. Новые данные по археологии Северного Кавказа // СА, №3.
- Крупнов Е.И.* 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кузнецов В.А.* 1974. Путешествие в древний Иристон. М.
- Кузнецова Т.М.* 1987. Зеркала из скифских памятников VI-III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение) // СА, №1.
- Кузнецова Т.М.* 1991. Этюды по скифской истории. М.
- Куфтин Б.А.* 1944. О древних корнях грузинской культуры на Кавказе // Вестник Гос. музея Грузии. Тбилиси. Т. XII-V.
- Левашова В.П., Рыгдылон Э.Р.* 1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. Вып. XLIII.
- Лесков А.М.* 1965. Горный Крым в I тысячелетии до н.э. Киев.
- Лесков А.М.* 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев.
- Лесков А.М.* 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // ПСА. М.
- Либеров П.Д.* 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д-1-31. М.
- Ловпаче Н.Г.* 1981. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Лордкипанидзе О.Д.* 1978. Город-храм Колхиды. М.
- Лордкипанидзе О.Д.* 1984. Город-храм Колхиды (второе издание). М.
- Марковин В.И.* 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА, 93. М.
- Марковин В.И.* 1969. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М.
- Марковин В.И.* 1986. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Мартirosян А.А.* 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- Мелюкова А.И.* 1961. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА, 96. М.-Л.
- Менабде М.В., Давлианидзе Ц.О.* 1968. Могильники Триалети. Каталог. Т. I. Тбилиси. (на груз. яз., резюме на русском)
- Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л.* 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА, №3.

- Нечитайло А.Л.* 1971. Новые находки эпохи поздней бронзы в Ставропольском крае // КСИА. Вып. 127. М.
- Нечитайло А.Л.* 1986. Памятники прикубанской культуры у истоков р. Теберды // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Палимпсестова Т.Б.* 1978. Укрепление и поселение "Ясная поляна" у г. Ессентуки // СА, №2.
- Петренко В.Г.* 1978. Украшения Скифии VII - III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5.
- Петренко В.Г.* 1982. Комплекс VIII-VII вв. до н.э. из Ставрополя // КСИА. Вып. 170. М.
- Петренко В.Г.* 1989. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Пиотровский Б.Б.* 1952. Кармир-Блур. Результаты раскопок 1949-1950 гг. Т. II. Ереван.
- Пиотровский Б.Б.* 1955. Кармир-Блур. Т. III. Ереван.
- Пиотровский Б.Б.* 1959. Ванское царство. М.
- Пицхелаури К.Н.* 1969. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II - начало I тыс. до н.э.) // Труды Кахетской археологической экспедиции. Т. I. Тбилиси.
- Пряхин А.Д.* 1968. Воргольское поселение срубной культуры // СА, №3.
- Пряхин А.Д.* 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Рунич А.П.* 1965. О почти исчезнувшем бытовом предмете // СА, №3.
- Рыбаков Б.А.* 1973. Календарный фриз северокавказского сосуда VIII-VII вв. до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Самоквасов Д.Я.* 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе. М.
- Самоквасов Д.Я.* 1892. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. Варшава.
- Сафронов В.А.* 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщение научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.
- Скаков А.Ю.* 1997. Кобано-колхидские топоры как исторический источник // Автореф. диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук. М.
- Смирнов К.Ф.* 1964. Савроматы. М.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. 1989. М.
- Тереножкин А.И.* 1976. Киммерийцы. Киев.
- Терехова Н.Н.* 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА, №3.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* 1997. Очерки по истории древней железообработки в восточной Европе. М.
- Техов Б.В.* 1962. К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии // Изв. юго-осетинского НИИАН Груз. ССР. Вып. XI. Цхинвали.
- Техов Б.В.* 1970. Раскопки Глийского могильника в 1966 г. // СА, №4.
- Техов Б.В.* 1971. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси.
- Техов Б.В.* 1973. О появлении и развитии кавказской дуговидной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Техов Б.В.* 1974. Стырфазские кромлехи. Цхинвали.
- Техов Б.В.* 1977. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.
- Техов Б.В.* 1980. Глийский могильник. Каталог. Т. I. Тбилиси.
- Техов Б.В.* 1980а. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. М.
- Техов Б.В.* 1981. Глийский могильник. Каталог. Т. II. Тбилиси.
- Техов Б.В.* 1985. Глийский могильник. Каталог. Т. III. Тбилиси.
- Трапш М.М.* 1962. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми.
- Трапш М.М.* 1969. Древний Сухуми. Т. 2. Сухуми.
- Уваров А.С.* 1887. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Труды V АС в Тифлисе в 1881 г. М.
- Уварова П.С.* 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК, VIII. СПб.
- Флеров В.С., Дубовская О.Р.* 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клинь-яр III в г. Кисловодске // Вестник шелкового пути. Археологические источники. Вып. I. М.
- Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. 1974. М.
- Халиков А.Х.* 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII-VI вв. до н.э. М.
- Чартолани Ш.Г.* 1977. Археологические памятники эпохи бронзы из Сванети // Каталог. Т. 1. Тбилиси. (на груз. яз.)

- Черных Е.Н.* 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Черных Е.Н.* 1981. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА, №1.
- Членова Н.Л.* 1976. Карасукские кинжалы. М.
- Членова Н.Л.* 1984. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.
- Шамба Г.К.* 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми.
- Шарафутдинова И.Н.* 1987. Бронзовые украшения сабадиновской культуры (к вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Эрлих В.Р.* 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Abramichvili R.* 1971. La nécropole de Samthavro et la chronologie des Civilisations archéologiques de bronze récent et du début du Fer au Caucase // VIII Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Moscou.
- Vočkarev V.S., Leskov A.M.* 1980. Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet // PBF, Abteilung XIX, 1. Band. München.
- Chantre E.* 1986. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Vol. II. Atlas. Paris.
- Gallus S.* 1934. Die figuralverzierten Urnen vom Soproner Burgstall // Archaeologia Hungarica. XIII. Budapest.
- Граков Б.Н.* 1947. Скифи. Київ.
- Крушельницька Л.І.* 1985. Взаимозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами східної і центральної Європи. Київ.
- Kemeneczei T.* 1984. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest.
- Kossack G.* 1983. Pl Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. KAVA. Band 5. Bonn.
- Kozenkova V.I.* 1992. Seržen-Yurt. Ein Friedhof der späten Bronze- und frühen Eisenzeit im Nordostkaukasus // KAVA. AVA-Materialien. Band. 48. Mainz am Rhein.
- Leskov A.M.* 1981. Jung- und spätbronzezeitliche Depofunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen) // PBF, Abteilung XX, 5. Band. München.
- Motzenbäcker I.* 1996. Sammlung Kossnierska. Die digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit // Bestandskataloge. Band. 3. Berlin.
- Mozsolics A.* 1973. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens (Depotfundhorizonte von Forró und Opályi). Budapest.
- Mozsolics A.* 1985. Bronzefunde aus Ungarn. Budapest.
- Petrescu-Dimbovița M.* 1977. Depozitele de bronzuri din România. București.
- Sapouna-Sakellarkis E.* 1978. Die Fibeln der griechischen Inseln // PBF, Abteilung XIV, 4. Band. München.
- Тодоровић I.* 1971. Каталог праисторијских металних предмета. Београд.
- Zichy E. de.* 1897. Voyages au Caucase et en Asie Centrale // Description de Collections par les dectours J.Jankó et Bella Pósta. P. II. Budapest.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	- Академия наук.
АО	- Археологические открытия.
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭС	- Археолого-этнографический сборник.
ВАА	- Вопросы археологии Адыгеи.
ВССА	- Вопросы скифо-сарматской археологии.
ГАИМК	- Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИНВ	- Государственный музей истории народов Востока.
КБНИИ	- Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КНИИ	- Кабардинский научно-исследовательский институт.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА	- Ленинградское отделение института археологии.
МАО	- Материалы по археологии Адыгеи.
МАК	- Материалы по археологии Кавказа.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР.
ПСА	- Проблемы скифской археологии.
РА	- Российская археология.
РАН	- Российская академия наук.
СА	- Советская археология.
САИ	- Свод археологических источников СССР.
САИР	- Свод археологических источников России.
СМАА	- Сборник материалов по археологии Адыгеи.
PBF	- Prähistorische Bronzefunde.
KAVA	- Kommission für allgemeine und vergleichende archäologie des deutschen archäologischen Instituts. Bonn.

СПИСОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ¹

- Аг - Агачевский могильник, 85/2
 Ак - Аликовское 3 поселение (Замковое), 66/1
 Ал - Александровское, случайные находки, 160
 Ам - Аман-кол могильник, 26
     Аманкольское селище, 27
 Ар - Агурский клад, 177
 Ат - Алтуд, случайное погребение, б/н
 Ба - Баксанское городище, 20
     Баксанский могильник, 21
     Баксанское ущелье (кол. К.И.Ольшевского и Е.Зичи), 21/1-2
     Баксанское ущелье (кол. Д.А.Вырубова), 21а/2
     Баксанское ущелье, случайные находки, 21/3-4
 Баб - Бабуково, случайные находки, 37
 Бб - Байбарис, погребение, 203
 Бг - Боргустанское поселение, 150
     Боргустанский клад, 151
 Бгд - Благодарное, погребение, б/н
 Бгс- Боргусант-кала (Рим-гора), поселение, 68
 Бе - Берег-урочище, поселение, 131
     Берег-урочище, могильник, 132
 Бз - Березовский 1 могильник, 60
     Березовский 3 могильник, 61
     Березовский 4 могильник, 62
     Березовский 5 могильник, 63
     Березовский 6 и 7 могильники. 64
     Березовское 1 поселение, 65
 Бк - Бекешевская, случайная находка, 152
     Бекешевский клад, 153/1
     Бекешевский могильник, 153/2
 Бкг - Быкогорский могильник, 154/1-4
 Бм - Былымский клад (Алмалы-кая), 5/1
     Былымское поселение, 5/2
 Бр - Белореченский 1 и 2 могильники, 100/1-2
 Бс - Бесленеевское поселение, 198
 Бш - Бештау, памятники на восточном склоне, 119/1-4
     Бештаугорское поселение на южном склоне, 120
     Бештаугорский монастырь, могильник, 121/1-2
     Бештаугорский клад, 123
     Бештау, северная вершина, поселение и клад, 124/1-2
     Бештау, IV могильник (Д.Я.Самоквасов), 125
 В-Ба- Верхнебаксанское городище, 1
     Верхнебаксанский клад, 2
 Во - Водопадский хутор, погребение, 114
 Вж - Вако-жале, могильник, 199
 Гд - Горно-Джуцкий могильник, 107
     Горно-Джуцкое поселение, 108
 Ге - Георгиевск, курганы, 149
 Ги - Гижгидский могильник, 6
 Гл - Гилячский клад, 179
 Гн - Гоначхир, погребение и случайные находки, 173, 174
 Го - Голубинка-гора, могильник, 161
 Гр - Горячеводск, случайные находки, 143-145
 Гу - Гунделенский могильник, 7
     Гунделенское поселение, 8
 Гш - Грушовское поселение и могильник, 205

¹ Код и цифры соответствуют алфавитному списку памятников и цифрам в тексте, на картах и в указателе (Козенкова В.И., 1989, с. 17, 142).

- Де - Дебри, курганы, 148
Дж - Дружбинское 2 городище, 183
    Дружба, курганы, 184
До - Домбай, могильники, 170-172/1-2, 173
Др - Дубовая роща (Александровское), погребение, 160
Ду - Дунаевская, станица (Ставрополь), б/н
Дц - Джуца-гора (погребения и находки), 107, 108
Ес - Эссентукское поселение, 109
    Эссентуки, случайные находки, 110/1-5
    Эссентукская, поселение, 111
Же - Железноводск, случайные находки, 141/1-3, 142
За - Замок, погребения, 67/1-2
Зе - Зеленчукская, случайные находки, 192/1-2, 193/1-2
Зл - Зольское 1 городище (Святая гора), 48
    Зольский курган, 49
    Зольское селище, 50
    Зольский карьер, поселение, 51
Зо - Золукокоаже, поселение (Черная гора), 52
Зпк - Западный кинжал-гора, случайные находки, 23/1-2
Зс - Заслонка, поселение, 202/1
Зю - Заюковское 1 селище, 9
    Заюковское 1 городище, 10
    Заюковское 2 городище, 11
    Заюковское 3 городище, 12
    Заюковский 1 могильник, 13
    Заюковский 2 могильник, 14
Ид - Индышский клад, 169
Иж - Инжиччукунский могильник, 191
Из - Иноземцево, случайные находки, 137
Ил - Ильич, хутор, случайные находки и погребения, 202/3-4
Ин - Индустрия-1 могильник (Кабардинская балка), 96/1
    Индустрия, поселение, 96/2
Ис - Исправненский могильник, 196
    Исправная, случайные находки, 197
Ка - Каменномостское 1 городище, 30
    Каменномостский могильник, 31
Каб - Кабан-гора, случайное погребение 101/1
Кб - Крымушкина балка, городище, 92
Кг - Кольцо-гора, случайные находки, 101/3
Кз - Красное знамя, хутор, курганы, 159/2
    Красное знамя, хутор, поселение (урочище Остров), 159/1
Кзк - Кызылкалинский могильник, 182
Кзч - Казачка-гора, поселение, 94
Ки - Кисловодский могильник на Крестовой и Барановской горках, 83/1
    Кисловодский ж.-д. вокзал, могильник, 83/2
    Кисловодское поселение на Крестовой и Барановской горках, 84
    Кисловодск, погребения в разных местах города, 86, 87, 95, 98/1-6, 99/1-2, 101/1-5
    Кисловодск (колл. А.А.Бобринского), 103/1-2
    Кисловодск, случайные находки конца XIX - начала XX в., 104/1-5
Кк - Красные камни, погребение, 89
Км - Камлюко, случайные находки, 41
Ко - Константиновская колония (плато), курганы, 135/1-5
Коб - Кобу-баши, случайные находки, 200
Кр - Карабашево, курган, 187
Крд - Карт-Джурт, случайные находки, 165, 166
Кс - Каррасский 1 могильник (Чеснок-гора), 136/1-3
    Каррас колония, поселение и могильники окрест 138/1-2, 139, 140/1-2
Кси - Кисловодск, комбинат стройизделий, б/н
Ку - Крупско-Ульяновский хутор, курганы, 22/1
Куб - Кубинское 1 городище, 38
    Кубинское 2 городище, 39

- Кубинское 3 городище, 40
 Кум - Кумский мост (Бекешевская), 152
 Кф - Кяфарский клад, 195/2
 Кч - Карачаевск, случайные находки, 180
 Кчм - Кичмалинский могильник, 32
   Кичмалинское селище, 33
 Кя - Клинярский курган, 80
   Клинярский 1 могильник, 81/1
   Клинярский 2 могильник, 81/2
   Клинярское поселение, 82/1
   Клинярский 3 могильник, б/н
   Клин-яр, случайные находки, 81/3-4, 82/2
 Кы - Кызбурун I, 1 и 2 поселения, 15-16/1
   Кызбурун I, случайные находки, 16/2
   Кызбурун II, 1-3 городища, 17-18/1-2
   Кызбурун III, городище, 19
 Ле - Лесгорское селище (Желтые кручи), 46
 Ли - Лермонтовский источник, могильник, 79
 Лр - Лермонтовский разъезд, курганы, 122
 Лс - Лермонтовская скала, могильник, 77
 Лы - Лысогорская, случайное погребение, 146
 Ма - Марухский клад, 186
   Марухский могильник, 188
 Мак - Малка и Кичмалка бассейн, случайные находки, 34
 Мв - Медовый водопад, поселение, 59/1
 Ме - Медовая гора, поселение, 59/2
 Мл - Молочная гора, могильник у отстойника искусственного озера, 85/1
 Мнв - Минералводский могильник, 155
 Мо - Мокрая балка, случайные находки, 66/2
 Мр - Марьинская, курганы, 42
 Мт - Муштский (долина Нарзанов), клад, 24
 Му - Мукуланский могильник, 3
 Мф - Мебельная фабрика, 1 могильник, 91
 Мш - Машук гора, поселение, 127
   Машук гора (Теплый нарзан), погребение, 128/2
 Нк - Николаевская колония, поселение и могильник, 134/1-2
 Но - Новозаведенное, поселение и случайные погребения, 156/1-3
 Нт - Нижняя Теберда, случайные находки, 178
 Об - Обильное, поселение и могильник, 147/1-3
 Ол - Ольховское 1 поселение, 78
 От - Отказненское городище и поселение, 158/1-2
 Отр - Отрадная, случайные находки окрест, 202-203
 Па - Пантелеймоновский хутор, каменная гробница, 194
 Пв - Провалское поселение и могильник, 126/1-2
 Пе - Перкальское поселение, 129
   Перкальский могильник, 130
 Пм - Подкумский мост, поселение, 102
 По - Подкумский могильник, 112/1
 Пр - Прикумское поселение и могильник, 157/1-2
 Пс - Псынодахское селище, 47
 Пх - Прохладная, случайные находки, 22/2-3
 Пя - Пятигорск, погребения в разных местах города, 115-116/1-7, 128/1
 Рб - Ребровая балка, могильник, 93
 Ре - Редкодубье урочище, случайные находки, 202/2
 Ро - Родниковая балка, поселение, 56
 Са - Сармаковское 1 городище, 35
   Сармаковское 2 городище, 36
 Св - Светловодское селище, 45
 Сво - Свободы, поселение, 117
 Сг - Султаногорский 1 могильник, 74
   Султаногорский 3 могильник, 75

- Султангорское поселение, 76
Ск - Скачки, поселение, 118
Со - Сосновогорские могильники, 90/1-4
Ст - Ставропольское погребение, 204
    Ставропольские курганы, 206-207
Стж - Сторожевая, случайные находки, 195/1
Та - Тамбуканское поселение, 55
Те - Тебердинский заповедник, случайные находки, 174-175/1-3
Тк - Три камня урочище, курганы, 106
Тл - Таллыкский курган, 185
Тм - Тамгацкское поселение, 189
    Тамгацкский могильник, 190
Тп - Тупик, курган, 112/2
Те - Терезе, погребение, 72
    Терезе, могильник, 73
Ту - Туркменистан (Кисловодск), погребение, 95
Ты - Тырнаузский 1 могильник, 3
    Тырнаузский 2 могильник, 4
Тю - Тютю-су, случайные находки, 3/2
Уд - Удобная, курганы, 201
Ук - Учкулан, случайные находки, 162/1-3
    Учкуланское поселение и могильник, 163
Ул - Уллубаганалы 2, поселение и могильник, 71/1-2
Уч - Учкёкенский курган, 69
Фр - Франчиха, курган, 110/2
Ха - Хабаз, склеп, 28
    Хабазские курганы, 29
Хм - Хумаринское городище, 181
Хр - Хурзук, случайные находки, 164
Хс - Хасаут, случайные находки, 25
Ху - Худесс, случайные находки, 167
    Худесское поселение, 168
Ша - Шардакское городище, 43
    Шардакское селище, 44
Ши - Широкая балка, могильник, 88
Шс - Шисса (Джисса), пещера, 193/2
Эб - Эльбрус, погребение в окрестн., 208
Эл - Элькуш, могильник, 105
Эн - Энергетик, могильник, 133
Эт - Этокское городище (Кабардино-Балкария), 53
    Этокское 1 поселение (Ставрополье), 54
    Этокское 3 поселение (Ставрополье), 57/1
    Этокский могильник, 57/2
Эч - Эчкиваш (Конхутор), могильник, 58
Эш - Эшкаконский могильник, 70
Юж - Южный могильник, 97
Юц - Юцкие поселения, 113/1-2
Яп - Ясная поляна, поселение, 109

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Количественное соотношение ведущих типов, вариантов украшений.

Таблица 1. Височные подвески

Памятник	№ по Указ.	Тип							Примечание
		I	II	III	IV	VI	VII	VIII	
Аман-кол погреб.	26	-	-	-	1	-	-	-	
Баксан (колл. Д.А. Вырубова)	21а/2	-	2	-	8	-	-	-	
Белореченский 2 могильн. погреб. 25	100/2	-	1см	-	-	-	-	-	
Березовский 1 могильник (В.В. Бобин) погреб. 1/2 (1958 г.)	60	-	1	-	-	-	-	1см	
Верхнебаксанский клад	2/1	3	-	-	6	-	-	-	
Былымский клад (Алмалы-кая)	5/1	-	-	-	14	-	-	-	
Домбайская поляна, погреб. (1967 г.)	171	-	2зол	-	-	-	-	-	
Домбай-Ульген. Солнечная поляна погреб. (1964 г.)	172/1	3сер	-	-	-	1	-	-	Нечитайло А.Л., 1968
Заюково, разруш. погреб. (1935 г.)	13	-	2	-	-	3	1	-	Нальчик, музей, инв. №433
Инжичтукунский могильн. погреб I-III погреб. 5 погреб. 7 погреб. 9	191	- - 1	- 1 -	- - 1	26 - -	- - -	- - -	- - -	
Индустрия-1 могильн. случ. нах. (1967 г.) погреб. 3/6 (1969 г.)	96/1	- -	- -	- -	- -	- -	1 -	- 1см	
Каменноостский могильн. 1949 г.: погреб. 4 погреб. 6	31	- -	1 2	- -	- -	- -	- -	- -	
Кисловодск, ж.д. вокзал (ГВФ, 1960 г.) погреб. 4	83/2	-	1	-	-	-	-	-	4 оборота
Красные камни, погреб. 1	89	-	1	-	-	-	-	-	Козенкова В.И., 1989
Минералводский могильн. погреб. 36	155	-	2	-	-	-	-	-	"серьги"
Баксанское ущелье, случ. находки (1921 г.)	21а/3	-	-	-	2	-	-	-	Нальчик, музей, инв. №2384
Прохладная ст. (х. Крупско-Ульяновский)	22	-	2	-	-	-	-	-	Иессен А.А., архив ЛОИА
Сосновая горка, могильн. 1 1966 г.: погреб. 2 погреб. 3	90	- -	- -	- -	1 2	- -	- -	- -	
Ставрополь, курган (1881 г.)	206	2	-	-	-	-	-	-	1-сер
Ставрополь, случ. погреб.	209	-	3	-	1	-	-	-	
Султан-горский 1 могильн. транш. II, погреб. 6/9	74	-	-	-	-	-	-	1	
Султан-горский 3 могильн. 1976 г.: погреб. 3 погреб. 6	75	- -	2 2	- -	- -	- -	- -	- -	4 оборота
Тамгацкинский могильн. погреб. 2 погреб. 3	189	- -	1 1сер	- -	- -	- -	- -	- -	
Теберда, случ. находки	176	1	-	-	-	-	-	-	
Терезе, могильн. гробн. 1 гробн. 2 гробн. 3	73	1 - -	7 36 1зол	- - -	2 - -	2 12 -	2 5 -	- - -	

Памятники	№ по Указ.	Тип												
		I	II		III			V			VI	VII	VIII	IX
			вариант											
			1	2	1	2	3	1	2	3				
Кисловодск, дача Кривошеина погреб.	104/2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кисловодск, усадьба Ягодкина погреб.	98/4	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мебельная фабрика-1 могильн.	91	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 1		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 15		-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
погреб. 18		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 28		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
погреб. 29		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 36		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 38		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 43		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мукуланский могильник разруш. погреб.	3/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Кич-Малка, разруш. погреб. 1955 г.	32	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сосновая горка-1, могильн. случ. нах.	90/1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
погреб. 3		-	1	2	-	-	-	-	-	16с	-	-	-	-
Терезе, могильн.	73	-	44	1	-	1	-	4	-	-	1	-	-	-
гробн. 1		-	44	1	-	1	-	4	-	-	1	-	-	-
гробн. 2		-	32	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Тамгацкинский могильн. погреб. 3	189	-	-	-	-	-	-	1я	-	-	-	-	-	-
Улгубаганалы-2 могильн.	71/2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 1		-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 8		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 14		-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 22		-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Нальчик (Баксанстрой-1926) случ. находки 1935	21а/3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-
Хабаз, случ. нах.	29	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эчкивапский могильн. погреб. 8	58	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эшкаконский могильн. гробн. 1	70	-	6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Южный могильн. 1968: погреб.	97	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Итого		2	138	20	4	1	4	8	2	71	25	6	2	1
			158		9			81						

Примечание: см - сурьма, с - серебро, я - янтарь

Таблица 3. Привески.

Памятники	№ по Указ.	Тип														
		I	II			IV		VI	VII	IX						
		вариант						вариант								
		1	2	3	1	2		1	2	3	4	5	6	7	8	
Аман-кол погреб. 1	26	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Баксан (колп. Е.Зичи)	21а	-	-	-	-	1	-	-	-	-	3	-	8	-	-	1
Бельгский могильн. разруш. погр. 1985	б/н	-	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Белореченский 2 могильн. погреб. 3	100/2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 6		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 8		-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 9		-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 11		-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 19		-	-	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 23		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 24		-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 25		-	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 26		-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 29		-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 31	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Березовский 1 могильн. 1946: погреб. 1	60	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1958: погреб. 4		-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1962: погреб. 10		-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1963: погреб. 12		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 13		-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 20		-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1966: погреб. 21		-	5	-	8	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 25		-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Березовский 4 могильн. 1963: погреб. 1	62	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
погреб. 2/4		-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Березовский 5 могильн. 1963: погреб. 1	63	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Былымский клад (Алматы-кая)	5/1	7	3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	
Вако-жиле склеп	199	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
Домбайская поляна	171	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Домбай-Ульген. Солнечная поляна погреб.	172/1	-	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
Домбай, Алибек погреб. 1	172/2	-	-	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	
Заюковский могильн. Атажукин: западный скат	13	-	8	14	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Атажукин: колп. Ренгартена		-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1949: погреб. 1		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1935: случайные находки		-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Гунделен, разруш. погр. 1924 г.	7	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Индустрия, 1 могильн. 1966: погреб. 1	96/1	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1967: сл. находки		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1971: погреб. 1/8		-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Инжигчкунский могильн. погреб. 1	191	-	22	42	-	-	1	-	3	-	-	-	-	-	-	
погреб. 2		-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 5		-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 7		-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Каменноостский могильн. 1914: Кармово	31	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1949: погреб. 1		-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 2		-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	
погреб. 8		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1971: погреб. 6		-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	
погреб. 8	-	-	-	-	-	-	-	3см	-	-	-	-	-	-		
Каменноостское укрепление XIX в. разруш. могильн.	31/1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
Карабашево. Склеп под кург.	187	-	-	-	-	-	-	-	-	25	-	-	-	-	31	

Памятники	№ по Указ.	Тип															
		I	II			IV		VI	VII	IX							
			вариант							вариант							
		1	2	3	1	2			1	2	3	4	5	6	7	8	
Уллубаганалы-2 могильн. погреб. 11 погреб. 14 погреб. 22	71/1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	7	-	-	-	-	
		-	-	-	-	-	-	-	-	15	-	-	-	-	-	-	
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18	-	-	
Уллубаганалы, поселение кв. "Ц"	71/2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
Эчкивашский могильн. погреб. 5 погреб. 6 погреб. 8	58	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		-	-	-	12	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	
Эшкаконский могильн. гробн. 1	70	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Южный могильн. 1963: погреб.6 1968: погреб.1	97	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17	-	
Итого		7	211	91	98	1	6	7	53	49	4	17	12	1	18	49	1
			400			7				151							

Примечание: см - сурьма, мн - много

Таблица 4. Привески.

Памятник	№ по Указ	Тип												
		X	XII	XIII					XIV	XV	XVII			XVIII
				вариант							вариант			
				4	5	6	7	8			1	2	3	
Аман-кол погреб. 1	26	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Былымский клад	5/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-
Баксанское ущелье, колл. Ольшевского	21а	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-
Баксан, колл. Е.Зичи колл. Д.А.Вырубова	21а	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	10	-
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Бедыкский могильн. разруш. погр.	б/н	-	-	16	-	-	-	-	-	-	-	1	14	-
Белореченский 2 могильн. погреб. 4 погреб. 19	100/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Вако-жиле, могильн.	199	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Верхне-Баксанский клад	2/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-
Гижгид, разруш.погреб.	6	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Гунделен, могильн. 1924		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-
Домбайская поляна	171	-	-	-	-	11	35	-	-	-	-	-	-	-
Домбай-Ульген	172/1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Домбай-Ульген	172/2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Заюковский-1 могильн. Атажукин I: кург. "б"; сл.нах. XIX в.; 1933-35; разруш. погреб. 1974: погреб. (школа в Заюково)	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	-	-
		-	-	-	1	-	-	1	1	-	4	-	-	-
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Индустрия-1 могильн. 1971: погреб. 7/14	96/1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	2	-	-	-
Инжиччукунский могильн. погреб. I	191	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-
Каменноостровский могильн. сл.нах. XIX в. погреб. 4 1971: погреб. 8	31	-	1	-	-	-	-	-	-	-	3	5	3	-
		-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-

Памятники	№ по Указ	Тип												
		X	XII	XIII					XIV	XV	XVII			XVIII
		вариант					вариант			вариант				
		4	5	6	7	8			1	2	3			
Кисловодск, Кабан-гора. Разруш.погреб.	101/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Каррас-1 могильн. гробн. I гробн. II гробн. VIII	136/1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-
Каррас, могильн. колл. Г.Ф.Свинадзе	136/3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Карабашево, подкурган.склеп	187	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Кич-малка, разруш.погреб.	32	-	-	-	1	-	-	-	-	-	4	-	-	-
Кисловодский могильн. 1933: погреб.№18	83/1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Константиновское плато 1882: погр.3	135	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Кобу-баши, разруш.склеп	200	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кызыл-калинский могильн. погреб. 2	182	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-
Лацкута, разруш. Погреб.	Б/н	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15	-
Мебельная фабрика-1 могильн. случ. наход. Из разруш. погреб.	91	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	3	-
погреб. 5 погреб. 7		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-
Кисловодск. Мокрая балка случ. находка	66/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Терезе, могильн. гробн. 1 гробн. 2	73	-	-	-	-	-	-	-	1	-	7	1	2	-
Уллубаганалы-2 могильн. погреб. 6	71/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Хабаз, разруш. погреб. (склеп)	26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Хабаз 1950: случ. находки	29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Этокский могильн. погреб. 6 погреб. 9 погреб. 12	57/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Ставрополь, случ. погреб. в окрестн.	209/4	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Итого		1	3	17	6	11	40	2	6	9	31	32	62	2

Примечание: б/н - без номера

Таблица 4а. Привески XVII типа

Памятники и № по указателю	Птицы		Целые фигурки					Головки животных с петлей					Фантаст. Сочетание волк+птица	
	уш. Или рог. с отверстием	с петлей	козел	лошадь	баран	олень	бык	собака	олень или лось	бык	баран	козел		кабан
Баксанское ущелье (21а) колл. К.И.Ольшевского	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
колл. Д.А.Вырубова	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
колл. Е.Зичи	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	8	2	-	-
Бедьковский могильн. (б/н)	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	14
Белореченский 2 могильник погреб. 4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Былымский клад (5/1)	-	-	-	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Вако-жиле, погреб. (199)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Верхне-Баксанский клад (2)	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Гунделен, разруш. Погр. (7)	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Заюковский 1 могильник (13) Атажукин I:	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
кург. «б»	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
случ. Находки XIX в.	2	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
случ. Нах. 30-х гг. XX в	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Индустрия-1 могильн. (96/1) 1971: погреб. 7/14	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Инжиччукунский могильник (191) погреб. I	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-
Кисловодск, Кабан-гора (101/1)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Карабашево, подкург. Склеп (187)	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Каменноостровский могильн. (31) 1971: погреб. 8	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Каменноостровское укрепле- ние (31/1) 1849-1850 гг.	1	-	2	-	4	1	-	-	2	-	1	-	-	-
Константиновское плато (135/3) 1882: погр.3	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Кызыл-калинский могильн. (182) погреб. 2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Лашкута, могильн. (б/н), разруш. Погреб.	1рог	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	14	-
Кич-малка (32), разруш. Погреб.	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Мебельная фабрика-1 могильн. 1977: погреб. Б/н погреб. 5 случ. Нах.	2уш	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Мокрая балка, случ. Нах.	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-	-
Каррас (136/3) - колл. Г.Ф.Свинадзе	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Уллубаганалы 2 могильн. (71/2) погреб. 6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Терезе, могильн. (72) гробн. 1	-	7	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1

Памятники	№ по Указ.	Тип															
		XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV			XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXVII		
		вариант							вариант								
1	2						1	2	3								
Султан-горский 3 могильн. 1976: погреб. 1 погреб. 4 - в ограде	75	-	-	-	-	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ставрополь, случ. погреб. в окрестн.	209/4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1фт	-	-	-	-	-	
Ставропольский курган 1924 г.	207/1	-	-	-	-	-	-	15	-	-	-	-	-	-	-	-	
Тамгацкинский могильн. погреб. 2 погреб. 3 погреб. 5 погреб. 6	189	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Терезе, могильн. гробн. 1 гробн. 2 гробн. 3	73	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	15	
		-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	70	
		-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Уллубаганалы-2 могильн. погреб. 13	71/1	-	-	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	
Черкесск, случ. наход. в окрестности	209/2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Хабаз, случайн. нах. 1950	29	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Эльбрус. окрестности	209/1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Этокское посел., разруш. погреб.	54/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	мн	
Эчкивацкий могильн. погреб. 8	58	-	-	-	-	-	-	-	-	50	-	-	-	-	-	-	
Эшаконский могильн. гробн. 1	70	2	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18	
Южный могильн. 1968: погреб. 1	97	-	-	-	-	-	-	30	-	-	-	-	-	-	-	-	
Итого		5	5	126	3	2	12	<328	4	449	10	6	1	29	1	>123	
		10								<781							

Примечание: фт - фрагмент; мн
- много.

Таблица 6. Гривны.

Памятники	№ по Указ.	Тип							Табл. в Своде	Примечание
		I		IV	V	VI	VII	VIII		
		вариант					вар.			
1	2				2					
Баксан колл. Е.Зичи	21а	-	-	-	-	1	-	-		
Березовский 1 могильн. 1938: погреб. 2 погреб. 3 погреб. 4 Разруш. погреб. 1962: погреб. 5/10 1966: погреб. 21 погреб. 22 Погреб. 23	60/1	-	1	-	-	-	-	-	XIV, 6 XV, 9	Крупнов, 1960, табл. XXXII, 1, с орнамент.
		1	-	-	-	-	-	-		
		1	-	-	-	-	-	-		
		1	-	-	-	-	-	-	XIV, 2	с орнамент.
		1	-	-	-	-	-	-		
Березовский 4 могильн. 1966: погреб. 2/4	62	1	-	-	-	-	-	-		
Березовский 6 могильн. 1963: погреб. 1	64	1	-	-	-	-	-	-		

Таблица 7. Браслеты.

Памятники	№ по Указ.	Тип															
		I			V	IX	X	XI	XII	XIII	XVI	XXII	XXIII		XXIV		
		вариант			1							вариант		вариант		вариант	
		1	2	3		1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	1	2
Агачевский могильн. погреб. 30 погреб. 31 погреб. 47 погреб. 54	85/2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
Байбарис. погреб.	203	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Баксан колл. Д.А.Вырубова колл. Е.Зичи колл. К.И.Ольшевского случ. нах. 30-х годов	21а/2 б/н 21а/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
Бедыкский могильн. (Батчаев, 1985)	б/н	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Белореченский 1 могильн. погреб. 4	100/1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Белореченский 2 могильн. погреб. 10 погреб. 16	100/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
Березовский 1 могильн. 1938: погреб. погреб. 4 1939: погреб. погреб. 9 1962: погреб. 8 погреб. 11 1963: погреб. 13 1966: погреб. 22 погреб. 23	60	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-
Березовский 4 могильн. погреб. 1 погреб. 4	62	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Березовский 6 могильн. погреб. 1	64	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Былымский клад	5/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	7	-	-
Вако-жиле, погреб.	199	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Водопадский, погреб.	114	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Верхне-Баксанский клад	2/1	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Гунделен, разруш. погр. нах. 1928 г.	7	-	-	-	1	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Длинный курган погреб. 1-3	138	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Домбайская поляна (Софруджу) 1954: погреб.	170	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Домбайская поляна 1967: погреб.	171	1фт	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ессентуки, случ. наход.	б/н	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Замок, могильн. 1974: погреб.		-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
Заюковский-1 могильн. Атажукин I: погреб. "к" погреб. "м" погреб. вост. скат погреб. западн. скат колл. Ренгартена 1949: курган 1, погреб. 3 1925-35: случ. наход.	13	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Индустрия-1 могильн. 1966: погреб. 2 1969: погреб. 3/6 1971: погреб. 8 погреб. 15	96/1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Иноземцево, разруш. погреб. (1968 г.)	137	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-

Памятники	№ по Указ.	Тип															
		I			V	IX	X	XI	XII	XIII	XVI		XXII	XXIII		XXIV	
		вариант			1						вариант			вариант		вариант	
		1	2	3							1	2		1	2	1	2
Николаевская колония. погреб.	134	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Пантелеймоновский хут., погреб.	194	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Проходная, станица, погреб.	22/1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Пятигорск, дар 1929 г.	б/н	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сосновая горка 1, могильн. погреб. 3	90/1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 4		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 5		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
разруш. погреб.		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	
Сосновая горка (Парк), случ. нах.	90	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Ставрополь, случ. погреб. в окрестн.	209	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Ставропольский курган 1881 г.	206	-	-	-	-	-	-	1сер	-	-	-	-	-	-	-	-	
Султан-горский 1 могильн. 1966: погреб. 3/9	74	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
погреб. 4/10		-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
транш. II погреб. 4/7		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
погреб. 6/9		-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	
1974: транш. I погреб. 1/4	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Султан-горский 3 могильн. 1976: ограда	75	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	
погреб. 2		-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	
погреб. 6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Таллык, курган	185	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Терезе, могильн. гробн. 1	73	-	-	-	3	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	
гробн. 2		-	-	-	3	43	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	
Теберда, случ. нах. из погреб.	176	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Теберда, случ. нах. из погреб.	203	1	1	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Этокский могильн. погреб. 7	57	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
погреб. 12		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
Этока, сл. нах. 1929 г. (КП №3742)	57	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Эчкивашский могильн. погреб. 2	58	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	
Эшкаконский могильн. гробн. 1	70	-	-	-	-	2	-	6	-	5	1	-	-	-	-	-	
Хабаз, сл. нах. 1919 г.	26	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	
Хасаут, сл. нах. XIX в.	25	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Итого		12	5	2	57	81	16	28	34	35	23	1	83	2	9	9	
		19									24			11		11	

Примечание: орн - орнаментированный

Таблица 8. Бляхи.

Памятники	№ по Указ.	Тип								Примечание	
		I	II	V	VI	IX	X	XI	XII		
					вариант		вариант				
Агачевский могильн. погреб. 2	85/2	1	-	-	-	-	1	-	1	-	
погреб. 13		-	-	-	-	-	1	-	-	-	
погреб. 31		-	-	-	-	1	-	-	-	-	
погреб. 36		-	-	-	-	-	1	-	-	-	
погреб. 40		-	-	-	-	-	-	-	44	-	
погреб. 47		-	-	-	-	1	-	-	-	-	
Баксанский могильн.	21	-	-	-	-	1фт	-	-	-	-	Батчаев В.М., 1985, табл. 6, 11
Баксан колл. Д.А. Вырубова	21а/2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Бедыкский могильн. разруш. погреб.	Б/н	-	-	-	-	-	-	-	1	-	

Памятники	№ по Указ.	Тип																
		III				VI				X					XII	XIII	XVII	
		вариант																
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	5				
Кисловодский могильн. 1933: погреб. погреб. №5 погреб. №13	83/1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кисловодск, ж.д.вокзал (ГВФ, 1960 г.) погреб. 4	83/2	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Кисловодск, ул.Коминтерна, 32, погреб. погреб. 1	99/2	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Каррас-1 могильн. гробн. III	136/1	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Кич-малка, могильн. 1924: случ. нах.		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
Клинярский 1 могильн. 1965: погреб. 4	81/1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Константиновское плато 1882: погр.3 (раск. А.С.Уварова)	135/3	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
Константиновская, станция разруш. курганы (раск. В.Р.Апухтина)		-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Кызыл-калинский могильн. погреб. 2	182	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1ж	
Кяфарский клад	195/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	
Мебельная фабрика-1 могильн. погреб. 7 погреб. 13 погреб. 18 погреб. 25 погреб. 29 погреб. 47 погреб. 48	91	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	
Минералвудский могильн. погреб. 1 погреб. 6 погреб. 12 погреб. 22 погреб. 36	155	-	-	1ж	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Мукуланский могильн. разруш. погреб.	3/1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Сосновая горка 1, могильн. погреб. погреб. 3	90/1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	
Султан-горский 1 могильн., транш. II 1966: погреб.	74	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Султан-горский 3 могильн. 1976: погреб. 1 погреб. 6	75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	
Терезе, могильн. гробн. 1 гробн. 2	73	-	-	-	-	5	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Тамгазикский могильн. погреб. 3 погреб. 4	189	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4ж 1ж	
Ставропольский курган, 1924 г.	207	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Уллубаганалы-2 могильн. погреб. 11	71/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1ж	-	-	-	-	-	
Хурзук, сведения о "лопатке" с бусами	169	-	-	-	-	-	-	-	-	1?	-	-	-	-	-	-	-	
Эльбрус, погреб. в окрестности	209/1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Этокский могильн. погреб. 5 случ. находки	57/2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

Памятники	№ по Указ.	Тип															
		III				VI				X					XII	XIII	XVII
		вариант															
1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	5					
Эчкивапский могильн. погреб. 8	58	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Эшкаконский могильн. гробн. 1	70	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	
Итого		3	5	3	5	51	28	2	1	5	1	4	10	1	13	45	15
		16				82				21							

Примечание: ж - железо

Таблица 10. Фибулы.

Памятники	№ по Указ.	Тип					Табл. в Своде	Примечание
		I				II		
		1	2	3	4			
Баксанское ущелье колл. Д.А.Вырубова колл. Е.Зиги случ. нах. 30-х годов	21a/2 б/н б/н	-	1	-	-	-	XXIV, 8, 11, 19	Нальчик, инв. № 1965/4335; 2542
Байбарис, хутор погреб. 1	203	-	-	-	-	-	XXV, 7, 8	
Бедькский могильн.	Б/н	-	-	-	-	1	XXV, 1	Батчаев В.М., 1985
Вако-жиле, погреб.	199	-	1	-	-	-	XXIV, 9	
Гижгид, нах. В склепе 1928 г.	6	-	1	-	-	-	XXIV, 16; XXV, 2	
Гунделен, разруш. погреб.	7	-	1	-	-	-	XXIV, 17	
Домбайская поляна 1954: погреб.	170	-	-	-	3	-	XXV, 13	
Домбайская поляна 1967: погреб.	171	-	-	-	4	-	-	
Домбай-Ульген. Солнечная поляна 1964: погреб.	172/1	-	-	-	2	-	XXV, 14, 15	
Домбай-Ульген. Солнечная поляна 1967: погреб.	172/2	-	-	-	4	-		
Заюковский-1 могильник Атажукин I: 1888: погреб. «к» погреб. «л» 1888: погреб. На западном скате Заюково: случ. нах. 30-х годов 1949: погреб. 2 Заюково. Школьный музей	13 б/н 13 б/н	-	1	-	-	-	- XXIV, 21 -	
Ильич, хут. «Редкодубье», погреб.	202/2	-	-	2	-	-	XXV, 9, 10	
Каменномостское (Кармово) сел. случ.находки начала XX в.	Б/н	-	2	-	-	-	XXIV, 14, 20	Нальчик. Инв. №406
Каменномостский могильник 1954: погреб. 1	31	1	-	-	-	-	XXIV, 4	Раскопки П.Г.Акритаса
Каррас-1 могильник гробн. I	136/1	-	1	-	-	-	XXIV, 1	
Каррас, колл. Г.Ф.Свинадзе	136/3	-	2	-	-	-	-	
Кисловодский могильник 1933: погреб. №16	83/1	-	1	-	-	-	XXIV, 3	Раскопки С.Н.Замятнина

Памятники	№ по Указ.	Тип					Табл. в Своде	Примечание
		I				II		
		1	2	3	4			
Кич-малка, могильн. 1955: погреб.	32	-	1	-	-	-	XXIV, 18	Нальчик, инв. №1965/2320
Клинярский 2 могильник 1967: погреб. 1	81/2	1	-	-	-	-	XXIV, 5	
Кызыл-калинский могильн. погреб. 2 "тайник"	182	1	-	-	-	-	XXIV, 6	
Курджиново.случ. нах.	209	-	-	1	-	-	-	
Лащкута, разруш. погреб.	б/н	-	-	-	-	1	XXV, 5	В.М.Батчаев, 1985, табл. 4
Лермонтовская скала-3 могильн. погреб.1	77	-	1	-	-	-	XXIV, 13	
Минералводский могильн. погреб. 1	155	-	1	-	-	-	XXIV, 2	
Марух, сел., разрушен. склепы	188	?	?	?	?	?	-	Форма не ясна, лишь упоминание
Пантелеймоновский хут., разруш.погреб.	194	-	-	2	-	-	XXV, 11, 12	
Султан-горский 1 могильн., транш. II 1964: погреб. 4/7	74	-	1	-	-	-	XXIV, 7	
Теберда случ. наход. 1955 г.	176/2	-	-	-	2	-	-	
Таллык, курган	185	-	-	-	5	-	-	
Уллубаганалы-2 могильн. погреб. 4	71/2	-	1	-	-	-	XXIV, 10	
Итого		6	24	7	20	6		
		63						

Примечание: б/н - без номера в Указателе

Таблица 11. Зеркала в памятниках западного варианта кобанской культуры.

Памятники	Классификация						Публикация	дата, вв. до н.э.	Табл. в Своде
	класс	отд.	груп.	тип	вид	вар.			
Заюково, курган разруш. в 1935 г.	I	II	-	I	II	-	Фонды музея в Нальчике, инв.433		XXVIII, 7
Кармово, с., случ. нах. в кургане	I	I	-	II	I	4	Виноградов В.Б., 1972, с.35, рис.3, 4	VII-VI	XXVIII, 6
Каменноостское, курган 1954 г.	II	II	1	III	I	-	Крупнов Е.И., 1957, с.141, рис.40	перв. пол. VI	XXIX, 2
Каррас, могильн. гробница III гробница IV	II	II	1	III	I	-	Кузнецова Т.М., 1991, рис.6А	VI	XXVIII, 4
	I	I	-	II	I	4			
Константиновское плато. 1881 г. курган IV (насыпь над каменной гробн.)	I	II	-	I	II		Самоквасов Д.Я., 1892, №526; Козенкова В.И., 1989, с.45 Указ. №135/1		-
Мебельная ф-ка, могильн. погреб. 7 случ. нах. 1958 случ. нах. 1959 случ. нах. 1959	I	I	-	I	II	1	Виноградов В.Б., 1972, с.333, рис.17, 4 Отчет А.П.Рунича Архив ИА АН СССР №№ 1722, 2036	VIII	XXVIII, 1
	I	I	-	I	II	2			XXVIII, 2
	I	I	-	I	II	1			-
	I	I	-	I	II	1			-
Минералводский могильн. погреб. 11 погреб. 19 погреб. 34 разруш. погреб. разруш. погреб.							Рунич А.П., Афанасьев Г.Е., 1976, рис.IV, 1-5 Виноградов В.Б., 1972, с.330, рис.14, 1-4	VII - нач. IV	
	I	II	-	V	II	4			XXVIII, 8
	I	II	-	V	II	5			XXVIII, 9
	II	II	6	II	II	1			XXIX, 3
	I	I	-	II	I	4			XXVIII, 5
I	I	-	I	I	1	XXVIII, 3			
Ставрополь, XIX курган 1 (1880 г.) курган 2 (1881 г.)	I	II	-	V	II	6	ZfE, 1883, s.170, Bd.XV, Taf.III, 14; Виноградов В.Б., 1972, с.319, рис.3, 2	V-IV	XXVIII, 10
	II	II	6	II	II	1			-
Хабаз, склеп, 1919 г.	II	II	1	-	I	-	Иессен А.А., 1941, табл.V, 3; Козенкова В.И., 1989, с.25, Указ.28	VI	XXIX, 1

Таблица 12. Кувшины глиняные, группа 2, отдел 1.

Памятник	№ по указ.	О рн а м е н т	Датирующие предметы	Хронология, века до н.э.
Байбарис, хут., погреб.	203	+	железн. удила, украшения	конец V - IV
Быкогорский могильн. погреб. (1928 г.)	154/2	+	железный топор	конец VII - VI
Гвардейское посел.	144	-	-	VII-VI
Георгиевск, курганы (1946-1948 гг.)	149	+	-	VI-V
Горячеводская, станица, погреб.	144	+	-	VI-V
Грушевское селище, очаг 1	205	-	-	V-IV
Горно-Джуцкий, пос., погреб. 5	107	-	удила и псалии	VI-V
Каменноостский могильн., погреб. 6 (1971 г.)	31	+	-	рубеж VII-VI - нач. VI
Карабашево, склеп	187	-	удила, наконечники стрел	VI
Минералводский могильн, погреб. 1 (1958 г.), 4-6, 12, 15, 16, 26	155	+	наконечники стрел	VI-V
Марьинская, станица, кург. "Близнецы" (1923 г.)	42/2	+	-	VI-V
Новозаведенное, грунтовое погреб.	156/3	+	наконечники стрел	VI-V
Кисловодск, Объездная ул., погреб.	98/3	+	наконечники стрел	пер. пол. VI
Пелагиада, могила 1 и 2, случ. погреб.	208	+	наконечники стрел	VI-V
Перкальский могильн., погреб. 1 (1933 г.)	130	+	-	VII-VI
Пятигорск, Фабричная ул., погреб.	116/6	+	наконечники стрел	VII-VI
Пятигорск, "Провал", поселение	126/1	-	-	VI-V
Тамгацкий могильн., погреб. 4	189	-	наконечники стрел	серед. VI
Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 6	71/2	+	-	серед. VI
Ухтомская, станица, курган, впускн. погреб.	б/н	+	-	VI-V
Этокский могильн., погреб. 11	57/2	-	наконечники стрел	серед. VI

Таблица 13. Бронзовые сосуды.

Памятник	Материал	категория сосудов						Публикации	Хронология , века до н.э.	Табл. в Своде
		1	2	3	4	5	6			
Бедыкский могильник	бр	2	-	-	-	-	-	Батчаев В.М., 1985, с.11	VII-VI	-
Бештау, сев.-зап. склон	бр	-	-	-	-	-	1	Иессен А.А., 1954, с.124	VIII-VII	XLII, 10
Бештау, сев. вершина	бр	-	-	-	-	-	1	Там же, с.126	VIII-VII	XLII, 11
Заюково, разруш. погреб. 30-х гг.	бр	1	-	4	-	-	-	Крупнов Е.И., 1952, с.22-26	VIII-VI	-
Кызбурун I, случ. находки, 1955 г.	бр	-	-	3	-	-	-	Фонды музея в Нальчике, не опубликов.	VIII-VI	-
Кызбурун III, клад 1977 г.	бр	-	-	1	7	-	1	Батчаев В.М., 1985, с.13, табл.5	VIII-VII	-
Мукулан, разруш. погребения. Колл. В.П.Ренгартена 1914 г.	бр	-	-	1	-	-	-	Иессен А.А., 1941, с.22, табл. IV, 11	VIII-VII	-
Нальчик, "из Гижгида, погребение в скале"	бр	-	-	2	-	-	-	Крупнов Е.И., 1952, с.24	VIII-VI	-
Нальчик, неопред. место	бр	-	-	2	-	-	-	Там же, с.24	-	-
Красное знамя, хут. Курган 1	бр	1	-	-	-	-	-	Петренко В.Г., 1989, с.218, табл.89, 13	сер. VII	-
Колл. Е.Зичи с пометкой "с. Баксан или Чегем"	бр	-	-	2	-	-	-	Крупнов Е.И., 1952, с.24	-	-
Пятигорск, окрестности	бр	1	-	-	-	-	-	Там же, с.24, табл.V, 3	VIII-VII	XLII, 8
Султангорский могильн. (Южный), траншея I, гробн. 1 (Указ. 74)	бр	-	-	-	1	-	-	Виноградов В.Б., Ду- дарев С.Л., Рунич А.П. 1980, с.191, рис.5, 3	рубеж VIII-VII	XLII, 1
Терезе, могильн., гробн. 3	бр	1	1	1	3	-	-	Козенкова В.И., 1989, табл.XL, 2-5	VIII	XLII, 4,5,7
Тырныауз, клад 1976 г.	бр	1	-	-	-	-	-	Батчаев В.М., 1985, с.9, табл.2, 1	VII	XLII, 9
Уллубаганалы-2, могильн., погребения 2-4, 11, 13, 14	бр	-	-	-	-	6	-	Ковалевская В.Б., 1984, с.43	конец VII - начало VI	XLII, 2,3
Учкекен, курган с кам. гробницей	бр и жел	-	1	-	-	-	-	Дударев С.Л., 1991, с.105-106, табл.30	конец VII - начало VI	XLII, 6
Эльбрус, сев. подножье	бр	-	-	2	-	-	-	Крупнов Е.И., 1952, с.24	-	-
Эшкакон, случ. находка	бр	-	-	-	1	-	-	Крупнов Е.И., 1960, табл.XIX, 5	-	-
Эшкакон, могильн. (Указ. 70)	бр	-	2	1	3	-	-	Козенкова В.И., 1989, с.33	VIII	-
Итого		7	4	19	15	6	3			

Примечание: 1 - ситула, 2 - ведро, 3 - кружка, 4 - миска, 5 - чаша, 6 - котел степного типа

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

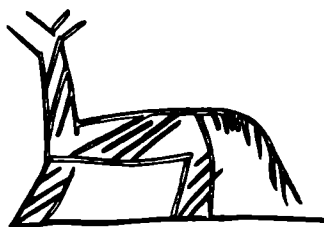
**Перечень памятников,
в которых представлены
наиболее массовые формы
столовой посуды**

Кубки. Атажукин I (раскопки В.И.Долбежева - 3 экз.; коллекция Ренгартена - 1 экз.); Баксанское ущелье (коллекция Вырубова); Белореченский 2-й могильн., погреб. 3; Березовский 1-й могильн., погреб. 1 (1938 г.), 1, 3, 9, 10, 13, 17, 20, 21; Березовский 4-й могильн., погреб. 2; Березовский 5-й могильн., погреб. 1; хут. Водопадский, погреб. (2 экз.); Второ-Афонский монастырь, Пятигорск (Г.Б.Орел. 1911 г.), погреб.; Горно-Джуцкое поселение - 2 экз.; Горно-Джуцкий могильн., погреб. 5; пещера Джисса (Шисса) - 14 экз.; Эссентукское поселение - 3 экз.; Кисловодск, "Замок", случ. находка и погреб. 1 (1960 г.); Заюково, погреб. 2 и 3 (1949 г.), к. 1, погреб. 3 (1949 г.); нар. музей в школе 5 - 3 экз.; Индустрия, погреб. 1 (1966 г.), погреб. 2, погреб. 1/8, 4/11, 7/14, 8 (1971 г.); Инжиччукун, погреб. 1; Исправная, погреб. 9, 10, 14; Каменноостский могильн., курган у дороги (1921 г.), к/я (1921 г.) - 2 экз., к/я (1928 г.), к/я 1 и 2 (1948 г.), к/я 1 и 9 (1949 г.), погреб. 6, 8, 9, 11 (1971 г.); Капельница, поселение; Кисловодская станица (1914 г.); Кисловодский, к\я 1 (Попов, 1932 г.), к/я 2 (Бобин, 1946 г.), погреб. 1, 2, 3 (Бобин, 1955 г.); Кисловодский ж.д. вокзал, погреб. 3 (1962 г.); "Кисловодский" совхоз, погреб. 1 (1981 г.); Кисловодск, дача Кривошеина; Кич-малка, погреб. 1 (1966 г.); Клинь-яр (дар Утяковой); Лермонтовский источник, погреб. 1 (1964 г.); Лермонтовская скала-2, погреб. 1/4, 2/5 и 3 экз. из разруш. погреб. (1970 г.); Лесгорское поселение - 2 экз.; Малое седло (Кисловодск, 1932 г.) - 5 экз.; Мебельная фабрика (Кисловодск), погреб. 1, 5, 6, 13, 16, 18, 25 (с пиктограммой), 30, вне погреб. 1 экз.; Минералводский, погреб. 15 и 2 экз. (погреб. ?); Отказное, случ. погреб.; Перкальское городище - 1 экз. (1929 г.); Прохладная, ст., погреб. 1 (1929 г.); Пятигорск (Скиндер, 1928 г.) кург. 9 (2 экз.); Султангорский 1-й могильн., погреб. 3/9, 4/10 (1966 г.), погреб. 1/4 (1974 г.); Султангорский 3-й могильн. (Узкая балка), погреб. 2 (1966 г.), погреб. 1 (1976 г.); Терезе, гробн. 1 и 2 - 28 экз.; Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 1-5, 8, 10, 11, 13-15; Учкеекский курган; Черная гора, поселение - 1 экз.; Элькушский могильн., к/я 9 (1979 г.); Эчкивашский могильн., погреб. 4; Эшкаконский могильн., погреб. 1 - 8 экз. (1953 г.); Юцкое поселение; - 1 экз.; Яснополянское поселение - не менее 3 экз.

Кружки. Белореченский 1-й могильн., погреб. 2; Былымское жилище - 1 экз.; Веселая роща III, курган 14, погреб. 1; Заюково, могильн. 1, к/я 3 (1949 г.); Зольское поселение - 1 экз. (1929 г.); Каменноостский могильн. (Акритас, 1954 г.), курган 1, погреб. 1; разруш. погреб. (1972 г.), погреб. 8 (1971 г.); Карабашево, гробн. - 2 экз.; Каррас, гробн. II, IV, V, X; Клинярский 2 могильн., погреб. 1, 4, 5, 7, 8; Константиновское плато. курган 3 (1957 г.); Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 1/7 (1972 г.); Минералводский могильн., погреб. 15, погреб. 9 - 3 экз., не менее 6 экз. в отвале; Обьездная ул. (Кисловодск), случ. находка - 1 экз.; Пелагиада, могильн., разруш. погреб. - 1 экз.; Султангорский 1-й могильн., погреб. 3/6, 4/7, 6/9 (1974 г.); Султангорский 3-й могильн., погреб. 1, 3, 6 (1974 г.); Тамгацкинский могильн., между могилами; Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 4, 7, 9; Этокский могильн., погреб. 6, 9, 10, 14, 15.

Миски. Арба-кол, погреб. 1 (1992 г.); Белореченский 1-й могильн., погреб. 3; Белореченский 2-й могильн., погреб. 1-3, 12, 15, 17, 18, 19а, 21, 25, 27, 28, 30, 32; Березовский 1-й могильн., погреб. 4, 7 (1938 г.), 1/2, 3/4, 5/6 (1958 г.), 1/6, 4/9, 10/15 (1962 г.), 1/21 (пиктограмма), 4/24, 6/26; Березовский 4-й могильн., погреб. 1, 2 (1963 г.), 3 (1966 г.); Водопадский хут., погреб. (1953 г.); Горно-Джуцкий могильн., погреб. 5; Горячеводск, ул. Лысенковская, погреб. - 2 экз.; Грушевское селище - 1 экз.; хут. Дружба, поселение; Зеленчукская ст., курган 1; Индустрия-1, могильн.,

к/я 1 и 2 (1966 г.), погреб. 4-6, 8 (1971 г.); Инжиччукун, могильн., погреб. 1; Исправная, могильн., погреб. 2-4, 10-12; Каменноостровский могильн., курган (1914 г.), погреб. 1-3 (1921 г.), к/я 2 (1948 г.), к/я 9 (1949 г.) к/я у школы 5 (Акритас, 1954 г.), курган (1954 г.), к/я 6-9 (1971 г.); Кисловодск (собрание В.Р.Апухтина) - 1 экз.; ул. Володарского - 1 экз.; сан. ЦИК (Ребровая балка - 1934 г.); дар Постникова - 1 экз.; дача Кривошеина - 1 экз.; сан. им Горького, погреб. 1/6, 3/8, 4/9 (Бобин, 1956 г.); Кисловодск (КСУ, Попов, 1933 г.), погреб. 1, 13 - 3 экз., случ. находка в городе - 4 экз.; Кисловодское искусств. озеро, погреб. 4; Кисловодск, КСИ. погреб. 1, 3, 4 (1979 г.); Кисловодский могильн. на Крестовой и Барановской горках, погреб. №9, 11, 13 (1933 г. - 3 экз.), к/я 1, 2, 3 (1946 г. - 6 экз.), к/я 1, 3, 4 (Бобин, 1955 г.), погреб. 1 (Крупнов, 1956 г.), Станичная ул. (1962 г.) - 2 экз., ж.д. вокзал (1962 г.) - 2 экз.; Кич-малка, случ. погреб. (1954 г.), к/я (Мизиен, 1966 г.); Клинярский 2-й могильн., погреб. 1, 2, 3, 4 (пиктограмма), 6, 7; Константиновское плато, курган IV, впуск. (Самоквасов, 1881 г.); Клин-яр, курган (1969 г.); Пятигорье, гора Крестовая (Дударев, 1977 г.); Лермонтовская скала, погреб. (1967 г.); Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 1 (1972 г.), 2, 1/3 (1974 г.); Марьинская ст., курган 1; Мебельная фабрика, могильн., погреб. 2, 3, 5-7, 9, 11, 12, 16, 17, 20, 23, 26-28, 30, 33-35, 37, 39, 40, 42-44, 49, вне погреб. - 8 экз.; Минераловодский могильн., погреб. 4, 11, 17, 24, 30 (шахматный орнамент), 36; Пелагиада, могильн., погреб. 3; Перкальский могильн., погреб. 1; Подкумский могильн., к/я 1 - 2 экз.; Провалское поселение; Псынодахское селище; Пятигорск, ул. Калинина, погреб. 3 (Егоров, 1941 г.), собрание В.Р.Апухтина (начало XX в.); Светловодское городище; хут. Солёный; Ставрополье, курган - 4 экз.; Султангорский 1-й могильн., погреб. 2, 3, 3/6, 4/7, 3/9, 4/10 (1966 г.), 1/4 (1974 г.), погреб. 1 (Дударев, 1977 г.); Султангорский 3-й могильн., погреб. 2 (1966 г.), 1, 3, 6 (1974 г.), Султангорское поселение (1974 г.); Тамгацкинский могильн., погреб. 5-7, между мог. - 2 экз.; Терезе, могильн., гробн. 3 - 2 экз.; сан. "Узбекистан", погреб. 1 (1979 г.); Уллубаганалы, поселение - 2 экз.; Учкуланское поселение; Хумаринское городище; Энергетик, погреб. 1; Эльбрус, окрестности - 2 экз.; Элькушский могильн., к/я 7 - 2 экз.; Этокский могильн., погреб. 2; Этокское поселение; Эчкивашский могильн., погреб. 1, 4, 9; Эшкаконский могильн., погреб. 1; Эшкакон, погреб. 1 (1928 г.).

ОПИСАНИЕ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ТАБЛИЦ

Таблица I. Ножи.

1, 9 - Терезе, могильн., гробн. 1; 6, 21 - там же, гробн. 2; 12, 15 - там же, гробн. 3; 2, 8 - Кызылкалинский могильн., погреб. 4 и 2; 3, 32 - Султангорский 1-й могильн., погреб. 4 и 7; 4 - Красные камни (Кисловодск), разруш. погреб.; 5, 13, 26, 31 - Тамгацкинский могильн., погреб. 4, 6, 3 и 7; 7 - Горно-Джуцкий могильн., погреб. 5; 10, 19 - Исправненский могильн., погреб. 12 и 13/2; 11, 24 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 27 и 44; 14 - Эчкивашский могильн., погреб. 4; 16 - Карабашево, гробн. 1; 17 - Инжиччукунский могильн., погреб. 1; 18, 20, 22, 23 - Эшкаконский могильн., гробн. 1; 25 - Кисловодск, случ. находка; 27, 28 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 10 и 5; 29 - Сосновая горка, разруш. погреб.; 30 - Березовский 4-й могильн., погреб. 3.

4, 6, 9, 17, 18, 20-24, 29 - бронза; 1-3, 5, 7, 8, 10-16, 19, 25-28, 30-32 - железо.

Таблица II. Тесловидные топоры.

1 - Бекшевский клад; 2, 4 - Боргустанский клад; 3 - Светловодское поселение; 5 - Березовский 1-й могильн., погреб. 3 (1946 г.); 6 - Константиновское плато, погреб. 3 (А.С.Уваров, 1882 г.); 7 - Эшкаконский могильн., гробн. 1; 8 - Индустрия, 1-й могильн., погреб. 4; 9 - Терезе, могильн., гробн. 3.

Все - бронза.

Таблица III. Мелкие орудия труда (иглы, шилья и др.)

1 - Инжиччукунский могильн., погреб. 1; 2, 4, 11 - Березовский 1-й могильн., погреб. 1 (1938 г.), погреб. (1947 г.), погреб. 3 (1946 г.); 3, 15 - Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 3 и погреб. 1; 6, 7 - там же, разруш. погреб.; 5, 28 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 32 и погреб. 10; 8, 9 - Султангорский 1-й (Южный) могильн., погреб. 5; 10, 20, 22 - Уллубаганалы-2, поселение; 12, 14, 17, 23-25 - Терезе, могильн., гробн. 1 (1977 г.), гробн. 2 (3 экз.), гробн. 1 (1978 г.) и гробн. 3; 13 - Пятигорск, Провалское поселение; 16, 26 - Исправненский могильн., погреб. 6 и 13/1; 18 - Тамгацкинский могильн., погреб. 4; 19, 21 - Хумаринское городище; 27 - Агачевский могильн., погреб. 38; 29, 30 - Березовский 1-й могильн., погреб. 26.

1-9, 12-14, 17, 18, 23, 24 - бронза; 8, 10, 11, 25, 29 - железо; 15 - бронза и рог; 16 - рог; 19-22 - кость; 26-28, 30 - кремний и обсидиан.

Таблица IV. Орудия труда (тесла, долота, песты и др.)

1 - "Заслонка", поселение; 2, 3, 5 - Уллубаганалы-2, поселение; 4 - Пятигорск (коллекция В.Р.Апухтина); 6, 11 - Березовский 1-й могильн., погреб. 3 (1946 г.) и погреб. 27; 7 - Былымский жилищно-оборонительный комплекс; 8 - Кисловодск, погреб. на ул. Володарского, 36; 9 - Клинярский курган; 10 - Кисловодск, могильн., у ж.д. вокзала (кассы ГВФ).

1, 3, 4, 6 - бронза; 2 - рог; 5 - железо; 7-11 - камень.

Таблица V. Бронзовые серпы.

1 - Ново-Ивановское; 2, 3, 5 - Удобная станица, курганы 1-3; 4, 9 - Бык-гора, погреб. 1; 6 - Кичмалкинское поселение; 7 - Агурский клад; 8 - Боргустанский клад.

Таблица VI. Предметы, связанные с металлообработкой (тигли, льячки, сопла, литейные формы).

1, 2, 4, 5 - Уллубаганалы-2, поселение; 3 - Кисловодск, гора Казачка, поселение; 6 - Хумаринское городище; 7, 11 - Султангорское поселение (1976 г.); 8 - Сулимина поляна (Кавказский заповедник); 9 - Зольское поселение "Святая гора"; 10 - Верхнебаксанский клад; 12 - Мебельная фабрика, слой между могилами; 13, 14 - Подкумский мост, поселение; 15, 16 - Эссентукская станица, поселение на землях совхоза "Кисловодский".

1 - бронза; 2, 7, 11, 12 - глина; 8-10, 13-16 - камень.

Таблица VII. Точильные камни (оселки).

1 - Грушевское поселение; 2 - Терезе, могильн., гробн. 2; 3 - Инжиччукунский могильн., погреб. 1; 4, 16 - Индустрия, могильн. (Кабардинская балка), погреб. 6; 5 - Эшкаконский могильн., погреб. 1; 6 - Березовский 1-й могильн., погреб. 3 (1946 г.); 7, 14, 17 - Мебельная фабрика, могильн., разруш. погреб., погреб. 14 и 11; 8-10 - Исправненский могильн., погреб. 7, 1 и 10; 11 - Каррасский могильн., гробн. 2/III; 12 - Горно-Джуцкий могильн., погреб. 5; 13 - Кисловодск, могильн. "Замок"; 15 - Эчкивашский могильн., погреб. 4; 18 - Султангорский 1-й могильн. (Южный), погреб. 1; 19 - Ново-Ивановское, случ. погреб. (по В.М.Батчаеву, 1985); 20 - Бекешевский могильн., случ. погреб. (Указ. 153/1).

Таблица VIII. Пряслица.

1 - Исправненский могильн., погреб. 6; 2 - Березовский 1-й могильн., погреб. 13; 3, 10 - Заюково. случ. находка; 4, 5, 8, 9, 12, 17 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 33, 29, 13, случ. разруш. погреб. (1971 г.), 35 и 22; 6 - Железноводск, поселение у озера; 7 - Пятигорье, гора Медовая, поселение; 11 - Грушевское поселение (Ставрополь); 13 - Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 3; 15 - Хумаринское городище; 16 - Султангорский 1-й могильн., погреб. 4 (1974 г.); 18 - Ессентуки, случ. находка в окрестности.

17 - кость; остальные - глина.

Таблица IX. Серьги (1-8) и височные подвески (9-21).

1 - Березовский 1-й могильн., погреб. 8 (1938 г.); 2, 18 - Эшкаконский могильн., погреб. 1; 3 - Заюковский 1 могильн., курган 1, погреб. 3; 4 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 35; 5 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 5; 6 - Минералводский могильн. (по Г.Е.Афанасьеву и А.П.Руничу); 7 - урочище "Остров" (Ставрополье), поселение; 8 - Ставрополь, погреб. в окрестностях (Инв №12964); 9 - Ставропольский курган 1881 г.; 10, 12, 17, 19-20 - Терезе, могильн., гробн. 2; 11, 14 - Инжиччукунский могильн., погреб. 5 и погреб. 9; 13 - Тамгацкинский могильн., погреб. 3; 15-16 - Былымский клад; 21 - Индустрия, могильн., погреб. 3/6 (1969 г.).

Все - бронза.

Таблица X. Пуговицы (1-17) и перстни (18-20).

1, 2, 13, 15, 16 - Заюково - разрушенные курганы 1935 г.; 3, 4, 7, 9-10, 14, 19 - Терезе, могильн., гробн. 3, гробн. 1, гробн. 2 (9-10), гробн. 1 (14); 5, 6 - Заюковский 1-й могильн., (1888 г., ГИМ, Инв. №25277); 8 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 14; 11 - Заюково (Атажукин), покупка В.П.Ренгартена 1914 г.; 12 - Агачевский могильн., погреб. 54; 17 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 28; 18 - Этокский могильн., погреб. 8; 20 - Тамгацкинский могильн., погреб. 6.

9, 10 - кость; 11, 12 - сурьма; остальные - бронза.

Таблица XI. Привески и пронизи-привески.

1, 2, 17 - Былымский клад; 3 - Березовский 1-й могильн., погреб. 12; 4 - Белореченский 2-й могильн., погреб. 3; 5 - Эчкивашский могильн., погреб. 8; 6, 10, 13 - Терезе, могильн., гробн. 2 и 3; 7, 25 - Этокский могильн., погреб. 12; 8 - Домбай,

"Солнечная поляна", погреб. 1; 9 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 7; 11, 14-16 - Кыфарский клад; 12, 19 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 11 и 14; 18, 22 - Баксанское ущелье (коллекция Е.Зичи); 20 - могильн. "Южный"; 21 - Карабашево, гробн. 1; 23 - Этокский могильн., погреб. 9; 24 - Аман-кол, могильн., погреб. 1.

23 - камень; остальные - бронза.

Таблица XII. Привески.

1, 10, 19, 30 - Индустрия, могильн., погреб. 7/14; 2 - Заюково, курганы (1935 г.); 2a - Кобу-баши, склеп; 3, 5, 6 - Домбайская поляна, погреб.; 4 - Кич-малка. разруш. погреб.; 7 - Гижид, разруш. склеп; 8, 9 - Терезе, могильн., гробн. 2; 11 - Каррасский могильн., гробн. VIII; 12 - Ставрополь, случ. погреб. в окрестности; 13, 18, 20-25, 27 - Терезе, могильн., гробн. 1; 14 - Инжиччукунский могильн., разруш. погреб.; 15 - Этокский могильн., погреб. 6; 16 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 2; 17 - Белореченский 2-й могильн., погреб. 4; 26 - Былымский клад; 27a - Баксанское ущелье, случ. погреб.; 28 - Заюково (народный музей), разруш. погреб.; 29, 33 - Эшкаконский могильн., гробн. 1; 29a - Хабаз, случ. находка; 31 - Черкесск, случ. находка в окрестности; 32 - Терезе, могильн., гробн. 2a; 34 - Баксанское ущелье; 35 - Кисловодск, погреб. на ул. Коминтерна, 32; 36 - Бештау, поселение "Средняя гремучка"; 37, 38 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 7.

Все - бронза.

Таблица XIII. Привески.

1 - Былымский клад; 2 - Заюково (народный музей), разруш. погреб.; 3, 11, 26 - Терезе, могильн., гробн. 1; 4, 16 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 25; 5 - Терезе, могильн., гробн. 3; 6 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 33; 7 - Минералводский могильн., погреб. 6; 8 - Березовский 1-й могильн., погреб. 25; 9 - Каррасский могильн., гробн. I; 10 - Минералводский могильн., разруш. погреб.; 12, 22, 23 - Баксанское ущелье (коллекция Е.Зичи); 13 - Ставрополь, случ. находка; 14, 18, 19 - Карабашево, гробн. 1; 15 - Терезе, могильн., гробн. 2; 17 - Агачевский могильн., погреб. 40; 20 - Инжиччукунский могильн., погреб. I-III (разруш.); 21 - Исправная разруш. могилы у пруда; 24 - Верхнебаксанский клад; 25 - Заюково, случ. находки из разруш. погреб.

6-8 - раковины; 16 - сурьма; 17 - глина; остальные - бронза.

Таблица XIV. Гривны.

1 - Индустрия, могильн., погреб. 7/14; 2 - Березовский 1-й могильн., погреб. 2/22 (1966 г.); 3 - Заюково (народный музей), раз-

рущ. погреб.; 4, 5 - Инжиччукунский могильн., разруш. гробн. I-III; 6 - Березовский 1-й могильн., Северная часть, погреб. 2 (Пятигорск, музей, инв. №6999, 1950 г.); 7 - Каррасский могильн., гробн. I.

Все - бронза.

Таблица XV. Гривны.

1 - Верхнебаксанский клад; 2 - Домбай-Ульген, погреб. 1 на левом берегу (Указ. 171); 3 - Домбай, погреб. у моста р. Алибек (Указ. 172/2); 4, 6-8 - Теберда, погреб. в лесу на территории заповедника (Указ 176/2); 5 - Этокский могильн., погреб. 7; 9 - Березовский 1-й могильн., погреб. 3 (раскопки Н.М. Егорова 1938-1940 гг., Пятигорск, инв. №6981).

Все - бронза.

Таблица XVI. Браслеты.

1 - Инжиччукунский могильн., разруш. погреб. I-III; 1а - Исправная, разруш. погреб. у пруда; 2 - Тебердинский заповедник, случ. находка (1955 г.); 3 - Клинярский 1-й могильн., погреб. 16; 4 - Сосновая горка, 1-й могильн., погреб. 3; 5 - Былымский клад; 6 - Гижгид, склеп (1928 г.); 7, 8, 10, 11 - Терезе, могильн., гробн. 1 и 2; 9 - Индустрия, могильн., погреб. 3/6 (1969 г.); 12 - Лермонтовская скала, могильн., погреб. 3 (1970 г.); 13 - Ессентуки, разруш. погреб.; 14 - Кармово (Каменноостское), случ. находка из погреб. (Нальчик, инв. №1953/1568); 15 - Пятигорск, случ. находка в окрестности; 16 - Каррасский могильн., гробн. III; 17 - Ставропольский курган 1881 г.; 18 - Пантелеймоновский хут., разруш. погреб.

17 - серебро; остальные - бронза.

Таблица XVII. Браслеты.

1 - Кисловодск, собрание А.А.Бобринского (Указ. 103/2); 2 - Кисловодск, случ. находка (музей г. Тарту); 3 - погреб. на территории санатория "Кисловодский"; 4 - Бедыкский клад литейщика; 5 - Кисловодский могильн., погреб. №16 (1933 г.); 6 - Хабаз, подкурганый склеп (1919 г.); 7 - Султангорский 1-й могильн., разруш. погреб.; 8 - Этокский могильн., погреб. 7; 9 - Клинярский 2-й могильн., погреб. 7; 10 - Ставрополь, разруш. погреб. в окрестности; 11, 12 - Терезе, могильн., гробн. 2 и гробн. 1; 13 - Инжиччукунский могильн., погреб. 4; 14 - Каррасский могильн., гробн. I; 15 - Кисловодск, Верхний парк, разруш. погреб. (1969 г.); 16 - Заюково, разруш. курган (1935 г.); 17 - Домбай-Ульген, погреб. у моста р. Алибек (Указ. 172/1); 18 - Уллубаганалы-2, мо-

гильн., погреб. 9; 19 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 25.

Все - бронза.

Таблица XVIII. Браслеты.

Ручные браслеты. 1-4 - Былымский клад; 5 - Клинярский 2-й могильн., погреб. 7; 6 - Белореченский 1-й могильн., погреб. 7; 7 - Березовский 1-й могильн., погреб. 6/11; 8 - Каррасский могильн., гробн. V; 9 - Минераловодский могильн., разруш. погреб.; 10 - Кыфарский клад; 11 - Байбарис, хут., разруш. погреб.; 12 - Ставрополь, разруш. погреб. в окрестности;

Ножные браслеты. 13 - Этокский могильн., погреб. 9; 14, 15 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 19 и погреб. 21.

7 - серебро; остальные - бронза.

Таблица XIX. Металлические пояса и поясные пряжки.

1 - Домбай-Ульген, погреб. 1 у моста р. Алибек (Указ. 172/1); 2, 2а - Клинярский 2-й могильн., погреб. 7; 3, 4 - Индустрия, могильн., погреб. 3/6; 5, 6 - Индустрия, могильн., погреб. 2/5; 7 - Заюковский 1-й могильн. (Атажукин I, западный скат, траншея, раскопки В.И.Долбежева); 8 - Верхнебаксанский клад литейщика; 9 - Гижгид, склеп (1928 г.); 10 - Бедыкский могильн., разруш. погреб.; 11 - Каменноостское (Кармово), случ. находка; 12, 13 - Заюково, разруш. курганы (1935 г.); 14 - Кобу-баши, склеп; 15 - Клинярский 3-й могильн., "клад" из разруш. погреб. (М.В.Андреева).

2-2а, 3-6 - сурьма; остальные - бронза.

Таблица XX. Бляхи.

1 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 18; 2 - Домбай-Ульген, погреб. 1 у моста р. Алибек (Указ. 171/1); 3, 5 - Индустрия, могильн., погреб. 1 (1966 г.) и погреб. 2 (1967 г.); 4 - Терезе, могильн., гробн. 3; 6 - Эчкивашский могильн., погреб. 5; 7 - Инжиччукунский могильн., погреб. 5; 8-11, 19 - Терезе, могильн., гробн. 1; 12 - Гижгид, склеп (1928 г.); 13 - Заюково, коллекция В.П.Ренгартена 1914 г.; 14, 16 - Агачевский могильн., погреб. 36 и 40; 15 - Кисловодский могильн., погреб. №5 (1933 г.); 17 - Бедыкский могильн., разруш. погреб.; 18 - Каррасский могильн., гробн. II.

7 - кость; остальные - бронза.

Таблица XXI. Булавки.

1, 2, 4, 6-8, 13 - Былымский клад; 3 - Баксанское ущелье, коллекция Д.А.Вырубова (Указ. 21а); 5, 9 - Заюково, случ. разруш. погреб.; 10 - Баксанское ущелье, коллекция Е.Зичи; 11 - Каменноостский могильн., погреб. 6 (1971 г.); 12, 16, 18 - Терезе, могильн.,

гробн. 2 и гробн. 1 (1977 г.); 14 - Минералводский могильн. (по А.П.Руничу и Г.Е.Афанасьеву); 15 - Заюково (Атажукин), коллекция В.П.Ренгартена 1914 г.; 17, 19 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 7 и погреб. 48; 20, 21 - Исправная, могильн., погреб. 11 (раскоп II, 1971 г.); 22 - Домбай, р. Гоначхир (Указ. 173).

Все - бронза.

Таблица XXII. Булавки.

1 - Константиновское плато, погреб. 3 (1882 г.); 2 - Баксанское ущелье, коллекция Д.А.Вырубова; 3 - Инжиччукунский могильн., погреб. 8; 4 - Баксанское ущелье, коллекция Е.Зичи; 5 - Терезе, могильн., гробн. 2; 6 - Инжиччукунский могильн., погреб. I-III; 7 - Исправная, могильн., разруш. погреб.; 8 - Кяфарский клад; 9, 10, 12, 14, 16-22, 25 - Былымский клад; 11 - Заюковский 1-й могильн. (Атажукин I, погреб. "М", раскопки В.И.Долбежева); 15, 23, 24 - Баксанское ущелье, разруш. погреб. на Баксанстрое в 30-е годы XX в.

Все - бронза.

Таблица XXIII. Булавки.

1 - Кич-малка, случ. находка (1924 г.); 2, 7, 15 - Баксанское ущелье, коллекция Е.Зичи; 3 - Каменноостское (Кармово), случ. находка 30-х годов; 4, 5 - Султангорский 3-й могильн., погреб. 6 (1976 г.); 6 - Баксанское ущелье, случ. находка; 8 - Баксанское ущелье, коллекция А.А.Вырубова (Указ. 21а); 9 - Кичмалкинский могильн., разруш. погреб. (Указ. 32); 10 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 13; 11, 12, 18, 19 - Терезе, могильн., гробн. 3 (2 экз.), гробн. 1 и гробн. 2; 13 - Кисловодск, случ. находка в окрестности; 14 - Эшкаконский могильн., погреб. 1; 16, 17 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 23; 20, 21 - Былымский клад; 22 - Кисловодский могильн., разруш. погреб. (1955 г., В.В.Бобин); 23 - "Южный" могильн., разруш. погреб. (1968 г., А.П.Рунич).

Все - бронза.

Таблица XXIV. Фибулы.

1 - Каррасский могильн., гробн. I; 2 - Минералводский могильн., погреб. 1; 3 - Кисловодский могильн., погреб. №16 (1933 г.); 4 - Каменноостский могильн., погреб. у школы 5 (1954 г.); 5 - Клинярский 2-й могильн., погреб. 1; 6 - Кызылкалинский могильн., погреб. 2, "тайник"; 7 - Султангорский 1-й могильн., погреб. 7; 8, 11, 19 - Баксанское ущелье, коллекция Е.Зичи; 9 - Вако-жиле, склеп; 10 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 4; 12, 15 - Заюково, разруш. курган (1935 г.); 13 - Лер-

монтовская скала, 3-й могильн., погреб. 1; 14, 20 - Каменноостское (Кармово), разруш. погреб. (Нальчик, музей, инв. №2504); 16 - Гижгид, склеп (1928 г.); 17 - Гунделен, разруш. погреб.; 18 - Кичмалкинский могильн., разруш. погреб. (1955 г.); 21 - Заюковский 1-й могильн. (Атажукин I, погреб. "Л", раскопки В.И.Долбежева).

Все - бронза.

Таблица XXV. Фибулы.

1 - Бедыкский могильн., разруш. погреб. (по В.М.Батчаеву, 1985 г.); 2 - Гижгид, склеп (1928 г.); 3 - Заюково, разруш. курган (1935 г.); 4 - Заюковский 1-й могильн., погреб. 2 (1949 г.); 5 - Лашкута, разруш. погреб. (по В.М.Батчаеву, 1985 г.); 6 - Заюково (школьный народный музей), разруш. погреб.; 7, 8 - Байбарис, хутор, погреб.; 9, 10 - Ильич, хутор, погреб.; 11, 12 - Пантелеймоновский, хутор, погреб.; 13 - Домбай-Ульген, разруш. погреб.; 14, 15 - Домбай, р. Алибек, "Солнечная поляна" (Указ. 172/2).

Все - бронза.

Таблица XXVI. Детали нагрудных и головных комбинированных украшений.

1 - Лашкута, разруш. погреб. (по В.М.Батчаеву, 1985 г.); 2, 3 - Терезе, могильн., гробн. 1 и 2; 4 - Заюковский 1-й могильн. (Атажукин I, раскопки и рисунок В.И.Долбежева).

Все - бронза.

Таблица XXVII. Предметы туалета и лечебной практики.

1 - Этокский могильн. (по В.Б.Виноградову, 1972 г.); 2 - Каменноостский могильн., курган 1 (1954 г.); 3 - Тамгацкинский могильн., погреб. 4; 4 - Гунделен, случ. находка из разруш. погреб.; 5 - Домбайская поляна (разруш. погреб. 1967 г.); 6 - Исправненский могильн., погреб. 13/2; 7 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 6; 8, 9 - Минералводский могильн. (разруш. погреб. в котловане).

8 - железо; 9 - кость; остальные - бронза.

Таблица XXVIII. Бронзовые зеркала.

1 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 7; 2 - Мебельная фабрика, разруш. погреб. (1958 г.); 3, 5, 8, 9 - Минералводский могильн. (2 - разруш. погреб., погреб. 11 и 19); 4 - Каррас, гробн. IV; 6 - Кармово (Каменноостское), разруш. курган; 7 - Заюково, разруш. курган (1935 г.); 10 - Ставропольский курган 1 (1880 г.).

Таблица XXIX. Бронзовые зеркала.

1 - Хабаз, склеп (1919 г.); 2 - Каррасский могильн., гробн. III; 3 - Каменноостский

могильн., курган 1 (1954 г.); 4 - Минерал-водский могильн., погреб. 34.

Таблица XXX. Тарно-хозяйственные сосуды.

1-4 - Былымский оборонительно-жилищный комплекс; 5-15 - поселение "Ясная поляна".

Таблица XXXI. Нелощеные сосуды. Отделы 1 и 2, группа 1.

1, 22 - Березовский 1-й могильн., погреб. 17 и погреб. 2/22 (1966 г.); 2 - Эчкивашский могильн., погреб. 4; 3 - Березовский 1-й могильн., разруш. погреб.; 4 - Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 1/4 (1970 г.); 5 - Клинярский 2-й могильн., погреб. 4; 6, 13 - Пелагиада, могильн., погреб. 1 и 3; 7, 20 - Кисловодск (раскопки Постникова, XIX в.); 8 - Сосновая горка, случ. находка из разруш. кам. ящика; 9 - Клинярский 1-й могильн., погреб. 9; 10, 17 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 10 и погреб. 22; 11, 14, 21 - Белореченский 2-й могильн., погреб. 26, погреб. 31 и погреб. 2/20 (1978 г.); 12, 15 - Лесгорское поселение; 16 - Кисловодск, случ. находка (дар Зайонц, ГИМ); 18 - Султангорский 1-й могильн., погреб. 4 (1964 г.); 19 - Терезе, могильн., гробн. 2.

Таблица XXXII. Лощеные сосуды. Отдел 1, группа 2. Корчаги.

1 - Каменноостский могильн., погреб. 1 (1928 г.); 2 - Сосновогорский 1-й могильн., разруш. погреб.; 3 - Султангорский 1-й могильн., погреб. 3/9 (1966 г.); 4 - Пятигорск, погреб. (собрание В.Р.Апухтина); 5 - Исправная, могильн., погреб. 11; 6 - Лермонтовская скала, 2-й могильн., погреб. 1/3 (1974 г.); 7 - Терезе, могильн., гробн. 3; 8 - Каменноостский могильн., погреб. 2 (1948 г.); 9 - Каменноостский могильн., погреб. 9 (1971 г.); 10 - Провалское поселение (Пятигорск); 11 - Каменноостский могильн., погреб. 1 (1954 г.).

Таблица XXXIII. Лощеные сосуды. Отдел 1, группа 2. Горшки.

1, 9 - Каменноостский могильн., погреб. 10 (1979 г.); 2, 3 - Уллубаганалы-2, поселение, жертвенник; 4 - Березовский 1-й могильн., "кладовая около камен. ящика 9" (1939 г.); 5 - Мебельная фабрика, могильн., разруш. погреб.; 6, 7 - Исправная, могильн., погреб. 1 и 2 (1970 г.); 8 - Тамгацкинский могильн., погреб. 3; 10 - Ессентукское поселение; 11 - Кисловодский могильн., детская гробн. (1933 г.); 12 - Этокское поселение.

Таблица XXXIV. Лощеные сосуды. Отдел 1, группа 2.

Кринкообразные сосуды: 1 - Березовский 4-й могильн., погреб. 2; 2 - Султангорский 3-й могильн., погреб. 1 (1976 г.); 3 - Минералводский могильн., погреб. 34; 4 - Байбарис, хутор, погреб. 1.

Кувшины: 5 - Байбарис, хутор, погреб. 1; 6, 7 - Пелагиада, могильн., разруш. погреб. и погреб. 1; 8 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 6; 9 - Каменноостский могильн., погреб. 6 (1971 г.); 10 - Марьинская, станица, курган "Близнецы" (1923 г.); 11 - Минералводский могильн., погреб. 16; 12 - Горячеводская станица, погреб. 1; 13 - Тамгацкинский могильн., погреб. 4; 14 - Горно-Джуцкий могильн., погреб. 5.

Таблица XXXV. Лощеные сосуды. Отдел 2, группа 2. Миски.

1, 3, 5, 14 - Исправная, могильн., погреб. 12, погреб. 11, погреб. 2 и погреб. 3; 2, 15 - Инжиччукунский могильн., погреб. 1 и разруш. погреб.; 4 - Тамгацкинский могильн., между могилами; 6, 13 - Каменноостский могильн., погреб. у школы 5 (1954 г.); 18 - там же, погреб. 1 (1921 г.); 7 - Клинярский 2-й могильн., погреб. 1; 8 - Учкуланское поселение; 9 - Кисловодский могильн., погреб. 3 (1946 г., В.В.Бобин); 10 - Пятигорск, погреб. 1 на ул. Калинина (1941 г., Н.М.Егоров); 11 - Пятигорск, Провалское поселение; 12 - Кисловодск, Станичная ул., 38 (Указ. 99/1); 16 - Горячеводская станица; 17 - Пелагиада, могильн., погреб. 3.

Таблица XXXVI. Лощеные сосуды. Отдел 2, группа 2. Миски.

1, 3 - Уллубаганалы-2, поселение; 2 - Кичмалкинский могильн., погреб. 1 (1966 г.); 4 - Пятигорский, поселок, поселение в месте слияние р. Этоки и Родниковой балки (сборы 1974 г.); 5 - Кисловодск, раскопки Постникова (дар ГИМу 1888 г.); 6, 11 - Мебельная фабрика, могильн., погреб. 42 и погреб. 44; 7 - Березовский 1-й могильн., погреб. 26; 8 - Кисловодск, комбинат стройизделий (КСИ), погреб. 3 (по С.Л.Дудареву, 1979 г.); 9 - Кисловодск, разруш. камен. ящик на даче Кривошеина (1888 г.); 10 - Кисловодск, случ. находка.

Таблица XXXVII. Лощеные сосуды. Отдел 2, группа 2.

Кубки: 1 - Мебельная фабрика, могильн., разруш. погреб. (1976 г.); 2 - Горно-Джуцкое поселение; 3, 6, 7, 10, 12, 13 - пещера Шисса (Джисса); 4 - Перкальское городище; 5 - Минералводский могильн., погреб. 25; 8, 14 - Инжиччукунский могильн., погреб. 1; 9 - Яснополянское поселение; 11, 18 - Каменно-

стский могильн., погреб. 1 (1921 г.) и погреб. 8 (1971 г.); 15 - Учкеекский курган, гробн.; 16 - Баксанское ущелье, коллекция Д.А.Вырубова (Указ. 21а); 17 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 14; 19 - Отказное, случ. погреб.; 20 - Заюковский 1-й могильн., курган 1, погреб. 3 (1949 г.).

Кружки: 21 - Учкуланское поселение (коллекция Е.Зичи); 22, 25 - Тамгацкинский могильн., находка между могилами и погреб. 1; 23 - Заюковский 1-й могильн., курган 1, погреб. 3 (1949 г.); 24 - Этокский могильн., погреб. 9; 26 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 9; 27 - Белореченский 1-й могильн., погреб. 3; 28 - Минералводский могильн., разруш. погреб. в карьере.

Таблица XXXVIII. Лощеные сосуды. Отделы 2 и 3, группа 2. Сосуды оригинальных форм.

1, 4 - Каменноостский могильн., погреб. 9 (1949 г.) и погреб. 6 (1971 г.); 2 - Учкеек, подкурганная гробница; 3 - Кисловодский могильн., погреб. 5 (1951 г., В.В.Бобин); 5 - Исправненский могильн., погреб. 8; 6 - Тамгацкинский могильн., погреб. 4; 7 - Терезе, могильн., гробн. 2; 8 - Заюковский 1-й могильн. (Атажукин I, раскопки В.И.Долбежева, рисунок из дневника); 9 - Верхнебаксанский клад; 10 - Уллубаганалы-2, поселение X-VIII вв. до н.э., помещение №2 ("маслобойка"); 11 - Минералводский могильн., погреб. 28.

Таблица XXXIX. Лощеные сосуды. Отдел 3, группа 2. Ритуальная посуда.

1 - Пятигорск, поселение южнее "Провала" (пункт "Н" 1929 г.); 2 - Каррасский могильн., гробн. III; 3 - Каменноостский могильн., погреб. 6 (1971 г.); 4, 6 -

Карабашево, гробн.; 5 - Перкальский могильн., погреб. 3 (по Н.М.Егорову, 1955 г.); 7, 9, 11, 12 - Минералводский могильн., погреб. 15, погреб. 2, разруш. погреб. (в отвале) и находка в карьере; 13 - Этокский могильн., погреб. 9.

Таблица XL. Сосуды протокобанской группы периода Кобан Iб (I этап западного варианта).

1-3, 5-7, 9 - Былымский жилищно-оборонительный комплекс; 4 - Былымский клад (Алмалы-кая); 8 - Клинярский курган; 10 - Ильич, хутор (Отрадное, Краснодарский край), каменный ящик (по отчету М.Н.Ложкина за 1962 г.).

Таблица XLI. Сосуды с мифологическими и сакральными изображениями.

1 - Клинярский 3-й могильн., погреб. 136 (по В.С.Флерову и О.Р.Дубовской, 1993 г.); 2 - Лермонтовская скала, могильн. "у реки", погреб. 2 (по Я.Б.Березину и С.Л.Дудареву, 1998 г.); 3 - Терезе, могильн., гробн. 1; 4 - Кисловодский могильн., (1955 г., В.В.Бобин); 5 - Урухская, станица, курган 1 (грабительская яма); 6 - перевозка айрумами сена в горах (Азербайджан).

Таблица XLII. Бронзовые сосуды.

1 - Султангорский могильн. (Южный), траншея I, гробн. 1; 2, 3 - Уллубаганалы-2, могильн., погреб. 2 и 4; 4, 5, 7 - Терезе, могильн., гробн. 3; 6 - Учкеек, подкурганная гробн. 1; 8 - Пятигорск, случ. находка в окрестности; 9 - Тырнаузский клад (1976 г.); 10 - Бештаугорский клад, северо-западный склон; 11 - Бештау, случ. находка на северной вершине.

6 - бронза и железо; остальные - бронза.

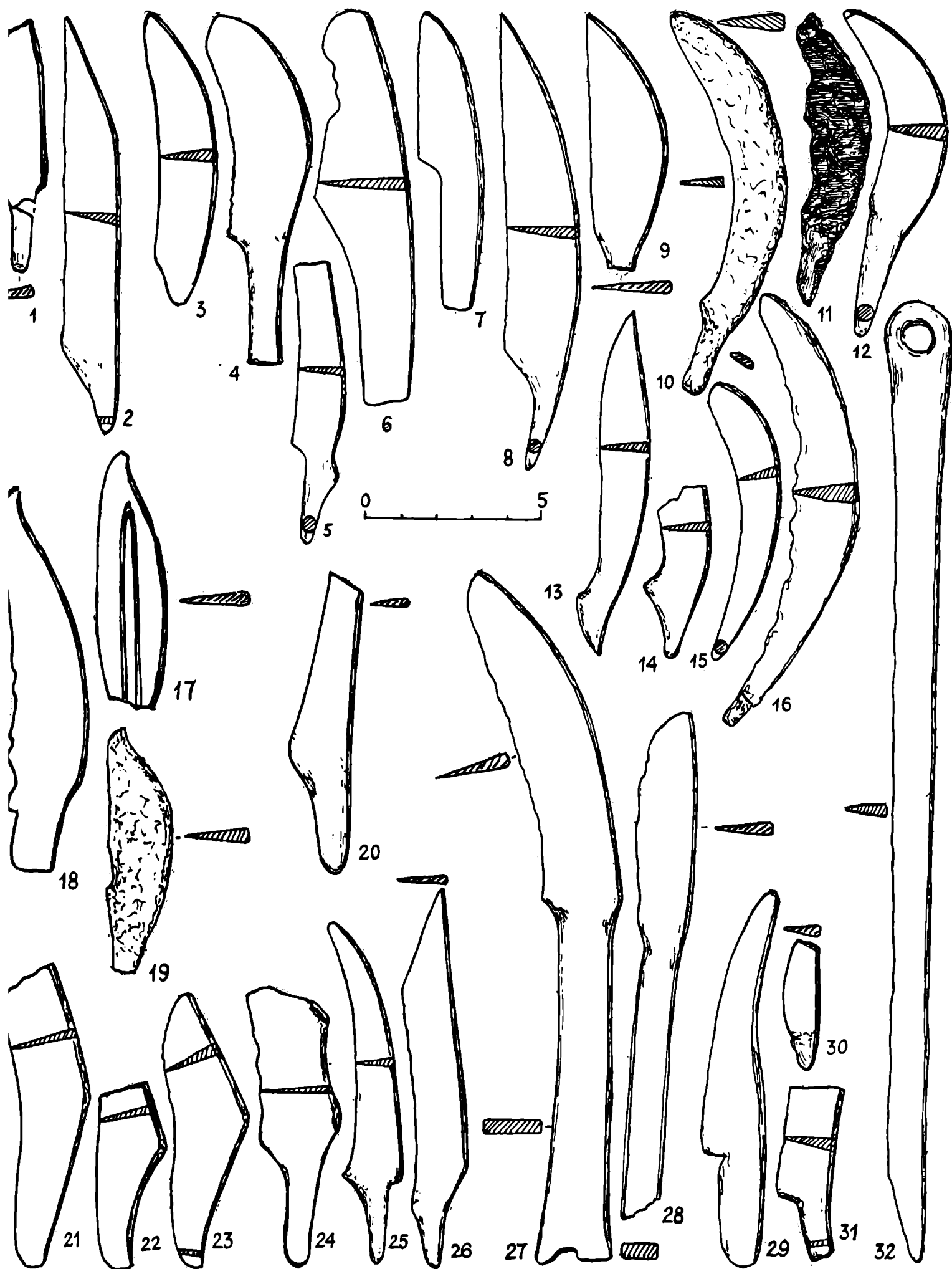

Таблица I. Ножи.

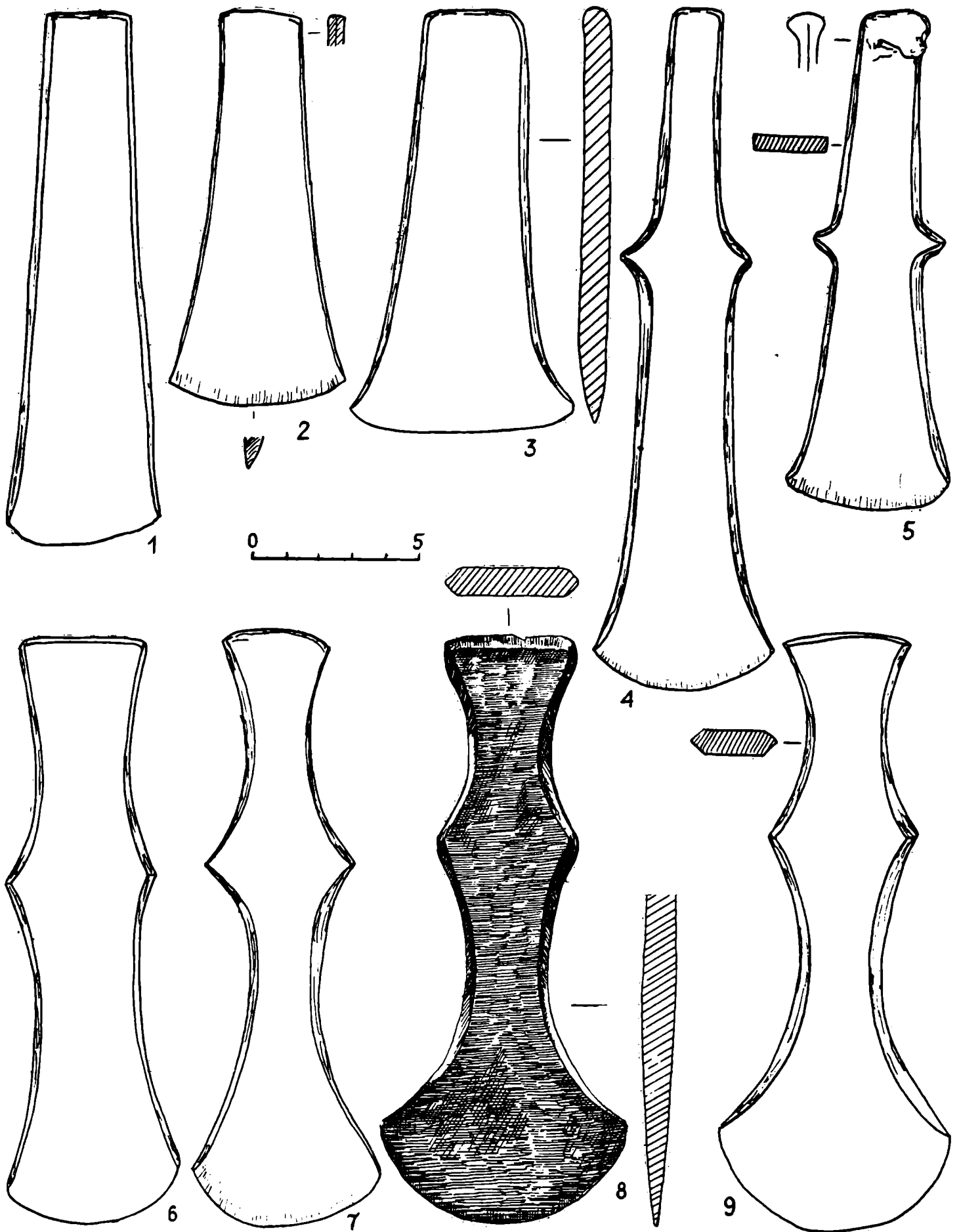

Таблица II. Тесловидные топоры.

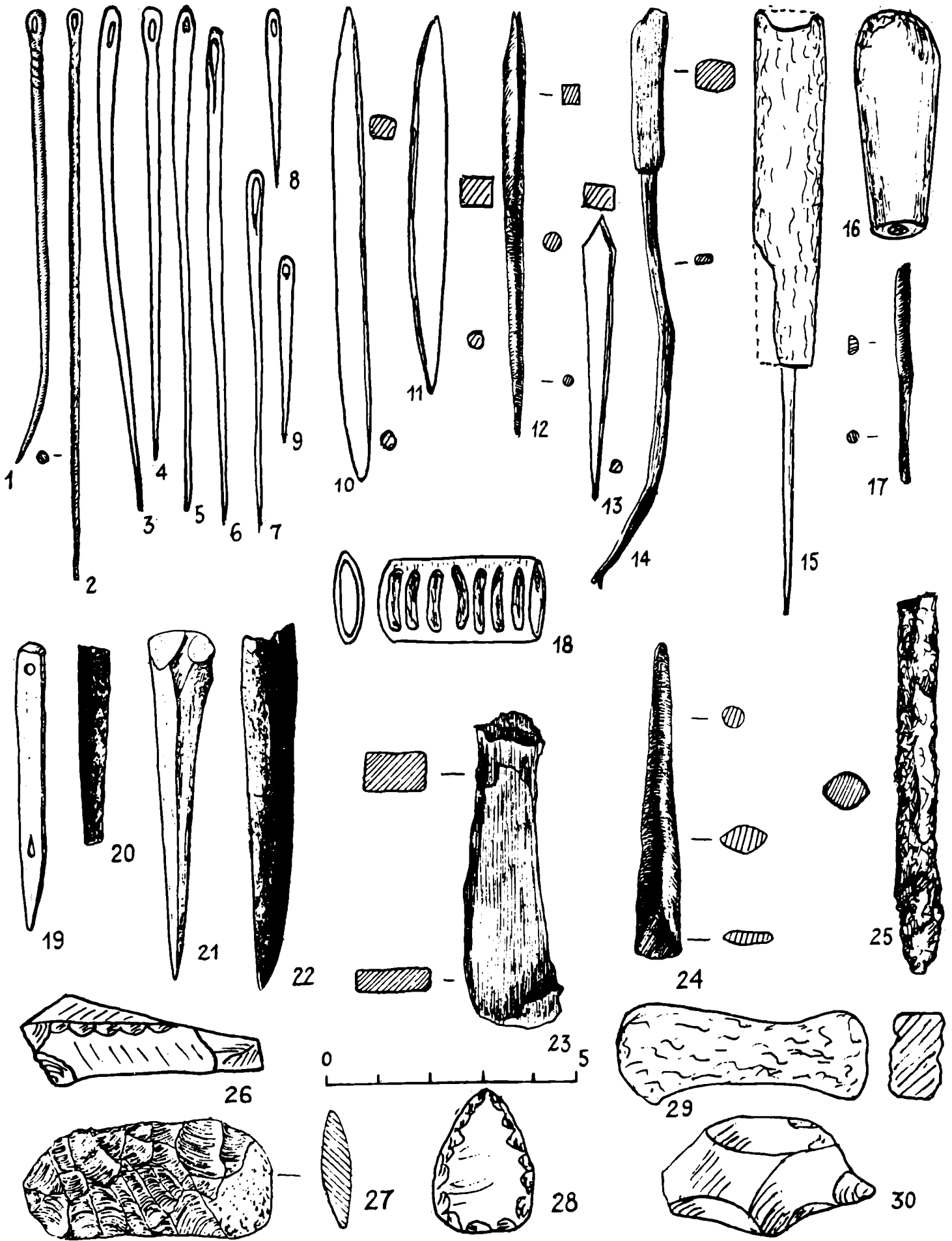

Таблица III. Мелкие орудия труда (иглы, шилья и др.)

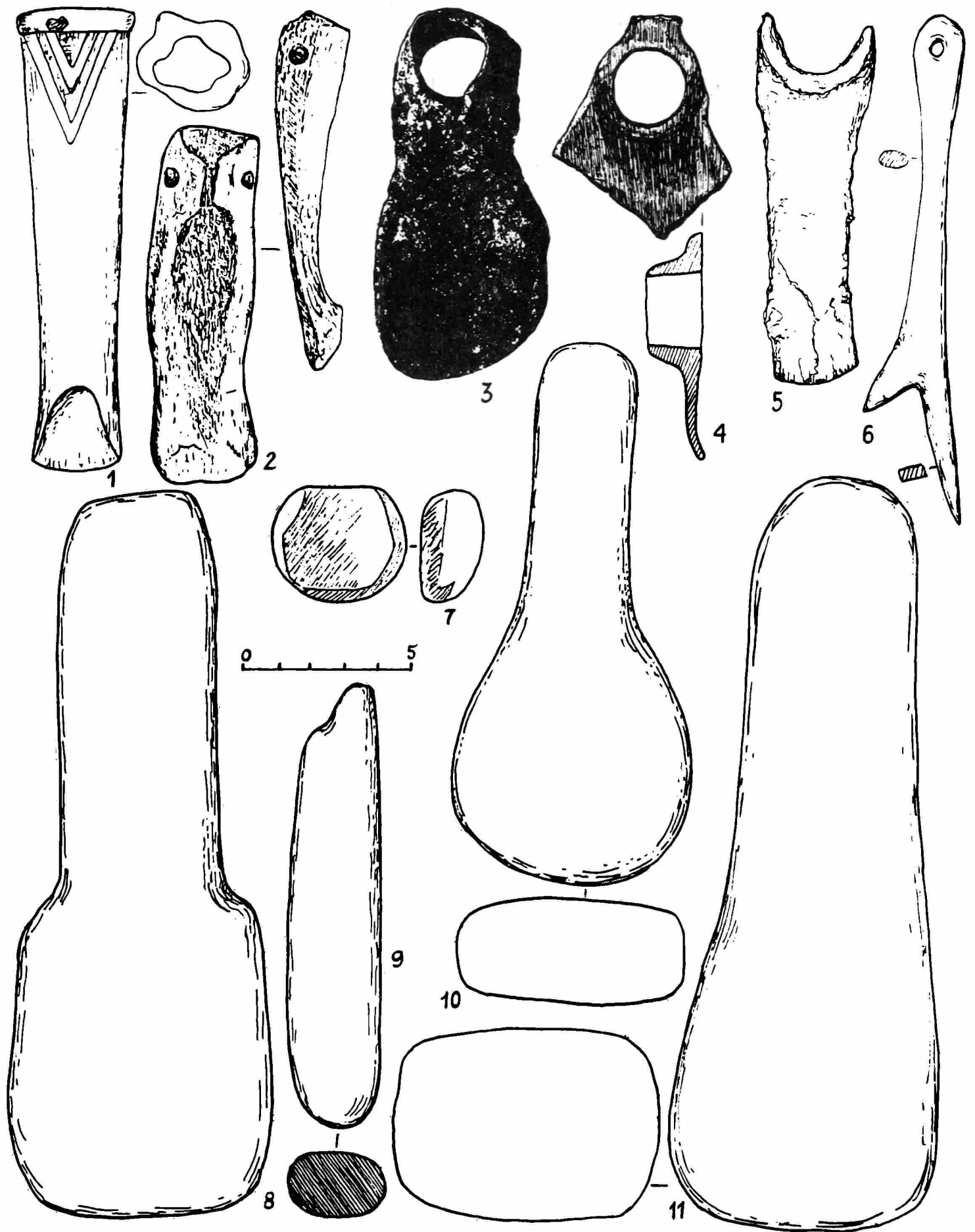

Таблица IV. Орудия труда (тесла, долота, песты и др.)

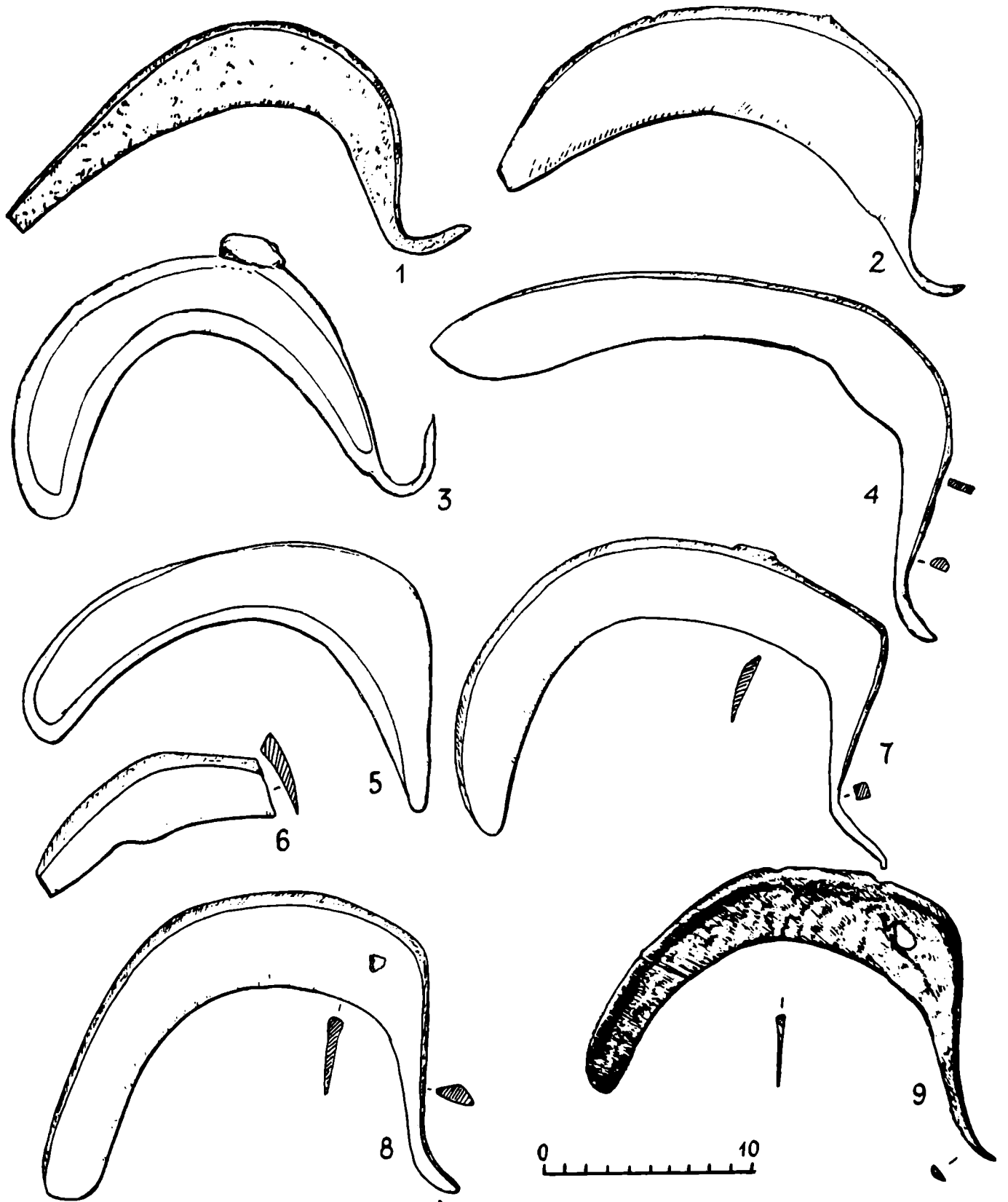

Таблица V. Бронзовые серпы.

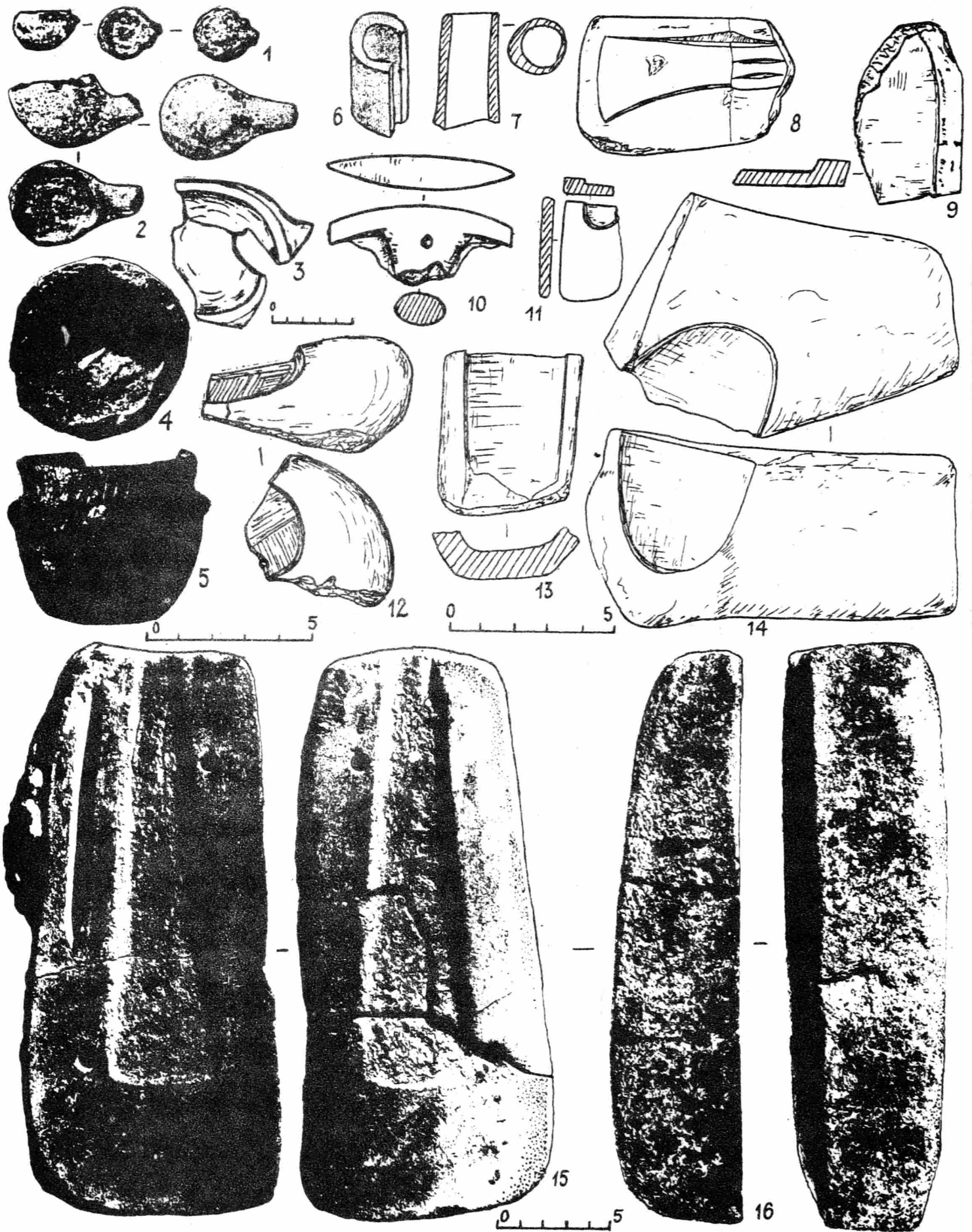

Таблица VI. Предметы, связанные с металлообработкой (тигли, льячки, сопла, литейные формы).

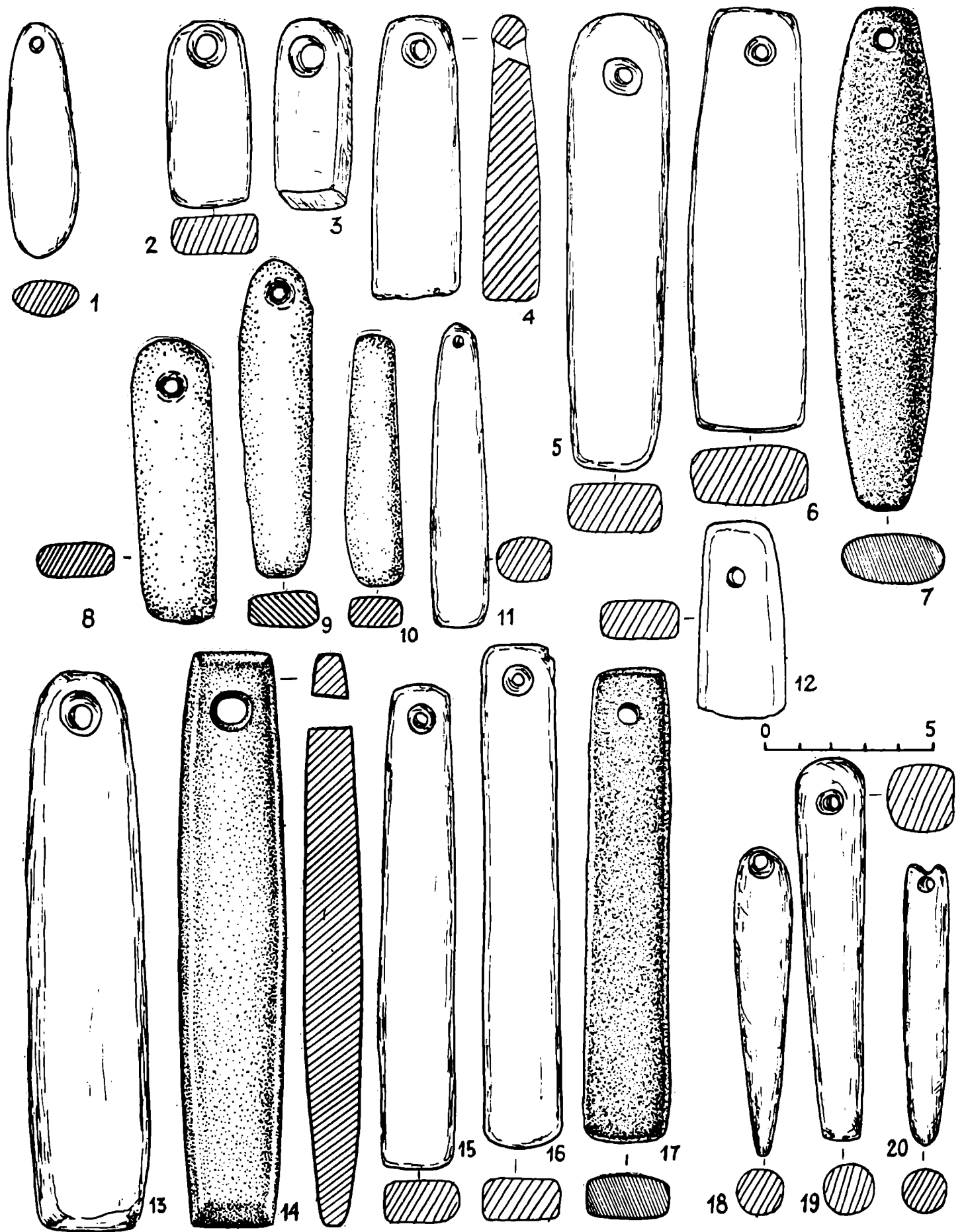

Таблица VII. Точильные камни (оселки).

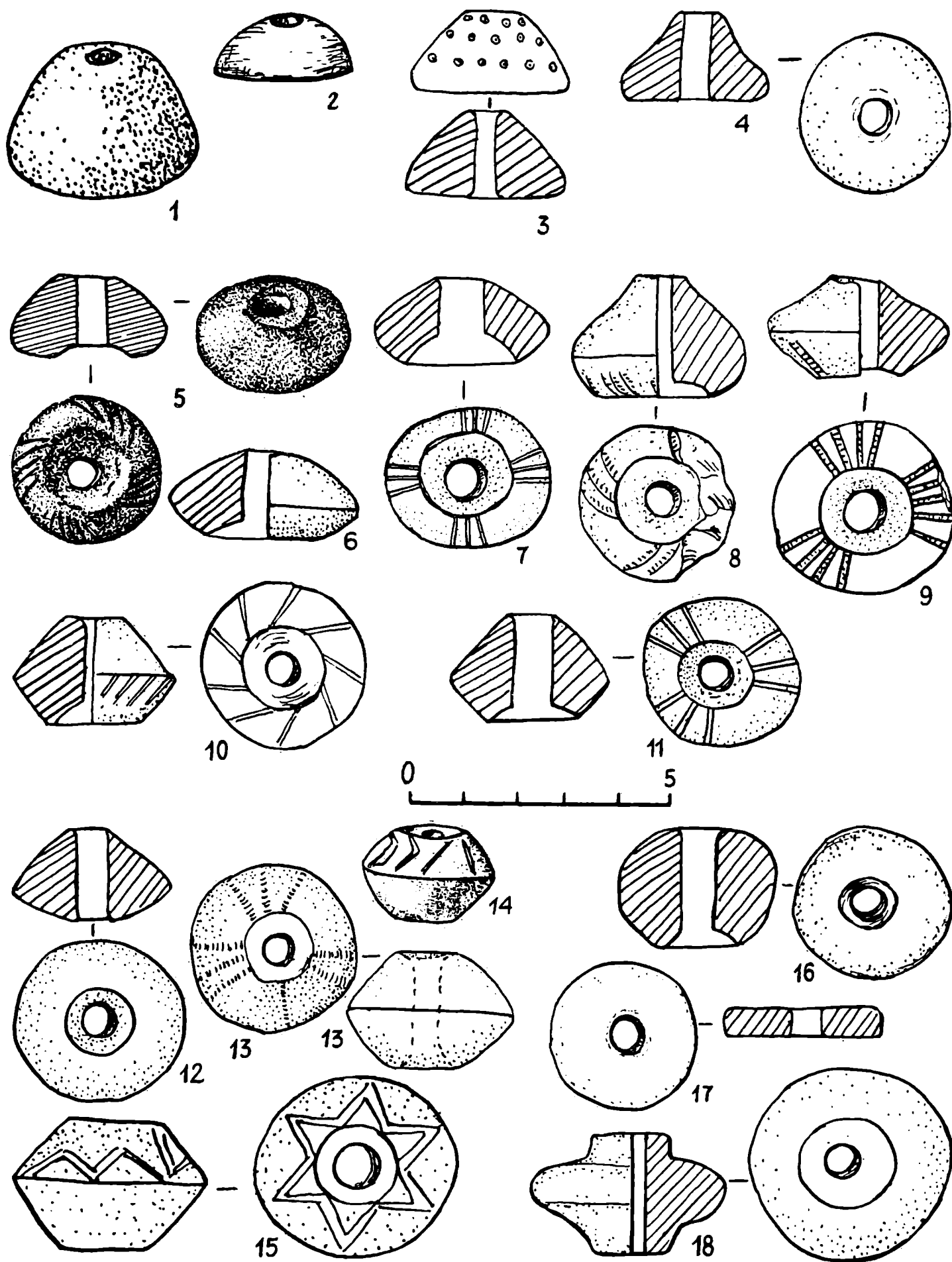

Таблица VIII. Пряслица.

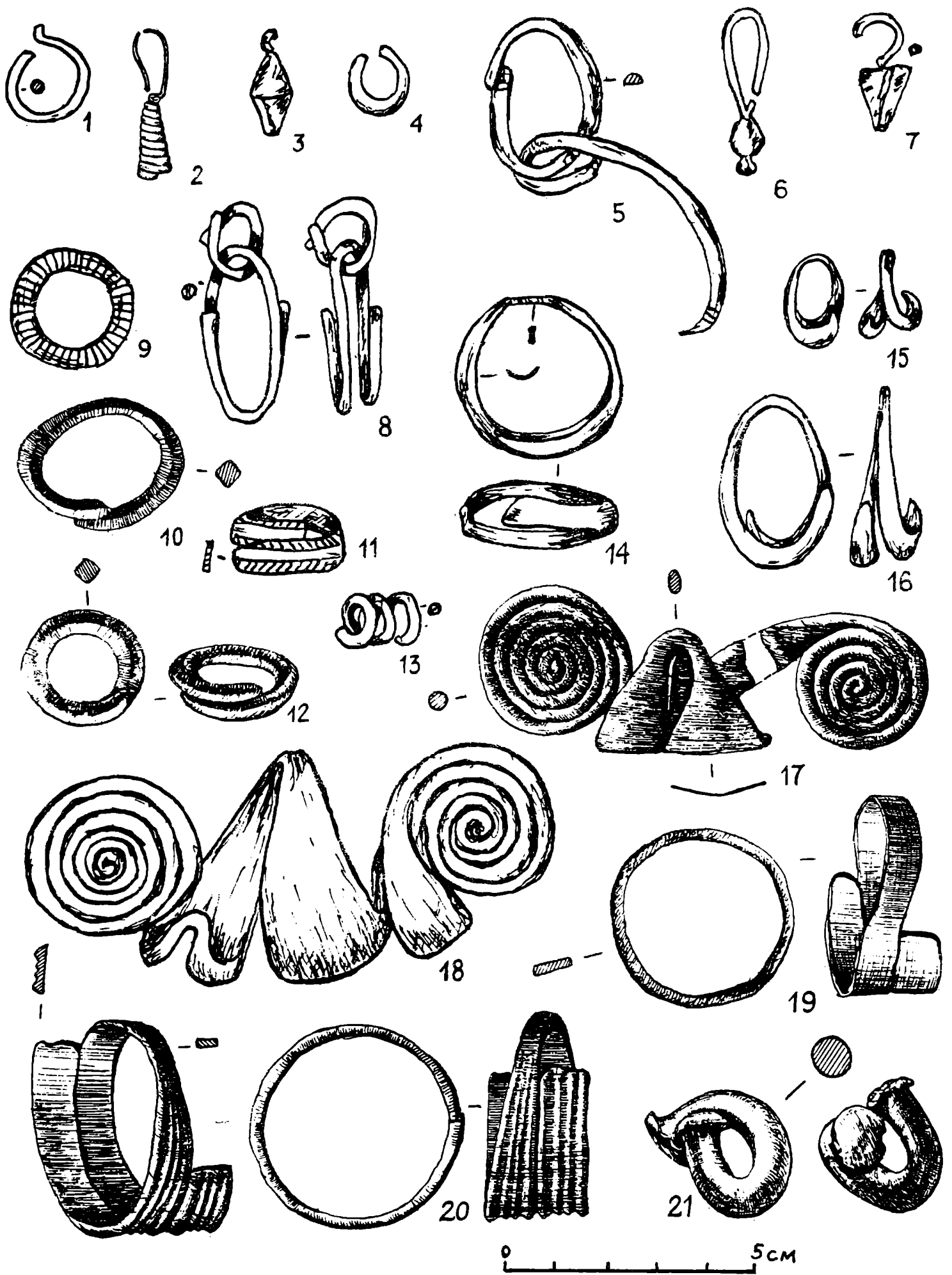

Таблица IX. Серьги (1-8) и височные подвески (9-21).

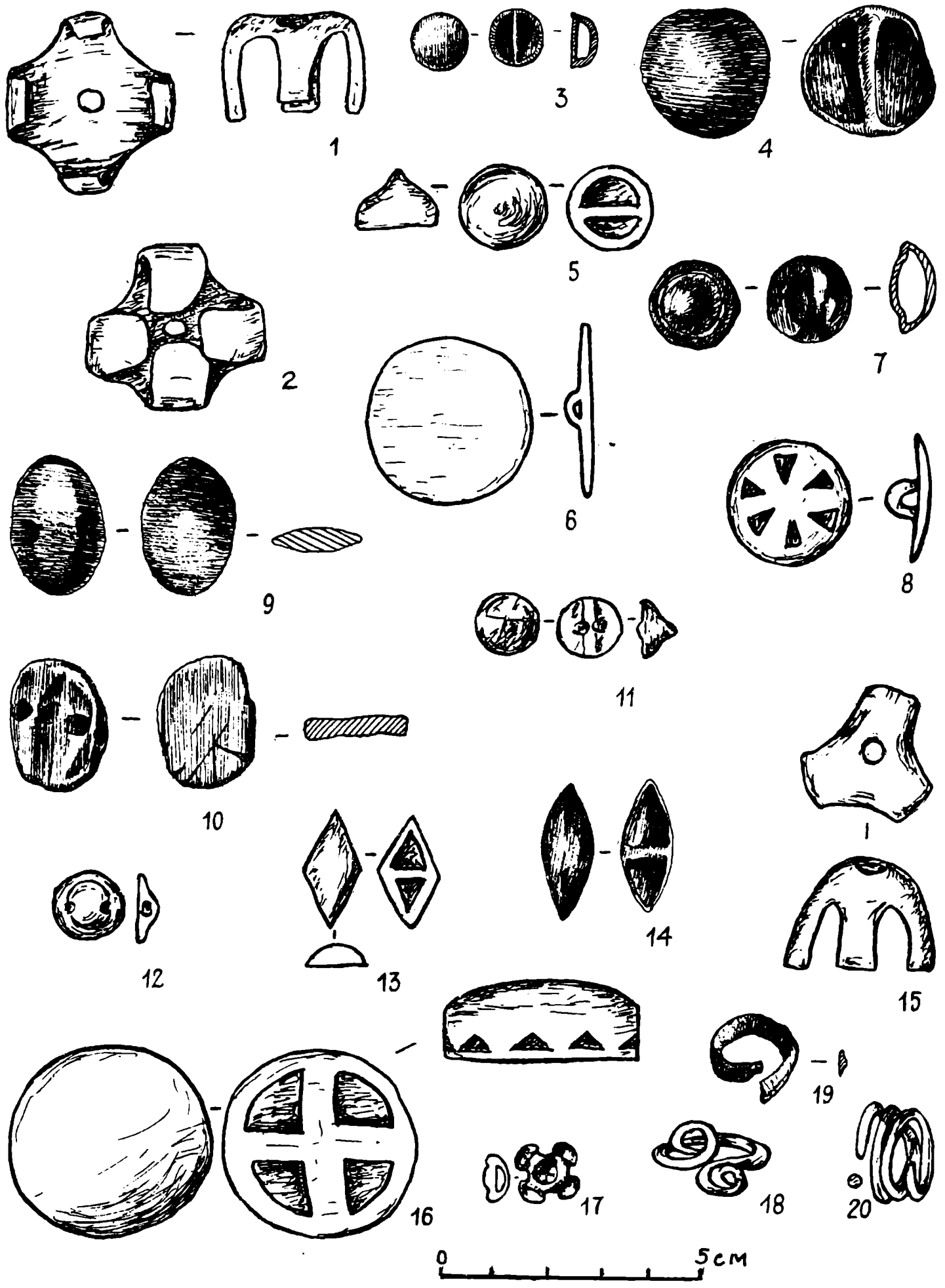

Таблица X. Пуговицы (1-17) и перстни (18-20).

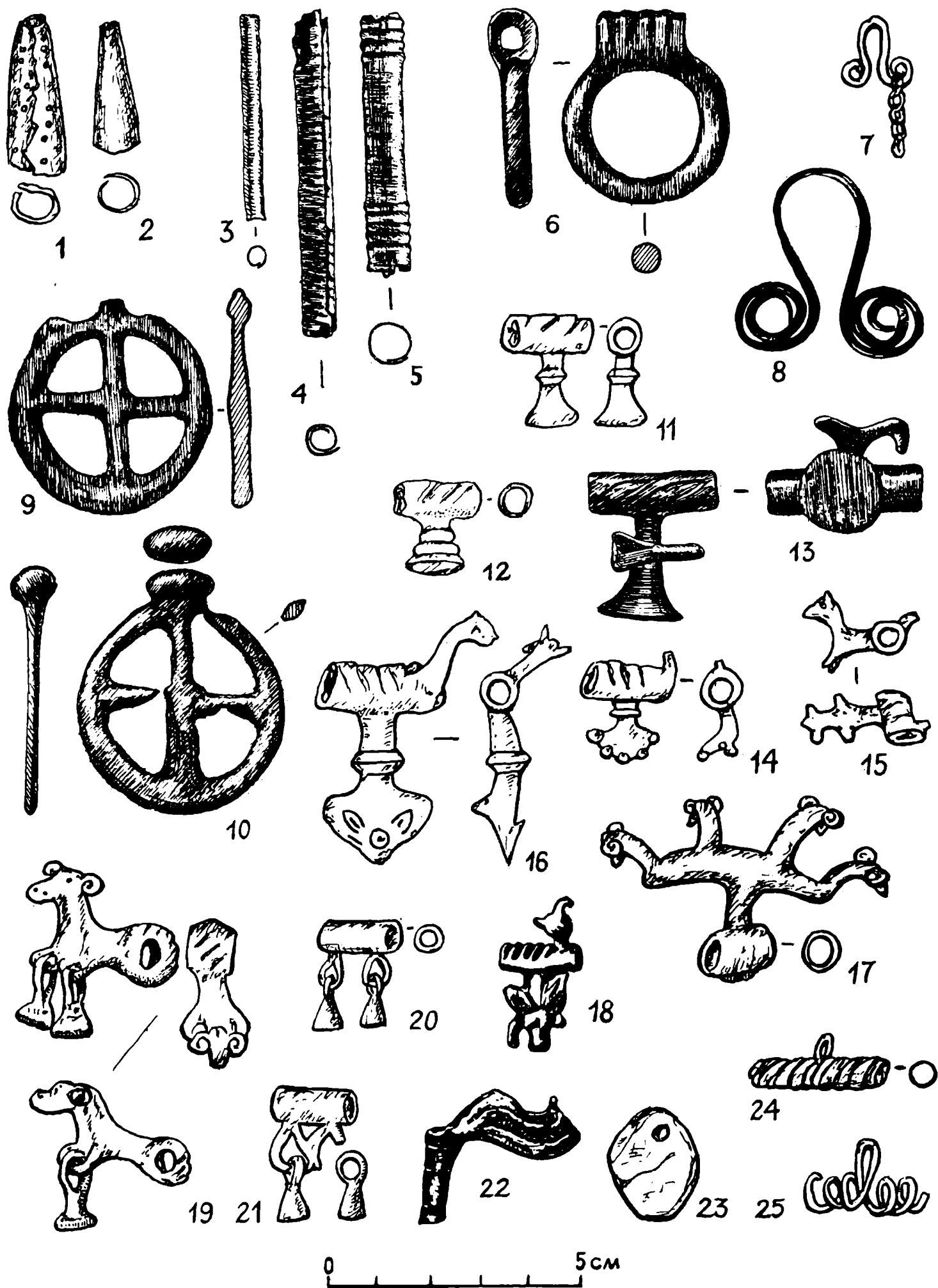

Таблица XI. Привески и проиизи-привески.

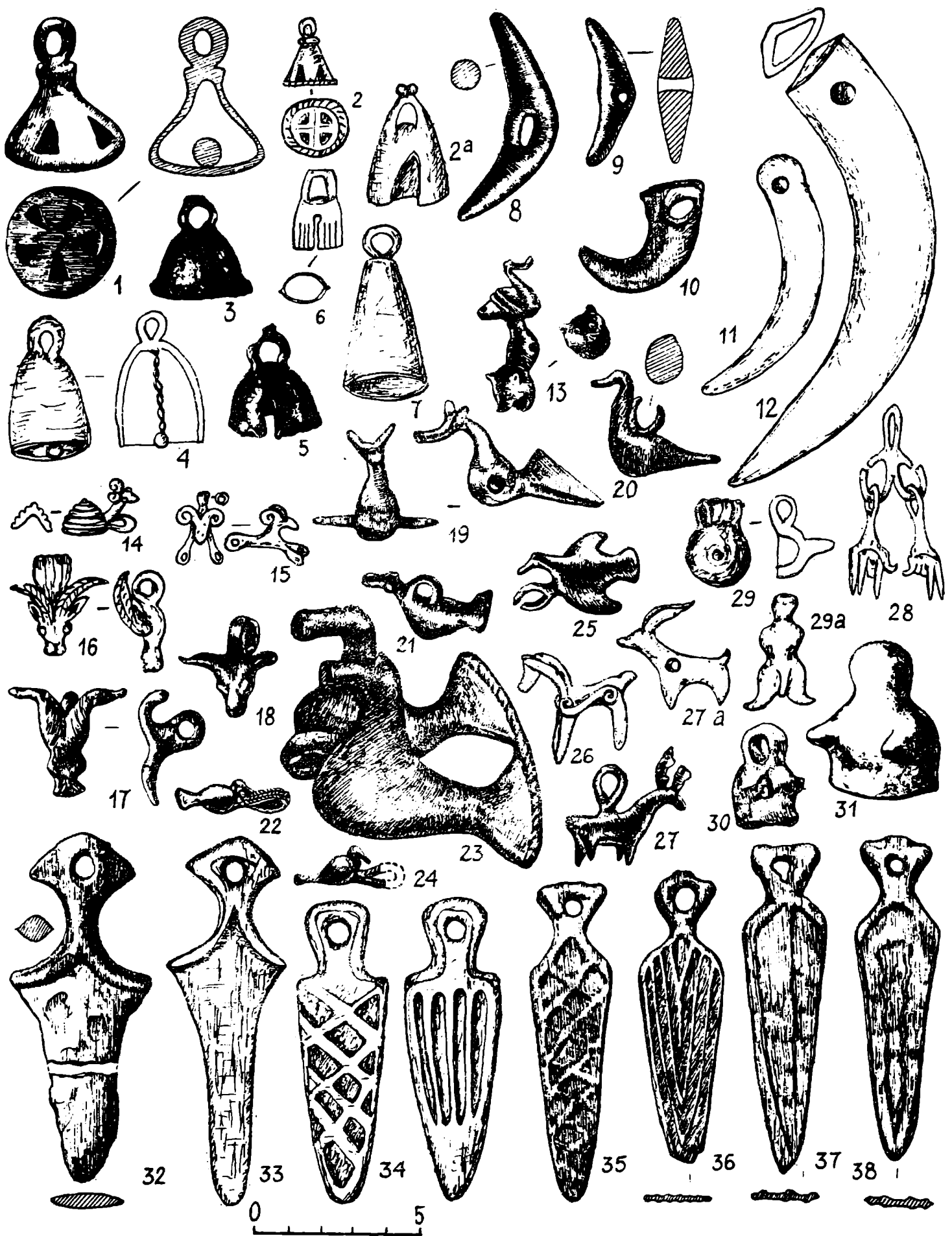

Таблица XII. Привески.

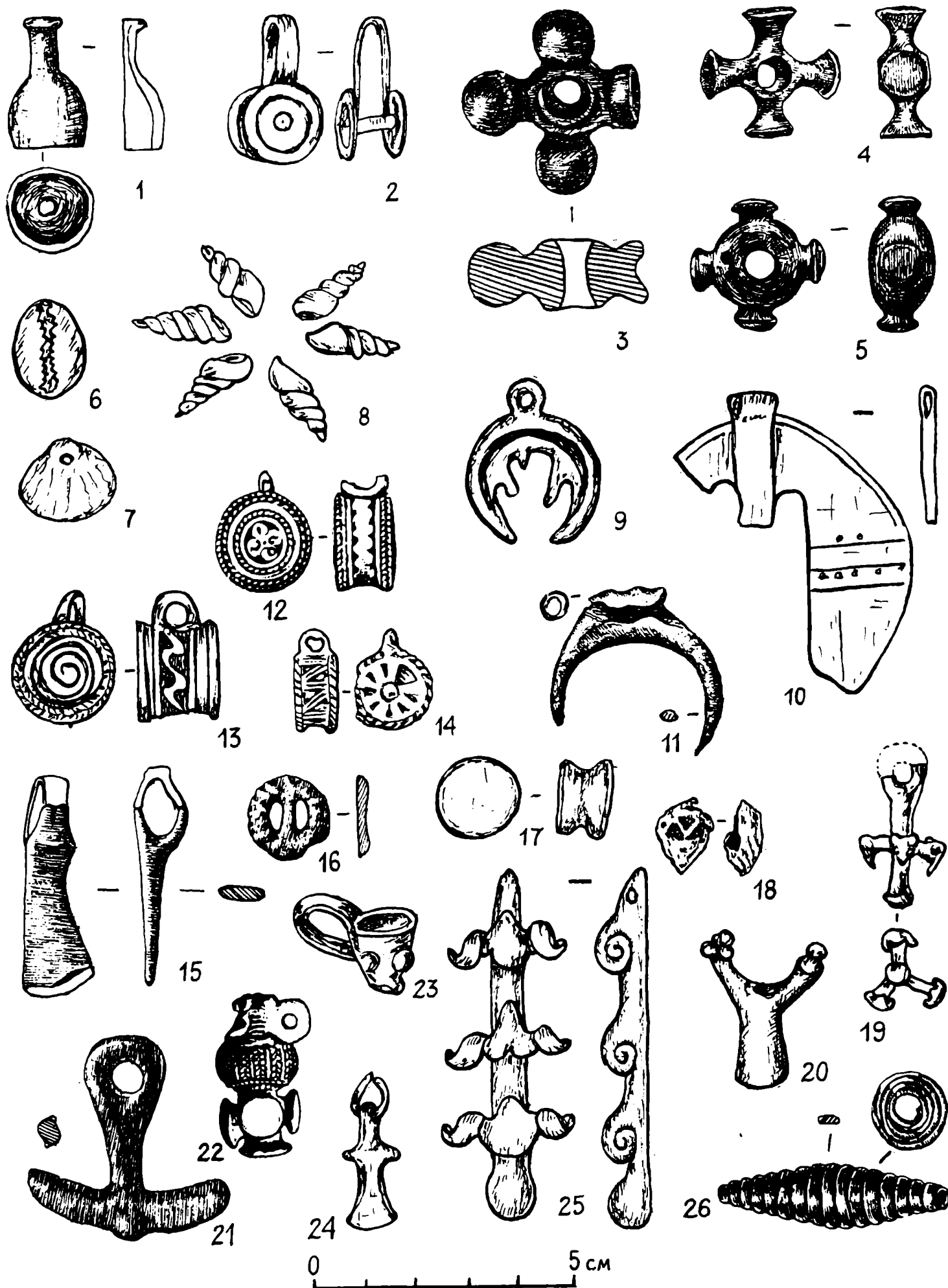

Таблица XIII. Привески.

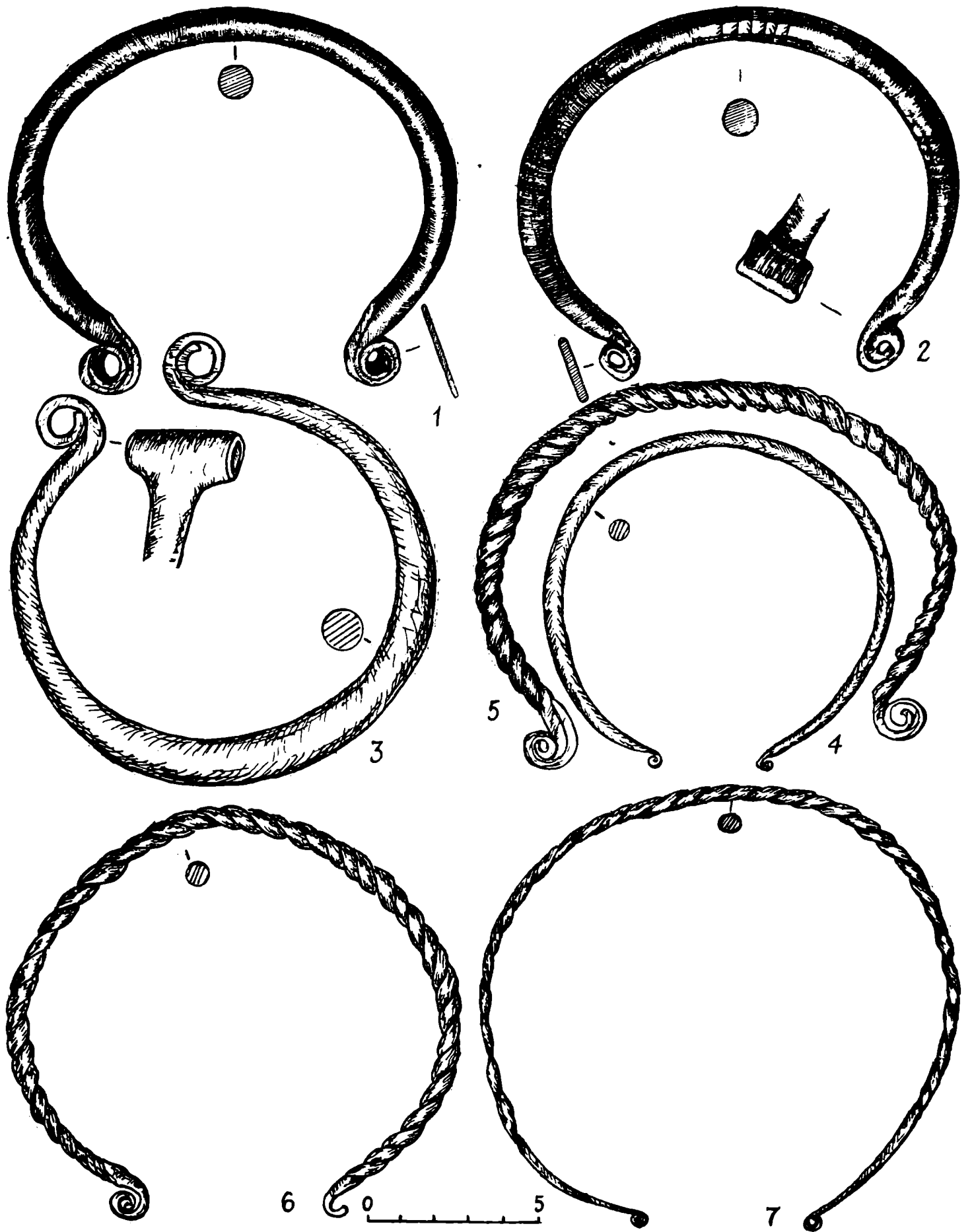

Таблица XIV. Гривны.

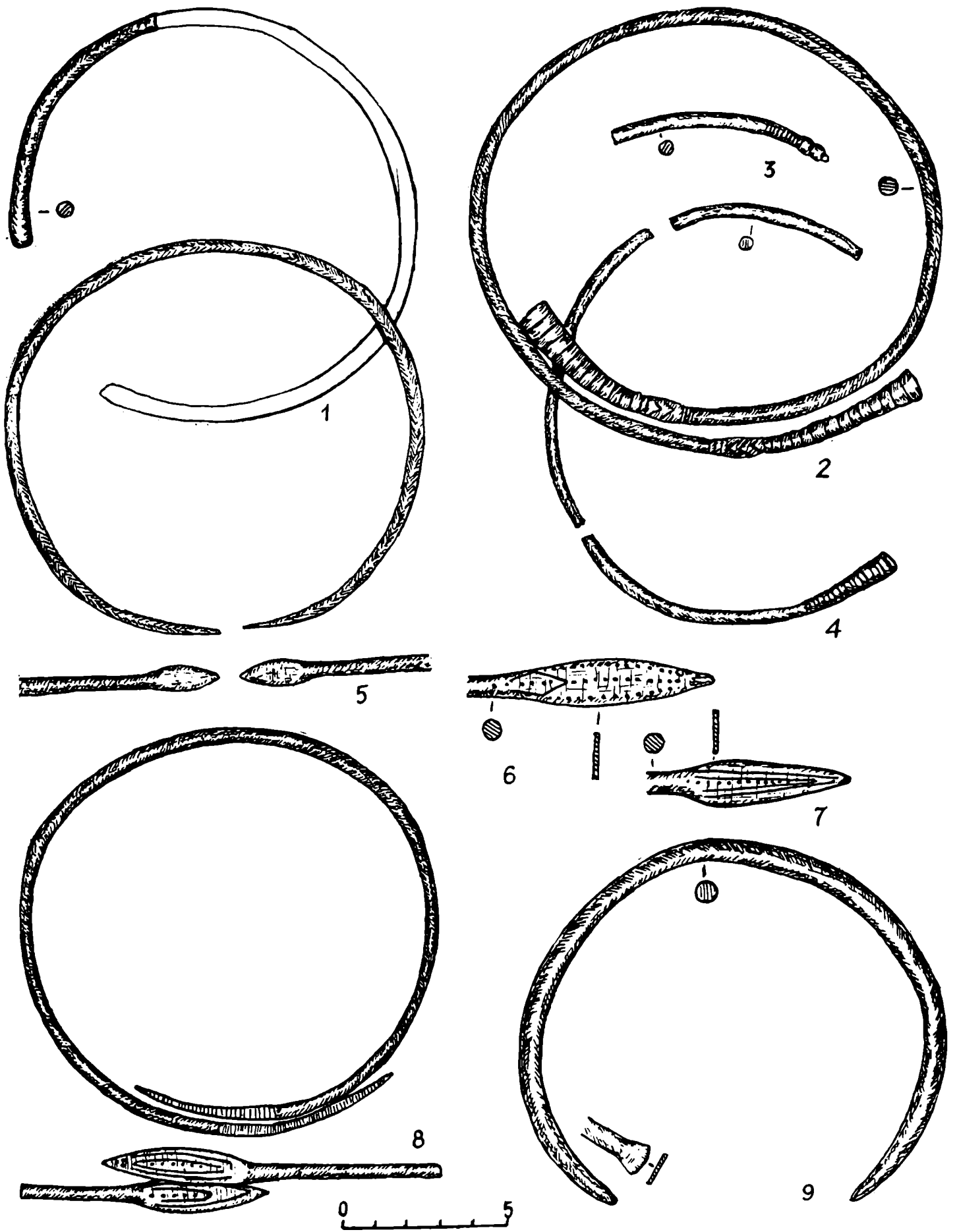

Таблица XV. Гривны.

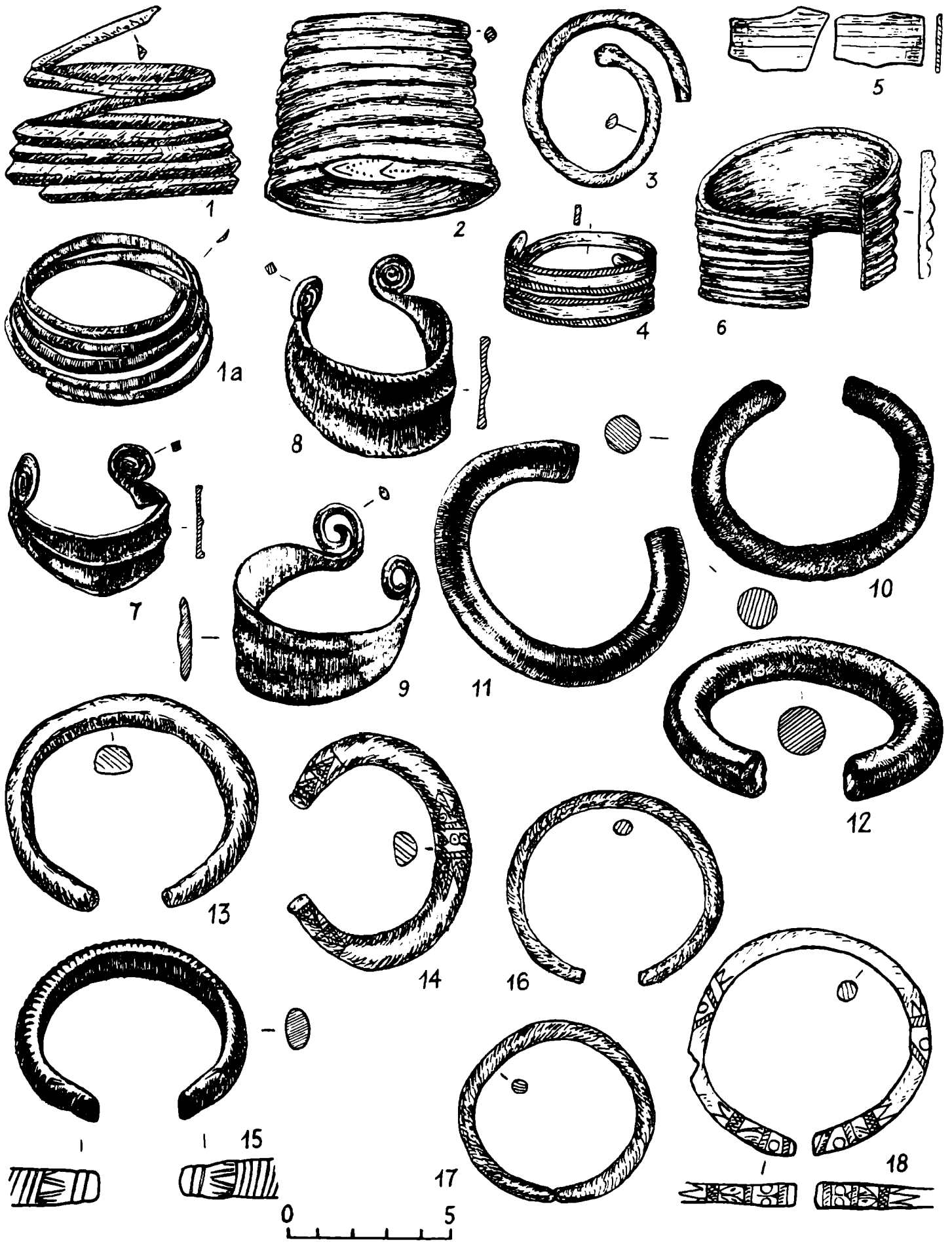

Таблица XVI. Браслеты.

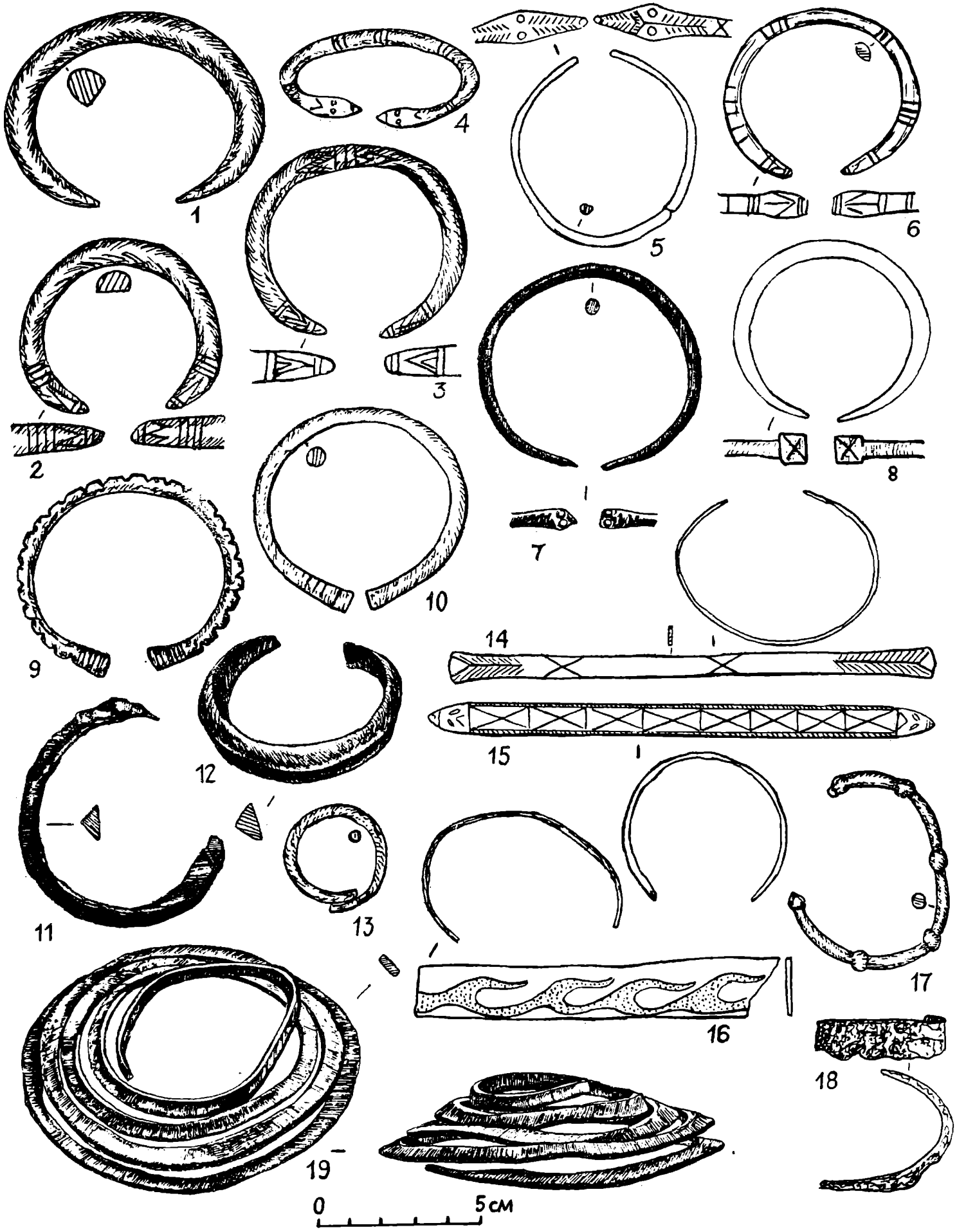

Таблица XVII. Браслеты.

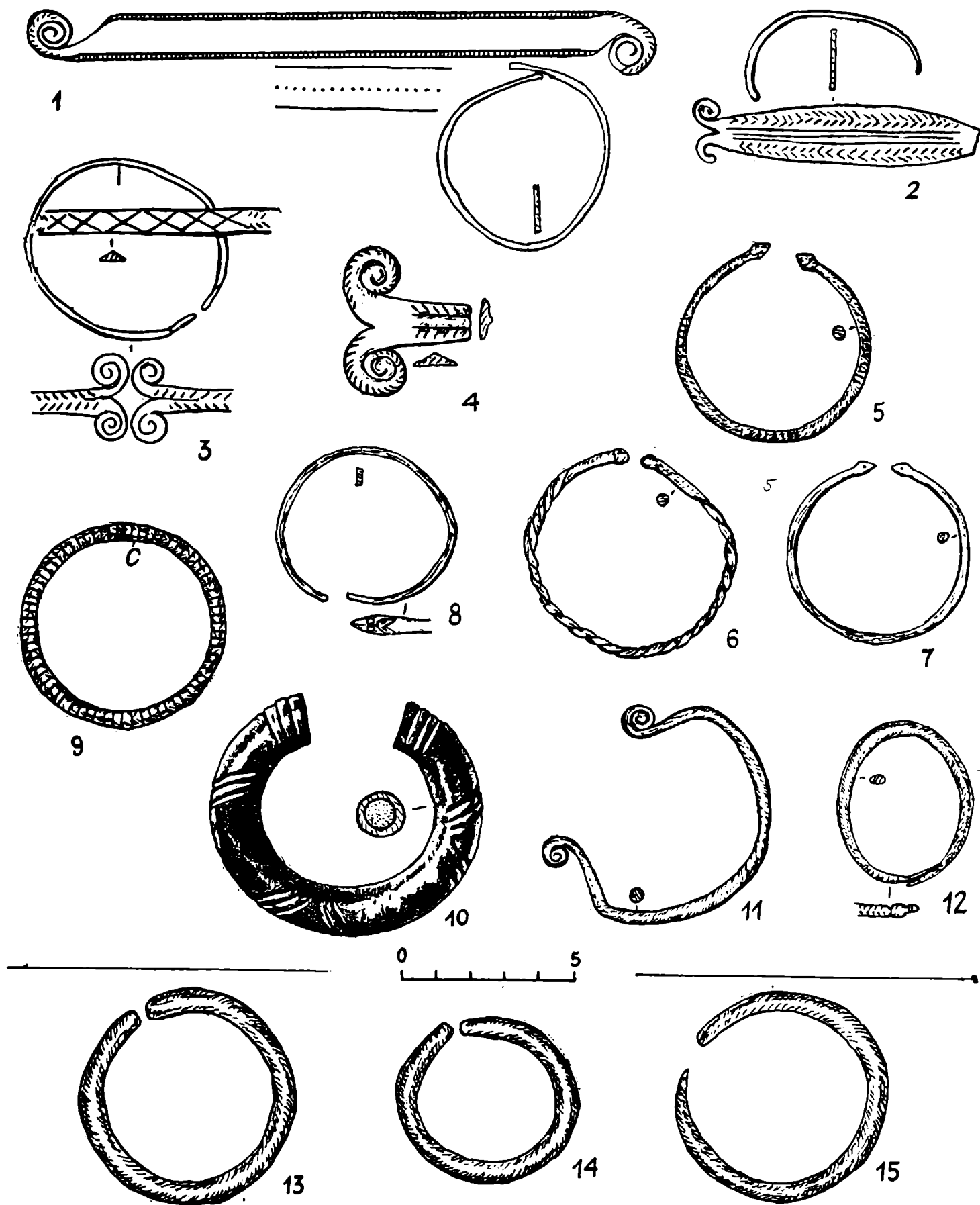

Таблица XVIII. Браслеты.

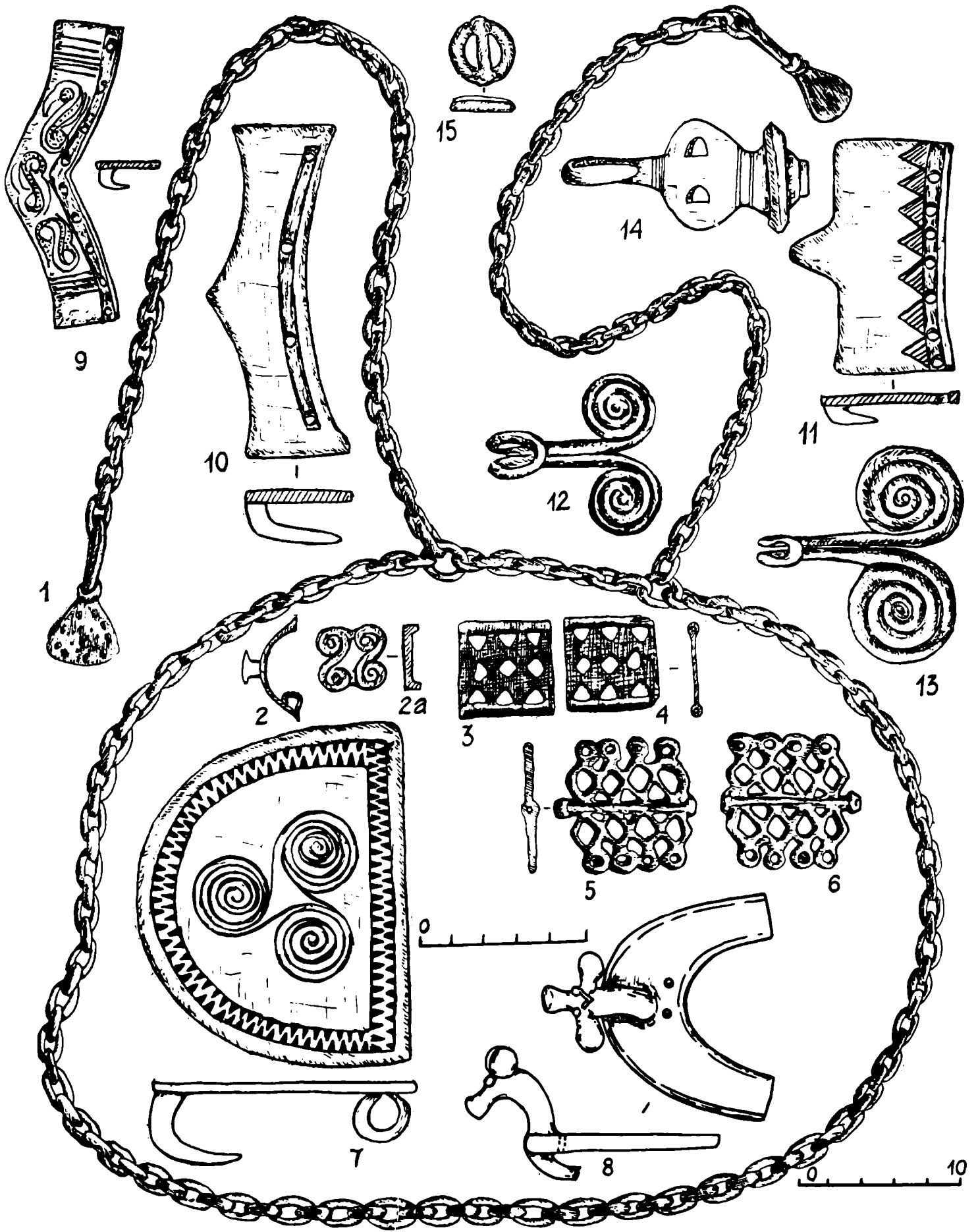

Таблица XIX. Металлические пояса и поясные пряжки.

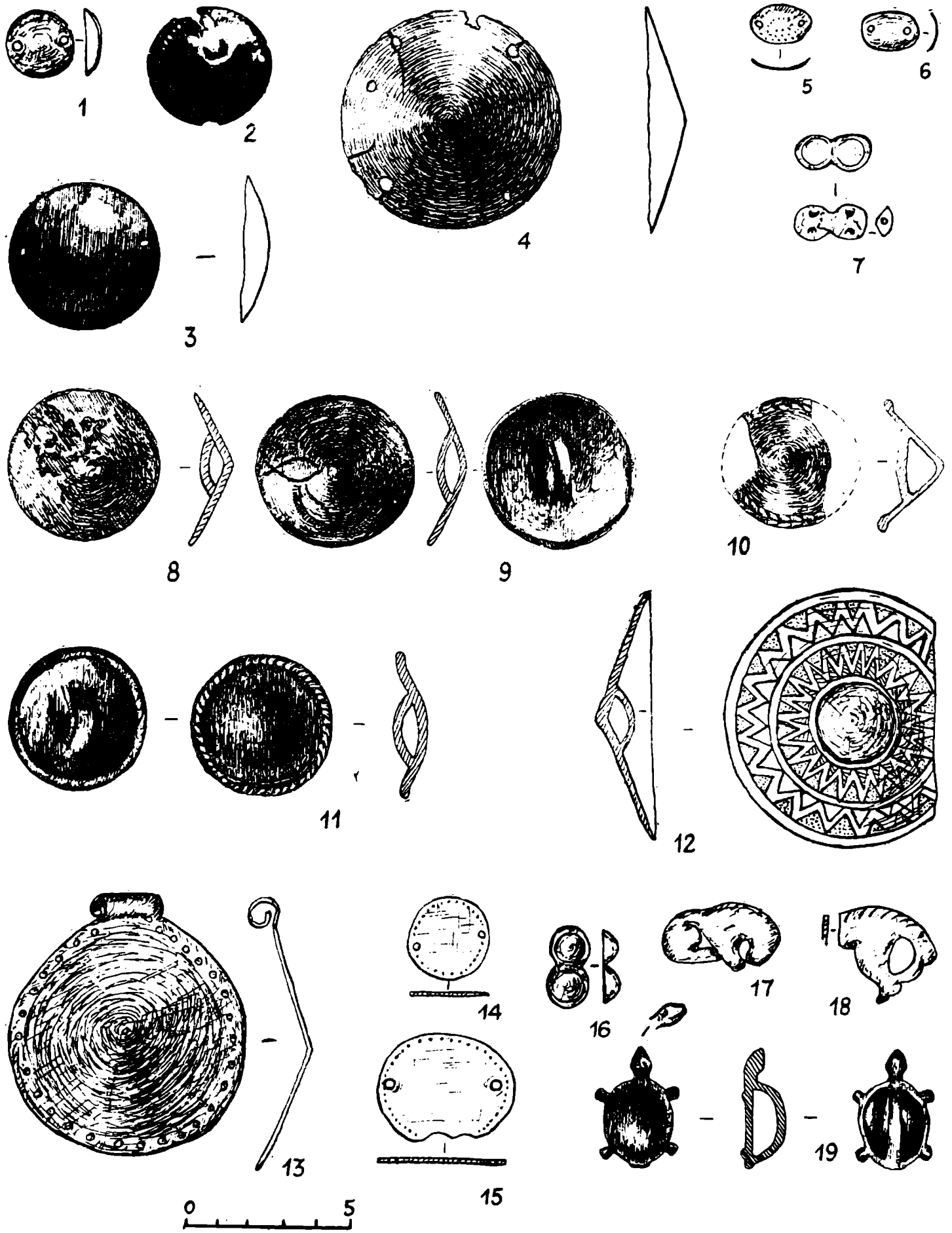

Таблица XX. Бляхи.

Таблица XXI. Булавки.

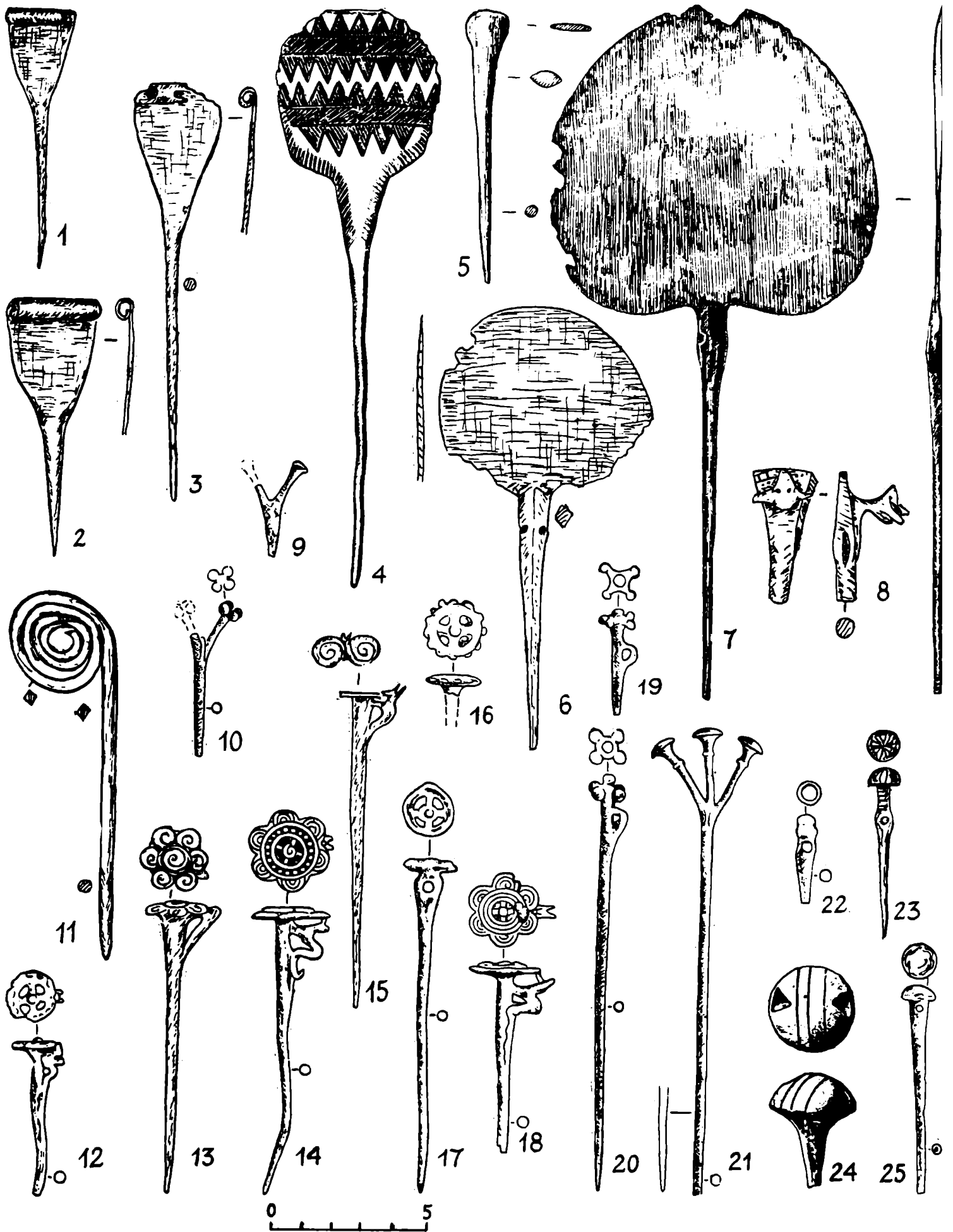

Таблица XXII. Булавки.

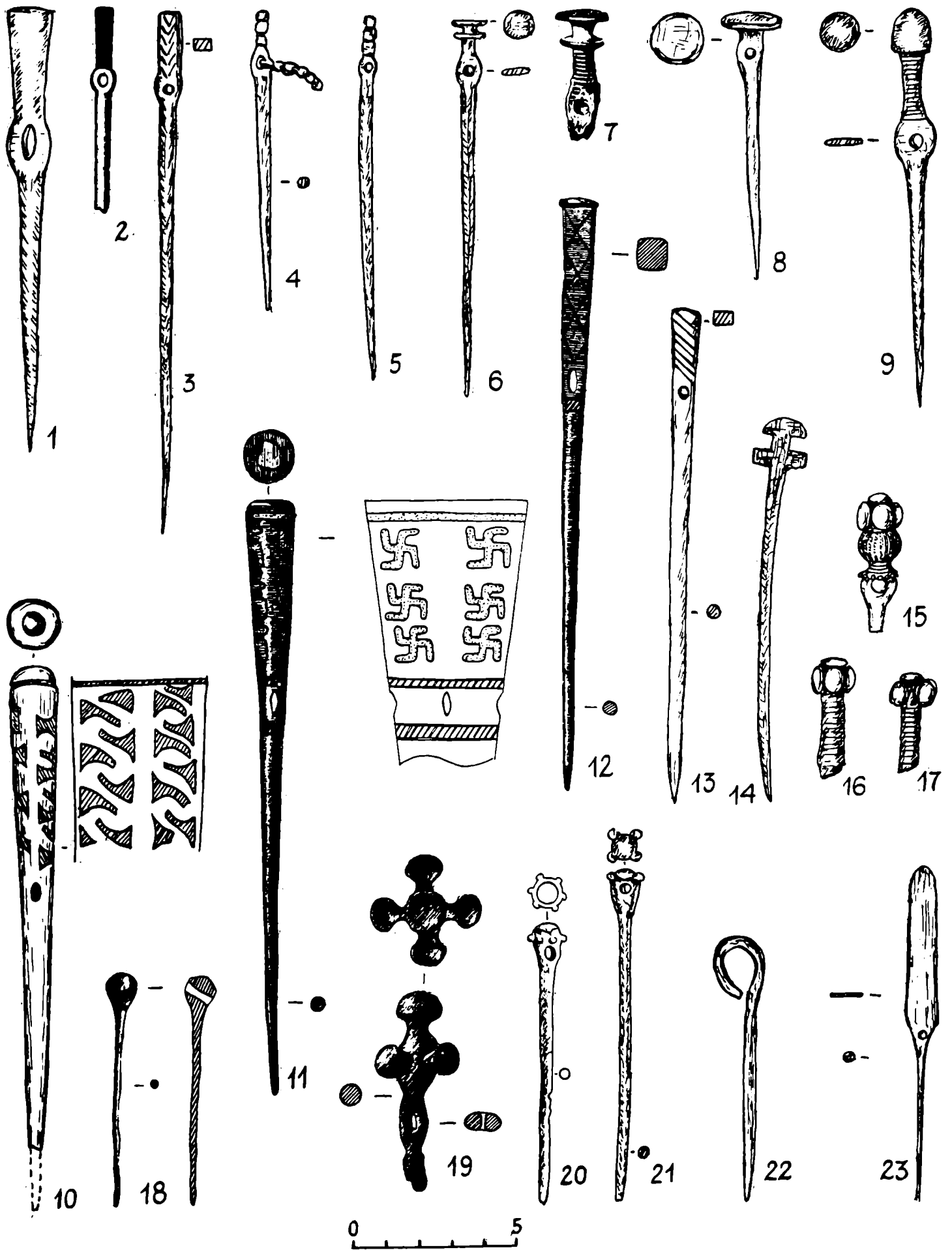

Таблица XXIII. Булавки.

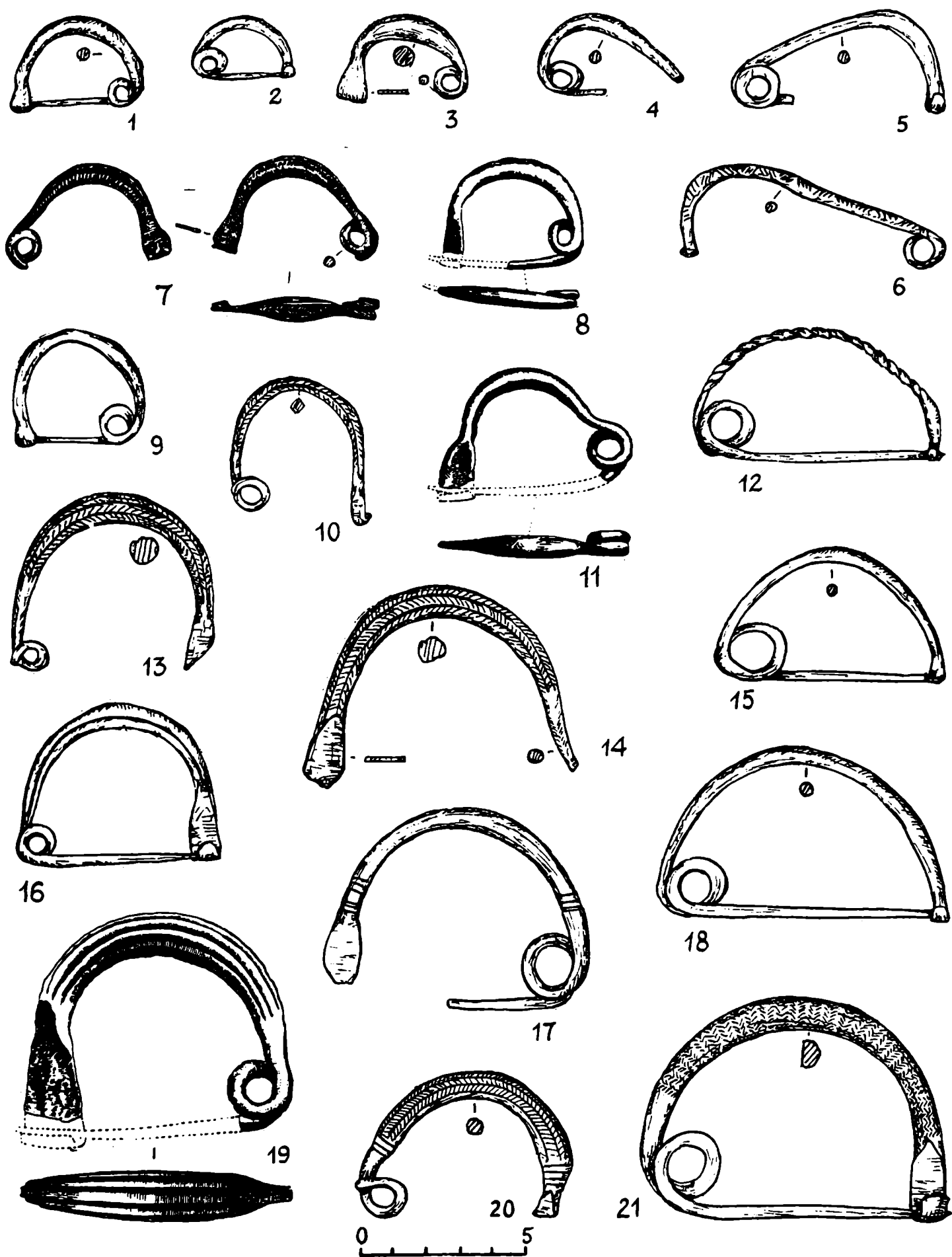

Таблица XXIV. Фибулы.

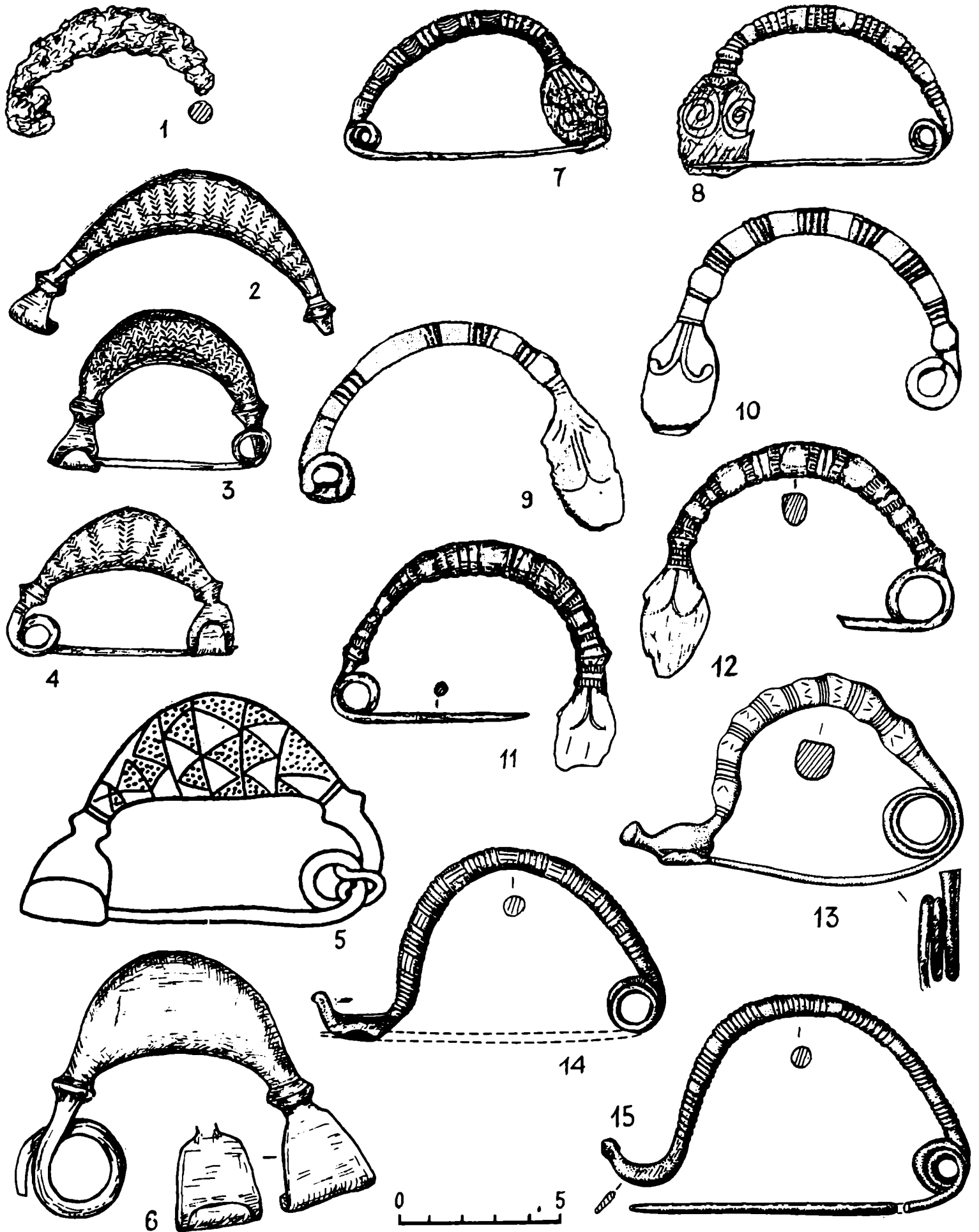

Таблица XXV. Фибулы.

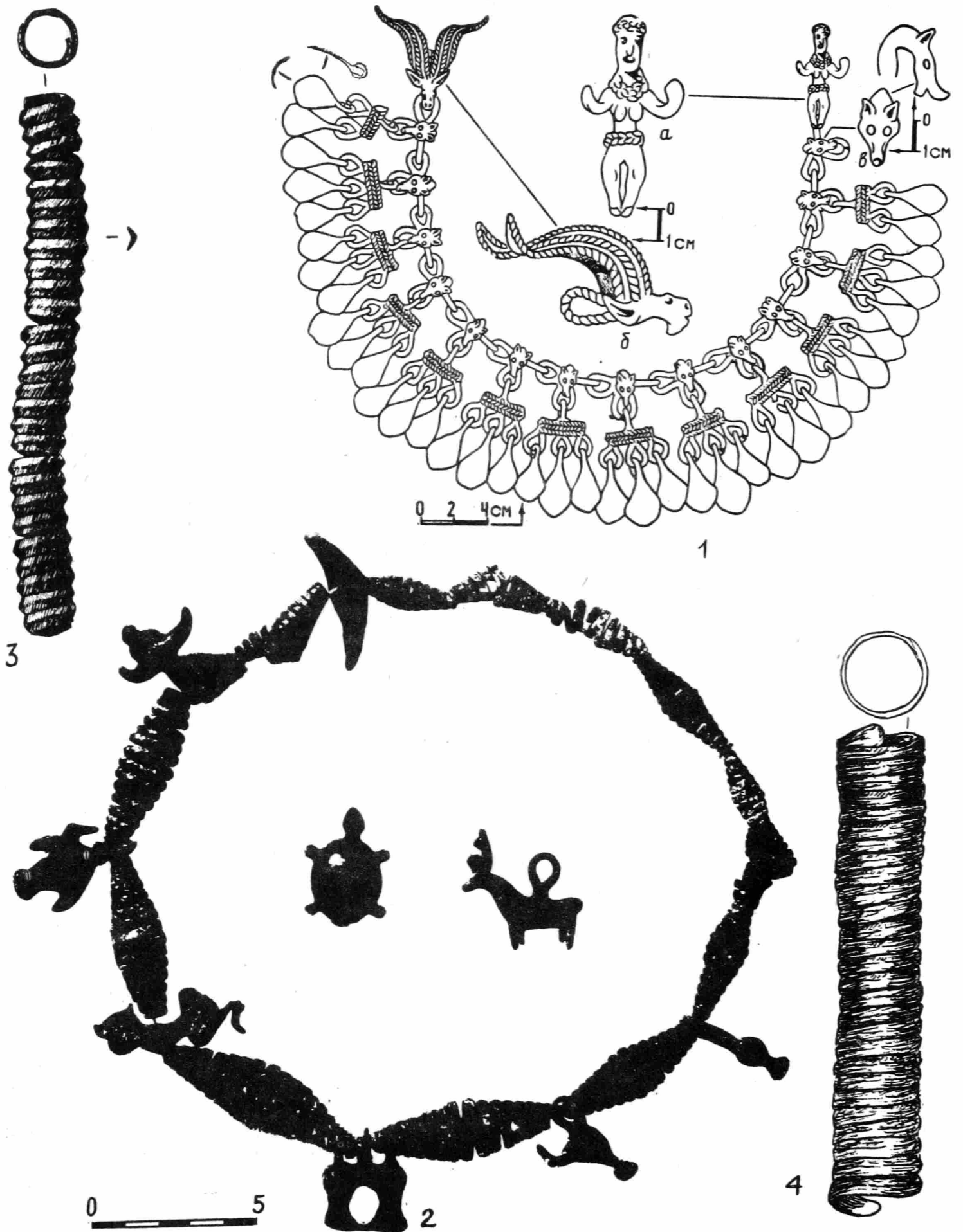

Таблица XXVI. Детали нагрудных и головных комбинированных

украшений

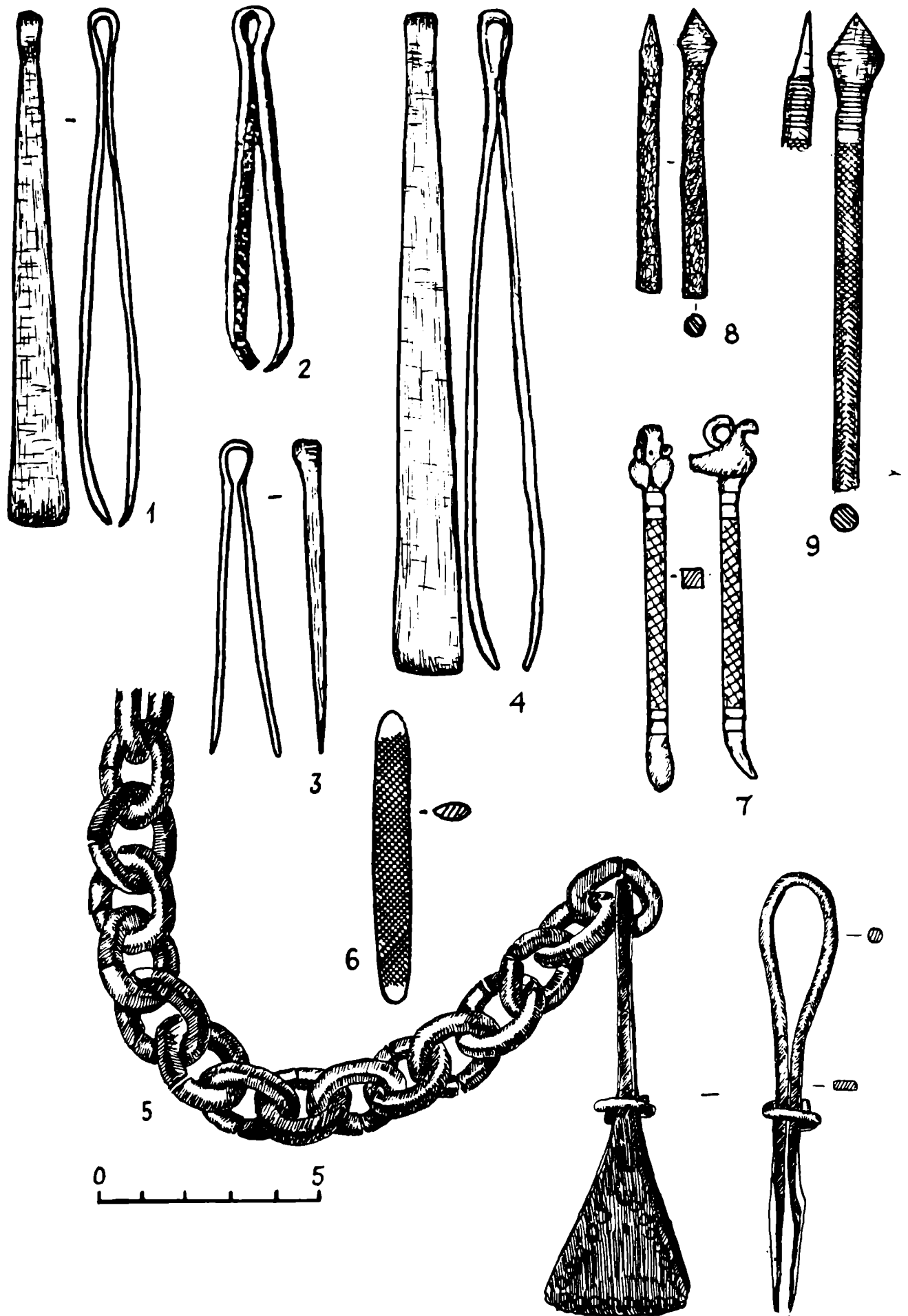

Таблица XXVII. Предметы туалета и лечебной практики.

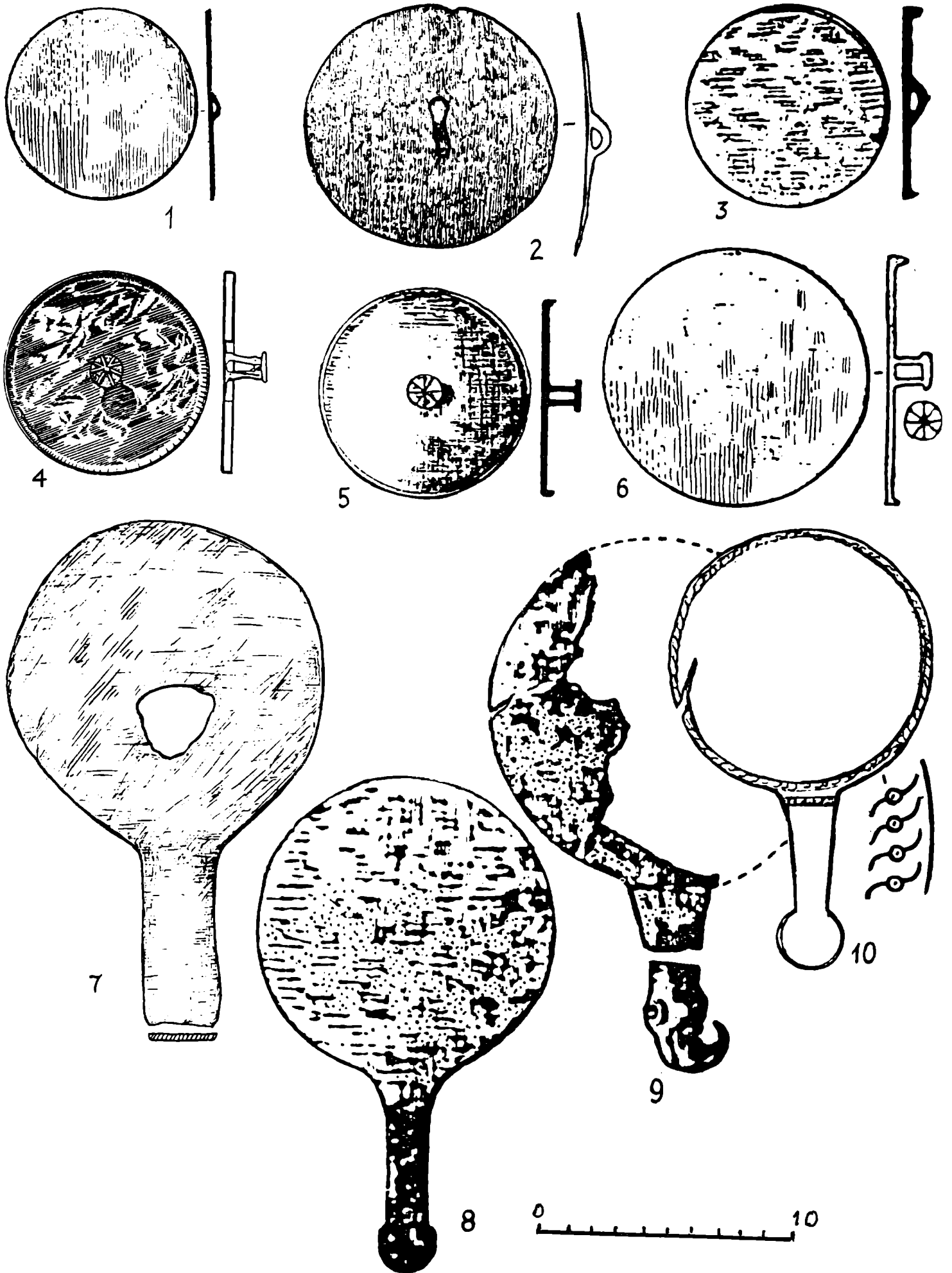

Таблица XXVIII. Бронзовые зеркала.

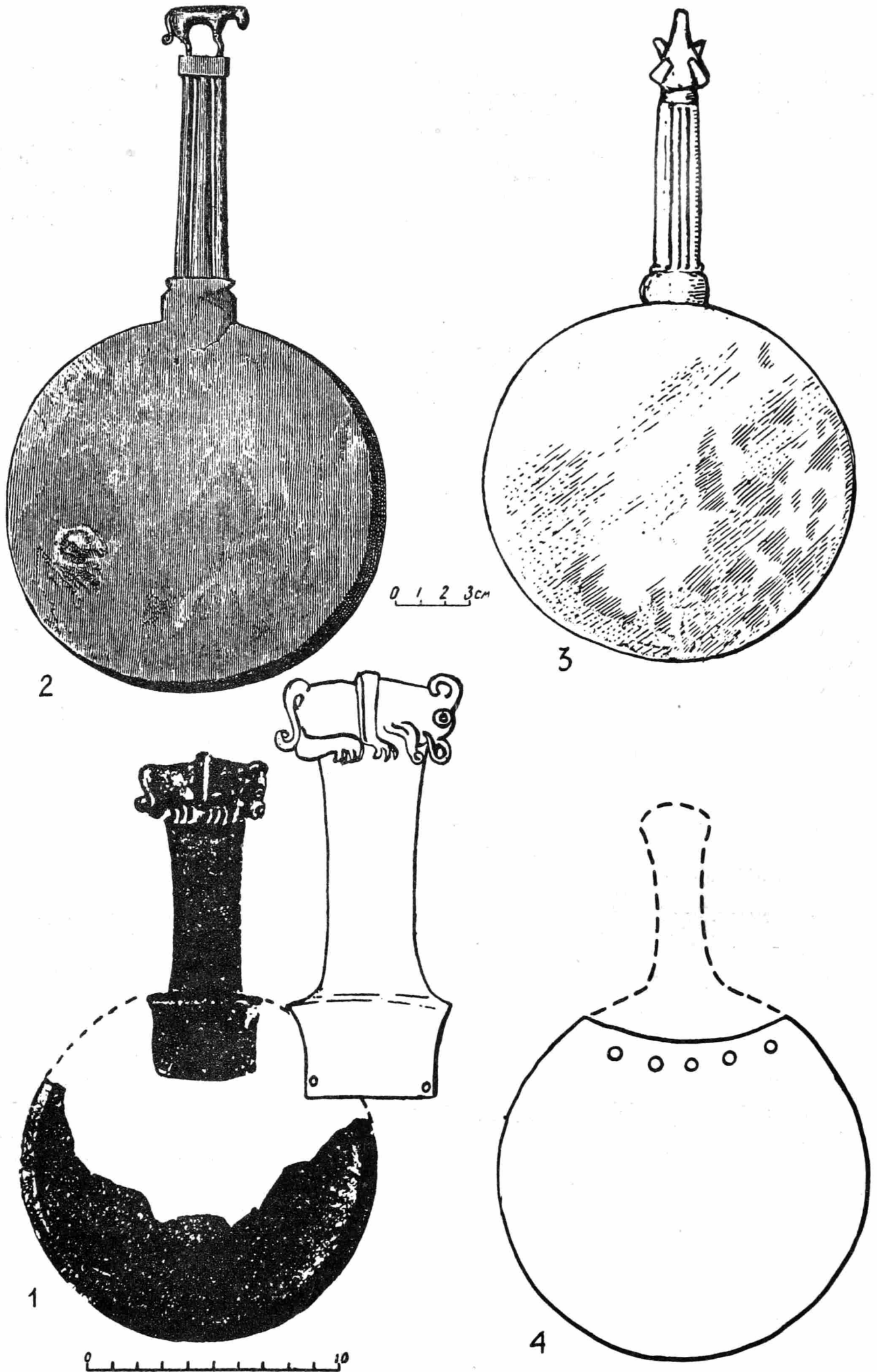

Таблица XXIX. Бронзовые зеркала.

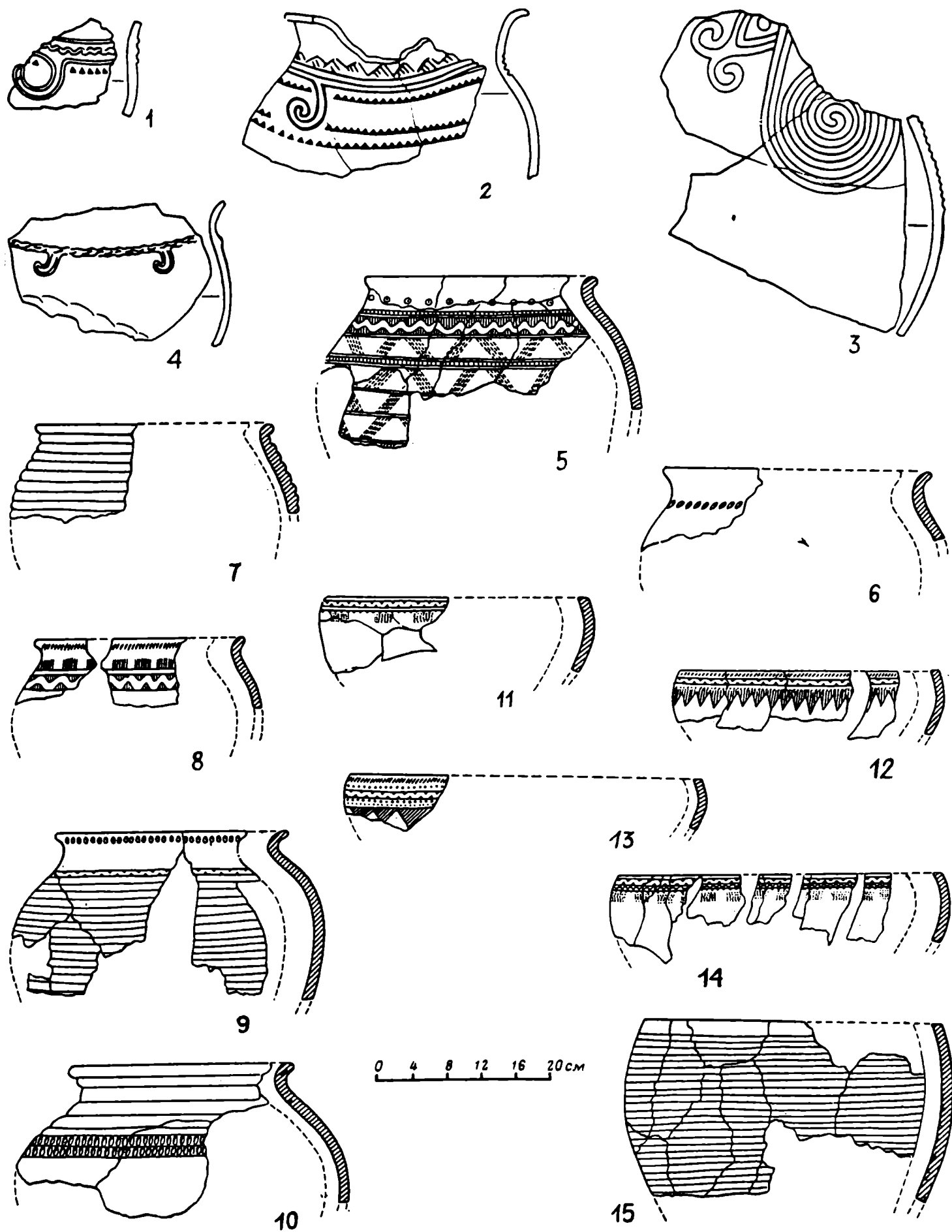

Таблица XXX. Тарно-хозяйственные сосуды.

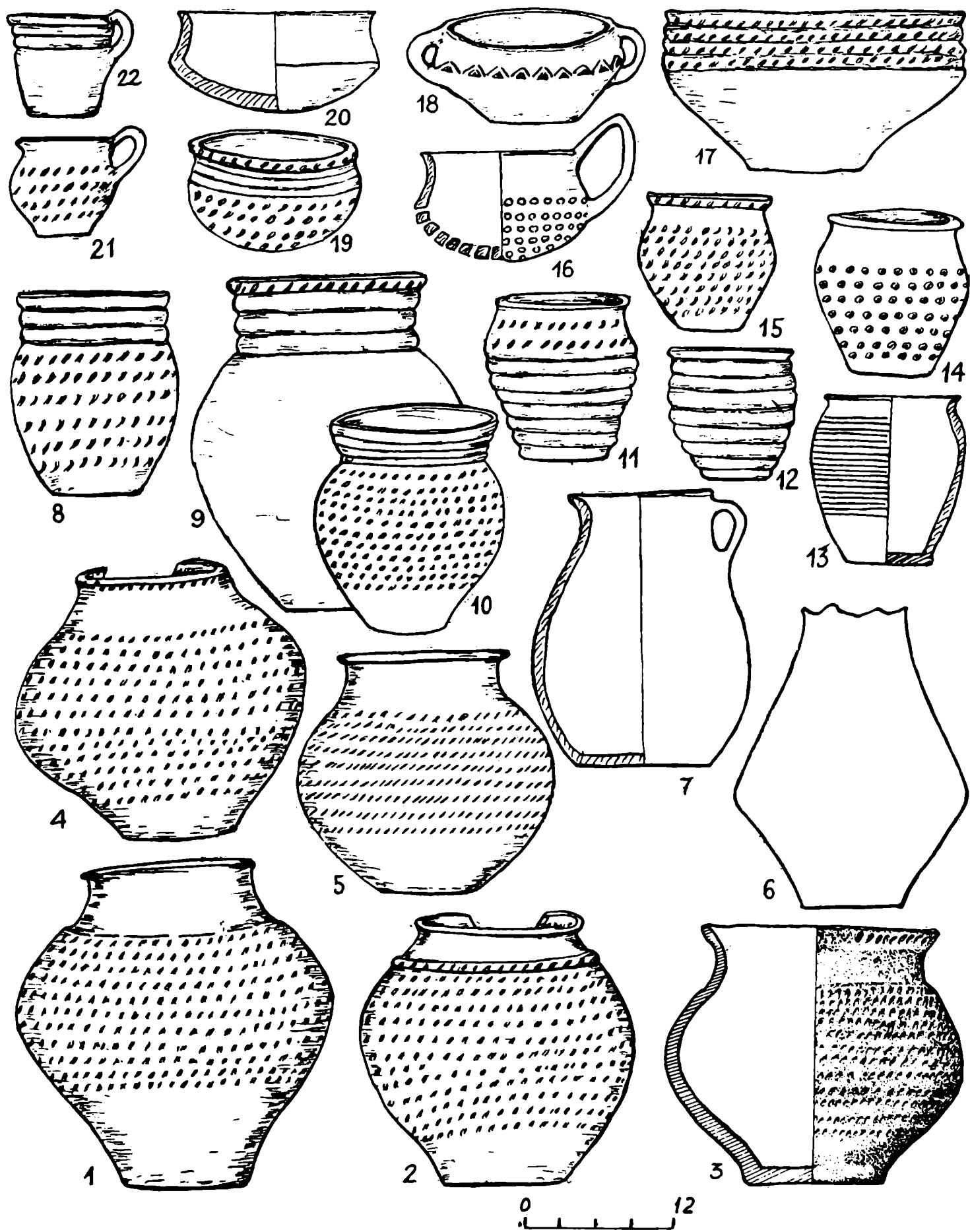

Таблица XXXI. Нелощенные сосуды. Отделы 1 и 2, группа 1.

Таблица XXXII. Лощенные сосуды. Отдел 1, группа 2. Корчаги.

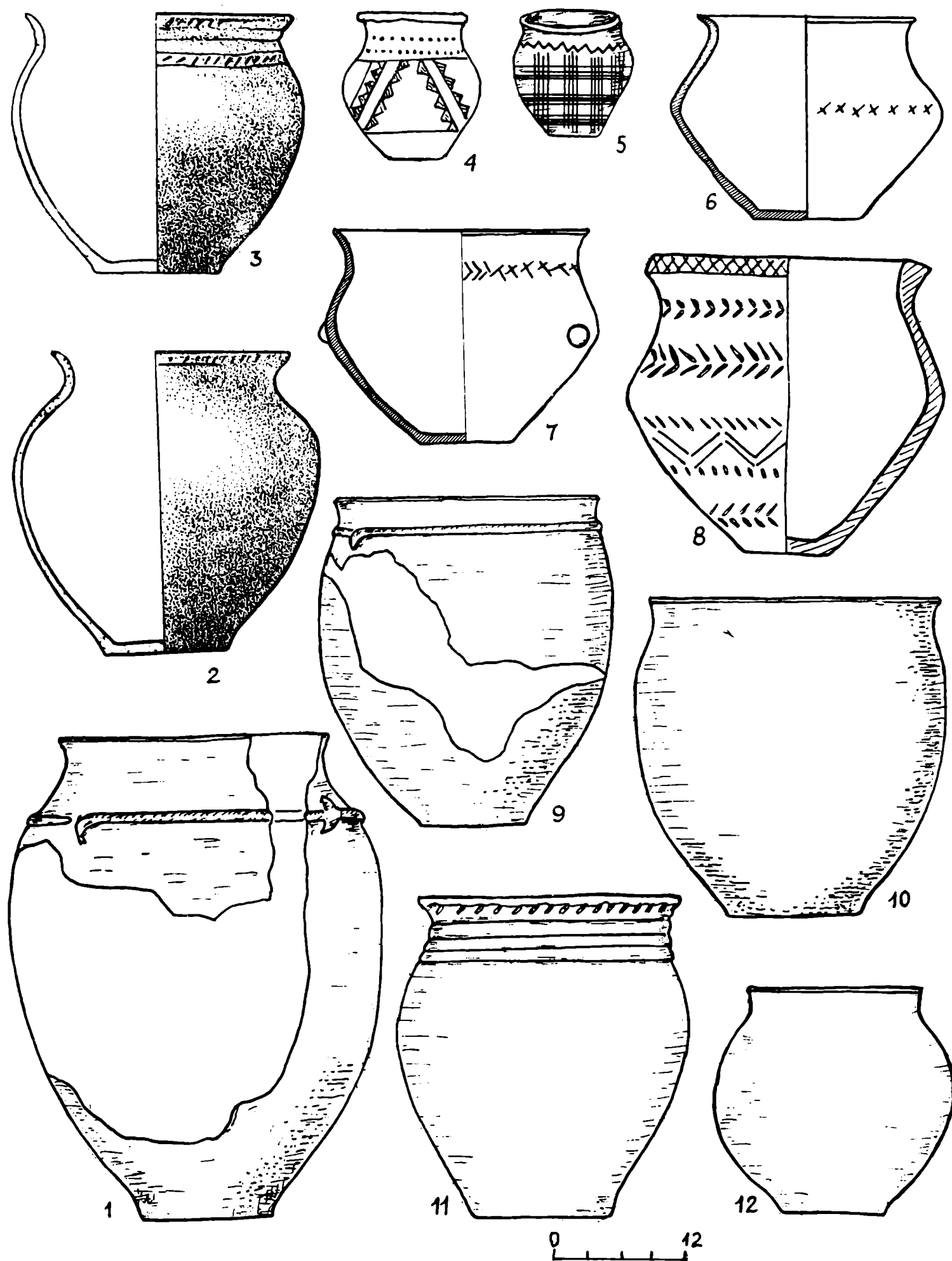

Таблица XXXIII. Лощенные сосуды. Отдел 1, группа 2. Горшки.

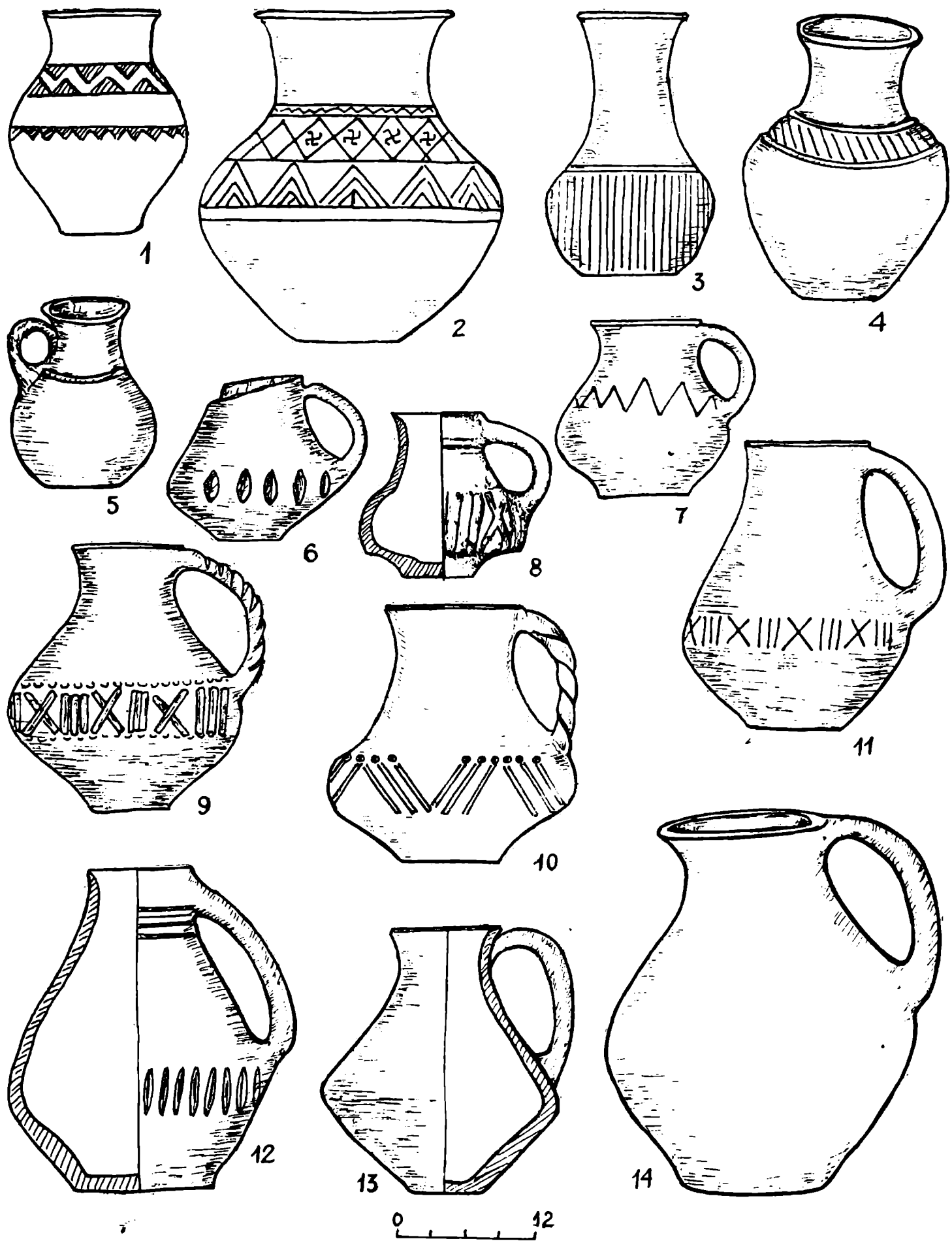

Таблица XXXIV. Лощенные сосуды. Отдел 1, группа 2.

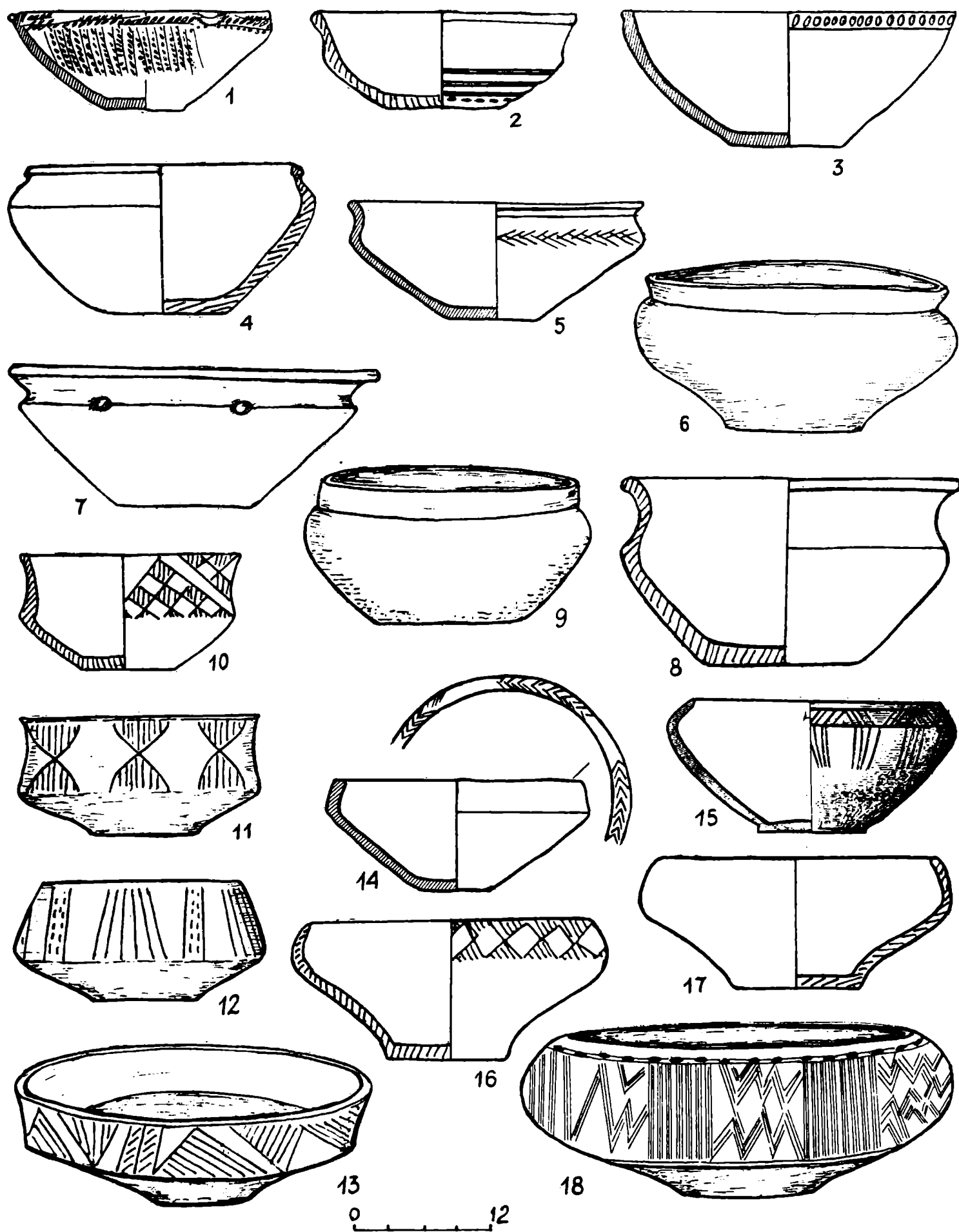

Таблица XXXV. Лощеные сосуды. Отдел 2, группа 2. Миски.

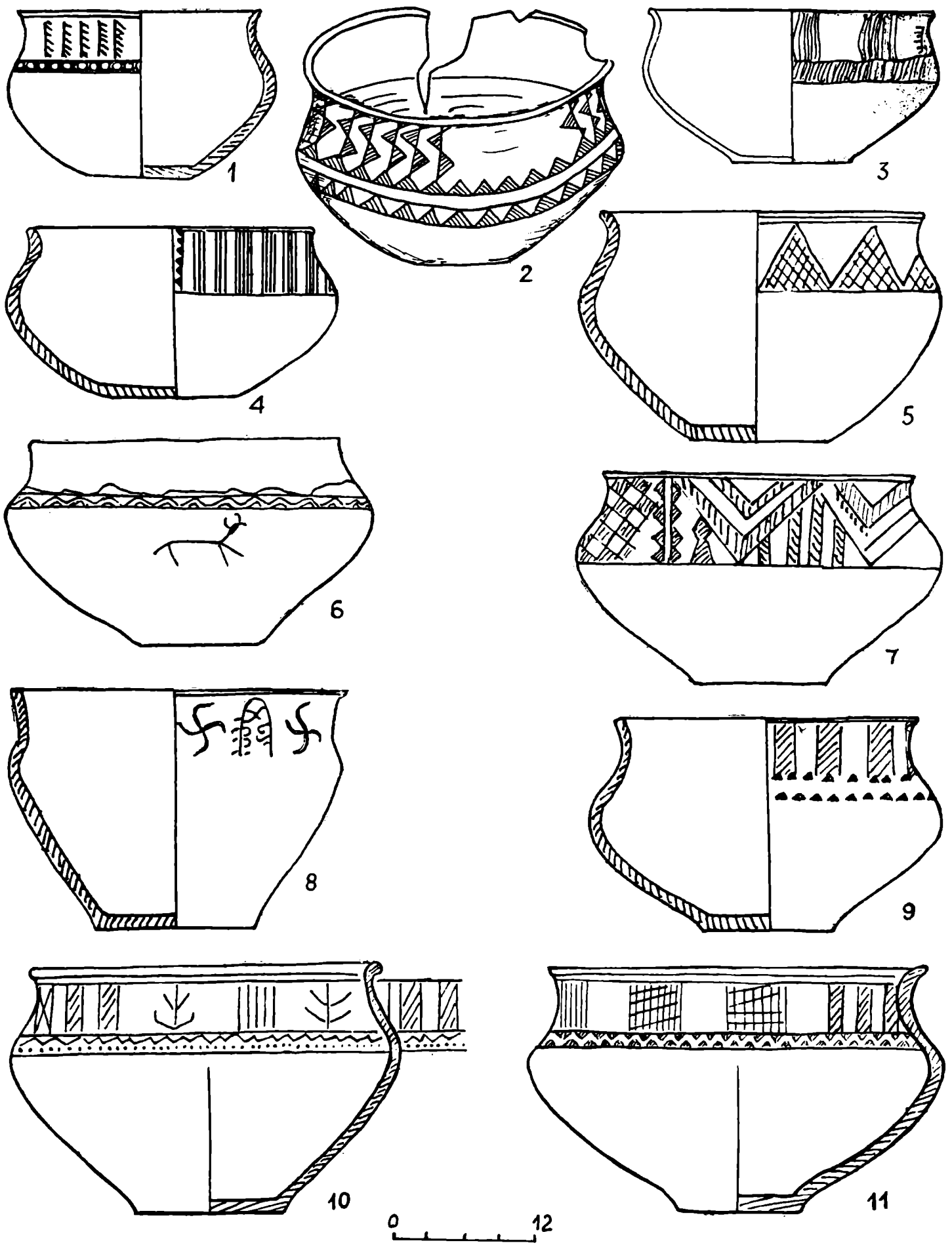

Таблица XXXVI. Лощенные сосуды. Отдел 2, группа 2. Миски.

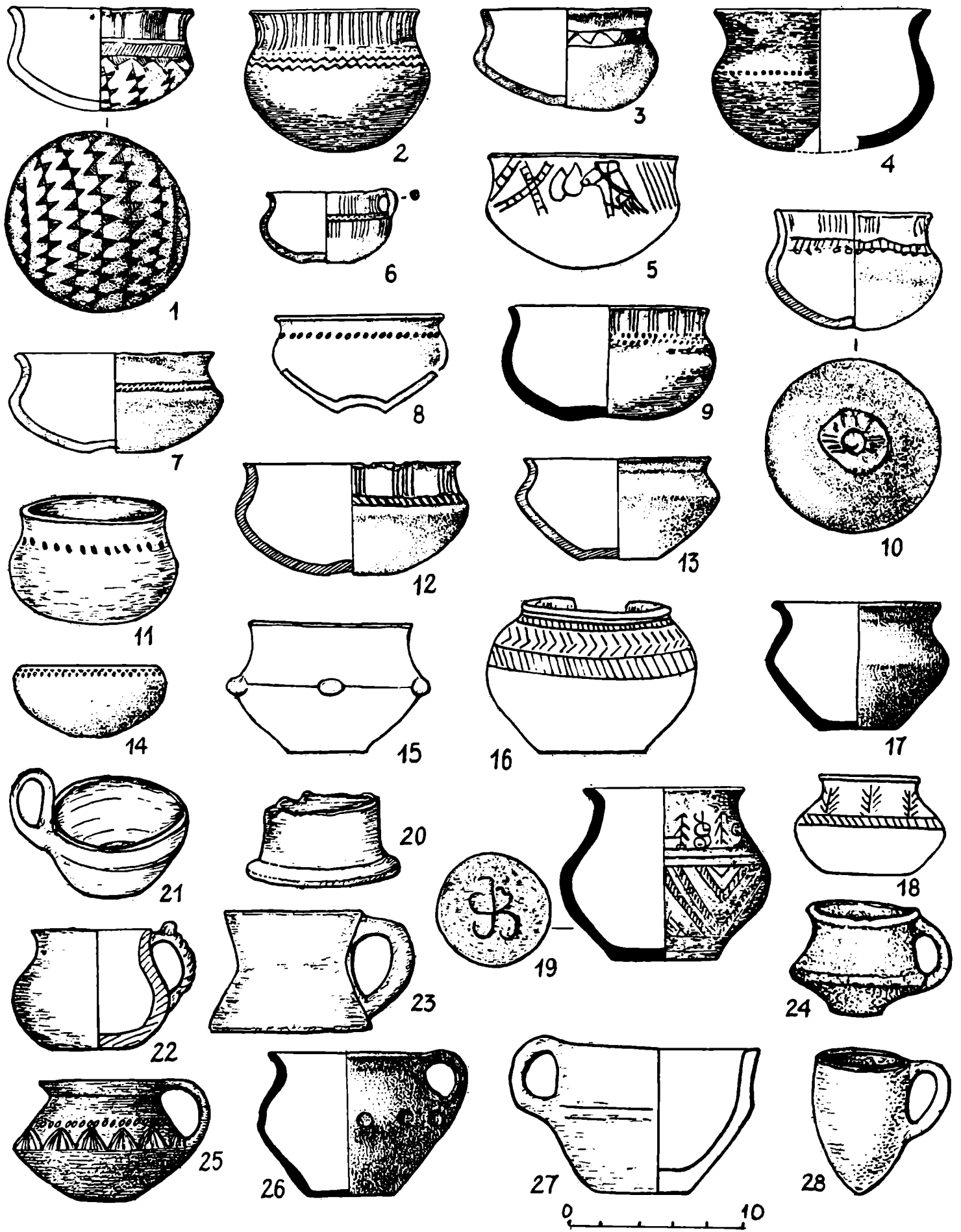

Таблица XXXVII. Лощенные сосуды. Отдел 2, группа 2.

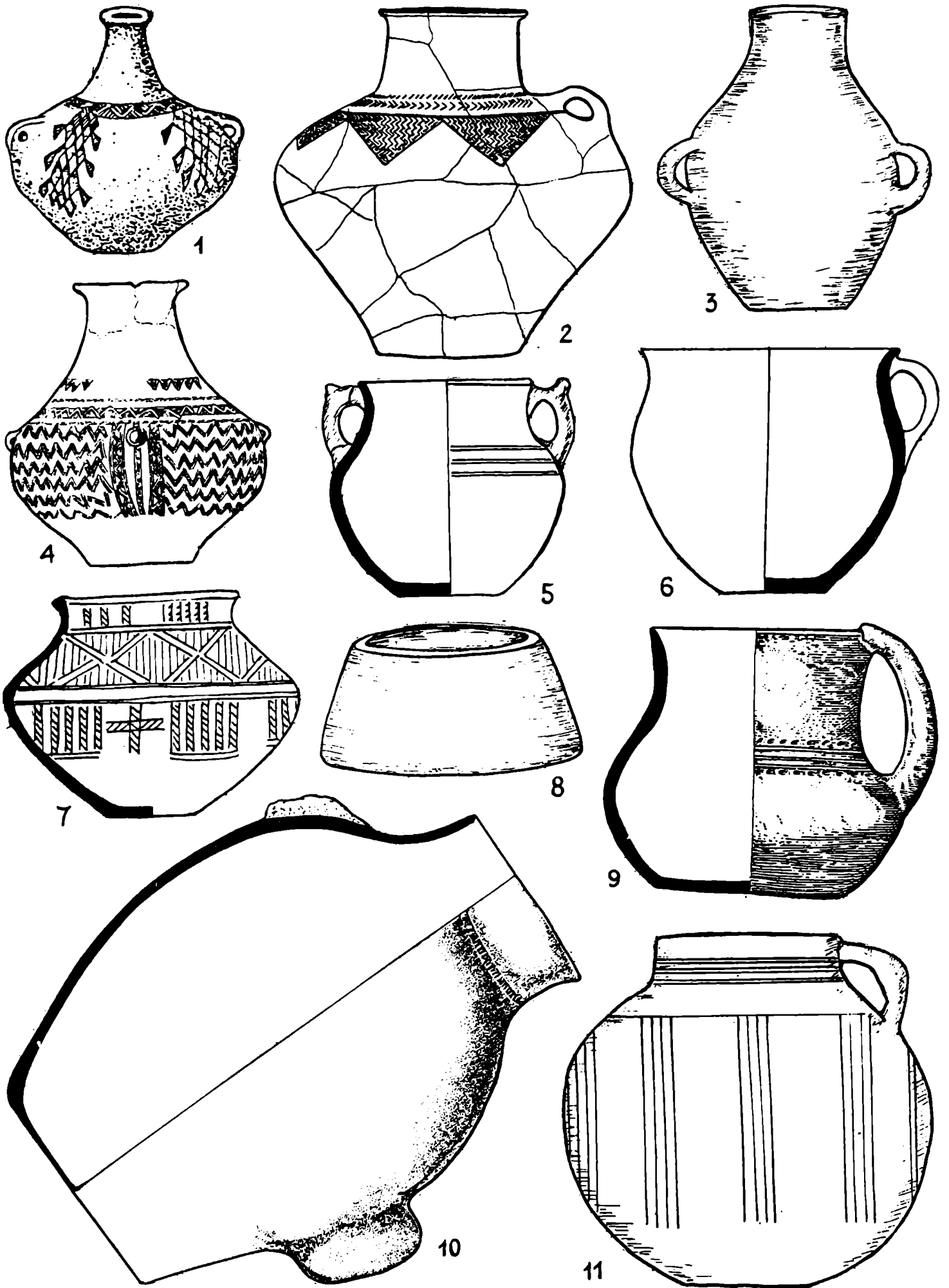

Таблица XXXVIII. Лощенные сосуды. Отделы 2 и 3, группа 2. Сосуды оригинальных форм.

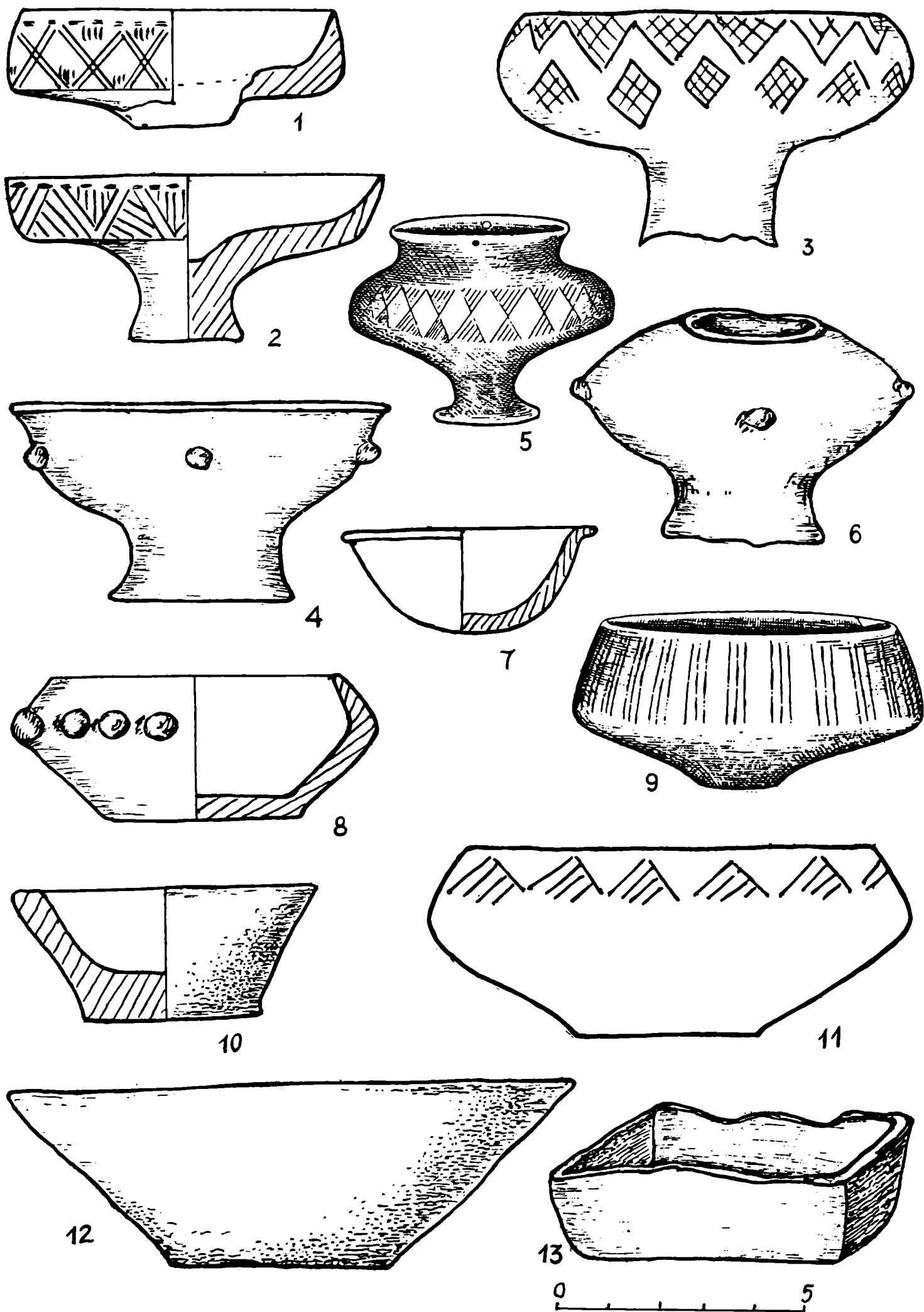

Таблица XXXIX. Лощенные сосуды. Отдел 3, группа 2. Ритуальная посуда.

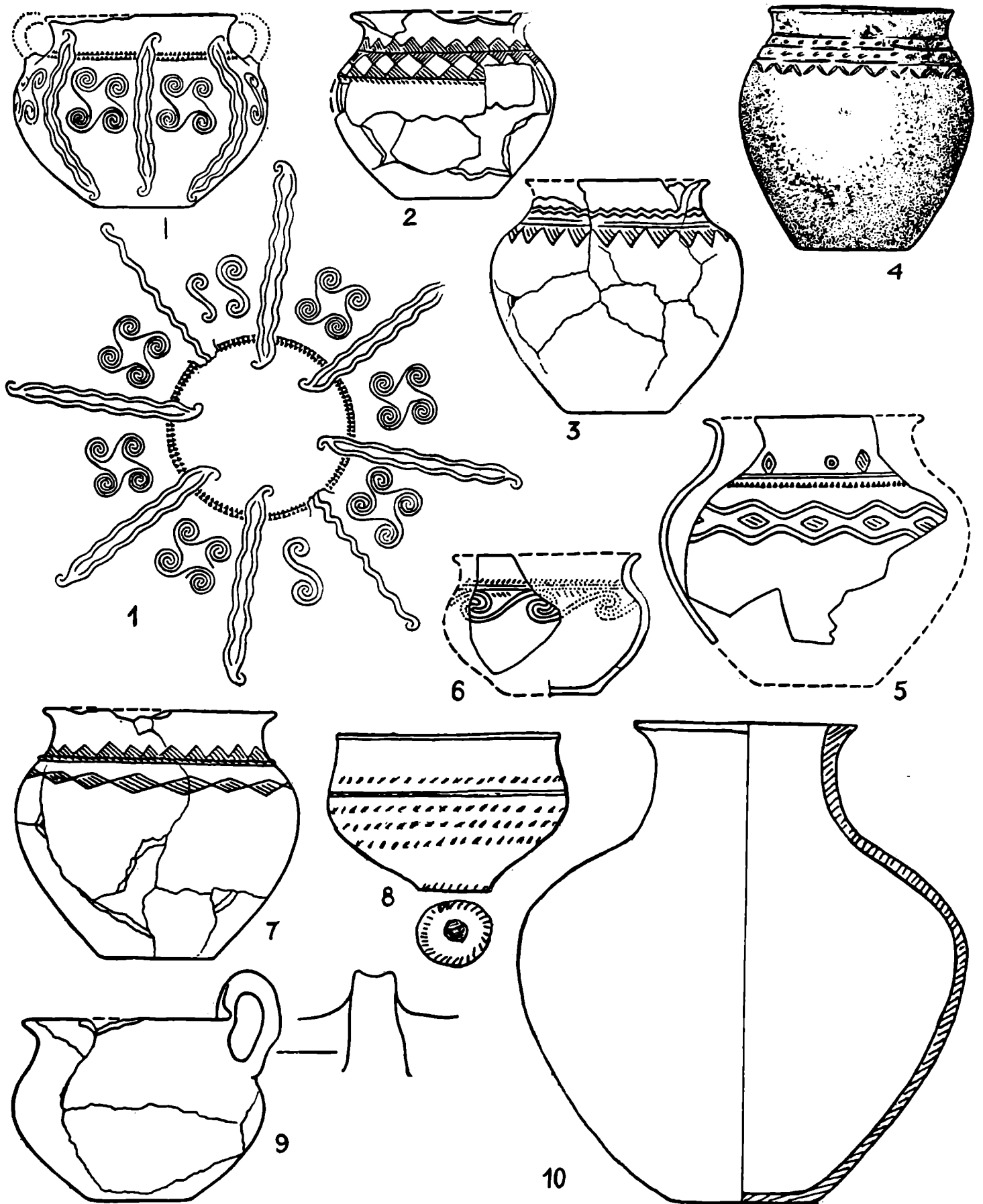

Таблица XL. Сосуды протокобанской группы периода Кобан I6 (I этап западного варианта).

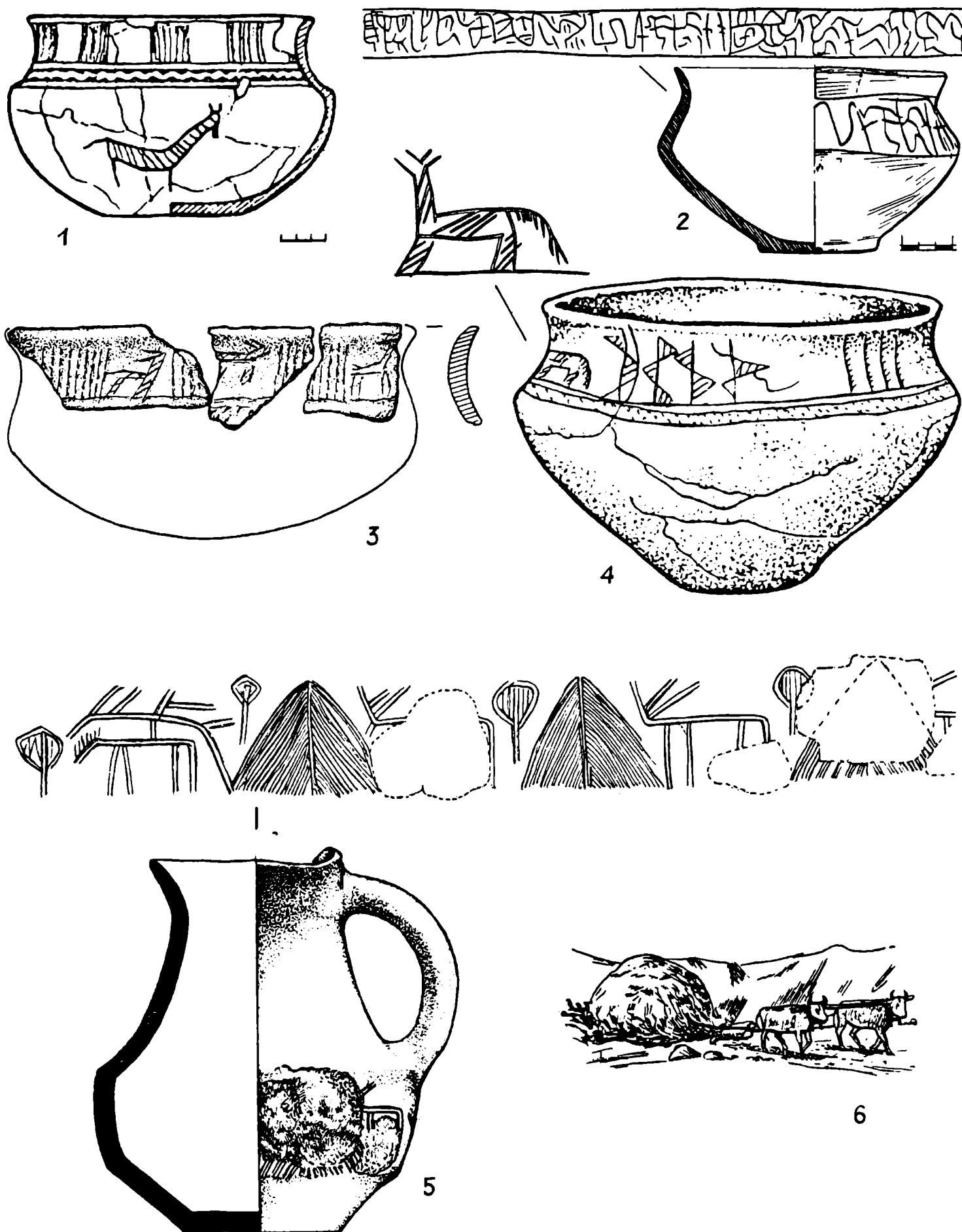

Таблица XLI. Сосуды с мифологическими и сакральными изображениями.

Таблица XLII. Бронзовые сосуды.

V.I.Kozenkova

**Domestic culture of Koban Culture tribes
(tools, ornaments, toilet articles, tableware:
systematization and chronology).
Western variant.**

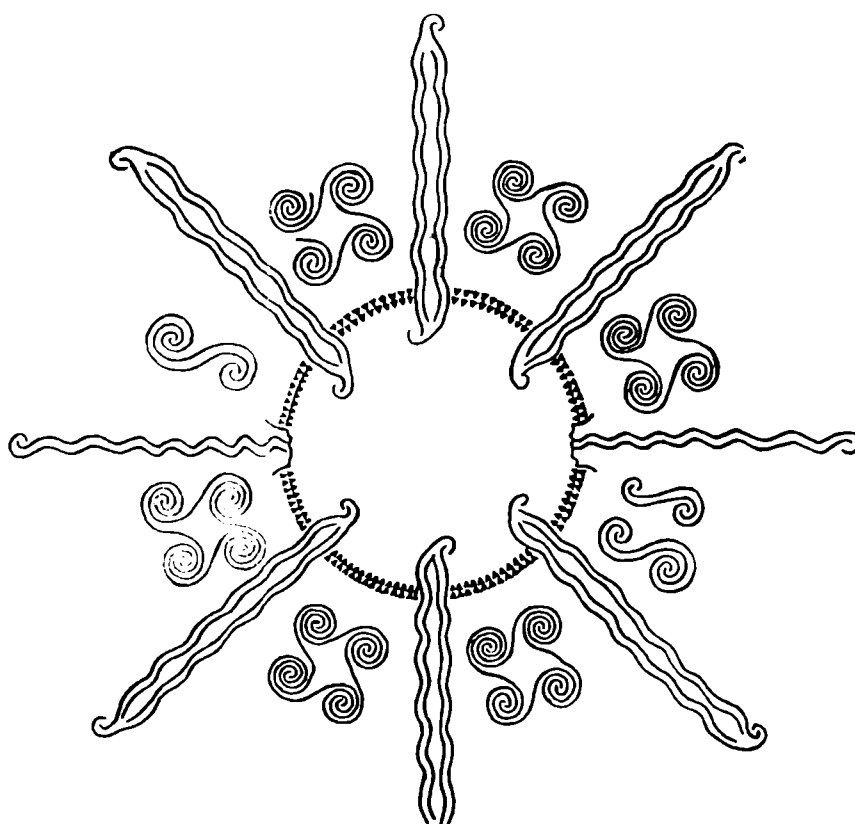
SUMMARY

The fifth volume of the Code of archaeological sources of Russia presents the ultimate work of the series released by the author in 1977, 1982, 1989, 1995 respectively. The series devoted to Koban Culture - the epoch of Late Bronze - Early Iron Age of Northern Caucasus. The presented book is concerned with the analyses of domestic life of ancient local population/ It is the result of the detailed study of the tools, various types of ornaments (excluding beads), toilet and medical treatment articles, clay and metal tableware that have been presented in the Code.

The author has genuinely systematized by her own method thousands of articles of Northern Caucasus that have become known by the end of 1980s and has worked out the basis of their chronology. The earliest domestic articles go back to the end of the VII cent. BC, the latest - to the first half of the IV cent. BC.

Studies of domestic utensils and ornaments make special interest due to the peculiarity and local speciality of material culture of western "Kobanites". At the same time they show indissoluble and unquestionable connection of the culture with the Central and Eastern variants of the whole united kindred area. On the basis of studies of remarkable ancient ornaments (especially complicated compound ornaments) we judge and see the pictures of life of the creative and talented population, who despite severe mode of life in the gorges of Caucasus, with the help of primitive tools only were able to create masterpieces of art and to decorate their hard toiling life.

The analysis of the collected data proves the complicated spiritual life of these people. In formation of the Western variant of Koban Culture controversies the opinion secluded life of ancient tribes. Numerous articles prove the adjusted communication with the nearest neighbours and cultures of distant areas attached to the Black Sea and with Central Europe. Not all the sides of their mode of life got the same elucidation. Especially it concerns material evidences of productive basis, i.e. of organization and operation of local workshops. Information of this topic is still too fragmentary.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Орудия труда.....	7
Украшения	33
Предметы туалета и лечебной практики.....	82
Сосуды	89
Глиняная посуда.....	89
Металлическая посуда	107
Заключение	114
Литература.....	115
Список сокращений	120
Список археологических памятников	121
Приложение 1.....	125
Приложение 2.....	146
Приложение 3.....	149
Описание иллюстративных таблиц.....	151

Научное издание

Валентина Ивановна Козенкова

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА БЫТА КОБАНСКИХ ПЛЕМЕН

Западный вариант

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК–005–93,
том 2; 953000 – книги и брошюры.

Подписано в печать 23.09.98 г. Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 500 экз. Заказ 8131Р. Изд. № 138.

Отпечатано в Отделе научно-технической информации ИФПБ РАН.
142292, г.Пушино Московской обл., пр. Науки, 3.
ОНТИ ИФПБ РАН.